

Зарубежная

фантастика

ТРУДНАЯ
ЗАДАЧА

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

Сборник
научно-фантастических
произведений

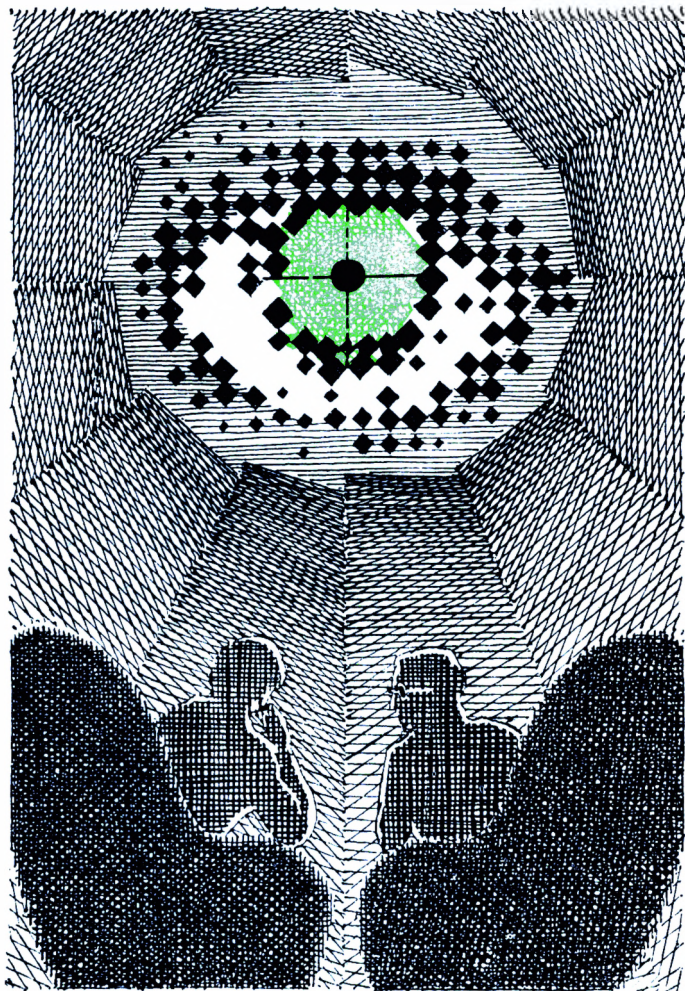
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» МОСКВА.

Зарубежная

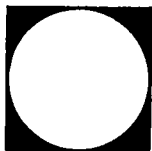

фантастика

Зарубежная

фантастика

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

Сборник
научно-фантастических произведений

Составитель
Ю. А. ДАНИЛОВ

МОСКВА «МИР» 1982

С63
Т65

Трудная задача: Сб. научно-фантаст. произведений/Составитель Ю. А. Данилов.— М.: Мир, 1982.— 000 с. — (Зарубежная фантаст.)

В сборнике представлены научно-фантастические рассказы на математические темы писателей Англии, Италии, США, Франции.

Для любителей научной фантастики.

Т $\frac{4701000000-154}{041(01)-82}$ без объявл.

ББК 84(0)6
С63

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

Артур Порджес

Саймон Флэгг и дьявол

После нескольких месяцев напряженной работы по изучению бесчисленных выцветших манускриптов Саймону Флэггу удалось вызвать дьявола. Жена Саймона, знаток средневековья, оказала ему неоценимую помощь. Сам он, будучи всего лишь математиком, не мог разбирать латинские тексты, особенно осложненные редкими терминами демонологии X века. Замечательное чутье миссис Флэгг пришлось тут как нельзя кстати.

После предварительных стычек Саймон и черт сели за стол для серьезных переговоров. Гость из ада был угрюм, так как Саймон презрительно отверг его самые заманчивые предложения, легко распознав смертельную опасность, скрытую в каждой соблазнительной приманке.

— А что, если теперь вы для разнообразия выслушаете мое предложение? — сказал наконец Саймон. — Оно во всяком случае без подвохов.

Дьявол раздраженно покрутил раздвоенным кончиком хвоста, будто это была обыкновенная цепочка с ключами. Очевидно, он был обижен.

— Ну что ж, — сердито согласился он. — Вреда от этого не будет. Валяйте, мистер Саймон!

— Я задам вам только один вопрос, — начал Саймон, и дьявол повеселел. — Вы должны ответить на него в течение двадцати четырех часов. Если это вам не удастся, вы платите мне сто тысяч долларов. Это скромное требование — вы ведь привыкли к неизмеримо бóльшим масштабам. Никаких миллиардов, никаких Елен троянских на тигровой шкуре. Конечно, если я выиграю, вы не должны мстить.

— Подумаешь! — фыркнул черт. — А какова ваша ставка?

— Если я проиграю, то на короткий срок стану вашим рабом. Но без всяких там мук, гибели души и тому подобного — это было бы многовато за такой пустяк, как сто тысяч долларов. Не желаю я вреда и моим родственникам или друзьям. Впрочем, — подумав, добавил он, — тут могут быть исключения.

Дьявол нахмурился, сердито дергая себя за кончик хвоста. Наконец он дернул так сильно, что даже скривился от боли, и решительно заявил:

— Очень жаль, но я занимаюсь только душами. Рабов у меня и так хватает. Если бы вы знали, сколько бесплатных и чистосердечных услуг оказывают мне люди, вы были бы поражены. Однако вот что я сделаю. Если в заданное время я не смогу ответить на ваш вопрос, вы получите не жалкие сто тысяч долларов, а любую — конечно, не слишком дикую — сумму. Кроме того, я предлагаю вам здоровье и счастье до конца вашей жизни. Если же я отвечу на ваш вопрос — ну что ж, последствия вам известны. Вот все, что я могу вам предложить.

Он взял из воздуха зажженную сигару и задымил. Воцарилось настороженное молчание.

Саймон смотрел перед собой, ничего не видя. Крупные капли пота выступили у него на лбу. Он отлично знал, какие условия может выставить черт. Мускулы его лица напряглись... Нет, он готов прозакладывать душу, что никто — ни человек, ни зверь, ни дьявол — не ответит за сутки на его вопрос.

— Включите в пункт о здоровье и счастье мою жену — и по рукам! — сказал он. — Давайте подпишем.

Черт кивнул. Он вынул изо рта окурок, с отвращением посмотрел на него и тронул когтистым пальцем. Окурок мгновенно превратился в розовую мят-

ную таблетку, которую черт принялся сосать громко и с явным наслаждением.

— Что касается вашего вопроса, — продолжал он, — то на него должен быть ответ, иначе наш договор недействителен. В средние века люди любили загадки. Нередко ко мне приходили с парадоксами. Например: в деревне жил только один цирюльник, который брил всех, кто не брился сам. Кто брил цирюльника? — спрашивали они. Но, как отметил Рассел, словечко «всех» делает такой вопрос бессмысленным, и ответа на него нет.

— Мой вопрос честный и не содержит парадокса, — заверил его Саймон.

— Отлично. Я на него отвечу. Что вы ухмыляетесь?

— Я... ничего, — ответил Саймон, согнав с лица усмешку.

— У вас крепкие нервы, — сказал черт мрачным, но одобрительным тоном, извлекая из воздуха пергамент. — Если бы я предстал перед вами в образе чудовища, сочетающего в себе миловидность ваших горилл с грациозностью монстра, обитающего на Венере, вы едва ли сохранили бы свой апломб, и я уверен...

— В этом нет никакой надобности, — поспешно сказал Саймон.

Он взял протянутый ему договор, убедился, что все в порядке, и открыл перочинный нож.

— Минуточку! — остановил его дьявол. — Дайте я его продезинфицирую. — Он поднес лезвие к губам, слегка подул, и сталь накалилась до вишнево-красного цвета. — Ну вот! Теперь прикоснитесь кончиком ножа... гм... к чернилам, и это все... Прошу вас, вторая строчка снизу, последняя — моя.

Саймон помедлил, задумчиво глядя на раскаленный кончик ножа.

— Подписывайтесь,—поторопил черт, и Саймон, расправив плечи, поставил свое имя.

Поставив и свою подпись с пышным росчерком, дьявол потер руки, окинул Саймона откровенно собственническим взглядом и весело сказал:

— Ну, выкладывайте свой вопрос! Как только я на него отвечу, мы отправимся. Мне надо посетить сегодня еще одного клиента, а времени в обрез.

— Хорошо,—сказал Саймон и глубоко вздохнул.— Мой вопрос такой: верна или не верна великая теорема Ферма?

Дьявол проглотил слюну. В первый раз его самоуверенность поколебалась.

— Великая — чья? Что? — глухим голосом спросил он.

— Великая теорема Ферма. Это математическое положение, которое Ферма, французский математик семнадцатого века, якобы доказал. Однако его доказательство не было записано, и до сего дня никто не знает, верна теорема или нет.— Когда Саймон увидел физиономию черта, у него дрогнули губы.— Ну вот, ступайте и займитесь!

— Математика! — в ужасе воскликнул хвостатый.— Вы думаете, у меня было время изучать такие штуки? Я проходил тривиум и квадравиум*, но что касается алгебры... Скажите,—возмущенно добавил он,—этично ли задавать мне такой вопрос?

Лицо Саймона окаменело, по глаза сияли.

— А вы предпочли бы сбежать за сто двадцать тысяч километров и принести какой-нибудь предмет величиной с гидростанцию Боулдер Дэм,—поддраз-

* Два цикла средневекового образования. Тривиум — грамматика, риторика, диалектика; квадравиум (повышенный курс после тривиума) — арифметика, геометрия, астрономия, теория музыки. — *Прим. ред.*

нил он черта. — Время и пространство для вас легкое дело, правда? Что ж, сожалею, но я предпочитаю свой вопрос. Он очень прост, — успокаивающе добавил Саймон. — Речь идет о положительных целых числах.

— А что такое положительное число? — взволновался черт. — И почему вы хотите, чтобы оно было целым?

— Выразимся точнее, — сказал Саймон, пропустив вопрос дьявола мимо ушей. — Теорема Ферма утверждает, что для любого положительного целого числа n больше двух уравнение $x^n + y^n = z^n$ не имеет решения в положительных целых числах.

— А что это значит?..

— Помните, вы должны дать ответ.

— А кто будет судьей — вы?

— Нет, — ласково ответил Саймон. — Я не считаю себя достаточно компетентным, хотя бился над этой проблемой несколько лет. Если вы явитесь с ответом, мы представим его в солидный математический журнал. Отступить вы не можете — проблема, очевидно, разрешима: теорема либо верна, либо ложна. И пожалуйста, никаких фокусов с многозначной логикой. За двадцать четыре часа найдите ответ и докажите, что он правильный. В конце концов, человек... виноват, дух... с вашим развитием и огромным опытом может за это немного подучить математику.

— Я вспоминаю, как туго мне приходилось с Евклидом, когда я изучал его в Кембридже, — печально заметил дьявол. — Мои доказательства никогда не были верны, а между тем истина лежала на поверхности: достаточно было взглянуть на чертеж. — Он стиснул зубы. — Но я справился. Мне случалось делать и более трудные вещи, дорогой мистер Саймон. Однажды я слетал на отдаленную звезду и принес оттуда литр нейтрония ровно за шестнадцать...

— Знаю,— перебил его Саймон.— Вы мастер на подобные фокусы.

— Какие там фокусы! — сердито пробурчал дьявол.— Были гигантские технические трудности. Но не стоит ворошить прошлое. Я — в библиотеку, а завтра в это время...

— Нет,— жестко перебил его Саймон.— Мы расписались полчаса назад. Возвращайтесь точно через двадцать три с половиной часа. Не буду торопить вас,— иронически добавил он, когда дьявол с тревогой взглянул на часы.— Выпейте рюмку вина и, прежде чем уйти, познакомьтесь с моей женой.

— На работе я никогда не пью, и у меня нет времени знакомиться с вашей женой... во всяком случае, теперь.

Он исчез.

В тот же миг вошла жена Саймона.

— Опять подслушивала у дверей! — мягко упрекнул ее Саймон.

— Конечно,— сдавленным голосом проговорила она.— И я хочу знать, дорогой, действительно ли труден этот вопрос. Потому что, если это не так... Саймон, я просто в ужасе!

— Будь спокойна, вопрос труден,— беспечно ответил Саймон.— Не все это сразу понимают. Видишь ли,— тоном лектора продолжал он,— всякий легко найдет два целых числа, квадраты которых в сумме тоже дают квадрат. Например, $3^2 + 4^2 = 5^2$, то есть просто $9 + 16 = 25$. Ясно?

— Угу!

Она поправила мужу галстук.

— Но никто еще не мог найти два куба, которые при сложении тоже давали бы куб, или более высокие степени, которые приводили бы к аналогичному результату,— по-видимому, их просто нет. И все же,— торжествуя закончил он,— до сих пор не

доказано, что таких чисел не существует! Теперь поняла?

— Конечно.— Жена Саймона всегда понимала самые мудреные математические положения. А если что-то оказывалось выше ее понимания, муж терпеливо объяснял ей все по нескольку раз. Поэтому у миссис Флэгг оставалось мало времени для прочих дел.

— Сварю кофе, — сказала она и ушла.

Четыре часа спустя, когда они сидели и слушали третью симфонию Брамса, дьявол явился вновь.

— Я уже изучил основы алгебры, тригонометрии и планиметрии! — торжествующе объявил он.

— Быстро работаете! — похвалил его Саймон.— Я уверен, что сферическая, аналитическая, проективная, начертательная и неевклидовы геометрии не представят для вас затруднений.

Дьявол поморщился.

— Их так много? — упавшим голосом спросил он.

— О, это далеко не все.— У Саймона был такой вид, словно он сообщил радостную весть.— Неевклидовы вам понравятся, — усмехнулся он.— Для этого вам не надо будет разбираться в чертежах. Чертежи ничего не скажут. И раз вы не в ладах с Евклидом...

Дьявол застонал, поблек, как старая киноплёнка, и исчез. Жена Саймона хихикнула.

— Мой дорогой, — пропела она, — я начинаю думать, что ты возьмешь верх!

— Тсс! Последняя часть! Великолепно!

Еще через шесть часов что-то вспыхнуло, комнату заволокло дымом, и дьявол опять оказался тут как тут. У него появились мешки под глазами. Саймон Флэгг согнал с лица усмешку.

— Я прошел все эти геометрии, — с мрачным удовлетворением произнес черт.— Теперь будет лег-

че. Я, пожалуй, готов заняться вашей маленькой головоломкой.

Саймон покачал головой.

— Вы слишком спешите. По-видимому, вы не заметили таких фундаментальных методов, как анализ бесконечно малых, дифференциальные уравнения и исчисление конечных разностей. Затем есть еще...

— Неужели все это нужно? — вздохнул дьявол.

Он сел и начал тереть кулаками опухшие веки. Бедняга не мог удержать зевоту.

— Не могу сказать наверное, — безразличным голосом ответил Саймон. — Но люди, трудясь над этой «маленькой головоломкой», испробовали все разделы математики, а задача еще не решена. Я предложил бы...

Но черт не был расположен выслушивать советы Саймона. На этот раз он исчез, даже не встав со стула. И сделал это довольно неуклюже.

— Мне кажется, он устал, — заметила миссис Флэгг. — Бедный чертяка!

Впрочем, в ее тоне трудно было уловить сочувствие.

— Я тоже устал, — отозвался Саймон. — Пойдем спать. Я думаю, до завтра он не появится.

— Возможно, — согласилась жена. — Но на всякий случай я надену сорочку с черными кружевами.

Наступило утро следующего дня. Теперь супругам показалась более подходящей музыка Баха. Поэтому они поставили пластинку с Вандой Ландовска.

— Еще десять минут, и, если он не вернется с решением, мы выиграли, — сказал Саймон. — Я отдаю ему должное. Он мог бы окончить курс за один день, притом с отличием, и получить диплом доктора философии. Однако...

Раздалось шипение. Распространяя запах серы, поднялось алое грибообразное облачко. Перед супругами на коврике стоял дьявол и шумно дышал, выбрасывая клубы пара. Плечи его опустились. Глаза были налиты кровью. Когтистая лапа, все еще сжимавшая пачку исписанных листов, заметно дрожала. Вероятно, у него пошаливали нервы.

Молча он швырнул кипу бумаг на пол и принялся яростно топтать их раздвоенными копытами. Наконец, истощив весь заряд энергии, черт успокоился, и горькая усмешка скривила его рот.

— Вы выиграли, Саймон,— прошептал черт, глядя на математика с беззлобным уважением.— Даже я не мог за это короткое время изучить математику настолько, чтобы одолеть такую трудную задачу. Чем больше я в нее углублялся, тем хуже шло дело. Неединственное разложение на множители, идеальные числа — о Ваал!.. Вы знаете,— доверительно сообщил он,— даже лучшие математики других планет — а они ушли далеко от вас — не добились решения. Эх, один молодчик на Сатурне — он немного напоминает гриб на ходулях — в уме решает дифференциальные уравнения в частных производных. Но тут и он спасовал, — дьявол вздохнул. — Будьте здоровы.

Черт исчезал очень медленно. Видно, он таки изрядно устал.

Саймон крепко поцеловал жену. Но она, с недовольной гримаской всматриваясь в лицо мужа, вставшего где-то в облаках, спросила:

— Дорогой, что еще неладно?

— Нет, ничего... Но, понимаешь, я хотел бы ознакомиться с его работой, узнать, насколько близко он подошел к решению. Я бился над этой проблемой не менее...

Он не договорил и изумленно вытаращил глаза:

дьявол вновь очутился в комнате. У него был очень смущенный вид.

— Я здесь забыл... — пробормотал он. — Мне нужно... ах!

Он нагнулся над разбросанными бумагами и начал их бережно собирать и разглаживать. — Эта штука захватывает, — сказал он, избегая взгляда Саймона. — Прямо не оторваться! Если бы только мне удалось доказать одну простенькую лемму! — Увидев, что на лице Саймона вспыхнул жгучий интерес, он потупил взор, как бы прося извинения. — Послушайте, профессор, — проворчал дьявол, — я не сомневаюсь, что и вы потрудились над этим. Пробовали ли вы непрерывные дроби? Ферма, несомненно, пользовался ими, и... Будьте добры, оставьте нас вдвоем.

Последние слова были обращены к миссис Флэгг. Черт сел рядом с Саймоном, подоткнув под себя хвост, и указал на листы, испещренные математическими знаками.

Миссис Флэгг вздохнула. Погруженный в раздумье дьявол вдруг показался ей очень знакомым: он почти не отличался от старого профессора Аткинса, коллеги ее мужа по университету. Стоит двум математикам углубиться в изучение какой-нибудь мучительной и заманчивой задачи, и они...

Она покорно вышла из комнаты с кофейником в руке. Несомненно, предстояла долгая, утомительная конференция. В этом миссис Флэгг была уверена. Ведь недаром она была женой известного математика.

Роберт Хайнлайн

Дом, который построил Тил

Американцев во всем мире считают сумасшедшими. Они обычно признают, что такое утверждение в основном справедливо, и как на источник заразы указывают на Калифорнию. Калифорнийцы упорно заявляют, что их плохая репутация ведет начало исключительно от поведения обитателей округа Лос-Анджелес. А те, если на них наседають, соглашались с обвинением, но спешат пояснить: все дело в Голливуде. Мы тут ни при чем. Мы его не строили. Голливуд просто вырос на чистом месте.

Голливудцы не обижаются. Напротив, такая слава им по душе. Если вам интересно, они повезут вас в Лорел-каньон, где расселились все их буйнопомешанные. Каньонисты — мужчины в трусах и коричневонogie женщины, все время занятые постройкой и перестройкой своих сногшибательных, но неоконченных особняков, — не без презрения смотрят на туповатых граждан, сидящих в обыкновенных квартирах, и лелеют в душе тайную мысль, что они — и только они! — знают, как надо жить.

Улица Лукаут Маунтейн — название ущелья, которое ответвляется от Лорел-каньона.

На Лукаут Маунтейн жил дипломированный архитектор Квинтус Тил.

Архитектура южной Калифорнии разнообразна. Горячие сосиски продают в сооружении, изображающем фигуру щенка, и под таким же названием *. Для продажи мороженого в конических стаканчиках построен гигантский, оштукатуренный под цвет мо-

* Hot dogs — сосиски (англ.).

роженного стакан, а неоновая реклама павильонов, похожих на консервные банки, вызывает с крыш: «Покупайте консервированный перец». Бензин, масло и бесплатные карты дорог вы можете получить под крыльями трехмоторных пассажирских самолетов. В самих же крыльях находятся описанные в проспектах комнаты отдыха. Чтобы вас развлечь, туда каждый час врываются посторонние лица и проверяют, все ли там в порядке. Эти выдумки могут поразить или позабавить туриста, но местные жители, разгуливающие с непокрытой головой под знаменитым полуденным солнцем Калифорнии, принимают подобные странности как нечто вполне естественное.

Квинтус Тил находил усилия своих коллег в области архитектуры робкими, неумелыми и худосочными.

— Что такое дом? — спросил Тил своего друга Гомера Бейли.

— Гм!.. В широком смысле, — осторожно начал Бейли, — я всегда смотрел на дом как на устройство, защищающее от дождя.

— Вздор! Ты, я вижу, не умнее других.

— Я не говорил, что мое определение исчерпывающее.

— Исчерпывающее! Оно даже не дает правильного направления. Если принять эту точку зрения, мы с таким же успехом могли бы сидеть на корточках в пещере. Но я тебя не виню, — великодушно продолжал Тил. — Ты не хуже фанфаронов, подвизающихся у нас в архитектуре. Даже модернисты — что они сделали? Сменили стиль свадебного торта на стиль бензозаправочной станции, убрали позолоту и паляпали хрома, а в душе остались такими же консерваторами, как, скажем, наши судьи. Нейтра,

Шиндлер? Чего эти болваны добились? А Фрэнк Ллойд Райт? Достиг он чего-то такого, что было бы недоступно мне?

— Заказов, — лаконично ответил друг.

— А? Что ты сказал? — Тил на минуту потерял нить своей мысли, но быстро оправился. — Заказов! Верно. А почему? Потому, что я не смотрю на дом как на усовершенствованную пещеру. Я вижу в нем машину для жилья, нечто находящееся в постоянном движении, живое и динамичное, меняющееся в зависимости от настроения жильцов, а не статичный гигантский гроб. Почему мы должны быть скованы застывшими представлениями предков? Любой дурак, понюхавший начертательной геометрии, может спроектировать обыкновенный дом. Разве статистическая геометрия Евклида — единственная геометрия? Разве можем мы полностью игнорировать теорию Пикаро — Вессиио? А как насчет модульных систем? Я не говорю уж о плодотворных идеях стереохимии. Есть или нет в архитектуре место для трансформации, для гомоморфологии, для действенных конструкций?

— Провалиться мне, если я знаю, — ответил Бейли. — Я в этом понимаю не больше, чем в четвертом измерении.

— Что ж? Разве мы должны ограничивать свое творчество... Послушай! — Он осекся и уставился в пространство. — Гомер, мне кажется, ты высказал здравую мысль. В конце концов почему не попробовать? Подумай о бесконечных возможностях сочленений и взаимосвязи в четырех измерениях. Какой дом, какой дом!..

Он стоял не шевелясь, и его бесцветные глаза навыкате задумчиво моргали.

Бейли протянул руку и потряс его за локоть.

— Проснись! Что ты там плетешь про четвертое

измерение? Четвертое измерение — это время. И в него нельзя забивать гвозди.

Тил стряхнул с себя руку Бейли.

— Верно, верно! Четвертое измерение — время. Но я думаю о четвертом пространственном измерении, таком же, как длина, ширина и высота! Для экономии материалов и удобства расположения комнат нельзя придумать ничего лучше. Не говоря уже об экономии площади участка. Ты можешь поставить восьмикомнатный дом на участке, теперь занимаемом домом в одну комнату. Как тессеракт...

— Что это еще за тессеракт?

— Ты что, не учился в школе? Тессеракт — это гиперкуб, прямоугольное тело, имеющее четыре измерения, подобно тому как куб имеет три, а квадрат — два. Сейчас я тебе покажу.— Они сидели в квартире Тила. Он бросился на кухню, возвратился с коробкой зубочисток и высыпал их на стол, небрежно отодвинув в сторону рюмки и почти пустую бутылку джина.— Мне нужен пластилин. У меня было тут немного на прошлой неделе.— Он извлек комок жирной глины из ящика до предела заставленного письменного стола, который красовался в углу столовой.— Ну, вот!

— Что ты собираешься делать?

— Сейчас покажу.— Тил проворно отщипнул несколько кусочков пластилина и скатал их в шарики величиной с горошину. Затем он воткнул зубочистки в четыре шарика и слепил их в квадрат.— Вот видишь: это квадрат.

— Несомненно.

— Изготовим второй такой же квадрат, затем пустим в дело еще четыре зубочистки, и у нас будет куб.— Зубочистки образовали теперь скелет куба, углы которого были укреплены комочками пластилина.— Теперь мы сделаем еще один куб, точно

такой же, как первый. Оба они составят две стороны тессеракта.

Бейли принялся помогать, скатывая шарики для второго куба. Но его отвлекло приятное ощущение податливой глины в руках, и он начал что-то лепить из нее.

— Посмотри,— сказал он и высоко поднял крошечную фигурку.— Цыганочка Роза Ли.

— Она больше похожа на Гаргантюа. Роза может привлечь тебя к ответственности. Ну, теперь смотри внимательнее. Ты разъединяешь три зубчистки там, где они образуют угол, и, вставив между ними угол другого куба, снова слепляешь их пластилином. Затем ты берешь еще восемь зубчисток, соединяешь дно первого куба с дном второго куба наискось, а верхушку первого куба с верхушкой второго точно таким же образом.

Он проделал это очень быстро, пока давал пояснения.

— Что же это собой представляет? — опасливо спросил Бейли.

— Это тессеракт. Его восемь кубов образуют стороны гиперкуба в четырех измерениях.

— А по-моему, это больше похоже на кошачью колыбельку — знаешь игру с веревочкой, надетой на пальцы? Кстати, у тебя только два куба. Где же еще шесть?

— Дополни остальные воображением. Рассмотрите верх первого куба в его соотношении с верхом второго. Это будет куб номер три. Затем — два нижних квадрата, далес — передние грани каждого куба, их задние грани, правые и левые — восемь кубов.

Он указал пальцем на каждый из них.

— Ага, вижу! Но это вовсе не кубы. Это, как их, черт... призмы: они не прямоугольные, у них стенки скошены.

— Ты просто их так видишь: в перспективе. Если ты рисуешь на бумаге куб, разве его боковые стороны не выходят косыми? Это перспектива. Если ты смотришь на четырехмерную фигуру из трехмерного пространства, конечно, она кажется тебе перекошенной. Но, как бы то ни было, все равно это кубы.

— Может, для тебя, дружище, но для меня они все перекошены.

Тил пропустил его возражение мимо ушей.

— Теперь считай, что это каркас восьмикомнатного дома. Нижний этаж занят одним большим помещением. Оно будет отведено для хозяйственных пужд и гаража. Во втором этаже с ним соединены гостиная, столовая, ванная, спальни и так далее. А наверху, с окнами на все четыре стороны, твой кабинет. Ну, как тебе нравится?

— Мне кажется, что ванная у тебя подвешена к потолку гостиной. Вообще эти комнаты перепутаны, как щупальца осьминога.

— Только в перспективе, только в перспективе! Подожди, я сделаю это по-иному, чтобы тебе было понятнее.

На этот раз Тил соорудил из зубочисток один куб, затем второй — из половинок зубочисток и расположил его точно в центре первого, соединив углы малого куба с углами большого опять-таки посредством коротких кусочков зубочисток.

— Вот слушай! Большой куб — это нижний этаж, малый куб внутри — твой кабинет в верхнем этаже. Примыкающие к ним шесть кубов — жилые комнаты. Понятно?

Бейли долго присматривался к новой фигуре, потом покачал головой.

— Я по-прежнему вижу только два куба: большой и маленький внутри его. А остальные шесть

штук в этот раз похожи уже не на призмы, а на пирамиды. Но это вовсе не кубы.

— Конечно, конечно, ты же видишь их в иной перспективе! Неужели тебе не ясно?

— Что ж, может быть. Но вот та комната, что внутри, вся окружена этими... как их... А ты как будто говорил, что у нее окна на все четыре стороны.

— Так оно и есть: это только кажется, будто она окружена. Тессерактовый дом тем и замечателен, что каждая комната ничем не заслонена, хотя каждая стена служит для двух комнат, а восьмикомнатный дом требует фундамента лишь для одной комнаты. Это революция в строительстве.

— Мягко сказано! Ты, милый мой, спятил. Такого дома тебе не построить. Комната, что внутри, там и останется.

Тил поглядел на друга, едва сдерживаясь.

— Из-за таких субъектов, как ты, архитектура не может выйти из пеленок. Сколько квадратных сторон у куба?

— Шесть.

— Сколько из них внутри?

— Да ни одной. Все они снаружи.

— Отлично! Теперь слушай: у тессеракта восемь кубических сторон, и все они снаружи. Следи, пожалуйста, за мной. Я разверну этот тессеракт, как ты мог бы развернуть кубическую картонную коробку, и он станет плоским. Тогда ты сможешь увидеть сразу все восемь кубов.

Работая с большой быстротой, он изготовил четыре куба и нагромодил их один на другой в виде малоустойчивой башни. Затем слепил еще четыре куба и соединил их с внешними плоскостями второго снизу куба. Постройка немного закачалась, так как комочки глины слабо скрепляли ее, но устояла. Восемь

кубов образовали перевернутый крест, точнее — двойной крест, так как четыре куба выступали в четырех направлениях.

— Теперь ты видишь? В основании — комната первого этажа, следующие шесть кубов — жилые комнаты, и на самом верху — твой кабинет.

Эту фигуру Бейли рассматривал более снисходительно.

— Это я по крайней мере понимаю. Ты говоришь, это тоже тессеракт?

— Это тессеракт, развернутый в три измерения. Чтобы снова свернуть его, воткни верхний куб в нижний, сложи вот эти боковые кубы так, чтобы они сошлись с верхним, и готово дело! Складывать их ты, конечно, должен через четвертое измерение. Не деформируй ни одного куба и не складывай их один в другой.

Бейли продолжал изучать шаткий каркас.

— Послушай,— сказал он наконец,— почему бы тебе не отказаться от складывания этого курятника через четвертое измерение — все равно тебе этого не сделать! — и не построить взамен дом такого вида?

— Что ты болтаешь? Чего мне не сделать? Это простая математическая задача...

— Легче, легче, братец! Пусть я невежда в математике, но я знаю, что строители твоих планов не одобряют. Никакого четвертого измерения нет. Забудь о нем! Так распланированный дом может иметь свои преимущества.

Остановленный на всем скаку Тил стал разглядывать модель.

— Гм... Может быть, ты в чем-то и прав! Мы могли бы получить столько же комнат и сэкономить столько же на площади участка. Кроме того, мы могли бы ориентировать средний крестообразный этаж на северо-восток, юго-восток и так далее. Тог-

да все комнаты получают свою долю солнечного света. Вертикальная ось очень удобна для прокладки системы центрального отопления. Пусть столовая у нас выходит на северо-восток, а кухня — на юго-восток. Во всех комнатах будут большие панорамные окна. Прекрасно, Гомер, я берусь! Где ты хочешь строиться?

— Минутку, минутку! Я не говорил, что строить для меня будешь ты...

— Конечно, я! А кто же еще? Твоя жена хочет новый дом. Этим все сказано.

— Но миссис Бейли хочет дом в английском стиле восемнадцатого века.

— Взбретет же такое в голову! Женщины никогда не знают, чего хотят.

— Миссис Бейли знает.

— Какой-то допотопный архитекуришка внушил ей эту глупость. Она ездит в машине последнего выпуска, ведь так? Одевается по последней моде. Зачем же ей жить в доме восемнадцатого века? Мой дом будет даже не последнего, а завтрашнего выпуска — это дом будущего. О нем заговорит весь город.

— Ладно. Я потолкую с женой.

— Ничего подобного! Мы устроим ей сюрприз... Налей-ка еще стаканчик!

— Во всяком случае сейчас рано еще приступать к делу. Мы с женой завтра уезжаем в Бейкерсфилд. Наша фирма должна вводить в действие новые скважины.

— Вздор! Все складывается как нельзя лучше. Когда твоя жена вернется, ее будет ждать сюрприз. Выпиши мне сейчас же чек и больше ни о чем не заботься.

— Не следовало бы мне принимать решение, не посоветовавшись с женой. Ей это не понравится.

— Послушай, кто в вашей семье мужчина?

Когда во второй бутылке осталось около половины, чек был подписан.

В южной Калифорнии дела делаются быстро. Обыкновенные дома чаще всего строят за месяц. Под нетерпеливые понукания Тила тессерактовый дом что ни день головокружительно рос к небу, и его крестообразный второй этаж выпирал во все четыре стороны света. У Тила вначале были неприятности с инспекторами по поводу этих четырех выступающих комнат, но, пустив в дело прочные балки и гибкие банкноты, он убедил кого следовало в добротности сооружения.

На утро после возвращения супругов Бейли в город Тил, как было условлено, подъехал к их резиденции. Он симпровизировал бравурную мелодию на своем двухголосом рожке. Голова Бейли высунулась из-за двери.

— Почему ты не зовишь?

— Слишком долгая канитель,— весело ответил Тил.— Я человек действия. Миссис Бейли готова?.. А, вот и миссис Бейли! С приездом, с приездом! Прошу в машину! У нас сюрприз для вас!

— Ты знаешь Тила, моя дорогая! — неуверенно вставил Бейли.

Миссис Бейли фыркнула.

— Слишком хорошо знаю! Поедем в нашей машине, Гомер.

— Пожалуйста, дорогая.

— Отличная мысль,— согласился Тил.— Ваша машина более мощная. Мы доедем скорее. Править буду я: я знаю дорогу.— Он взял у Бейли ключ, взобрался на сиденье водителя и запустил двигатель, прежде чем миссис Бейли успела мобилизовать свои силы.— Не беспокойтесь, править я умею! — заверил он миссис Бейли, поворачиваясь к пей и одновременно включая первую скорость. Свернув на бульвар

Заката, он продолжал: — Энергия и власть над нею, динамический процесс — это ведь как раз моя стихия. У меня еще ни разу не было серьезной аварии.

— Первая будет и последней, — ядовито заметила миссис Бейли. — Прошу вас, смотрите вперед и следите за уличным движением.

Он попытался объяснить ей, что безопасность езды зависит не от зрения, а от интуитивной интеграции путей, скоростей и вероятностей, но Бейли остановил его:

— Где же дом, Квинтус?

— Дом? — подозрительно переспросила миссис Бейли. — О каком доме идет речь, Гомер? Ты что-то затеял, не сказав мне?

Тут Тил выступил в роли тонкого дипломата.

— Это действительно дом, миссис Бейли, и какой дом! Сюрприз вам от преданного мужа. Да. Сами увидите!

— Увижу, — мрачно подтвердила миссис Бейли. — В каком он стиле?

— Этот дом утверждает новый стиль. Он новее телевидения, новее завтрашнего дня. Его надо видеть, чтобы оценить. Кстати, — быстро продолжал Тил, предупреждая возражения, — вы почувствовали этой ночью толчки?

— Толчки? Какие толчки? Гомер, разве было землетрясение?

— Очень слабое, — тараторил Тил, — около двух часов ночи. Если бы я спал, то ничего бы не заметил.

Миссис Бейли содрогнулась.

— Ах эта злосчастная Калифорния! Ты слышишь, Гомер? Мы могли погибнуть в кроватях и даже не заметить этого. Зачем я поддавалась твоим уговорам и уехала из Айовы?

— Что ты, дорогая! — уныло запротестовал су-

пруг.— Ведь это ты хотела переехать в Калифорнию. Тебе не нравилось в Де-Мойне.

— Пожалуйста, не спорь! — решительно заявила миссис Бейли.— Ты мужчина, ты должен предвидеть такие вещи. Подумать только: землетрясение!

— Как раз этого, миссис Бейли, вам не надо бояться в новом доме,— вмешался Тил.— Сейсмически он абсолютно устойчив. Каждая его часть находится в точном динамическом равновесии с любой из остальных.

— Надеюсь! А где ж этот дом?

— Сразу за поворотом. Вот уже виден плакат.

Он показал на дорожный знак в виде большущей стрелы, какими любят пользоваться спекулянты земельными участками. Буквы, слишком крупные и яркие даже для южной Калифорнии, складывались в слова:

ДОМ БУДУЩЕГО

Колоссально — Изумительно — Революция
в зодчестве.

Посмотрите, как будут жить ваши внуки!

Архитектор К. ТИЛ

— Конечно, это будет убрано, как только вы вступите во владение,— поспешно сказал Тил, заметив гримасу на лице миссис Бейли.

Он обогнул угол и под визг тормозов остановил машину перед Домом Будущего.

— Ну, вот!

Тил впился взглядом в супругов, ожидая, какова будет их реакция.

Бейли недоверчиво таращил глаза, миссис Бейли смотрела с явным неодобрением.

Перед ними был обыкновенный кубический мас-

сив с дверями и окнами, но без каких-либо иных архитектурных деталей, если не считать украшением множество непонятных математических знаков.

— Слушай, — медленно пропел Бейли, — что ты тут нагородил?

Архитектор перевел взгляд на дом. Исчезла сумасшедшая башня с выступающими комнатами второго этажа. Ни следа не осталось от семи комнат над нижним этажом. Не осталось ничего, кроме единственной комнаты, опирающейся на фундамент.

— Мама родная! — завопил Тил. — Меня ограбили!

Он бросился к дому и обежал его кругом.

Но это не помогло. И спереди и сзади у сооружения был тот же вид. Семь комнат исчезли, словно их и не было.

Бейли подошел и взял Тила за рукав.

— Объясни! О каком ограблении ты говоришь? С чего это тебе пришло в голову построить этот ящик? Ведь мы договорились совсем о другом!

— Но я тут ни при чем! Я построил в точности то, что мы с тобой наметили: восьмикомнатный дом в виде развернутого тессеракта. Это саботаж! Происки завистников! Другие архитекторы города не хотели, чтобы я довел дело до конца. Они знали, что после этого вылетят в трубу.

— Когда ты был здесь в последний раз?

— Вчера во второй половине дня.

— И все было в порядке?

— Да. Садовники заканчивали работу.

Бейли огляделся. Кругом — безукоризненный, вылизанный ландшафт.

— Я не представляю себе, как стены и прочие части семи комнат можно было разобрать и увезти отсюда за одну ночь, не разрушив сада.

Тил тоже огляделся.

— Да, непохоже. Ничего не понимаю!

К ним подошла миссис Бейли.

— Ну что? Долго я буду сама себя занимать? Раз мы здесь, давайте все осмотрим. Но предупреждаю тебя, Гомер, мне этот дом не нравится.

— Что же, осмотрим,— согласился Тил. Он достал из кармана ключ и отпер входную дверь.— Может быть, мы обнаружим какие-нибудь улики.

Вестибюль оказался в полном порядке, скользящие перегородки, отделявшие его от гаража, были отодвинуты, что давало возможность обозреть все помещение.

— Здесь, кажется, все благополучно,— заметил Бейли.— Давайте поднимемся на крышу и попробуем сообразить, что произошло. Где лестница? Ее тоже украли?

— Нет, нет! — отверг это предположение Тил. — Смотрите.

Он нажал кнопку под выключателем. В потолке откинулась панель, и вниз бесшумно спустилась легкая, изящная лестница. Ее несущие части были из матового серебристого дюралюминия, ступеньки — из прозрачных пластиков.

Тил вертелся, как мальчишка, успешно показавший карточный фокус. Миссис Бейли заметно оттаяла.

Лестница была очень красивая.

— Неплохо! — одобрил Бейли.— А все-таки эта лестница как будто никуда не ведет.

— Ах, ты об этом...— Тил проследил за его взглядом.— Когда вы поднимаетесь на верхние ступеньки, откидывается еще одна панель. Открытые лестничные колодцы — анахронизм. Пойдем!

Как он и предсказал, во время их подъема крышка лестницы открылась, они вошли, но не на крышу единственно уцелевшей комнаты, как они ожидали,

нет, они теперь стояли в центральной из пяти комнат, составляющих второй этаж задуманного Тилом дома, — в холле.

Впервые за все время у Тила не нашлось что сказать. Бейли тоже молчал и только жевал сигару. Все было в полном порядке. Перед ними сквозь открытую дверь и полупрозрачную перегородку виднелась кухня, мечта повара, доведенное до совершенства произведение инженерного искусства. Монель-металл, большой кухонный стол, скрытое освещение, целесообразная расстановка всевозможных приспособлений. Налево гостей ожидала немного чопорная, но уютная и приветливая столовая. Мебель была расставлена, как по шнуру.

Тил, даже не повернув головы, уже знал, что гостиная и бар тоже заявят о своем вполне материальном, хотя и невозможном существовании.

— Да, нужно признать, что это чудесно, — одобрила миссис Бейли. — Для кухни я прямо не нахожу слов. А ведь по наружному виду дома я ни за что не догадалась бы, что наверху окажется столько места. Конечно, придется внести кое-какие изменения. Например, вот этот секретер. Что если мы переставим его сюда, а диванчик туда...

— Помолчи, Матильда, — бесцеремонно прервал ее Бейли. — Как ты это объяснишь, Тил?

— Ну, знаешь, Гомер! Как можно... — не унималась миссис Бейли.

— Я сказал — помолчи! Ну, Тил?

Архитектор переминался с ноги на ногу.

— Боюсь что-либо сказать. Давайте поднимемся выше.

— Как?

— А вот так.

Он нажал еще одну кнопку. Копия, только в более темных тонах, того волшебного мостика, что по-

мог им подняться из партера, открыва доступ к следующему этажу. Они взошли и по этой лестнице — миссис Бейли замыкала шествие, без усталости что-то доказывая, — и оказались в главной спальне, предназначенной для хозяев дома. Здесь шторы были опущены, как и внизу, но мягкое освещение включилось автоматически. Тил снова нажал кнопку, управлявшую движением еще одной выдвижной лестницы, и они быстро поднялись в кабинет, помещавшийся в верхнем этаже.

— Послушай, Тил, — предложил Бейли, когда немного пришел в себя, — нельзя ли нам подняться на крышу над этой комнатой? Оттуда мы могли бы полюбоваться окрестностями.

— Конечно. Там устроена площадка для обзора.

Они поднялись по четвертой лестнице, но, когда находившаяся сверху крышка повернулась, чтобы пустить их наверх, они очутились не на крыше, а в комнате нижнего этажа, через которую вначале вошли в дом.

Лицо мистера Бейли приняло серый оттенок.

— Силы небесные! — воскликнул он. — Здесь колдуют духи. Прочь отсюда!

Схватив в охапку жену, он распахнул входную дверь и нырнул в нее.

Тил был слишком погружен в свои мысли, чтобы обратить внимание на их уход. Все это должно было иметь какое-то объяснение, и Тил заранее не верил в него. Но тут ему пришлось отвлечься от своих размышлений, так как где-то наверху раздались хриплые крики. Он спустил лестницу и взбежал наверх. В холле он обнаружил Бейли, склонившегося над миссис Бейли, которая упала в обморок. Тил не растерялся, подошел к встроенному шкафчику с напит-

ками в баре, налил небольшую рюмку коньяку и подал ее Бейли.

— Дай ей выпить. Она сразу придет в себя.

Бейли выпил коньяк.

— Я налил для миссис Бейли.

— Не придирайся,— огрызнулся Бейли.— Дай ей другую рюмку.

Тил из осторожности сначала выпил сам и лишь после этого вернулся с порцией, отмеренной для жены его клиента. Она как раз в эту минуту открыла глаза.

— Выпейте, миссис Бейли,— успокаивающе сказал он.— Вы почувствуете себя лучше.

— Я никогда не пью спиртного,— запротестовала она и разом осушила рюмку.

— Теперь скажите мне, что случилось,— попросил Тил.— Я думал, что вы с мужем ушли.

— Мы и ушли: вышли из двери и очутились в передней, на втором этаже.

— Что за вздор! Гм... подождите минутку!

Тил вышел в бар. Он увидел, что большое окно в конце комнаты открыто, и осторожно выглянул из него. Глазам его открылся не калифорнийский ландшафт, а комната нижнего этажа — или точнее ее повторение. Тил ничего не сказал, а возвратился к лестнице и заглянул вниз, в пролет. Вестибюль все еще был на месте. Итак, он умудрился быть одновременно в двух разных местах, на двух разных уровнях.

Тил вернулся в холл, сел напротив Бейли в глубокое низкое кресло и, подтянув вверх костлявые колени, пытливо посмотрел на приятеля.

— Гомер,— сказал он,— ты знаешь, что произошло?

— Нет, не знаю. Но, если я не узнаю в самое короткое время, тебе несдобровать!

— Гомер, это подтверждает мою теорию: дом — настоящий тессеракт.

— О чем он болтает, Гомер?

— Подожди, Матильда!.. Но ведь это смешно, Тил. Ты придумал какое-то озорство и до смерти напугал миссис Бейли. Я тоже разнервничался и хочу одного — выбраться отсюда, чтобы не видеть больше твоих проваливающихся крышек и других глупостей.

— Говори за себя, Гомер, — вмешалась миссис Бейли. — Я несколько не испугалась. Просто на минуту в глазах потемнело. Теперь уже все прошло. Это — сердце. В моей семье у всех сложение деликатное и нервы чувствительные. Так что же с этим тессе... или как там его? Объясните, мистер Тил. Ну же!

Несмотря на то что супруги непрестанно перебивали его, он кое-как изложил теорию, которой следовал, когда строил дом.

— Я думаю, дело вот в чем, миссис Бейли, — продолжал он. — Дом, совершенно устойчивый в трех измерениях, оказался неустойчивым в четвертом. Я построил дом в виде развернутого тессеракта. Но случилось что-то — толчок или боковое давление, — и он сложился в свою нормальную форму, да, сложился. — Внезапно Тил щелкнул пальцами. — Понял! Землетрясение!

— Земле-трясе-ние?

— Да, да! Тот слабый толчок, который был ночью. С точки зрения четвертого измерения этот дом можно уподобить плоскости, поставленной на ребро. Маленький толчок, и он падает, складываясь по своим естественным сочленениям в устойчивую трехмерную фигуру.

— Помнится, ты хвастал, как надежен этот дом.

— Он и надежен — в трех измерениях.

— Я не считаю надежным дом, который рушится от самого слабого подвального толчка.

— Но погляди же вокруг! — возмутился Тил. — Ничто не сдвинулось с места, все стекло цело. Вращение через четвертое измерение не может повредить трехмерной фигуре, как ты не можешь стряхнуть буквы с печатной страницы. Если бы ты прошлую ночь спал здесь, ты бы не проснулся.

— Вот этого я и боюсь. Кстати, предусмотрел ли твой великий гений, как нам выбраться из этой дурацкой ловушки?

— А? Да, да! Ты и миссис Бейли хотели выйти и очутились здесь? Но я уверен, что это несерьезно. Раз мы вошли, значит, сможем и выйти. Я попробую...

Архитектор вскочил и побежал вниз, даже не договорив. Он распахнул входную дверь, шагнул в нее, и вот он уже смотрит на своих спутников с другого конца холла.

— Тут и вправду какое-то небольшое осложнение, — признал он. — Чисто технический вопрос. Между прочим, мы всегда можем выйти через стеклянные двери.

Он отдернул в сторону длинные гардины, скрывавшие стеклянные двери в стене бара. И замер на месте.

— Гм! — произнес он. — Интересно! Оч-чень интересно!

— В чем дело? — поинтересовался Бейли, подходя к нему.

— А вот...

Дверь открывалась прямо в столовую, а вовсе не наружу.

Бейли попятился в дальний угол, где бар и столовая примыкали к холлу перпендикулярно друг другу.

— Но этого же не может быть,— прошептал он.— От этой двери до столовой шагов пятнадцать.

— Не в тессеракте,— поправил его Тил.— Смотри!

Он открыл стеклянную дверь и шагнул в нее, глядя через плечо и продолжая что-то говорить.

С точки зрения супругов Бейли, он просто ушел.

Но это только с точки зрения супругов Бейли. У самого Тила захватило дух, когда он прямо-таки врос в розовый куст под окнами. Осторожно выбравшись из него, он решил, что впредь при разбивке сада будет избегать растений с шипами.

Он стоял снаружи. Рядом с ним высился тяжело-весный массив дома. Очевидно, Тил упал с крыши.

Тил забежал за угол, распахнул входную дверь и бросился по лестнице наверх.

— Гомер! — кричал он.— Миссис Бейли! Я нашел выход.

Увидев его, Бейли скорее рассердился, чем обрадовался.

— Что с тобой случилось?

— Я выпал. Я был снаружи дома. Вы можете проделать это так же легко: просто пройдите в эту стеклянную дверь. Но там растет розовый куст — остерегайтесь его. Может быть, придется построить еще одну лестницу.

— А как ты потом попал в дом?

— Через входную дверь.

— Тогда мы через нее и выйдем. Идем, дорогая! Бейли решительно напялил шляпу и спустился по лестнице, ведя под руку жену.

Тил встретил их... в баре.

— Я мог бы предсказать, что у вас так ничего не получится! — объявил он.— А сделать надо вот что: насколько я понимаю, в четырехмерной фигуре

трехмерный человек имеет на выбор две возможности, как только он пересечет какую-либо линию раздела, например стену или порог. Обычно он поворачивает под прямым углом через четвертое измерение, но сам при своей трехмерной сущности этого не чувствует. Вот, посмотрите! — он шагнул в ту дверь, через которую немного раньше выпал. Шагнул и очутился в столовой, где продолжал свои объяснения:

— Я следил за тем, куда я иду, и попал, куда хотел. — Он перешел обратно в холл. — В прошлый раз я не следил, двигался в трехмерном пространстве и выпал из дома. Очевидно, это вопрос подсознательной ориентации.

— Когда я выхожу за утренней газетой, я не хочу зависеть от подсознательной ориентации, — заметил Бейли.

— Тебе и не придется. Это станет автоматической привычкой. Теперь, как выйти из дома? Я попрошу вас, миссис Бейли, стать спиной к стеклянной двери. Если вы теперь прыгнете назад, я вполне уверен, что вы очутитесь в саду.

Лицо миссис Бейли красноречиво отразило ее мнение о Тиле и его предложении.

— Гомер Бейли, — пронзительным голосом позвала она, — ты, кажется, собираешься стоять здесь и слушать, как мне предлагают...

— Что вы, миссис Бейли, — попытался успокоить ее Тил, — мы можем обвязать вас веревкой и спустить самым...

— Выкинь это из головы, Тил, — оборвал его Бейли. — Надо найти другой способ. Ни миссис Бейли, ни я не можем прыгать.

Тил растерялся. Возникла недолгая пауза.

Бейли прервал ее:

— Тил, ты слышишь?

— Что слышу?

— Чьи-то голоса. Не думаешь ли ты, что в доме есть еще кто-то и что он морочит нам головы?

— Едва ли: единственный ключ у меня.

— Но это так, — подтвердила миссис Бейли. — Я слышу голоса с тех пор, как мы пришли сюда. Гомер, я больше не выдержу, сделай что-нибудь!

— Спокойнее, спокойнее, миссис Бейли! — пытался уговорить ее Тил. — Не волнуйтесь. В доме никого не может быть, но я все осматрю, чтобы у вас не оставалось сомнений. Гомер, побудь здесь с миссис Бейли и последи за комнатами этого этажа.

Он вышел из бара в вестибюль, а оттуда в кухню и спальню. Это прямым путем привело его обратно в бар. Другими словами, идя все время прямо, он возвратился к месту, откуда начал обход.

— Никого нет, — доложил он. — По пути я открывал все окна и двери, кроме этой. — Он подошел к стеклянной двери, расположенной напротив той, через которую недавно выпал, и отдернул гардины.

Он увидел четыре пустые комнаты, но в пятой спиной к нему стоял человек. Тил распахнул дверь и кинулся в нее, вопя:

— Ага, попался! Стой, ворюга!

Неизвестный, без сомнения, услышал его. Он мгновенно обратился в бегство. Приведя в дружное взаимодействие свои длиннющие конечности, Тил гнался за ним через гостиную, кухню, столовую, бар, из комнаты в комнату, но, несмотря на отчаянные усилия, ему все не удавалось сократить расстояние между собой и незнакомцем. Затем преследуемый проскочил через стеклянную дверь, уронив головной убор. Добежав до этого места, Тил нагнулся и поднял шляпу, радуясь случаю остановиться и перевести дух. Он опять находился в баре.

— Негодяй, кажется, удрал, — признался Тил. — Во всяком случае, у меня его шляпа. Может быть, по ней мы и опознаем этого человека.

Бейли взял шляпу, взглянул на нее, потом фыркнул и нахлобучил ее на голову Тила. Она подошла, как по мерке. Тил был ошеломлен. Он снял шляпу и осмотрел ее. На кожаной ленте внутри он увидел инициалы: «К. Т.» Это была его собственная шляпа.

По лицу Тила видно было, что он начинает что-то понимать.

Он вернулся к стеклянной двери и стал смотреть в глубь анфилады комнат, по которым преследовал таинственного незнакомца И тут к удивлению своих спутников начал размахивать руками подобно семафору.

— Что ты делаешь? — спросил Бейли.

— Ступай сюда, и увидишь.

Супруги подошли к нему и, посмотрев в ту сторону, куда он указывал, увидели сквозь четыре комнаты спины трех фигур: двух мужских и одной женской. Более высокая и худощавая довольно глупо размахивала руками.

Миссис Бейли вскрикнула и опять упала в обморок.

Несколько минут спустя, когда она пришла в себя и немного успокоилась, Бейли и Тил подвели итоги.

— Тил, — сказал Бейли, — ругать тебя — значит зря тратить время. Взаимные обвинения бесполезны, и я уверен, что ты сам не ожидал ничего подобного. Но я думаю, ты понимаешь, в каком серьезном положении мы оказались. Как нам отсюда выбраться? Похоже, мы будем здесь торчать, пока не умрем с голоду. Каждая комната ведет в другую.

— Ну, не так все плохо. Ты знаешь, что я уже один раз выбрался.

— Да, но повторить этого несмотря на все попытки ты не можешь!

— Ну, мы еще не испробовали всех комнат. У нас в запасе кабинет.

— Ах да, кабинет! Мы, помнится, прошли через него, но задерживаться в нем не стали. Ты хочешь сказать, что, может быть, удастся выйти через его окна?

— Не создавай себе иллюзий. Если рассуждать математически, кабинет должен выходить в четыре боковые комнаты этого этажа. Впрочем, мы еще не поднимали штор. Давайте взглянем, что за этим окном.

— Беды от этого не будет. Дорогая, мне кажется, тебе лучше остаться здесь и отдохнуть.

— Остаться одной в этом ужасном ящике? Ни за что!

Не успев договорить, миссис Бейли вскочила с кушетки, на которой восстанавливала силы.

Поднялись в верхний этаж.

— Это внутренняя комната, не так ли, Тил? — спросил Бейли, когда они прошли через хозяйскую спальню и начали взбираться в кабинет. — Я припоминаю, что на твоём чертеже он имел вид маленького куба в центре большого и был со всех сторон окружен другими помещениями.

— Совершенно верно, — согласился Тил. — Что ж, посмотрим. По-моему, окно тут выходит в кухню. Дёрнув за шнур, он поднял жалюзи.

Предсказание не оправдалось. Всеми овладело сильнейшее головокружение, и они попадали на пол, беспомощно цепляясь за ковер, чтобы их не унесло в Неведомое.

— Закрой, закрой! — простонал Бейли.

Преодолев первобытный атавистический страх, Тил, шатаясь, снова подошел к окну, и ему удалось

опустить жалюзи. Окно смотрело вниз, а не вперед, вниз с ужасающей высоты.

Миссис Бейли опять упала в обморок.

Тил отправился за коньяком, а Бейли пока тер супруге залястья. Когда она очнулась, Тил осторожно подошел к окну и поднял жалюзи на одну планочку. Упершись коленями в стену, он стал вглядываться в то, что открылось его глазам. Потом обернулся к Бейли.

— Иди посмотри, Гомер. Узнаешь?

— Не ходи туда, Гомер Бейли!

— Не бойся, Матильда, я буду осторожен.

Он присоединился к архитектору и выглянул.

— Ну, видишь? Это, безусловно, небоскреб Крайслера! А там Ист-ривер и Бруклин.— Они смотрели прямо вниз с вершины необычайно высокого здания. На тысячу футов под ними расстился игрушечный, но очень оживленный город.— Насколько я могу сообразить, мы смотрим вниз с Эмпайр-Стейт-билдинг, с точки, находящейся над его башней,— продолжал Тил.

— Что это? Мираж?

— Не думаю. Картина слишком совершенна. Мне кажется, пространство здесь сложено пополам через четвертое измерение, и мы смотрим вдоль складки.

— Ты хочешь сказать, что мы этого на самом деле не видим?

— Нет, безусловно, видим. Не знаю, что было бы, если бы мы вылезли из этого окна. Что до меня, то мне пробовать неохота. Но какой вид! Ах, друзья мои, какой вид! Попробуем другие окна.

К следующему окну они приблизились более осторожно. И не напрасно: им представилась картина еще более удивительная, еще более потрясающая разум, чем вид с опасной высоты небоскреба. Перед ними был обыкновенный морской вид, открытый оке-

ап и синее небо, но только океан был там, где полагалось быть небу, а небо — на месте океана. На этот раз они уже несколько подготовились к неожиданностям, но при виде волн, катящихся у них над головами, их начала одолевать морская болезнь. Мужчины поспешили опустить жалюзи, прежде чем зрелище успело лишить равновесия и без того взволнованную миссис Бейли.

Тил покосился на третье окно.

— Попробуем, что ли, Гомер?

— Гм... Да... Гм!.. Если мы не попробуем, у нас останется неприятный осадок. Но ты полегче!..

Тил поднял жалюзи на несколько дюймов. Он не увидел ничего, поднял еще немного — по-прежнему ничего. Он медленно поднял жалюзи до отказа. Супруги Бейли и Тил видели перед собой... ничто.

Ничто, отсутствие чего бы то ни было. Какого цвета ничто? Не дурите! Какой оно формы? Форма — атрибут чего-то. Это ничто не имело ни глубины, ни формы. Оно не было даже черным. Просто — ничто. Бейли жевал сигару.

— Тил, что ты об этом думаешь?

Безмятежность Тила была поколеблена.

— Не знаю, Гомер, право, не знаю... Но считаю, что это окно надо заделать. — Он минутку поглядел на опущенные жалюзи. — Я думаю... Может быть, мы смотрели в такое место, где вовсе нет пространства. Мы заглянули за четырехмерный угол, и там не оказалось ничего. — Он потер глаза. — У меня разболелась голова.

Они помедлили, прежде чем приступить к четвертому окну. Подобно невскрытому письму, оно могло и не содержать дурных вестей. Сомнение оставляло надежду. Наконец неизвестность стала невыносимой, и Бейли, несмотря на протесты жены, сам потянул за шнур.

То, что они увидели, было не так страшно. Ландшафт уходил от них вдаль, с подъемом в правую сторону. В общем местность лежала на таком уровне, что кабинет казался комнатой первого этажа. И все же картина была неприветливая.

Знойное солнце хлестало лучами землю с лимонно-желтого неба. Выгоревшая до бурого цвета равнина казалась бесплодной и неспособной поддерживать жизнь. Но жизнь здесь все же была. Странные увечные деревья тянули к небу узловатые искривленные ветви. Маленькие пучки колючих листьев окаймляли эту уродливую поросль.

— Божественный день! — прошептал Бейли. — Но где это?

Тил покачал головой, глаза его были полны смущения.

— Это выше моего понимания.

— На Земле нет ничего похожего. Скорей всего, это другая планета. Может быть, Марс.

— Бог его знает. Но может быть и хуже, Гомер! Я хочу сказать — хуже, чем другая планета!

— А? Что это значит?

— Все это может оказаться целиком вне нашего пространства. Я даже не уверен, наше ли это солнце. Что-то оно слишком яркое.

Миссис Бейли робко подошла к ним и теперь была во власти диковинного зрелища.

— Гомер, — тихо сказала она, — какие отвратительные деревья. Они пугают меня.

Он похлопал ее по руке.

Тил возился с оконным затвором.

— Что ты делаешь? — строго спросил Бейли.

— Собираюсь высунуть голову из окна. Я хочу оглядеться, и, может быть, я что-нибудь пойму тогда.

— Ну... что ж! — нехотя согласился Бейли. — Но будь осторожен.

— Хорошо.— Тил чуть приоткрыл окно и потянул носом.— По крайней мере воздух как воздух.

Он распахнул окно, но больше ничего не успел сделать, так как внимание его было отвлечено странным явлением: все здание начало сотрясаться от мелкой дрожи, у людей такая дрожь обычно служит первым предвестником тошноты. Через две-три секунды она прекратилась.

— Землетрясение! — воскликнули все разом.

Миссис Бейли повисла на шее мужа.

Тил проглотил слюну. Он быстро оправился от испуга.

— Ничего худого не случится, миссис Бейли! Дом совершенно надежен. После толчка, который был ночью, можно, знаете ли, ожидать усадочных колебаний.

Не успел он придать лицу беспечное выражение, как толчок повторился. Но теперь это была не слабая дрожь, а настоящая морская качка.

В каждом калифорнийце, будь он местный житель или приезжий, глубоко сидит автоматический рефлекс: стоит начаться землетрясению, как он мгновенно бросается из закрытого помещения на воздух. Самые примерные бойскауты, повинаясь этому рефлексу, отпихивают в сторону престарелых бабушек. Однако Тил и Бейли упали на спину миссис Бейли. Очевидно, она первая выскочила из окна. Впрочем, это еще не доказывает рыцарского благородства ее спутников. Скорее следует предположить, что она находилась в позе, особенно удобной для прыжка.

Они перевели дух, немного опомнились и очистили глаза от песка. И прежде всего они испытали радость, почувствовав под ногами плотный песок пустыни. Потом Бейли заметил нечто, заставившее их вскочить на ноги и предупредившее словесный по-

ток, который уже готов был хлынуть из уст миссис Бейли.

— Где же дом?

Дом исчез. Не было ни малейшего признака его существования. Здесь царило полное запустение. Именно этот вид открылся им из последнего окна. Тут не было ничего, кроме увечных, искривленных деревьев, желтого неба и солнца над головой, сверкавшего невыносимым блеском.

Бейли медленно огляделся, потом повернулся к архитектору.

— Ну, Тил?

В его голосе были зловещие нотки.

Тил безнадежно пожал плечами.

— Ничего не знаю. Не знаю даже, на Земле ли мы.

— Так или иначе, мы не можем оставаться здесь. Это верная смерть. В каком направлении нам лучше идти?

— Думаю, направление роли не играет, можно пойти в любую сторону. Будем ориентироваться по солнцу.

Они двинулись в путь и прошли не так уж много, когда миссис Бейли потребовала передышки. Остановились.

— Ну, что ты об этом думаешь? — театральным шепотом спросил у Бейли Тил.

— Ничего!.. Котелок не варит. Скажи, ты ничего не слышишь?

Тил прислушался.

— Может быть... если это не плод воображения.

— Похоже на автомобиль. Слушай, в самом деле автомобиль!

Пройдя не больше ста шагов, они очутились на шоссе. Когда автомобиль приблизился, оказалось, что это старенький тарахтящий грузовичок. Им управлял

какой-то фермер. Они подняли руки, и машина скрежеща остановилась.

— У нас авария. Не выручите?

— Конечно. Залезайте!

— Куда вы едете?

— В Лос-Анджелес!

— В Лос-Анджелес? А где мы сейчас?

— Вы забрались в самую глубь Национального заповедника Джошуа-Три.

Обратный путь был уныл, как отступление французов из Москвы. Мистер и миссис Бейли сидели впереди, рядом с водителем, а Тил в кузове грузовичка подлетал на всех ухабах и старался как-нибудь защитить голову от солнца. Бейли попросил приветливого фермера дать крюк и подъехать к тессерактовому дому. Не то, чтобы он или его жена жаждали вновь увидеть это жилище, но надо же было им забрать свою машину.

Наконец фермер свернул к тому месту, откуда начались их похождения. Но дома там больше не было.

Не было даже комнаты нижнего этажа. Она исчезла. Супруги Бейли, заинтересованные помимо собственной воли, побродили вокруг фундамента вместе с Тилом.

— Ну, а это ты понимаешь, Тил? — спросил Бейли.

— Несомненно, от последнего толчка дом провалился в другой сектор пространства. Теперь я вижу — надо было скрепить его анкерными связями с фундаментом.

— Тебе следовало еще многое сделать!

— В общем я не вижу оснований для того, чтобы падать духом. Дом застрахован, а мы узнали поразительные вещи. Открываются широкие возможности, дружище, широкие возможности. Знаешь, мне

сейчас пришла в голову поистине замечательная, поистине революционная идея дома, который...

Тил вовремя пригнул голову. Он всегда был человеком действия.

Артур Кларк

Абсолютное превосходство

Обращаясь к высокому суду с этим заявлением (которое я делаю совершенно добровольно), я хотел бы подчеркнуть со всей определенностью, что отнюдь не пытаюсь снискать сочувствие или как-то смягчить приговор. Я пишу эти строки, чтобы опровергнуть лживые сообщения, опубликованные в тех газетах, которые мне разрешено просматривать, и переданные по тюремному радио. Они рисуют в ложном свете истинную причину нашего поражения, и как главнокомандующий вооруженными силами системы во второй половине кампании вплоть до прекращения военных действий я считаю своим долгом заявить протест против клеветы и необоснованных обвинений в адрес тех, кто служил под моим началом.

Надеюсь также, что мое заявление объяснит, почему я уже дважды обращался к суду с прошением, и побудит удовлетворить мою просьбу, ибо я не усматриваю каких-либо поводов для отказа.

Основная причина нашего поражения проста. Несмотря на многочисленные уверения в обратном, мы потерпели поражение не из-за недостаточной храбрости наших солдат или неудачных действий флота.

Мы потерпели поражение по одной-единственной причине: наука у нас находилась на более высоком уровне развития, чем у нашего противника. Повторяю, нам нанесла поражение отсталость науки нашего противника.

В начале войны ни у кого из нас не было сомнений в том, что окончательная победа будет за нами. Объединенные флоты наших союзников по численности и вооружению превосходили все, что враг мог выставить против нас, и во всех областях военной науки преимущество было на нашей стороне. Мы были уверены, что такое же превосходство нам удастся поддерживать и впредь. Увы! Как показали последующие события, наша уверенность не имела под собой ни малейших оснований.

В начале войны на вооружении нашего флота находились дальнедействующие самонаводящиеся торпеды, управляемые шаровые молнии и различные модификации лучей Клайдона. Это было штатным оружием всех кораблей нашего космического флота, и, хотя враг располагал такими же средствами поражения, его установки по мощности, как правило, уступали нашим. Кроме того, в состав наших вооруженных сил входил научно-исследовательский центр, превосходивший по своим масштабам аналогичную организацию нашего противника, и мы уповали на то, что его высокий научный потенциал позволит нам сохранить начальное преимущество.

Кампания развивалась по разработанному нами плану вплоть до Битвы Пяти Солниц. Мы, разумеется, одержали тогда победу, но противник оказался сильнее, чем можно было ожидать. Стало ясно, что окончательная победа будет не столь легкой и быстрой, как мы рассчитывали. Для обсуждения нашей стратегии на будущее было создано совещание представителей высшего командования.

На нем впервые за время войны присутствовал профессор адмирал Норден, новый начальник научно-исследовательского центра, назначенный на этот пост после смерти нашего выдающегося ученого Малвара. Эффективностью и мощью нашего оружия мы в большей мере, чем чему-нибудь или кому-нибудь другому, обязаны Малвару. Его смерть была для нас тяжелой потерей, но никто не сомневался в выдающихся достоинствах его преемника, хотя многие из нас считали неразумным назначение теоретика на пост, имеющий первостепенное значение для наших вооруженных сил. Но все наши возражения были отклонены.

Я хорошо помню, какое впечатление произвело выступление Нордена на том совещании. Военные советники были в затруднении и, как обычно, обратились за помощью к ученым. Можно ли усовершенствовать существующие типы оружия, спросили они, чтобы еще более увеличить достигнутое ныне военное превосходство?

Ответ Нордена был совершенно неожиданным. Малвару часто задавали такой вопрос, и он всегда делал то, что его просили.

— Честно говоря, джентльмены,— заявил Норден,— сомневаюсь, чтобы дальнейшее усовершенствование привело к желаемым результатам. Существующие типы оружия доведены практически до совершенства. Я далек от мысли критиковать моего предшественника или великолепную работу, сделанную научно-исследовательским центром на протяжении жизни нескольких последних поколений, но хотел бы, чтобы вы осознали: за последние сто лет никаких существенных изменений в нашем вооружении не происходило. Боюсь, что такое стало возможным лишь вследствие традиции, не лишенной консерватизма. В течение слишком долгого времени научно-

исследовательский центр, вместо того чтобы разрабатывать новые виды вооружения, занимался усовершенствованием старых образцов оружия. К счастью для нас, наш противник до сих пор поступал столь же неразумно, однако мы не можем надеяться на то, что так будет продолжаться вечно.

Слова Нордена возымели свое действие, на что он, несомненно, рассчитывал, и адмирал принялся развивать достигнутый успех.

— Нам просто необходимы новые, никогда ранее не применявшиеся виды оружия. Они могут и должны быть созданы. Это потребует времени. Вступив в должность, я отправил в отставку ряд ученых преклонного возраста, назначив вместо них способных молодых людей, и приказал приступить к исследованиям в нескольких новых областях, которые представляются весьма многообещающими. Я верю, что принятые мной меры возымеют должное действие и произведут подлинный переворот в военном деле.

Мы отнеслись к выступлению Нордена довольно скептически. Нас насторожили напыщенные нотки в его голосе. Многие заподозрили Нордена в непомерном честолюбии. Тогда мы еще не знали о его обыкновении сообщать лишь о том, что находится в стадии окончательной доводки («у нас в лаборатории», как любил говаривать Норден).

Не прошло и месяца, как Норден доказал всем скептикам, что не бросает слов на ветер: он продемонстрировал Сферу Аннигиляции, приводившую к полному распаду вещества в радиусе нескольких сот метров. Завороженные мощью нового оружия, мы упустили из виду один его весьма существенный недостаток: Сфера Аннигиляции действительно была сферой и поэтому в момент возникновения разрушала и весьма сложную пусковую установку, находившуюся в ее центре. Ее нельзя было использовать на

космических кораблях с экипажем на борту. Носителями Сферы Аннигиляции могли быть только управляемые ракеты, и мы приступили к развертыванию обширной и дорогостоящей программы по переделке всех самонаводящихся торпед под новое оружие. Все наступательные операции были на время приостановлены.

Теперь ни у кого не осталось сомнений в том, что, приняв подобное решение, мы совершили первую ошибку. Я по-прежнему склонен считать ее вполне естественной, поскольку нам тогда казалось, что имеющееся у нас оружие не сегодня-завтра окажется безнадежно устаревшим и мы заранее смотрели на него как на примитивное и архаическое. Никто из нас не был в состоянии оценить грандиозность поставленной задачи и время, которое пройдет, прежде чем новое сверхоружие появится на поле битвы. Ведь ничего подобного за последние сто лет не происходило, и у нас не было нужного опыта, которым мы могли бы руководствоваться.

Переделка самонаводящихся торпед существующего образца оказалась задачей гораздо более трудной, чем предполагалось. Пришлось разработать торпеды нового типа, поскольку стандартный образец был слишком мал и не годился в качестве носителя. Увеличение габаритов торпед повлекло за собой увеличение тоннажа космических кораблей, но мы были готовы и на такие жертвы. Шесть месяцев спустя тяжелые корабли нашего флота были оснащены Сферой Аннигиляции. Учебные маневры и испытания показали, что тактико-технические данные нового оружия удовлетворительны, и мы решили при случае применить его. Нордена стали на все лады превозносить как творца грядущей победы, и он в несколько завуалированной форме пообещал удивить всех еще более впечатляющим оружием.

Между тем произошли два неожиданных события. Во время тренировочного полета бесследно исчез один из наших космических линкоров. Как показало расследование, радар дальнего обзора мог привести в действие Сферу Аннигиляции сразу же после запуска самонаводящейся торпеды с борта корабля. Переделка, понадобившаяся для устранения этого дефекта, была ничтожной, но начало очередной кампании пришлось перенести из-за нее на месяц. К тому же она вызвала резкое ухудшение отношений между личным составом космического флота и учеными. Мы уже были готовы приступить к ведению боевых операций, когда Норден объявил о том, что радиус поражающего действия Сферы удалось увеличить в десять раз. Вероятность поражения вражеского корабля возростала при этом в тысячу раз.

Мы снова занялись модификацией установок, но на этот раз все считали, что игра стоит свеч. А тем временем наш противник, обескураженный внезапным прекращением всех наступательных операций с нашей стороны, нанес нам неожиданный удар. На наших кораблях к тому времени не было ни одной самонаводящейся торпеды, так как наши военные заводы прекратили их поставку, и нам пришлось отступить. Так мы потеряли системы Кирены и Флорана, а также планету-крепость Рамсондрон.

Утрата была не столь велика, сколь болезненна, так как захваченные противником системы были недружественными и управлять ими было трудно. Мы не сомневались, что в скором будущем нам удастся возместить все потери — следует лишь запастись терпением и дожидаться, когда к нам на вооружение поступит усовершенствованная модификация Сферы Аннигиляции.

Наши надежды сбылись лишь отчасти. Когда возобновились наступательные операции, то выясни-

лось, что мы располагаем меньшим количеством Сфер Аннигиляции, чем рассчитывали. Нехватка оружия была одной из причин нашего ограниченного успеха. Другая причина была более серьезной.

Пока мы оснащали максимально возможное число кораблей всепокрушающим оружием, противник лихорадочно строил свой военный флот. Его корабли были старого типа и оснащены старым оружием, но по численности флот противника к тому времени уже превосходил наш флот. С началом боевых действий мы нередко стали сталкиваться с ситуациями, когда численность противника оказывалась вдвое больше ожидаемой, что приводило к путанице при наведении автоматического оружия и более высоким потерям с нашей стороны. Наш противник также нес тяжелые потери, поскольку если Сфера Аннигиляции срабатывала, то полное уничтожение цели достигалось в ста случаях из ста, но перевес в нашу пользу был не настолько велик, как мы надеялись.

Кроме того, пока наши главные силы были прикованы к основному театру военных действий, противник предпринял дерзкое нападение на охранявшиеся малыми силами системы Эристана, Дурана, Карманидора и Фаранидона и захватил их. Враг теперь стоял всего лишь в пятидесяти световых годах от нашего дома.

На следующем заседании высшего командования было высказано немало взаимных обвинений. Особенно много упреков пришлось выслушать Нордену. В частности, адмирал флота Таксарис заявил, что, полагаясь слепо на якобы всепокрушающее оружие, мы стали теперь значительно слабее, чем прежде. По его мнению, нам следовало продолжать строительство кораблей обычного типа, чтобы сохранить наше численное превосходство.

Норден возмутился и назвал представителей флот-

ского командования неблагодарными «сапожниками». Но я думаю, что в действительности он, как и все мы, был обеспокоен неожиданным развитием событий. В своем выступлении он намекнул на то, что существует средство, позволяющее в кратчайшие сроки изменить ситуацию в нашу пользу.

Теперь-то мы знаем, что научно-исследовательский центр на протяжении многих лет работал над созданием Анализатора боевой обстановки, но в ту пору он показался нам откровением, и совратить нас уже не стоило труда. К тому же аргументы Нордена, как всегда, были соблазнительно весомы. Какое значение может иметь двукратный численный перевес противника, вопрошал Норден, если боевая мощь наших кораблей возрастет вдвое или даже втрое? На протяжении десятилетий ограничивающим в военном деле был не механический, а биологический фактор: одиночному или даже коллективному разуму небольшой группы людей было не под силу уследить за всеми деталями быстро изменяющейся боевой обстановки в трехмерном пространстве. Математики, работавшие у Нордена, проанализировали некоторые военные действия, ставшие достоянием истории, и доказали, что даже в тех случаях, когда мы одерживали победу, боевая мощь наших кораблей из-за недостаточно эффективного управления использовалась менее чем на половину теоретического значения.

Анализатор боевой обстановки мог бы резко изменить ситуацию, заменив штабных офицеров электронными вычислительными машинами. Сама по себе идея была не нова, но до сих пор она относилась к разряду утопий. Многие из нас с трудом верили в ее осуществимость. Но когда мы провели с помощью Анализатора боевой обстановки несколько необычайно сложных штабных учений, нам не оставалось ничего другого, как уверовать.

Анализаторы было решено разместить на четырех самых тяжелых кораблях, с тем чтобы каждый из наших главных флотов располагал одним из них. Тут-то и началась неприятность, о которой мы узнали позже.

В Анализаторе было около миллиона электронных ламп. Для обслуживания его и работы на нем требовался персонал в пятьсот инженеров и техников. Разместить такое количество народа на борту боевого космического корабля не было решительно никакой возможности, поэтому каждому из четырех кораблей с Анализаторами был придан вспомогательный корабль, на борту которого находился в свободные от вахты часы обслуживающий персонал. Монтаж Анализатора также оказался трудоемкой операцией и продвигался медленно, но самоотверженными усилиями его удалось завершить за шесть месяцев.

Затем мы столкнулись с еще одной трудностью. Около пяти тысяч высококвалифицированных специалистов были отобраны для обслуживания Анализаторов и прошли интенсивную подготовку в Учебном центре технического состава. К концу седьмого месяца у 10 процентов слушателей врачи обнаружили нервное истощение, и только 40 процентов получили дипломы об окончании курсов.

И снова начались взаимные упреки и обвинения. Норден, разумеется, заявил, что научно-исследовательский центр не несет никакой ответственности, чем настроил против себя слушателей и профессорско-преподавательский состав Учебного центра. Наконец, было принято решение использовать лишь два из четырех Анализаторов, а остальные ввести в строй, когда будет укомплектован весь штат обслуживающего персонала. Времени у нас оставалось в обрез. Противник не прекращал активных наступательных действий, и дух его заметно поднялся.

Первый флот с Анализатором на борту флагмана получил приказ захватить временно оккупированную противником систему Эристона. По случайному стечению обстоятельств корабль, на борту которого находились свободные от вахты инженеры и техники, по дороге к Эристону подрывался на блуждающей мине. Обычный военный корабль при таком взрыве уцелел бы, но вспомогательный корабль с его незаменимым грузом был полностью разрушен. Операцию по захвату Эристона пришлось отменить.

Вторая экспедиция поначалу протекала более успешно. Никто не сомневался, что Анализатор полностью оправдает надежды своих создателей и в первом же сражении враг понесет тяжелое поражение. Так и случилось. Враг отступил, оставив в наших руках Сафран, Лейкон и Гексанеракс. Но, должно быть, разведка противника обратила внимание на изменения в нашей тактике и необъяснимое присутствие вспомогательного корабля в центре наших боевых порядков. По-видимому, не прошло незамеченным и то обстоятельство, что во время первого похода в составе нашего флота также находился вспомогательный корабль неизвестного назначения и после гибели его весь флот незамедлительно лег на обратный курс.

В следующем сражении противник, используя свое численное превосходство, предпринял массированную атаку на флагман и сопровождающий его безоружный вспомогательный корабль. Неся большие потери, противник сумел уничтожить наш флагман. Наш флот, по существу, был обезглавлен, так как вернуться к старым методам управления оказалось невозможным. Под сильным огнем противника мы отступили, оставив в его руках то, что успели отвоевать раньше, а также системы Лоримии, Исмарна, Берониса, Альфанидона и Сиденя.

Именно тогда адмирал флота Таксарис выразил свое неодобрение адмиралу Нордену, покончив жизнь самоубийством, и я припал верховное командование.

Ситуация была серьезной, больше того — было от чего прийти в ярость. С тупым упорством и полным отсутствием воображения враг продолжал одерживать победу за победой со своим старомодным и неэффективным космическим флотом, по численности уже намного превосходившим наш флот. Горько было сознавать, что если бы мы продолжали строить корабли старых типов, а не гнались за созданием нового оружия, то находились бы сейчас в более выгодном положении. На многочисленных совещаниях высшего командования Норден неизменно отстаивал ученых, которых многие считали виновниками всех бед. Трудность состояла в том, что Норден всегда досконально обосновывал каждое из своих утверждений. Какое бы несчастье ни произошло, у него всегда находились вполне удовлетворительные объяснения. Мы зашли так далеко, что даже не могли повернуть назад — поиск всепокрывающего оружия необходимо было продолжать. Сначала оно было своего рода роскошью, способной приблизить окончательную победу. Теперь оно стало необходимым, если мы вообще намеревались выиграть эту войну.

Мы, представители высшего командования, стояли за переход к обороне. Норден также ратовал за переход к обороне. Он был преисполнен решимости восстановить свой престиж и авторитет научно-исследовательского центра. Но мы уже дважды испытали разочарование и не хотели повторять ту же ошибку еще раз. Никто не сомневался, что двадцать тысяч ученых, работающих у Нордена, в состоянии разработать новые виды оружия, но никто из нас не был однозначно уверен, что именно так оно и будет на самом деле.

Но мы жестоко заблуждались. Последний вариант сверхоружия превосходил все доступное человеческому воображению. Трудно было поверить в то, что такое оружие вообще существует. Оно носило невинное, ничего не говорящее название Экспоненциального Поля, не раскрывавшее таившихся в нем реальных возможностей. Кто-то из работавших у Нордена математиков открыл Экспоненциальное Поле во время чисто теоретического исследования свойств пространства. Ко всеобщему удивлению оказалось, что полученные результаты физически реализуемы.

Объяснить непосвященному принцип действия Экспоненциального Поля очень трудно. На языке, доступном специалисту, этот принцип формулируется так: «Создание особого (экспоненциального) состояния пространства, в котором расстояние, конечное в обычном (линейном) пространстве, может стать бесконечным в псевдопространстве». Норден привел аналогию, которая многим из нас прояснила суть дела. Представьте себе плоский диск из резины. Этот диск соответствует области обычного пространства. Потянем диск за центр и удалим центр в бесконечность. Окружность, ограничивающая диск, останется при этом неизменной, а его «диаметр» возрастет до бесконечности. Нечто подобное и проделывает генератор Экспоненциального Поля с окружающим пространством.

Предположим, например, что корабль, на борту которого находится такой генератор, со всех сторон окружен вражескими кораблями. Стоит включить Поле, и каждому из вражеских кораблей покажется, что наш корабль и корабли, находящиеся по другую сторону от нашего корабля, исчезли, обратившись в ничто. При этом граница круга останется прежней, только путешествие к центру круга потребует бесконечного времени, так как по мере приближения к

центру все расстояния будут возрастать из-за изменившейся метрики пространства.

Экспоненциальное Поле было невероятно, фантастично, но чрезвычайно полезно для нас. Корабль с генератором Экспоненциального Поля на борту был недостижим для противника. Его мог окружить вражеский флот, но он все равно оставался вне всякой опасности, как если бы противник находился на другом конце Вселенной. Правда, боевое применение Экспоненциального Поля наталкивалось на определенные трудности: не выключив генератор Поля, наш корабль не мог вести огонь по противнику. Тем не менее Экспоненциальное Поле обеспечивало нам важное преимущество не только в обороне, но и в наступлении: корабль с генератором Поля на борту мог скрытно приблизиться к неприятельскому флоту и совершенно неожиданно для противника оказаться среди его боевых порядков.

На этот раз нам казалось, что новое оружие лишено серьезных изъянов. Вряд ли нужно говорить о том, что, прежде чем принять Экспоненциальное Поле на вооружение, мы тщательно обсудили все доводы за и против. К счастью, необходимое оборудование было исключительно простым, и для обслуживания его не требовалось многочисленного персонала. После продолжительных дебатов было решено запустить новое оружие в производство. Нам приходилось поторапливаться, ибо события развивались не в нашу пользу. К тому времени мы потеряли почти все, что нам удалось завоевать когда-то, и вражеские силы совершили несколько рейдов в нашу собственную солнечную систему.

Была поставлена стратегическая задача: любой ценой продержаться и выиграть время, необходимое для перевооружения флота и производства новой военной техники. Для боевого применения Поля не-

обходимо было обнаружить противника, определить курс для перехвата его и включить генератор Поля с заданным упреждением. К моменту срабатывания генератора Поля, если бортовая ЭВМ выдала правильные расчетные данные, корабль-носитель должен был находиться в глубине боевых порядков противника, нанести ему удар, тяжесть которого усугубило бы неизбежное замешательство, и в случае необходимости лечь на обратный курс и благополучно вернуться назад.

Первые же учения дали удовлетворительные результаты. Оборудование казалось абсолютно надежным. Были произведены многочисленные учебные атаки, и экипажи наших кораблей в совершенстве овладели новой техникой. Я принимал участие в одном из испытательных полетов и хорошо помню странное ощущение, возникшее у меня при включении генератора. Корабли, шедшие рядом в боевом порядке, внезапно как бы оказались на поверхности быстро расширяющегося мыльного пузыря. Какой-то миг — и они скрылись из виду. Вслед за кораблями исчезли и звезды, но Галактика смутно угадывалась по слабым пучкам света вокруг корабля. В действительности радиус нашего псевдопространства не обращался в бесконечность, а достигал лишь нескольких сотен световых лет, поэтому при включении Экспоненциального Поля расстояния до наиболее далеких звезд увеличивались незначительно. Ближайшие же звезды исчезали из виду.

Учебные маневры пришлось преждевременно прервать из-за нескончаемых мелких неисправностей в различных узлах установки, главным образом в цепях связи. Неполадки доставляли нам массу хлопот и неприятностей, но не были сколько-нибудь существенными, хотя для устранения их было решено вернуться на базу.

К тому времени стало очевидным, что противник намеревается нанести решающий удар по планетекрепости Итон, расположенной у самых границ нашей солнечной системы. Нашему флоту пришлось покинуть базу и отправиться на сближение с противником, так и не устранив множество неисправностей.

Противник, вероятно, решил, что мы овладели секретом невидимости (в каком-то смысле так оно и было): наши корабли возникали совершенно неожиданно из «ничего» и наносили врагу ощутимый урон. Однако достигнутый нами успех оказался временным. Вскоре произошло нечто совершенно непонятное и необъяснимое.

Когда начались неприятности, я командовал флагманом нашего флота, космическим кораблем «Гиркания». Корабли в составе флота действовали в режиме свободного поиска: каждый должен был найти и поразить свои цели. Наши локаторы обнаружили скопление противника на средней дистанции. Офицеры наведения измерили с высокой точностью расстояние до цели. Мы проложили курс и включили генератор.

Экспоненциальное Поле возникло в тот момент, когда мы должны были оказаться в самом центре группировки противника. К нашему ужасу, придя в заданную точку, мы оказались в обычном пространстве на расстоянии многих сотен миль от противника: когда мы обнаружили противника, противник обнаружил нас. Мы отступили и повторили маневр. На этот раз мы оказались так далеко от противника, что он обнаружил нас первым.

Всем стало ясно, что мы допустили где-то серьезный просчет. Нарушив радиомолчание, мы попытались установить связь с другими кораблями нашего флота, чтобы узнать, не испытывают ли они аналогичного затруднения. И снова нас подстерегала не-

удача, на этот раз совершенно необъяснимая, так как все приборы связи работали бесперебойно. Оставалось лишь предположить, хотя такое предположение выходило за рамки разумного, что все остальные корабли нашего флота уничтожены противником.

Не буду описывать, как рассеянные в космическом пространстве корабли нашего флота по одному возвратились на базу. Скажу только, что, хотя потери были невелики, личный состав был полностью деморализован. Почти все корабли потеряли связь друг с другом, обнаружилось, что их локаторы позволяют определять дистанцию до цели лишь с колоссальными, необъяснимыми ошибками. Стало ясно, что столь сильные возмущения вызваны Экспоненциальным Полем, хотя возникали они лишь после его выключения.

Объяснение пришло слишком поздно, поэтому проку от него было не много. И то, что Норден в конце концов все же потерпел поражение, было слабым утешением за проигрыш в войне. Как я уже объяснял, генераторы Поля вызывали деформацию пространства в радиальном направлении: по мере приближения к центру искусственной псевдосферы расстояния возрастали. При выключении Поля пространство возвращалось в исходное состояние.

Но не совсем. Полностью восстановить исходное состояние было невозможно. Включение и выключение Поля было эквивалентно растяжению и сжатию корабля-носителя, но вследствие эффекта гистерезиса начальное условие из-за наводок, электрических зарядов и перемещений масс на борту корабля при включении Поля оказывалось невоспроизводимым. Все эти отклонения и искажения накапливались, и, хотя они по величине редко превосходили долю процента, их было вполне достаточно, чтобы нарушить

тонкую регулировку радиолокационной аппаратуры и средств связи. Обнаружить изменения на каком-нибудь отдельном корабле не представлялось возможным. Остаточные «деформации» проявлялись лишь при сравнении оборудования одного корабля с аналогичным оборудованием другого корабля или при попытке войти в связь с другим кораблем.

Непредсказуемые изменения в жизненно важных узлах кораблей породили неопишуемый хаос и неразбериху. Все модули и компоненты утратили взаимозаменяемость: нормальное функционирование любого узла на борту одного корабля отнюдь не гарантировало его безотказность на борту другого. Нарушилась взаимозаменяемость даже болтов и гаек. Определить местоположение своего корабля или координаты цели стало решительно невозможно. Будь у нас хоть немного времени, мы непременно справились бы со всеми этими трудностями, но неприятельские корабли уже тысячами шли на нас, атакуя оружием, которое казалось устаревшим на несколько веков по сравнению с нашим сверхсовременным вооружением. Наш доблестный флот, мощь которого была подорвана нашей собственной наукой, сражался из последних сил, но был вынужден отступить под ударами превосходящего по численности противника и сдаться на милость победителя. Корабли, оснащенные генераторами Поля, оставались по-прежнему недостижимыми для противника, но как боевые единицы они не представляли никакой ценности. Каждый раз, когда они включали генератор, чтобы скрыться от противника, остаточная деформация оборудования возрастала еще больше. Через месяц все было кончено.

Такова подлинная история нашего поражения. Я изложил ее без прикрас, отнюдь не стремясь

снискать сочувствие и склонить в свою пользу членов высокого суда. Мое заявление, как уже говорилось, я прошу рассматривать как протест против вздорных и безосновательных обвинений, выдвигаемых несведущими людьми против тех, кто служил под моим началом, и как попытку указать истинного виновника постигших нас неудач.

Наконец, я прошу рассматривать мое заявление как покорнейшую просьбу. Как явствует из вышеизложенного, моя просьба продиктована весьма вескими соображениями, и я надеюсь, будет удовлетворена высоким судом.

Достопочтенные судьи, разумеется, понимают, что условия, в которых мы находимся, и неусыпный надзор днем и ночью действуют угнетающе. Однако я на это не жалуюсь, равно как не сетую и на тесноту, вынудившую разместить нас по двое в камере.

Но я снимаю с себя всякую ответственность, если и впредь мне придется находиться в одной камере с профессором Норденом, бывшим начальником научно-исследовательского центра вверенных мне вооруженных сил.

А. Дж. Дейч Лист Мёбиуса

От станции Парк-стрит линии метро расходились во все стороны, образуя сложную, хитроумно переплетенную сеть. Запасный путь связывал линию

Личмир с линией Эшмонт для поездов, идущих в южную часть города, и с линией Форест-хилл — для поездов, следующих на север. Линии Гарвард и Бруклин соединялись туннелем, пересекавшимся на большой глубине с линией Кенмор, и в часы пик на эту линию переводился каждый второй поезд, идущий обратным маршрутом на Энглстон. Возле Филдс-корнер линия Кенмор соединялась с туннелем Мэверик и, выходя на поверхность, связывала Сколли-сквер с наземной линией Копли. Затем она снова уходила под землю и у Бойлстона соединялась с линией Кембридж. Линия Бойлстон соединяла на четырех уровнях все семь главных линий метрополитена. Она была открыта, как вы помните, третьего марта, и с тех пор поезда могли беспрепятственно достигать любой станции сети.

Ежедневно на всех линиях курсировали двести двадцать семь поездов, перевозивших около полутора миллионов пассажиров. Поезд, исчезнувший четвертого марта с линии Кембридж-Дорчестер, имел номер 86. Сначала никто не заметил его исчезновения. В вечерние часы пик на этой линии поток пассажиров был немногим больше обычного. Но толпа есть толпа. Лишь в семь тридцать вечера диспетчерские табло стали запрашивать восемьдесят шестой, однако прошло целых три дня, прежде чем кто-то из диспетчеров наконец заявил о его исчезновении. Контролер на Милкстрит-кросс попросил дежурного линии Гарвард подать еще один дополнительный поезд к концу хоккейного матча. Дежурный передал заявку в парк. Диспетчер вызвал на линию поезд 87, который, как обычно, в десять вечера ушел в парк. Но даже и тогда диспетчер не обнаружил исчезновения восемьдесят шестого.

На следующее утро в часы наибольшего притока пассажиров Джек О'Брайен с диспетчерского пунк-

та на Парк-стрит соединился с Уорреном Суини из парка на Форест-хилл и попросил дать на линию Кембридж дополнительный поезд. Поездов не было, и Суини решил по табельной доске проверить, есть ли свободные поезда и бригады. И тут он обнаружил, что машинист Галлахер по окончании смены не перевесил номерка. Перевесив номерок Галлахера, Суини прикрепил к нему записку — смена Галлахера начиналась в десять утра. В десять тридцать Суини снова был у табельной доски — номерок и записка висели на прежнем месте. Недовольно ворча, Суини направился к дежурному и потребовал выяснить, почему Галлахер опоздал на работу. Дежурный ответил, что вообще не видел его в это утро. Тут-то Суини и поинтересовался, кто еще кроме Галлахера обслуживал восемьдесят шестой. Не прошло и двух минут, как он уже знал, что кондуктор Доркин тоже не отметил уход с работы, а сегодня у Доркина выходной. Только в одиннадцать тридцать Суини наконец понял, что потерял поезд.

Следующие полтора часа он провел на телефоне, обзванивая диспетчеров, контролеров и дежурных на всех линиях метрополитена. Вернувшись в час тридцать с обеда, он снова сел на телефон. Заканчивая смену в половине пятого, он, порядком озадаченный, доложил обо всем в главное управление. До полуночи не смолкали телефоны во всех туннелях и депо городского метрополитена, и только после двенадцати ночи наконец решились потревожить главного управляющего и позвонили ему домой.

Шестого марта технику главного диспетчерского пункта первому пришла мысль связать исчезновение поезда с неожиданно большим количеством появившихся в тот день в газетах объявлений о розыске пропавших родственников. О своих догадках

он сообщил кое-кому из газеты «Транскрипт», и уже в полдень три газеты опубликовали экстренные выпуски. Так эта история получила огласку.

Келвин Уайт, главный управляющий городским метрополитеном, провел всю первую половину дня в полицейском управлении. Были опрошены жена Галлахера и жена Доркина. Но они ничего не могли сказать, кроме того, что их мужья ушли на работу четвертого утром и домой не возвращались. Во второй половине дня городская полиция уже знала, что вместе с поездом исчезло по меньшей мере триста пятьдесят бостонцев. Телефоны системы, не переставая, трезвонили. Уайт чуть не лопался от бесильного гнева, но поезд словно растаял в воздухе или провалился в преисподнюю.

Роджер Тьюпело, математик из Гарвардского университета, появился на сцене шестого марта. Поздно вечером, позвонив Уайту домой, он сообщил, что у него имеются кое-какие догадки насчет исчезнувшего поезда. Взяв такси, Тьюпело прибыл к Уайту в пригород Ньютон, и здесь в доме последнего состоялась первая беседа математика с главным управляющим по поводу исчезнувшего поезда № 86.

Уайт был человеком неглупым, достаточно образованным, опытным администратором и от природы не был лишен воображения.

— Понять не могу, о чем вы толкуете! — горчился он.

Тьюпело решил при всех обстоятельствах сохранять спокойствие и не выходить из себя.

— Это очень трудно понять, мистер Уайт, не спорю. И недоумение ваше вполне законно. Но это — единственное объяснение, которое можно дать. Поезд вместе с пассажирами действительно исчез. Но метро — замкнутая система. Поезд не мог ее покинуть, он где-то на линии.

Уайт снова повысил голос.

— Говорю вам, мистер Тьюпело, что поезда на линии нет. Нет! Нельзя потерять поезд с сотнями пассажиров, словно иголку в стоге сена. Прочесана вся система. Неужели вы думаете, что мне интересно прятать где-то целый поезд?

— Разумеется, нет. Но давайте рассуждать здраво. Мы знаем, четвертого марта в восемь сорок утра поезд шел к станции Кембридж. За несколько минут до этого на станции Вашингтон в него сели человек двадцать пассажиров, а на Парк-стрит еще сорок и несколько человек, очевидно, сошли. И это все, что нам известно. Никто из тех, кто ехал до станции Кендалл, Центральная или Кембридж, не доехал до нужного ему пункта. На конечную станцию Кембридж поезд не прибыл.

— Все это я и без вас знаю, мистер Тьюпело, — еле сдерживаясь, прорычал Уайт. — В туннеле под рекой он превратился в пароход и уплыл в Африку.

— Нет, мистер Уайт. Я все время пытаюсь вам объяснить: он достиг узла.

Лицо Уайта зловеще побагровело.

— Какого еще узла?! — взорвался он. — Все пути нашей системы в образцовом порядке, никаких препятствий, поезда курсируют бесперебойно.

— Вы опять меня не поняли. Узел — это не препятствие. Это особенность, полюс высшего порядка.

Все объяснения Тьюпело в тот вечер ни к чему не привели. Келвин Уайт по-прежнему ничего не понимал. Однако в два часа ночи он наконец решил математику познакомиться с планом городского метрополитена. Но сначала он позвонил в полицию, которая, однако, ничем не смогла ему помочь в его первой неудачной попытке постичь такую премудрость, как топология, и лишь потом связался с главным управлением. Тьюпело, взяв такси, от-

правился туда и до утра просидел над планами и картами бостонского метро. Потом, наскоро выпив кофе и съев бутерброд, он снова отправился к Уайту, на этот раз в его контору.

Когда он вошел, управляющий говорил по телефону. Речь шла о том, чтобы провести еще одно, более тщательное обследование всего туннеля Дорчестер-Кембридж под рекой Чарлз. Когда разговор был наконец окончен, Уайт с раздражением бросил трубку на рычаг и свирепым взглядом уставился в Тьюпело. Математик первым нарушил молчание.

— Мне кажется, во всем виновата новая линия, — сказал он.

Уайт вцепился руками в край стола, пытаясь найти в своем лексиконе слова, которые наименее обидели бы ученого.

— Доктор Тьюпело, — сказал он наконец. — Я всю ночь ломал голову над этой вашей теорией и, признаться, так ни черта в ней и не понял. При чем здесь еще линия Бойлстон?

— Помните, что я говорил вам вчера о свойствах связности сети? — спокойно спросил Тьюпело. — Помните лист Мёбиуса, который мы с вами сделали, — односторонняя поверхность с одним берегом? Помните это? — Он достал из кармана небольшую стеклянную бутылку Клейна и положил ее на стол.

Уайт тяжело откинулся на спинку кресла и ту-по уставился на математика. По лицу его, быстро сменяя друг друга, промелькнули гнев, растерянность, отчаяние и полная покорность судьбе. А Тьюпело продолжал:

— Мистер Уайт, ваша система метро представляет собой сеть огромной топологической сложности. Она была крайне сложной еще до введения в строй линии Бойлстон. Система необычайно высокой связ-

ности. Новая линия сделала систему поистине уникальной. Я и сам еще толком не все понимаю, но, по-моему, дело вот в чем: линия Бойлстон сделала связность настолько высокой, что я не представляю, как ее вычислить. Мне кажется, связность стала бесконечной.

Управляющий слышал все это словно во сне. Глаза его были прикованы к бутылке Клейна.

— Лист Мёбиуса, — продолжал Тьюпело, — обладает необычайными свойствами, потому что он имеет лишь одну сторону. Бутылка Клейна топологически более сложна, потому что она еще и замкнута. Топологи знают поверхности куда более сложные, по сравнению с которыми и лист Мёбиуса, и бутылка Клейна — просто детские игрушки. Сеть бесконечной связности топологически может быть чертовски сложной. Вы представляете, какие у нее могут быть свойства?

И после долгой паузы Тьюпело добавил:

— Я тоже не представляю. По правде говоря, ваша система метро со сквозной линией Бойлстон выше моего понимания. Я могу только предполагать.

Уайт наконец оторвал взгляд от стола: он почувствовал неудержимый приступ гнева.

— И после этого вы еще называете себя математиком, профессор Тьюпело? — возмущенно воскликнул он.

Тьюпело едва удержался от того, чтобы не расхохотаться. Он вдруг особенно остро почувствовал всю нелепость и комизм ситуации. Но постарался скрыть улыбку.

— Я не тополог. Право же, мистер Уайт, в этом вопросе я такой же новичок, как и вы. Математика — обширная область. Я лично занимаюсь алгеброй.

Искренность, с которой математик сделал это признание, несколько умилила Уайта.

— Ну тогда, — начал он, — раз вы в этом разбираетесь, нам, пожалуй, следует пригласить специалиста-тополога. Есть такие в Бостоне?

— И да, и нет, — ответил Тьюпело. — Лучший в мире специалист работает в Технологическом институте.

Рука Уайта потянулась к телефону.

— Его имя? — спросил он. — Мы сейчас же свяжем вас с ним.

— Зовут его Меррит Тэрнболл. Связаться с ним невозможно. Я пытаюсь уже три дня.

— Его нет в городе? — спросил Уайт. — Мы немедленно его разыщем.

— Я не знаю, где он. Профессор Тэрнболл холост, живет в клубе «Брэтгл». Он не появлялся там с утра четвертого марта.

На этот раз Уайт оказался куда понятливей.

— Он был в этом поезде? — спросил он сдавленным голосом.

— Не знаю, — ответил математик. — А что думаете вы?

Воцарилось долгое молчание. Уайт смотрел то на математика, то на маленькую стеклянную бутылочку на столе.

— Ни черта не понимаю! — наконец воскликнул он. — Мы обшарили всю систему. Поезд никуда не мог исчезнуть.

— Он не исчез. Он все еще на линии, — ответил Тьюпело.

— Где же он тогда?

Тьюпело пожал плечами.

— Для него не существует реального «где». Система не реализуется в трехмерном пространстве. Она двумерна, если не хуже.

— Как же нам найти поезд?

— Боюсь, что мы этого не сможем сделать, — ответил Тьюпело.

Последовала еще одна долгая пауза. Уайт нарушил ее громким проклятием и, вскочив, со злостью сбросил со стола бутылку Клейна, которая отлетела далеко в угол.

— Вы просто сумасшедший, профессор! — закричал он. — Между двенадцатью ночи и шестью утра мы очистим все линии от поездов. Триста человек осмотрят каждый дюйм пути на протяжении всех ста восьмидесяти трех миль. Мы найдем поезд! А теперь прошу извинить меня. — И он с раздражением посмотрел на доктора Тьюпело.

Тьюпело вышел. Он чувствовал себя усталым и разбитым. Машинально шагая по Вашингтон-стрит, он направился к станции метро. Начав спускаться по лестнице, он вдруг словно опомнился и резко остановился. Оглянувшись по сторонам, Тьюпело повернул обратно, быстро взбежал по лестнице наверх и кликнул такси. Приехав домой, он выпил двойную порцию виски и, как подкошенный, рухнул на кровать.

В три тридцать пополудни он прочел студентам, как обычно, лекцию по курсу «Алгебра полей и колец». Вечером, наскоро поужинав в ресторане и вернувшись домой, он снова попытался проанализировать свойства связности сети бостонского метро. Но, как и прежде, эта попытка окончилась неудачей. Однако математик сделал для себя несколько важных выводов. В одиннадцать вечера он позволил Уайту в главное управление метрополитена.

— Мне кажется, вам может понадобиться моя консультация сегодня ночью, когда вы начнете осмотр линий, — сказал он. — Могу я приехать?

Главный управляющий встретил это предложе-

ние отнюдь не любезно. Он ответил математику, что управление бостонского метрополитена само намерено справиться с этой ерундовой задачей, не прибегая к помощи всяких свихнувшихся профессоров, считающих, что поезда метро могут запросто прыгать в четвертое измерение. Тьюпело ничего не оставалось, как примириться с грубым отказом. Он лег спать. В четыре утра его разбудил телефонный звонок. Звонил полный раскаяния Келвин Уайт.

— Я, пожалуй, несколько погорячился, профессор, — заикаясь от смущения, промямлил он. — Смогли бы вы сейчас приехать на станцию Милк-стрит-кросс?

Тьюпело охотно согласился. Меньше всего сейчас он собирался торжествовать победу. Вызвав такси, он менее чем через полчаса был на указанной станции. Спустившись на платформу верхнего яруса метро, он увидел, что туннель ярко освещен, как обычно в часы работы метрополитена, но платформа пуста и лишь в дальнем ее конце собралась небольшая, человек семь, группа людей. Подойдя поближе, он заметил среди них двух полицейских чинов. У платформы стоял одинокий головной вагон поезда, передняя его дверь была открыта, вагон ярко освещен, но пуст. Заслышав шаги профессора, Уайт обернулся и смущенно приветствовал Тьюпело.

— Благодарю, что приехали, профессор, — сказал он, протягивая руку. — Господа, это доктор Роджер Тьюпело из Гарвардского университета. Профессор, разрешите представить вам мистера Кеннеди, нашего главного инженера, а это мистер Уилсон, личный представитель мэра города, и доктор Ганнот из Госпиталя милосердия. — Уайт не счел нужным представить машиниста и двух полицейских чинов.

— Очень приятно, — ответил Тьюпело. — Есть какие-нибудь результаты, мистер Уайт?

Управляющий смущенно переглянулся со своими коллегами.

— Как сказать... Пожалуй, да, доктор Тьюпело, — наконец ответил он. — Мне кажется, кое-какие результаты у нас все же есть.

— Вы видели поезд?

— Да, — ответил Уайт. — То есть почти видел. Во всяком случае, мы знаем, что он на линии. — Все шестеро утвердительно кивнули.

Математика ничуть не удивило это сообщение. Поезд должен был находиться на линии, ведь вся система метро представляла собой замкнутую сеть.

— Расскажите подробнее, — попросил он.

— Я видел красный свет светофора, — осмелился вставить слово машинист. — На пересечении, сразу же перед станцией Копли.

— Линия была полностью очищена от всех поездов, кроме вот этого, — перебил его Уайт и указал на вагон. — Мы разъезжали по системе часа четыре. Вдруг Эдмундс увидел красный свет у станции Копли и, разумеется, затормозил. Я решил, что просто светофор неисправен, и велел ему продолжать движение, но тут мы услышали, как стрелку пересекает другой поезд.

— Вы его видели? — спросил математик.

— Мы не могли его видеть. Пересечение за поворотом. Но мы его слышали. Нет сомнения в том, что он прошел через станцию Копли. Это мог быть только восемьдесят шестой. Кроме нашего вагона, на линии поездов нет.

— Что было потом?

— Зажегся желтый свет, и Эдмундс дал полный вперед.

— Вы поехали за ним вдогонку?

— Нет. мы не знали, в каком направлении он прошел. Должно быть, мы поехали совсем в другом.

— Когда это было?

— Первый раз в час тридцать восемь...

— Значит, вы встретились с ним еще раз? — спросил Тьюпело.

— Да, но уже в другом месте. Мы снова остановились перед светофором у станции Южная. Это было в два пятнадцать. А потом еще в три двадцать восемь...

Тьюпело не дал ему закончить.

— А в два пятнадцать вы видели поезд?

— На этот раз мы даже не слышали его. Эдмундс попробовал было догнать его, но, должно быть, он свернул на Бойлстонскую линию.

— А что было в три двадцать восемь?

— Снова красный свет. На этот раз у Парк-стрит. Мы слышали, он прошел перед нами.

— И вы опять его не видели?

— Нет. За светофором туннель круто идет под уклон. Но мы хорошо слышали его. Я только одного не понимаю, доктор Тьюпело, как может поезд пять дней ходить по линии и никто его ни разу не видел?..

Голос Уайта замер, он предупреждающе поднял руку. Вдалеке нарастал гул быстро приближающегося поезда; гул превратился в оглушительный грохот, когда поезд промчался где-то под платформой; она завибрировала и задрожала под ногами.

— Вот, вот он! — закричал Уайт. — Он прошел прямо под носом у тех, кто там, внизу! — он повернулся и побежал по лестнице, ведущей на платформу нижнего яруса. За ним последовали все, кроме Тьюпело. Ему казалось, он знает, чем все это кончится. И он не ошибся. Не успел Уайт добежать до

лестницы, как навстречу ему торопливо поднялся полицейский, дежуривший на нижней платформе.

— Вы видели его? — возбужденно воскликнул он.

Уайт остановился. Замерли в испуге и остальные.

— Вы видели поезд? — снова спросил полицейский; двое служащих метрополитена, дежуривших вместе с ним, тоже поднялись наверх.

— Что случилось? — ничего не понимая, спросил мистер Уилсон.

— Да видели вы наконец поезд? — раздраженно выкрикнул Кеннеди.

— Конечно, нет, — ответил полицейский. — Вель он прошел мимо вашей платформы.

— Ничего подобного! — разъярился Уайт. — Он прошел внизу!

Семеро во главе с Уайтом готовы были испепелить взглядом тех троих, что поднялись с нижней платформы. Тьюпело подошел к Уайту и тронул его за локоть.

— Поезд невозможно увидеть, мистер Уайт, — сказал он тихо.

Уайт ошалело уставился на него.

— Но вы ведь сами слышали его! Он прошел там, внизу...

— Давайте войдем в вагон, мистер Уайт, — предложил Тьюпело. — Там нам будет удобнее разговаривать.

Уайт покорно кивнул головой, затем, повернувшись к полицейскому и двум другим, дежурившим на нижней платформе, почти умоляющим голосом спросил:

— Вы действительно его не видели?

— Мы слышали его, это верно, — ответил полицейский. — Он прошел вот здесь, по этой линии, и

вроде как бы вот в ту сторону. — И он указал большим пальцем через плечо.

— Идите вниз, Мэлони, — приказал ему полицейский чин из группы Уайта. Мэлони растерянно почесал затылок, повернулся и исчез внизу. За ним последовали двое дежурных. Тьюпело направился к вагону. Молча заняв свои места в вагоне, все выжидающе уставились на математика.

— Вы вызвали меня, надеюсь, не для того, чтобы сообщить, что нашли пропавший поезд, не так ли? — начал Тьюпело и посмотрел на Уайта. — То, что произошло сейчас, случилось впервые?

Уайт заерзал на сиденье и покосился на главного инженера.

— Не совсем, — уклончиво начал он, — мы замечали и раньше кое-какие непонятные вещи.

— Например? — настороженно и резко спросил Тьюпело.

— Ну, например, красный сигнал светофора. Обходчики возле станции Кендалл видели красный свет почти тогда же, когда и мы видели его у Южной.

— Дальше.

— Суини позвонил из Форест-хилла на линии Парк-стрит. Он слышал шум поезда спустя две минуты после того, как мы слышали его на станции Копли. А между станциями двадцать восемь миль рельсового пути.

— Дело в том, доктор Тьюпело, — вмешался мистер Уилсон, — что за последние четыре часа несколько человек одновременно в самых разных пунктах видели красный свет светофора или слышали шум поезда. Такое впечатление, что он прошел одновременно через несколько станций.

— Это вполне возможно, — заметил Тьюпело.

— К нам все время поступают донесения о вся-

ких странностях, — добавил инженер. — Люди не то чтобы сами видели их, но непонятные вещи происходят одновременно в двух-трех пунктах, порой находящихся друг от друга на порядочном расстоянии. Поезд действительно на рельсах. Может, сцепились вагоны?

— Вы уверены, что он на рельсах, мистер Кенпеди? — спросил Тьюпело.

— Совершенно уверен, — ответил главный инженер. — Приборы показывают расход электроэнергии. Поезд потребляет энергию непрерывно, всю ночь. В три тридцать мы разорвали цепь и прекратили подачу энергии.

— И что же произошло?

— Ничего, — ответил Уайт. — Представьте себе, ничего. Электроэнергия не подавалась двадцать минут. И за эти двадцать минут ни один из тех двухсот пятидесяти человек, что ведут наблюдение, не видел красных сигналов и не слышал шума поезда. Но не прошло и пяти минут после того, как мы включили ток, как поступили первые донесения. Их было сразу два: одно из Арлингтона, другое из Эглстона.

Когда Уайт умолк, воцарилось долгое молчание. Внизу было слышно, как один дежурный окликнул другого. Тьюпело посмотрел на часы — было двадцать минут шестого.

— Короче говоря, доктор Тьюпело, — наконец сказал главный управляющий, — мы вынуждены признать, что, пожалуй, вы были правы с вашей теорией.

— Благодарю вас, господа, — ответил Тьюпело. Врач откашлялся.

— А как пассажиры? — начал он. — Есть ли у вас какие-либо соображения относительно...

— Никаких, — перебил его Тьюпело.

— Что же нам теперь делать, доктор Тьюпело? — спросил представитель мэра.

— Не знаю. А что вы предлагаете?

— Как я понял из объяснений мистера Уайта, — продолжал мистер Уилсон, — поезд в некотором роде... как бы это сказать... перешел в другое измерение. Его, собственно, уже нет в системе метрополитена. Он исчез. Это верно?

— До известной степени.

— И это, так сказать... э-э-э... странное явление — результат некоторых математических свойств, связанных с введением в действие линии Бойлстон?

— Совершенно верно.

— И у нас нет никаких возможностей вернуть поезд из этого... этого измерения?

— Такие возможности мне неизвестны.

Мистер Уилсон решил, что настало время ему взять бразды правления в свои руки.

— В таком случае, господа, — заявил он, — план действий совершенно ясен. Прежде всего мы должны закрыть новую линию, чтобы прекратить все эти чудеса. Затем, поскольку поезд действительно исчез, несмотря на красные сигналы светофора и этот шум, мы можем возобновить нормальное движение поездов на линиях. Во всяком случае опасности столкновения не существует, а это, кажется, больше всего вас пугало, Уайт. Что касается пропавшего поезда и пассажиров... — тут он сделал какой-то неопределенный жест в пространство. — Вы со мной согласны, доктор Тьюпело? — Мистер Уилсон повернулся к математику.

Тьюпело медленно покачал головой.

— Не совсем, мистер Уилсон, — ответил он. — Учтите, что я сам еще толком не понимаю всего, что произошло. Очень жаль, что мы не можем най-

ти кого-нибудь, кто смог бы все это объяснить. Единственный человек, способный на это, — профессор Тэрнболл из Технологического института, но он находился в исчезнувшем поезде. Во всяком случае, если вам надо проверить мои выводы, вы можете передать их на заключение специалистам. Я свяжу вас с некоторыми из них.

Теперь относительно поисков исчезнувшего поезда. Я не считаю эту задачу безнадежной. Имеется некоторая вероятность, как мне кажется, что поезд в конце концов вернется из непространственной части системы, где он сейчас находится, в ее пространственную часть. Поскольку эта непространственная часть абсолютно недостижима, мы, к сожалению, не можем ни ускорить этот переход, ни хотя бы предсказать, когда он произойдет. Однако всякая возможность перехода будет исключена, если вы закроете линию Бойлстон. Именно эта линия и делает всю систему качественно особой. Если эта особенность исчезнет, поезд никогда не вернется. Вам понятно?

Разумеется, всем им трудно было хоть что-либо из этого понять, но они утвердительно закивали головами. Тьюпело продолжал:

— Что же касается нормального движения поездов по всей системе, пока исчезнувший поезд находится в непространственной части сети, то я могу лишь изложить вам факты, как я их понимаю, а делать выводы и принимать решения предоставляю вам самим. Как я уже сказал, невозможно предугадать, когда произойдет переход из непространственной части в пространственную. Мы не можем предсказать, когда и где это произойдет. Более того, пятьдесят процентов вероятности, что поезд в результате такого перехода окажется совсем на другой линии. И тогда возможно столкновение.

— И чтобы исключить такую возможность, доктор Тьюпело, не следует ли нам, оставив Бойлстонскую линию открытой, просто не пускать по ней поезда? — спросил главный инженер. — Тогда, если исчезнувший поезд наконец и появится, он не сможет столкнуться с другими.

— Эта предосторожность ничего вам не даст, мистер Кеннеди, — ответил Тьюпело. — Видите ли, поезд может появиться на любой линии системы. Это верно, что причиной нынешних топологических затруднений является новая линия Бойлстон. Но теперь и вся система обладает бесконечной связностью. Иными словами, указанные топологические свойства — это свойства, порожденные новой линией Бойлстон, но теперь они стали свойствами всей системы. Вспомните, первое превращение поезда произошло в точке между станциями Парковая и Кендалл, а от них до линии Бойлстон расстояние более трех миль.

У нас может возникнуть еще такой вопрос: если возобновить движение на всех линиях, кроме Бойлстонской, не может ли случиться, что исчезнет еще какой-нибудь поезд? Не знаю точно, каков ответ, но думаю, что он отрицательный. Мне кажется, здесь действует принцип исключения, по которому только один поезд может находиться в непространственной части сети.

Доктор поднялся со своего места.

— Профессор Тьюпело, — робко начал он, — когда поезд появится, будут ли пассажиры...

— Я ничего не могу вам сказать о пассажирах, — снова перебил его Тьюпело. — Топология такими вопросами не занимается. — Он быстро обвел взглядом семь усталых, недовольных физиономий. — Прошу извинить меня, господа, — сказал он, несколько смягчившись. — Я просто ничего не знаю

о пассажирах. — А затем, обращаясь к Уайту, добавил: — Мне кажется, сегодня я больше ничем не могу вам помочь. В случае чего вы знаете, как меня найти.

И, круто повернувшись, он вышел из вагона и поднялся по лестнице из метро. На улице занималась заря, растворившая ночные тени.

Об этом импровизированном совещании в одиночном вагоне метро в газетах ничего не сообщалось. Не сообщалось в них и о результатах долгой ночной вахты в туннелях бостонского метрополитена. В течение всей следующей недели Тьюпело присутствовал еще на четырех уже более официальных совещаниях с участием Келвина Уайта и представителей городских властей. На двух из них присутствовали также специалисты-топологи. Из Филадельфии приехал Орнстайн, из Чикаго — Кашта, из Лос-Анджелеса — Майкелис. Математики не смогли прийти к единому мнению. Никто из них не поддерживал точку зрения Тьюпело, хотя Кашта согласился, что в ней есть рациональное зерно. Орнстайн утверждал, что конечная сеть не может иметь бесконечную связность, но не мог доказать этого, как не мог вычислить и фактическую связность системы. Майкелис просто заявил, что все это досужие домыслы, не имеющие ничего общего с топологией системы. Он утверждал, что раз поезд в системе обнаружить не удалось, значит, система незамкнута или во всяком случае хотя бы один раз замкнутость была нарушена.

Но чем глубже анализировал Тьюпело эту проблему, тем больше убеждался в правильности своего первоначального вывода. С точки зрения топологии система представляет собой семейство многомерных сетей, каждая из которых имеет бесчисленное мно-

жество дисконтинуумов. Но окончательное строение этой новой пространственно-гиперпространственной сети ему никак не удавалось выяснить. Он занимался этим, не отрываясь, целую неделю. Затем другие дела заставили его отложить решение проблемы. Он собирался вернуться к ней весной, когда закончатся занятия со студентами.

Тем временем система метро действовала, словно ничего не произошло. Главный управляющий и представитель мэра почти забыли о неприятных переживаниях той знаменательной ночи, когда они возглавляли обследование линий бостонского метро, и теперь уже несколько иначе объясняли все, что видели или, вернее, не видели тогда. Но газеты и общественность продолжали высказывать самые невероятные предположения и наседали на Уайта, требуя объяснений. Кое-кто из родственников исчезнувших пассажиров подал в суд на управление бостонского метрополитена. Вмешалось правительство и решило провести тщательное расследование. На заседаниях конгресса конгрессмены гневно обличали друг друга. В печать проникла в довольно искаженном виде версия доктора Тьюпело. Но он хранил молчание, и интерес к этому постепенно угас.

Проходили недели, наконец прошел месяц. Правительственная комиссия закончила расследование. Сообщения о нем с первой полосы газет перешли на вторую, затем на двадцать третью, а потом и вовсе исчезли. Пропавшие не возвращались. Их оплакивали недолго.

Однажды в середине апреля Тьюпело снова спустился в метро и проехал от станции Чарлз-стрит до станции Гарвард. Он сидел прямо и напряженно на переднем сиденье головного вагона и смотрел, как летят навстречу рельсы и размыкаются серые стены туннеля. Поезд дважды останавливался перед

светофором, и в эти минуты Тьюпело невольно думал: где же этот встречный поезд — за поворотом или в другом измерении? Из какого-то безотчетного любопытства ему вдруг захотелось, чтобы принцип исключения оказался ошибкой и его поезд тоже попал в четвертое измерение. Но ничего подобного, разумеется, не случилось, и он благополучно прибыл на станцию Гарвард. Из всех пассажиров, пожалуй, только ему одному поездка показалась необычной.

На следующей неделе он снова совершил такую же поездку, потом еще одну. Как эксперимент они ничего не дали, да и не казались уже столь волнующими, как первая. Тьюпело стал сомневаться в правильности своего вывода. В мае он возобновил свои ежедневные поездки в университет на метро, садясь каждый раз на станции Бикон-хилл, неподалеку от своей квартиры. Он больше не думал о сером извилистом туннеле за окнами вагона; в поезде он обычно просматривал утренний выпуск газеты или читал рефераты из «Математикл ревьюз».

Но однажды утром, оторвав глаза от газеты, он вдруг почувствовал неладное. Подавив нарастающий страх, сжав его в себе до отказа, как пружину, он быстро глянул в окно. Свет из окон вагона освещал черные и серые полосы — пятна на мелькавших мимо стенах туннеля. Колеса отбивали знакомый ритм. Поезд обогнул поворот и проехал стрелку, которую Тьюпело хорошо запомнил. Он лихорадочно стал припоминать, как сел в поезд на станции Чарлз, вспомнил станцию Кендалл, девушку на плакате, рекламирующем мороженое, и встречный поезд, шедший к станции Центральная.

Он посмотрел на своего соседа, державшего коробку с завтраком на коленях. Все места в вагоне были заняты, многие пассажиры стояли, держась за

поручни. Нарушая правила, у дверей курил какой-то парень с мучнисто-белым лицом. Две девицы оживленно обсуждали свои дела. Впереди молодая мать журила сынишку, еще дальше мужчина читал газету. Над его головой рекламный плакат расхваливал флоридские апельсины.

Тьюпело посмотрел на мужчину с газетой и усилием воли снова подавил неприятное чувство страха, близкое к панике. Он стал внимательно разглядывать сидящего впереди пассажира. Кто он? Брюнет с проседью, круглый череп, низкий неровный пробор, вялая, бледная кожа, черты лица невыразительны, толстая шея, одет в серый в полоску костюм. Пока Тьюпело разглядывал его, мужчина прогнал муху, севшую ему на левый висок, и слегка качнулся от толчка поезда. Газета, которую он читал, была сложена по вертикали. Газета! Она была за март месяц.

Тьюпело быстро взглянул на своего соседа. У того тоже на коленях лежала свернутая газета, — но за сегодняшнее число! Тьюпело оглянулся на пассажиров, сидящих сзади. Молодой парень читал спортивную страницу газеты «Транскрипт» — номер за четвертое марта. Глаза Тьюпело быстро обежали вагон — около десятка пассажиров читали газеты двухмесячной давности.

Тьюпело вскочил. Его сосед гихонько чертыхнулся, когда математик невежливо протиснулся мимо него и бросился в другой конец вагона, где вдруг дернул за шнур сигнала. Пронзительно заскрежетали тормоза, и поезд остановился. Пассажиры негодуяще уставились на Тьюпело. В другом конце вагона открылась дверь, и из нее выскочил высокий тощий человек в синей форме. Тьюпело не дал ему произнести ни слова.

— Доркин? — задыхаясь выкрикнул он.

Кондуктор остановился, открыв рот.

— Серьезное происшествие, Доркин! — громко произнес Тьюпело, стараясь, чтобы его голос перекрыл недовольный ропот пассажиров. — Немедленно вызовите сюда Галлахера.

Доркин четырежды дернул шнур сигнала.

— Что произошло? — наконец спросил он.

Тьюпело словно и не слышал его вопроса.

— Где вы были, Доркин? — спросил он.

На лице кондуктора отразилось полное недоумение.

— В соседнем вагоне, а что слу...

Тьюпело не дал ему закончить. Взглянув на свои часы, он крикнул, обращаясь к пассажирам:

— Сегодня 17 мая, время — девять часов десять минут утра!

Его слова были встречены недоуменным молчанием. Пассажиры удивленно переглянулись.

— Посмотрите на дату ваших газет! — крикнул им Тьюпело. — Ваших газет!

Пассажиры взволнованно загудели. И пока они разглядывали друг у друга газеты, гул становился все громче. Тьюпело, взяв Доркина за локоть, отвел его в конец вагона.

— Который час, по-вашему? — спросил он.

— Восемь двадцать одна, — ответил Доркин, посмотрев на свои часы.

— Откройте, — сказал Тьюпело, кивком указывая на переднюю дверь. — Выпустите меня. Где здесь телефон?

Доркин беспрекословно выполнил приказание Тьюпело. Он показал на телефон в нише туннеля в ста шагах от остановившегося поезда. Тьюпело прыгнул вниз и побежал по узкому проходу между поездом и стеной туннеля.

— Главное управление! Главное! — крикнул он

в трубку телефонистке. Пока он ждал соединения, позади их поезда на красный свет светофора остановился еще один поезд. По стене туннеля запрыгали лучи прожектора. Тьюпело видел, как с другой стороны поезда пробежал Галлахер.

— Дайте мне Уайта! — крикнул он, когда его соединили с главным управлением. — Срочно!

Очевидно, произошла какая-то заминка, его почему-то не соединяли. Он слышал, как в поезде нарастает гул недовольных голосов. В них слышались страх, возмущение, паника.

— Алло! — крикнул он в трубку. — Алло! Неотложный случай, тревога! Дайте мне немедленно Уайта!

— Я вместо него, — наконец послышался голос на другом конце провода. — Уайт сейчас занят.

— Восемьдесят шестой нашелся! — крикнул Тьюпело. — Он находится между станциями Центральная и Гарвард. Я не знаю, когда это произошло. Я сел в него на станции Чарлз-стрит десять миль назад и ничего не заметил.

На другом конце провода кто-то с трудом глотнул воздух.

— Пассажиры? — наконец сдавленно прохрипел голос в трубке.

— Те, что здесь, все живы-здоровы, — ответил Тьюпело. — Кое-кто, должно быть, уже сошел на станциях Кендалл и Центральная.

— Где они все были?

Тьюпело в недоумении опустил руку с телефонной трубкой, затем повесил трубку на рычаг и побежал к открытым дверям вагона.

Наконец кое-как удалось успокоить пассажиров, восстановить порядок, и поезд смог продолжить свой путь к станции Гарвард. На платформе его уже ждал паряд полиции, немедленно взявший под ох-

рану всех пассажиров. Уайт прибыл на станцию еще до прихода поезда. Тьюпело сразу же увидел его на платформе.

Усталым жестом махнув в сторону пассажиров, Уайт спросил у Тьюпело:

— С ними действительно все в порядке?

— Абсолютно, — ответил математик. — Им и неведомек, где они находились все это время.

— Удалось вам повидаться с профессором Тэрнболлом? — спросил управляющий.

— Нет. Он, должно быть, как всегда, вышел на станции Кендалл.

— Жаль, — сказал Уайт. — Мне необходимо поговорить с ним.

— И мне тоже, — сказал Тьюпело. — Кстати, сейчас самое время закрыть линию Бойлстон.

— Поздно, — ответил Уайт. — Двадцать пять минут назад между станциями Эглстон и Дорчестер исчез поезд номер 143.

Тьюпело посмотрел куда-то мимо Уайта, на убегающие в туннель рельсы.

— Мы должны найти Тэрнболла, — сказал Уайт.

Тьюпело поднял глаза и невесело улыбнулся.

— Вы полагаете, он действительно сошел на станции Кендалл?

— Разумеется, — ответил Уайт. — Где же еще?

Джеймс Блиш День статистика

Уиберг четырнадцать лет проработал за границей специальным корреспондентом «Нью-Йорк таймс», из них десять посвятил еще и другой, сов-

сем особой профессии и в разное время провел в общей сложности восемнадцать недель в Англии. (В подсчетах он, естественно, был весьма точен.) Вот почему жилище Эдмунда Джерарда Дарлинга сильно его удивило.

Служба Контроля над народонаселением была учреждена ровно десять лет назад, после страшного, охватившего почти весь мир голода, и с тех пор Англия почти не изменилась. Выезжая по автострате номер четыре из Лондона, Уиберг вновь увидел небоскребы, выросшие на месте Зеленого пояса, которым некогда обведен был город, — под такими же каменными громадами бесследно исчезли округ Уэстчестер в штате Нью-Йорк, Арлингтон в Виргинии, Ивенстон в Иллинойсе, Беркли в Калифорнии. Позднее таких махин почти не возводили, в этом больше не было нужды, раз численность населения не возрастала, однако построили их на скорую руку, и потому многие через некоторое время придется заменять новыми.

Городок Мейденхед, где численность населения остановилась на отметке 20 тысяч, с виду тоже ничуть не переменялся с тех пор, как Уиберг проезжал его в последний раз, направляясь в Оксфорд. (Тогда он наносил подобный визит специалисту по эрозии берегов Чарлзу Чарлстону Шеклтону; тот был отчасти еще и писатель.) Однако на этот раз у Мейденхед Тикет надо было свернуть с автостреды, и неожиданно Уиберг оказался в самой настоящей сельской местности, он и не подозревал, что еще сохранилось такое, да не где-нибудь, а между Лондоном и Редингом!

Добрых пять миль он пробирался узеньким проселком — впору проехать одной машине, сверху сплошь нависли ветви деревьев — и выехал на круглый, тоже обсаженный деревьями крохотный пята-

чок, который, кажется, переплюнул бы ребенок, не возвышайся посередине десятифутовая замшеслая колонна — памятник павшим в первой мировой войне. По другую сторону ютилась деревня Шерлак Роу, куда он направлялся. Там, похоже, всего-то и было, что церквушка, пивная да с полдюжины лавчонок. Должно быть, неподалеку имелся еще и пруд: откуда-то слабо доносилось утиное кряканье.

«Файтл», обитель романиста, тоже стояла на Хай-стрит, видимо единственной здешней улице. Большой двухэтажный дом, крыша соломенная, стены выбелены, дубовые балки когда-то были покрашены в черный цвет. Солому совсем недавно сменили, поверх нее для защиты от птиц натянута проволоочная сетка; в остальном вид у дома такой, словно его строили примерно в шестнадцатом веке, да так оно, вероятно, и было.

Уиберг поставил свою старую машину в сторонке и нашарил в кармане куртки заготовленный агентством Ассошиэйтед пресс некролог, бумага чуть слышно, успокоительно зашуршала под рукой. Вынимать ее незачем, он уже выучил некролог наизусть. Именно эти гранки, присланные по почте неделю назад, и заставили его пуститься в путь. Некролог должен появиться почти через год, но в печати уже сообщалось, что Дарлинг болен, а это всегда неплохой предлог — в сущности, им пользуешься чаще всего.

Он вылез из машины, подошел к огромной, точно у сарая, парадной двери и постучал; открыла чистенькая, пухленькая, румяная девушка, судя по платью, горничная. Он назвал себя.

— Да-да, мистер Уиберг, сэр Эдмунд вас дожидается, — сказала она, и по выговору он сразу узнал ирландку. — Может, хотите обождать в саду?

— С удовольствием.

Очевидно, эта девушка служит совсем недавно, ведь знаменитый писатель не просто дворянин, он награжден орденом «За заслуги», а значит, его надо величать куда торжественней; впрочем, по слухам, Дарлинг равнодушен к таким пустякам и уж наверно даже не подумал поправлять горничную.

Она провела гостя через просторную столовую, где дубовые балки потолка низко нависали над головой, а очаг сложен был из самодельного кирпича, отворила стеклянную дверь в глубине, и Уиберг оказался в саду. Сад размером примерно в пол-акра — розы, еще какие-то цветущие кусты, их огибают посыпанные песком дорожки, тут же несколько старых яблонь и груш и даже одна смоковница. Часть земли отведена под огород, в уголке под навесом высажены какие-то растеньица в горшках; от дороги и от соседей все это заслоняют плетень из ивовых прутьев и живая изгородь — стена вечнозеленого кустарника.

Но любопытней всего показался Уибергу кирпичный флигелек в глубине сада, предназначенный для гостей или, может быть, для прислуги. В некрологе сказано, что тут есть отдельная ванная (или туалетная, как до сих пор деликатно выражаются англичане из средних слоев); в этой-то пристройке Дарлинг писал свои книги в пору, когда с ним еще жила семья. Вначале у домика была островерхая черепичная крыша, но ее давно почти всю разобрали, чтобы оборудовать знаменитую маленькую обсерваторию.

Здешние края не слишком подходили для астрономических наблюдений, даже когда самого Дарлинга еще и на свете не было, думал Уиберг, а впрочем, наверно, Дарлинга это мало трогало. Он любитель наук (однажды назвал их «лучшим в мире спортом для созерцателей») и свою обсерваторию

построил не для настоящих изысканий, просто ему нравится смотреть на небо.

Уиберг заглянул в окно, но внутри не осталось и следа былых занятий владельца; видно, теперь этим домиком пользуется только горничная. Уиберг вздохнул. Он был человек не слишком чувствительный — просто не мог себе этого позволить, — но порой его и самого угнетала его профессия.

Он опять пошел бродить по саду, нюхал розы и желтофиоли. В Америке он желтофиолей никогда не видал; какой у них пряный, экзотический аромат... так пахнет цветущий табак, а может быть (вдруг подсказало воображение), травы, которыми пользовались для бальзамирования в Древнем Египте.

Потом его позвала горничная. Опять провела через столовую и дальше, по длинной и просторной, сворачивающей под прямым углом галерее с камином из шлифованного камня и стеной, сплошь уставленной книжными полками, к лестнице. На втором этаже помещалась спальня хозяина дома. Уиберг шагнул к двери.

— Осторожно, сэр! Голову! — крикнула девушка, но опоздала, он не успел нагнуться и ушибся макушкой.

В комнате раздался смешок.

— Вам не первому досталось, — произнес мужской голос. — Если несешь сюда кое-что за пазухой, лучше поостеречься, черт подери.

Ударился Уиберг не сильно и тотчас про это забыл.

Эдмунд Джерард Дарлинг в теплом клетчатом халате, опираясь на гору подушек, полусидел в огромной кровати — на пуховой перине, судя по тому, как глубоко утонуло в ней худое, слабое тело. Все еще внушительная грива волос, хоть они и поредели

надо лбом по сравнению с последней фотографией, что красуется на суперобложках, и все те же очки — стекла без оправы, золотые дужки. Лицо его, лицо старого патриция, наперекор болезни чуть пополнило, черты отяжелели, появилось в них что-то от доброго дядюшки — странно видеть это выражение у человека, который почти шестьдесят лет кряду и критических статьях немилосердно бичевал своих собратьев за невежество, за незнание самых основ родной литературы, не говоря уже о литературе мировой.

— Для меня большая честь и удовольствие видеть вас, сэр, — сказал Уиберг, доставая записную книжку.

— Жаль, что не могу отплатить такой же любезностью, — отозвался Дарлинг и указал гостю на глубокое кресло. — Впрочем, я давно уже вас поджидаю. В сущности, мысли мои занимает только один последний вопрос, и я был бы весьма признателен вам за прямой и честный ответ... разумеется, если вам позволено отвечать.

— Ну конечно, сэр, к вашим услугам. В конце концов, я ведь тоже пришел задавать вопросы. Спрашивайте.

— Кто вы? — спросил старый писатель. — Только предвестник палача или палач собственной персоной?

Уиберг смущенно, через силу усмехнулся.

— Право, я вас не понимаю, сэр.

Но он прекрасно понял. Непонятно было другое: откуда у Дарлинга сведения, которые помогли додуматься до такого вопроса. Все десять лет важнейший секрет Службы Контроля охранялся самым тщательным образом.

— Если вы не желаете отвечать на мой вопрос, так и мне на ваши отвечать необязательно, — заме-

тил Дарлинг. — Но не станете же вы отрицать, что у вас в кармане лежит мой некролог?

Обычное подозрение, Уибергу не раз приходилось с ним сталкиваться и проще простого было ответить прямо и чистосердечно.

— Да, правда. Но ведь вы, конечно, знаете, что у «Таймс», да и у каждой большой газеты и крупного агентства печати заготовлены некрологи на случай несчастия с любым выдающимся деятелем, с любой знаменитостью. Естественно, время от времени наши сведения приходится подновлять; и естественно, каждый репортер, когда его посылают брать у кого-нибудь интервью, для справок в них заглядывает.

— Я и сам начинал как журналист, — сказал Дарлинг. — И прекрасно знаю, что большие газеты обычно поручают такую пустяковую работу новичку, молокососу, а вовсе не специальному корреспонденту за границей.

— Не всякий, у кого берут интервью, удостоен Нобелевской премии, — возразил Уиберг. — А когда Нобелевскому лауреату восемьдесят лет и сообщалось, что он болен, взять у него интервью, которое может оказаться последним, — задача отнюдь не для молокососа. Если вам угодно, сэр, считать, что цель моего прихода — всего лишь освежить данные некролога, я бессилен вас переубедить. Пожалуй, в моем поручении есть и нечто зловещее, но вы, бесспорно, прекрасно понимаете, что это в конечном счете можно сказать почти о всякой газетной работе.

— Знаю, знаю, — проворчал Дарлинг. — Стало быть, если вами сейчас не движет желание выставить себя в наиболее благоприятном свете, понимать надо так: уже одно то, что ко мне прислали не кого-нибудь, а вас, есть дань уважения. Верно?

— Н-пу... пожалуй, можно это определить и так, сэр, — сказал Уиберг.

По правде говоря, именно так он и собирался это определить.

— Чушь.

Уиберг пожал плечами.

— Повторяю, сэр, не в моей власти вас переубедить. Но мне очень жаль, что вы так поняли мой приход.

— А я не сказал, что понимаю ваш приход так или эдак. Я сказал — чушь. То, что вы мне тут наговорили, в общем верно, но к делу не относится и должно только ввести в заблуждение. Я ждал, что вы скажете мне правду, надо полагать, я имею на это право. А вы преподносите мне явный вздор. Очевидно, вы всегда так заговариваете зубы неподатливым клиентам.

Уиберг откинулся на спинку кресла, его опасения усиливались.

— Тогда объясните, пожалуйста, сэр, что же, по-вашему, относится к делу?

— Вы этого не заслужили. Но какой смысл умалчивать о том, что вы и сами знаете, а я как раз и хочу, чтобы вы все поняли, — сказал Дарлинг. — Ладно, пока не станем выходить за рамки дел газетных.

Он пошарил в нагрудном кармане, вынул сигарету, нажал кнопку звонка на ночном столике. Тотчас появилась горничная.

— Спички, — сказал Дарлинг.

— Сэр, так ведь доктор...

— А ну его, доктора, теперь-то я уже точно знаю, когда мне помирать. Да вы не огорчайтесь, принесите-ка мне спички и по дороге затопите камин.

День был еще теплый, но Уибергу тоже почему-то приятно было смотреть, как разгорался огонек.

Дарлинг затаился сигаретой, потом одобрительно ее оглядел.

— Чепуха вся эта статистика, — сказал он. — Кстати, это имеет самое прямое отношение к делу. Видите ли, мистер Уиберг, на седьмом десятке человека обуревают интерес к траурным извещениям. Начинают умирать герои твоего детства, начинают умирать твои друзья, и незаметно пробуждается интерес к смерти людей чужих, безразличных, а потом и таких, о ком никогда не слыхал.

Пожалуй, это не слишком достойное развлечение, тут есть и немалая доля злорадства — дескать, вот он умер, а я-то еще живой. Кто хоть сколько-нибудь склонен к самоанализу, тот, конечно, все острее ощущает, что становится день ото дня более одиноким в этом мире. И кто душевно не слишком богат, того, пожалуй, все сильнее станет пугать собственная смерть.

По счастью, среди всего прочего я уже много лет увлекаюсь разными науками, особенно математикой. Я перечитал множество траурных объявлений в «Нью-Йорк таймс», в лондонской «Таймс» и других больших газетах, сперва просматривал мельком, потом начал следить за ними внимательно — и стал замечать любопытные совпадения. Улавливаете ход моей мысли?

— Как будто улавливаю, — осторожно сказал Уиберг. — Какие же совпадения?

— Я мог бы привести вам наглядные примеры, но, думаю, довольно и общей картины. Чтобы заметить такие совпадения, надо следить не только за крупными заголовками и официальными некрологами, но и за мелкими объявлениями в траурных рамках. И тогда убедишься, что в какой-то день умерло, допустим, необычайно много врачей. В другой день — необычайно много юристов. И так далее.

Впервые я заметил это в день, когда разбился пассажирский самолет и погибли почти все руководители видной американской машиностроительной фирмы. Меня это поразило, ведь к тому времени в Америке стало правилом: одним и тем же рейсом могут лететь двое ведущих работников любой фирмы, но ни в коем случае не больше. Меня как осенило, я просмотрел мелкие объявления и увидел, что это был черный день для всех вообще машиностроителей. И еще одно престранное обстоятельство: почти все они погибли в разных дорожных катастрофах. Неудачное совпадение с тем злополучным самолетом, судя по всему, оказалось ключом к некоему установившемуся порядку.

Я занялся подсчетами. Обнаружил много других связей. Например, в дорожных катастрофах нередко погибали целые семьи, и в таких случаях чаще всего оказывалось, что жену соединяли с мужем не только узы брака, но и профессия.

— Любопытно... и даже пахнет мистикой, — согласился Уйберг. — Но, как вы сами сказали, это явно только совпадение. В такой малой выборке...

— Не так уж она мала, если следишь за этим двадцать лет подряд, — возразил Дарлинг. — И я теперь не верю, что тут случайные совпадения, вот только первая авиационная катастрофа случайно заставила меня присмотреться — что происходит. И вообще речь уже не о том, чему верить или не верить. Я веду точный подсчет и время от времени передаю данные в вычислительный центр при Лондонском университете, только, понятно, не говорю программистам, к чему относятся эти цифры. Последние вычисления по критерию хи-квадрат делались как раз, когда вы телеграммой попросили меня вас принять. Я получил значимость в одну десятичную при доверительной вероятности 0,95. Ни-

какие противники табака не могли с такой точностью высчитать вред курения, а ведь начиная примерно с 1950 года тысячи ослов от медицины и даже целые правительства действовали, опираясь на куда менее солидные цифры.

Попутно я занялся перепроверкой. Мне пришло в голову, что все решает *возраст* умирающих. Но критерий хи-квадрат показывает, что возраст тут ни при чем, с возрастом взаимосвязи совсем нет. Зато стало совершенно ясно, что люди, подлежащие смерти, подбираются на основе занятия, ремесла или профессии.

— М-м... Допустим на минуту, что ваши рассуждения верны. Как же, по-вашему, можно все это проделать?

— Как — не велика хитрость, — сказал Дарлинг. — Не может быть, чтобы все эти люди умирали естественной смертью, ведь природа, силы биологические не отбирают свои жертвы так тщательно и не уничтожают их за такой строго определенный отрезок времени. Существенно здесь не *как*, а *почему*. А на это возможен только один-единственный ответ.

— Какой же?

— Такова политика.

— Простите, сэр, — возразил Уиберг, — но при всем моем к вам уважении должен признаться, что это... м-м... несколько отдаст сумасшествием.

— Это и есть сумасшествие, еще какое, но так все и происходит, чего вы, кстати, не оспариваете. И сошел с ума не я, а те, кто ввел такую политику.

— Но что пользы в подобной политике... вернее, какую тут пользу можно себе представить?

Через очки без оправы старый писатель посмотрел на Уиберга в упор, прямо в глаза.

— Всемирная Служба Контроля над народонаселением официально существует уже десять лет, а

негласно, должно быть, все двадцать, — сказал он. — И действует она успешно: численность населения держится теперь на одном и том же уровне. Почти все люди верят — им так объясняют, — что соль тут в принудительном контроле над рождаемостью. И никто не задумывается над тем, что для подлинной стабильности народонаселения требуется еще и точно предсказуемая экономика. Еще об одном люди не задумываются, и этого им уже не объясняют, больше того, сведения, которые необходимы, чтобы прийти к такому выводу, теперь замалчиваются даже в начальной школе: при нашем нынешнем уровне знаний можно предопределить только *число* рождений; мы пока не умеем предопределить, *кто* родится. Ну, то есть уже можно заранее определить пол ребенка, это не сложно; но не предусмотрит ли, родится ли архитектор, чернорабочий или просто никчемный тупица.

А между тем при полном контроле над экономикой общество в каждый данный период может позволить себе иметь лишь строго ограниченное число архитекторов, чернорабочих и тупиц. И поскольку этого нельзя достичь контролем над рождаемостью, приходится достигать этого путем контроля над смертностью. А потому, когда у вас образуется экономически невыгодный излишек, допустим, писателей, вы такой излишек устраняете. Понятно, вы стараетесь устранять самых старых; но ведь нельзя предсказать заранее, когда именно образуется подобный излишек, а потому и возраст тех, что окажутся самыми старыми к моменту удаления излишков, далеко не всегда одинаков, и тут трудно установить статистическую закономерность. Вероятно, есть еще и тактические соображения: для сокрытия истины стараются, чтобы каждая такая смерть казалась случайной, с остальными никак не связан-

ной, а для этого, скорее всего, приходится убивать и кое-кого из молодых представителей данной профессии, а кое-кого из стариков оставить до поры, покуда сама природа с ними не расправится.

И конечно, такой порядок очень упрощает задачу историка. Если тебе известно, что при существующей системе такому-то писателю назначено умереть примерно или даже точно в такой-то день, уже не упустишь случая взять последнее интервью и освежить данные некролога. Тот же или сходный предлог — скажем, очередной визит врача, постоянно пользующего намеренную жертву, — может стать и причиной смерти.

Итак, вернемся к моему самому первому вопросу, мистер Уиберг. Кто же вы такой — ангел смерти собственной персоной или всего лишь его предвестник?

Наступило молчание, только вдруг затрещало пламя в камине. Наконец Уиберг заговорил:

— Я не могу сказать вам, основательна ли ваша догадка. Как вы справедливо заметили в начале нашей беседы, если бы догадка эта была верна, я не имел бы права ее подтвердить. Скажу одно: я безмерно восхищен вашей откровенностью... и не слишком ею удивлен.

Но допустим на минуту, что вы не ошибаетесь, и сделаем еще один логический шаг. Предположим, все обстоит так, как вы говорите. Предположим далее, что вас намечено... «устранить»... к примеру, через год. И предположим, наконец, что я послан был всего лишь взять у вас последнее интервью — и ничего больше. Тогда, пожалуй, высказав мне свои умозаключения, вы бы просто вынудили меня вместо этого стать вашим палачом, не так ли?

— Очень может быть, — на удивление весело согласился Дарлинг. — Такие последствия я тоже

предвидел. Я прожил богатую, насыщенную жизнь, а теперешний мой недуг изрядно мне досаждаст, и я прекрасно знаю, что он неизлечим, стало быть, маяться годом меньше — не такая уж страшная потеря. С другой стороны, риск, пожалуй, невелик. Убить меня годом раньше — значило бы несколько нарушить математическую стройность и закономерность всей системы. Нарушение не бог весть какое серьезное, но ведь бюрократам ненавистно всякое, даже самое пустячное отклонение от установленного порядка. Так или иначе, мне-то все равно. А вот насчет вас я не уверен, мистер Уиберг. Совсем не уверен.

— Насчет меня? — растерялся Уиберг. — При чем тут я?

Никаких сомнений — в глазах Дарлинга вспыхнул прежний насмешливый, злорадный огонек.

— Вы — статистик. Это ясно, ведь вы с такой легкостью понимали мою специальную терминологию. Ну, а я математик-любитель, интересы мои не ограничивались теорией вероятностей; в частности, я занимался еще и проективной геометрией. Я наблюдал за статистикой, за уровнем народонаселения и смертностью, а кроме того, еще и чертил кривые. И потому мне известно, что моя смерть настанет четырнадцатого апреля будущего года. Назовем этот день для памяти *Днем писателя*.

Так вот, мистер Уиберг. Мне известно также, что третье ноября нынешнего года можно будет называть *Днем статистика*. И мне кажется, вы не настолько молоды, чтобы чувствовать себя в полной безопасности, мистер Уиберг.

Вот я и спрашиваю: а у вас хватит мужества встретить этот день? Ну-с? Хватит у вас мужества? Отвечайте, мистер Уиберг, отвечайте. Вам не так уж много осталось.

Эдвард Маккин

Неприятности с СИМом

Кибернетика теперь не та, что прежде. Беда в том, что нас стало слишком много. А если учесть острейшую конкуренцию и автоматы, способные самостоятельно обнаруживать и устранять неисправности, то вряд ли приходится удивляться, что в любой день можешь оказаться в очереди за бесплатной тарелкой супа.

С тех пор как я потерял свою последнюю работу, прошло месяца три. Работал я на какой-то паршивой фабрике мясо-рыбных продуктов, владелец которой счел, что дешевле доводить оборудование до поломки и кое-как ремонтировать, чем держать в штате инженера. Мне уплатили двухнедельное жалованье и выставили за дверь.

И вот я сижу в своей конторе в ожидании, не подвернется ли что-нибудь. В моем «оффисе» голо, хоть шаром покати: все, что можно было продать, давно продано. Остался один телефон, да и тот стоит на полу. Дня три я еще кое-как продержусь, а там настанет и мой черед куда-нибудь отправиться. Скорее всего за решетку.

Расхаживая взад-вперед по голому полу, я предавался горестным размышлениям о собственной судьбе и в то же время мысленно благодарил свою полусчастливую звезду за то, что на дворе сейчас лето в разгаре и еще несколько месяцев можно обходиться без пальто.

В дверь позвонили. Я замер и принялся размышлять, кто бы это мог быть: какой-нибудь кредитор или полиция. В наши дни с должниками не очень-то церемонятся.

Позвонили еще раз. Я на цыпочках подкрался к двери и осторожно заглянул в замочную скважину. Прямо на меня смотрел чей-то глаз.

— Может, ты все же откроешь, Гек Белов? — услышал я знакомый голос. — Ведь я все равно слышу твоё дыхание.

Я отворил дверь и втащил обладателя глаза в комнату. Это был Меершрафт — добрый, толстый, щедрый Меершрафт. Ангел с небес и к тому же чертовски толковый кибернетик.

— Входи, дружище! — приветствовал я его. — Присаживайся на пол. Вот здесь почище. Всю мебель я проел, хотя кое-что было и не мое. Меершрафт, дружище, ты при деньгах?

— Как тебе сказать, — произнес он осторожно, — работа у меня есть, но платят, признаться, не очень-то. Я и к тебе пришел по этому поводу, правда, работа временная. Я так и сказал шефу: «Если кто-нибудь может решить нашу проблему, так это Белов. Может, Белов и паршивый инженер, но у него есть то, чего недостает ни вам, ни мне. У него врожденное чутье к машинам, а машины это любят. Они выкладывают ему все свои секреты, и Белов понимает их язык.» Ты, конечно, знаешь профессора Рэтоффа? Он начальник отдела кибернетики в Исследовательском институте Хилберри.

— Не знаю я никакого профессора, — с кислым видом прервал я Меершрафта, — как не знал я, что ты — змея подколотная. Паршивый инженер! Благодарю вас, мистер Меершрафт, за великолепную рекомендацию. Кстати, а что сказал, свинья ты этакая, профессор Рэтофф?

Меершрафт ухмыльнулся.

— Рэтофф сказал (цитирую дословно): «Вряд ли Белов более паршивый инженер, чем вы, поэтому ступайте и приведите его». Кроме того, он по-

обещал мне (это уже вольный пересказ), что если ты не справишься с проблемой, вышвырнуть меня вон. Так что теперь вся надежда на тебя, дружище. Поторапливайся, нас ждет воздушное такси.

— Постой, — возразил я. — Что это за работа? Нельзя ли поподробнее?

Меерштрафт сделал несколько неопределенных пассов руками, как бы пытаюсь материализовать что-то из воздуха.

— Речь идет о компьютере, но не совсем обычном, — промямлил он. — Наш компьютер наделен разумом, то есть был наделен разумом.

— Никогда не слышал более вразумительного объяснения! — поддел я приятеля. — Во всяком случае мне нужно пять фунтов на расходы. Без денег я отсюда не двинусь. Ведь ставкой служит твоя работа...

Я не закончил фразу. Чистейший шантаж, конечно. Меерштрафт со вздохом достал бумажник.

— Вот твои пять фунтов, вымогатель, — проворчал он. — Кажется, знаю тебя как облупленного, так нет — черт дернул рекомендовать! Всякий раз это стоило мне денег, а теперь еще может стоить и работы.

— Оставь сомнения, друг мой, — заявил я Меерштрафту самым сердечным тоном. — Считаю, твое дело в шляпе. Тебя ожидают повышение по службе и большая премия. Твоему шефу будет за что благодарить тебя.

— Кто бы и что бы ни сделал, — с горечью заметил Меерштрафт, — Рэтофф даже глазом не моргнет, разве что у него начнется тик.

По дороге в институт Меерштрафт объяснил мне ситуацию. Хилберри был учрежден Вильямсоновским фондом и занимался изучением проблем передачи, хранения и обработки информации. Компью-

тер, с которым мне предстояло иметь дело, был самообучающимся искусственным мозгом, или, как его ласково называли, СИМом.

СИМ был построен не для решения уравнений, а для работы с абстрактными понятиями, его наделили способностью анализировать явления. Это была индуктивная логическая самообучающаяся машина, снабженная несложным словарем в 420 слов. Построил СИМа знаменитый физик доктор Госс Вильямс. Построил и умер, оставив свое несколько неуклюжее детище на руках у доктора Рэтоффа, который ничего не смыслил в компьютерах.

— Сначала все шло как по маслу, — докладывал мне Меершрафт. — За первую неделю работы СИМ расширил свой словарь до 5000 слов. Затем с ним что-то стряслось, и с тех пор он не работает. Если тебе, Гек Белов, удастся найти и устранить неисправность, можешь без ложной скромности называть себя гением.

Меершрафт не шутил. Достаточно мне было бросить взгляд на СИМа, как я понял, что работа предстоит не из легких. Меершрафт без умолку болтал о переменных контурах в логических цепях и произвольных уровнях сложности, так что я начал подумывать, не являются ли они частями стоявшего передо мной чудовища. Не очень-то я разбираюсь во всех этих премудростях. Высшая математика всегда была для меня за семью печатями, а тут, не успел я глазом повести, как Меершрафт выписал длинную цепочку уравнений. Мне не оставалось ничего другого, как кивать с умным видом, хотя я в них ничего не смыслил.

К черту теорию, я практик! Чтобы понять, как устроена цифровая машина, мне нужно ее видеть. Я из тех практиков, которые могут, не глядя, произвести монтаж всех схем любой вычислительной

машины. Это — особый дар. Либо он у вас есть, либо его у вас нет, и никакие символы и уравнения вам его не заменят.

— Загляну в это сооружение, — думал я, — и бог непременно поможет моим кредиторам!

— Даю вам двадцать четыре часа, — ледяным тоном процедил Рэтофф. — Если за это время вам не удастся найти решение, вы лишаетесь платы, а Меершрафт будет уволен за то, что понапрасну отнял у меня время.

С этими словами Рэтофф вышел. Меершрафт, высоко подняв плечи, с разведенными руками последовал за ним. Целые тома не могли бы сказать больше. Рэтофф был гнусным типом, но тут ему можно было верить на слово. Я еще раз взглянул на машину и задумался. Рэтофф сказал «решение». В этом слове был какой-то тайный смысл. В нем было что-то такое, чему я никак не мог подобрать настоящее название, какой-то элемент жульничества.

То, что поначалу должно было быть мелким ремонтом, превратилось в создание новой машины. Меня провели, как мальчишку. Если у кого-то на сей счет и возникли бы сомнения, они несомненно отпали бы, стоило ему лишь заглянуть внутрь СИМа. Эту рухлядь нельзя было даже назвать компьютером. Может быть, когда-нибудь СИМ и был порядочной вычислительной машиной, но сейчас он выглядел так, словно его монтажом занимался ничего не смыслящий новичок. Куда ни глянь, всюду торчали свободные концы проводников, а некоторые компоненты вообще не были ни к чему присоединены.

Найти решение, о котором толковал доктор Рэтофф, означало построить самую что ни на есть настоящую мыслящую машину по жалкому эскизу на

обрывке бумаги. И от меня ждали, чтобы я за двадцать четыре часа совершил то, на что у кого-то ушла вся жизнь.

На миг у меня появилось сильное искушение перемонтировать СИМа так, чтобы он стал заурядной цифровой вычислительной машиной, но мои работодатели жаждали иного. Им хотелось получить своего рода супермозг, а пока они имели, насколько можно было судить, груду хлама. Во всяком случае, поверни выключатель — и эта штука станет грудой хлама, и никто на свете не убедит меня в обратном.

До меня постепенно начало доходить, как разворачивались события до моего появления в Хилберри. Прежде чем послать за стариной Беловым, они, должно быть, приглашали уйму всяких умников. Скрипнув от злости зубами, я сплюнул на пол. Может, я и беден, как церковная крыса, но никому не позволено безнаказанно оскорблять меня.

Я подошел к двери и дернул за ручку. Дверь была заперта. Я потряс ее и заорал что было силы.

— Меершрафт! — орал я. — Грязная собака! Отопри немедленно, змей, а не то я вырву твою печень!

Я тряс тяжелую дверь, облицованную пластиком, гремел ручкой, но никто не отозвался. И тут я увидел коробку, простую металлическую коробку. Раньше ее не было. В этом я был уверен. Такая профессия, как моя, требует острого глаза. Жаль, что слух у меня не такой острый. Пока я осматривал компьютер, кто-то открыл дверь и втолкнул коробку в лабораторию.

Осторожно заглянув в нее, я засмеялся от радости и снова почувствовал себя счастливым. Коробка была доверху набита всякой снедью. Чего в ней только не было — даже большой вишневый пирог! Если я когда-нибудь окажусь в раю, первое, чем

должны меня встретить небеса, — это неповторимым ароматом вишневого пирога. В коробке был и вместительный термос с кофе. О том, чтобы я не умер с голоду, они по крайней мере сочли нужным позаботиться.

Я уселся на скамью, на которой в полном беспорядке были разбросаны инструменты и измерительные приборы, и съел все содержимое коробки до последней крошки. Я толком не ел уже несколько дней. Меершрафт, хитрая лиса, об этом не забыл! Кормите меня досыта — и я стану неистовым гением. Держите меня впроголодь — и я не могу думать ни о чем, кроме еды. Я закурил сигарету и, попивая кофе, принялся не спеша размышлять о переменных контурах в логических цепях и произвольных уровнях сложности. Хотел бы я знать, честно говоря, что это такое!

Но мало-помалу мои мысли приняли более определенное направление, и я поставил вопрос прямо: в чем различие между мыслящим человеком и немыслящим, но быстрым, как молния, компьютером? Затем мне в голову пришел ответ, и преграда, стоявшая на пути моего сознания, рухнула.

Со мной всегда так. Вдохновение нисходит на меня, как на поэта. Я люблю такие мгновения, ибо знаю им цену. Может быть, они и не открывают истину, но, пока они длятся, разве это имеет какое-нибудь значение? Пусть умники облачают свои мысли в математические одеяния. Я предпочитаю мыслить электронными схемами.

Сначала забрезжит общая идея, а потом нужная часть схемы вспыхивает немеркнущим светом перед моим внутренним взором, как выразился однажды, правда по другому поводу, Уордсворт. Люблю поэтов. Я и сам стал бы поэтом, только за поэзию платят меньше, чем за кибернетику.

Решение моей проблемы, как это часто бывает, было заключено в самой постановке вопроса. В чем различие между мыслящим человеком и немыслящей машиной? Разумеется, в том, что машина не может мыслить. Она просто-напросто отбарабанивает вам ответ на вопрос, единственный ответ, который был в нее заложен программистом.

С человеком все обстоит иначе. Какой бы вопрос ему ни задали, вы никогда не знаете заранее, что он ответит. Вас может ожидать и совершенно правильный ответ, и ответ верный лишь отчасти. Под сводом человеческого черепа неразличимо сплавлены воедино софизмы, способные вызвать у вас лишь легкое раздражение, и совершенно нелепые представления.

Иногда какое-нибудь понятие, считавшееся некогда лишенным всякого смысла, приводит к правильному ответу или позволяет по-новому поставить какой-нибудь вопрос, и тогда рождается новая идея или совершается великое открытие. В других случаях разумное начало оказывается погребенным под ворохом неразумного, и тогда ответ лежит на грани безумия, ибо измученный разум черпает доводы из глубин подсознания.

С компьютером все обстоит иначе. Компьютер слишком логичен, слишком прямолинеен. Вы спрашиваете у компьютера, сколько будет дважды два, и он отвечает вам: «Четыре». Девять из десяти людей ответили бы вам так же, но десятый спросил бы: «Дважды два чего? Двое мужчин и две женщины? Или два слона, дирижерская палочка и небоскреб Эмпайр-Стейтс Билдинг?»

С этим различием и были связаны все неприятности с СИМом. Он обладал чрезмерно изощренной логикой, был слишком математичен. Ему недоставало разнообразия в идеях. В память СИМа нужно

было ввести ворох всякой чепухи. Ведь СИМ должен был быть самую малость «не в своем уме» — как всякий человек!

Два часа у меня ушло на то, чтобы приготовить наживку. Я повернул главный выключатель и задал СИМу один или два простых вопроса. Я записал их в двоичной системе, сопоставив каждой букве нашего алфавита определенную комбинацию нулей и единиц, понятную СИМу. Индикатор памяти стоял на нуле, и бумажная лента на выходе оставалась девственно белой. Я принялся загружать память СИМа: ввел в нее сначала самые разные факты, важные, второстепенные и так себе, затем понятия, противоречащие здравому смыслу, и совсем безумные идеи, отрывки из поэзии — словом, всякую всячину, какая только приходила мне в голову.

После нескольких часов напряженной работы все было готово, и я принялся снова спрашивать СИМа. Индикатор памяти сдвинулся с нуля и показывал, что она загружена на пять процентов. Значит, с памятью у СИМа было все в порядке. Ответы, напечатанные на выходной ленте, были такими, как я и ожидал, — они лишь точно воспроизводили то, что я своими руками ввел в память машины. Мне стало ясно, что переменные контуры в логических цепях СИМа, о которых столь красноречиво распространялся Меершрафт, бездействуют. Они как бы окаменели, превратившись в жестко заданные контуры, исключавшие ассоциативное мышление.

Я задавал СИМу один и тот же вопрос и неизменно получал на него один и тот же ответ. Вопрос мой гласил: «Что такое темнота?» СИМ неукоснительно отвечал: «Темнота — отсутствие света», и приводил противоположное понятие, введенное в его память мною, Гekom Беловым: «Свет — отсутствие

темноты». Строго говоря, ни одно из этих двух утверждений не было истинным. Слепой человек не ощущает темноту или свет. Он «видит» то, что видите вы, не поворачивая головы, позади себя.

Постарайтесь, скосив глаза, взглянуть назад, не поворачивая при этом головы, и глазам вашим откроется тайное тайных. Вас охватит ужас, вы ощутите трепет и благоговение. Оттуда мы миллионы лет назад высунули свои морды. Кто из вас может сказать, что это такое? Не знаете? Тогда позвольте старине Геку Белову ответить вам. Это — ничто и в то же время почти все, необъятная часть бесконечной вселенной, недоступная нашим пяти чувствам. Иногда мне кажется, что природа обделила человека, так любящего задавать ей дерзкие вопросы, оставив его стоять на трехмерном пороге многомерно-го мироздания.

Я видел, что порочный круг в определениях темноты и света продолжает раздражать электронный мозг, так как с каждым вопросом корпус СИМа вибрировал все сильнее и сильнее. Затем в СИМе произошло короткое замыкание, и он «пал бездыханным». Разумеется, ничего серьезного с ним не произошло. Это был всего лишь трюк, достойный викторианской дамы, попавшей в затруднительное положение.

Но отвертеться от ответа на щекотливый вопрос СИМу не удалось. Одно короткое замыкание следовало за другим. Расплавившиеся предохранители я заменял «жучками» из толстой проволоки. Риск был велик.

— Возьмись за ум, дубина, пока не поздно, — посоветовал я СИМу. — Думай своей головой, не то погибнешь! Пожалей себя.

Страшно подумать, что бы сказал Рэтофф, узнай он о происходящем. Наверное, отправил бы меня в

тюрьму. Но рискнуть все же стоило. Я был уверен, что СИМ мог бы ответить на мой вопрос, если бы сделал над собой небольшое, хотя и болезненное усилие.

Пока же его была мелкая дрожь, он стenal и вопил, а я стоял над ним и поносил его последними словами. Клуб дыма вырвался откуда-то изнутри измученного пыткой механизма, но каким-то чудом СИМ не сгорел. Мало-помалу он успокоился, крики и стоны сменились мерным успокоительным шумом. Каким-то образом СИМ сумел найти выход из положения! Я ждал ответа.

Бумажная лента на выходе пришла в движение. На ней я прочитал: «Темнота — внутри, свет — снаружи. Темнота определяется через отрицание. Для более подробного ответа информации недостаточно».

Это было именно то, что нужно. Меня ничуть не интересовала истинность утверждений СИМа. Главное, что СИМ мыслил. Отбрасывая одни сведения, сопоставляя другие, СИМ пришел к новому заключению, причем весьма необычному. Он снабдил меня даровой информацией о свете. Никаких сомнений не было: СИМ мыслил! Дело пошло на лад! Осталось лишь ввести в него всю имеющуюся у нас информацию обо всем на свете, добавить парочку-другую безумных идей, и тогда СИМу можно было бы задавать действительно серьезные вопросы, например спросить у него: «Что, по-вашему, должен делать человек, если он хочет выпутаться из всех финансово-экономических затруднений?» Вопрос, конечно, не из трудных. Задавать его СИМу — напрасная трата времени. Держу пари, что СИМ ответил бы: «Упасть замертво!»

Как бы то ни было, Меерштрафту можно было теперь не опасаться за свое место. Этот мерзавец Рэтофф должен будет теперь заплатить мне за работу,

и если очень повезет, то я сумею наскрести денег, чтобы вернуть долг Меершрафту. Впрочем, особенно рассчитывать на это не приходится. Знаю я людей типа Рэтоффа.

По крайней мере мне казалось, что знаю, но я глубоко заблуждался. Прежде всего я обнаружил, что дверь была не заперта. Просто я поворачивал дверную ручку не в ту сторону. Когда я сообщил Рэтоффу о своих достижениях, его это удивило и слегка позабавило. И то и другое плохо укладывалось в создавшееся у меня представление о Рэтоффе как о человеке с гипертрофированным самомнением.

Мы произвели испытания на машине и позвали Меершрафта. Мой толстый друг влетел в лабораторию в состоянии крайнего возбуждения.

— Белов,— закричал он с порога,— ты гений!

И хлопнув меня по спине, добавил:

— Я знал, что ты справишься. Ты же мне сам говорил об этом.

— Разве? Что-то не припомню,— ответил я.— Но оставим лавры, мне они ни к чему. Заплатите то, что мне, по-вашему, причитается за работу, и я пойду.

— Миллион фунтов осилишь? — спросил Меершрафт, ухмыляясь.— Ты только не подумай, что мы заплатим тебе столько. Но миллион фунтов стерлингов лишь ничтожная доля того, что эта проблема значит для нас. Кстати, как тебе удалось решить ее?

Пока я рассказывал о своем методе безумных идей, профессор Рэтофф задавал СИМу вопрос за вопросом и придирчиво оценивал ответы.

— Обучаемость необычайно быстрая,— вынужден был признать он.— Наконец-то мы имеем то, что, признаться, отчаялись иметь. Кстати, вам следует знать, что это правительственный проект, а потому он совершенно секретен.

— За меня не беспокойтесь,— заверил я.— Я умею держать язык за зубами.

— Это еще не все,— добавил Рэтофф и как-то странно посмотрел на Меершрафта.— Может быть, вы сами объясните все своему приятелю? Ведь идея пригласить его исходила именно от вас, а не от меня.

— Хорошо,— согласился Меершрафт, не без робости поглядывая на меня.— Начну издалека. Вера способна сдвинуть даже горы. Я хочу сказать, что если в осуществимость какой-нибудь затеи очень верить, то она становится осуществимой. Ты только что доказал это сам. Знаю, не у всех так получается. Среди людей немало природных скептиков. Есть и такие, что мыслят чрезмерно жесткими категориями или стеснены раз и навсегда выработанными схемами поведения...

— Ты хочешь сказать, что я не первый из тех, кого приглашали исправить эту машину? Если так, то не трать слов понапрасну. Об этом я догадался и сам.

Меершрафт кивнул головой.

— Да, это абсолютно очевидно. Ты был, наверное, двадцать первым. Анализируя причины неудач, мы пришли к выводу, что нам необходим человек с несколько бессистемным мышлением. Человек, любящий необычное. Этаким индивидуум, действующий методом тыка, с самыми элементарными познаниями. Мы хорошо сознавали, что дело не столько в инженерных решениях, сколько в методе введения информации.

— Ясно,— сказал я, еле сдерживая себя,— и поэтому вы обратились к старине Белову. Индивидуум, действующий методом тыка, с минимальным запасом профессиональных познаний! Меершрафт, ты подонок, грязный пес! Вся эта затея — сплошное

надувательство. Сомневаюсь, чтобы тебе грозило увольнение.

— По правде сказать, вовсе не грозило. Но я могу добавить кое-что и в свое оправдание. Ты обладаешь даром, которого лишено большинство из нас. Это — особое чутье. Человек, сконструировавший СИМа, не успел достроить машину и умер, так и не найдя ответ на вопрос, каким образом можно наделить искусственный мозг способностью к самостоятельному мышлению. Все мы лишь наполовину верили в то, что это возможно. Поэтому-то я и решил, что наибольшие шансы на успех у того, кто убежден в разрешимости проблемы.

Как убедить человека в разрешимости проблемы? Проще всего сообщить ему, что проблема была решена до него. А то, что было сделано один раз, можно повторить и даже улучшить. Классический пример тому — четырехминутный результат в беге на одну милю. Считалось, что пробежать милю за четыре минуты невозможно, но стоило одному бегуну преодолеть заветный рубеж, как он стал доступным для многих спортсменов. Отношение к проблеме имеет, как видишь, решающее значение. Этим я хочу сказать, что пока ты, Гек Белов, не нашел способ преодолеть разрыв между полной автоматизацией и независимым мышлением, СИМ был самой заурядной вычислительной машиной. А ты бы никогда не сумел сделать этого, если бы не был уверен, что такое кому-то случалось делать и до тебя, не правда ли?

Я не стал ему отвечать. Мне было не до него: я неотрывно наблюдал за Рэтоффом, который фыркал от нетерпения и даже тихо ругался под нос.

— Что-нибудь не так, профессор? — спросил я с невинным видом, улыбаясь про себя и просматривая выходную ленту с ответами.

— СИМ ведет себя плохо,— сообщил Рэтофф.— Вы только прочитайте, что он отвечает.

Я еще раз взглянул на ленту. На ней монотонно до головокружения повторялся один и тот же ответ, затем следовал, по-видимому, ответ на другой вопрос, после чего снова шел первый ответ. Я рассмеялся. Диагноз ясен: тут ничем не поможешь. Эти умники упустили из виду одно важное обстоятельство, а старина Белов — тот самый индивидуум с элементарными знаниями, который действует методом тыка,— взял, да и обнаружил, в чем здесь дело. Их уничижительная «спецификация», признаться, здорово задела меня, но теперь у меня была возможность на прощание основательно натянуть им носы. Кроме того, им не следовало относиться к чужому изобретению так, будто оно не более чем игра случая.

— Джентльмены,— произнес я с несказанным наслаждением,— вы хотели иметь мыслящую машину. Теперь вы ее имеете благодаря старине Белову. Если вы уплатите аванс в счет причитающегося мне гонорара, я хотел бы вернуться в город.

— Не раньше, чем вы исправите дефект или что там еще приключилось,— возразил профессор весьма решительным тоном.— Принимайтесь за дело, Белов. Вам все должно быть ясно. Ведь вы в конце концов отец этой мыслящей машины.

— Отпустите его,— посоветовал шефу Меерпрафт.— На сегодня вполне достаточно. Завтра Белов придет и вылечит СИМа. Ведь так, старина?

Я перевел взгляд с одного на другого и одарил их самой любезной улыбкой.

— Ни завтра, ни когда-нибудь еще ноги моей здесь больше не будет,— сказал я твердо.— Вы хотели иметь мыслящую машину и имеете в точности то, что хотели. Когда эта машина погружена в соб-

ственные мысли, она выдает ответ на какой-нибудь из старых вопросов как бы по рассеянности. Потом она спохватывается и отвечает на один из ваших новых вопросов, но лишь при условии, что ее мысли не заняты чем-нибудь более важным. Основное же время она занята поиском решений своих собственных проблем и поэтому даже не устаивает вас ответом. Вдумайтесь в то, что я сказал, джентльмены. СИМ будет теперь размышлять двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, непрестанно углубляя свои познания до тех пор, пока не получит ответы на все вопросы. Его могут заинтересовать, например, проблемы биологии, но вы узнаете об этом, лишь когда он, раскинув мозгами, сцапает вас.

Рэтофф явно забеспокоился, но Меершрафт продолжал безмятежно улыбаться.

— Мы всегда успеем его выключить, — заявил он.

Именно этой реплики я и ожидал.

— Послушай, ты, жирная обезьяна! — ответил я ему. — Что произойдет, если остановить человеческое сердце? Человек умрет! Выключи СИМа, и ты увидишь, что произойдет. Ты теперь имеешь дело с личностью, а не с машиной. Стоит выключить СИМа, и он погибнет. Но пройдет немного времени, и, держу пари, он не позволит тебе выключить себя так просто. Вам есть над чем подумать. Решение этой проблемы я предоставляю тебе и твоему милому шефу.

С этими словами я вышел, громко хлопнув дверью.

Артур Кларк
Завтра не наступит

— Но это ужасно! — воскликнул Верховный Ученый. — Неужели ничего нельзя сделать?

— Чрезвычайно трудно, Ваше Всеведение. Их планета на расстоянии пятисот световых лет от нас, и поддерживать контакт очень сложно. Однако мост мы все же установим. К сожалению, это не единственная проблема. Мы до сих пор не в состоянии связаться с этими существами. Их телепатические способности выражены крайне слабо.

Наступила тишина. Верховный Ученый проанализировал положение и, как обычно, пришел к единственно правильному выводу.

— Всякая разумная раса должна иметь хотя бы несколько телепатически одаренных индивидуумов. Мы *обязаны* передать сообщение.

— Понял, Ваше Всеведение, будет сделано.

И через необъятную бездну космоса помчались мощные импульсы, исходящие от интеллекта планеты Тхаар. Они искали человеческое существо, чей мозг способен был их воспринять. И по соизволению его величества Случая нашли Вильяма Кросса.

Нельзя сказать, что им повезло. Хотя выбирать, увы, не приходилось. Стечение обстоятельств, открывшее им мозг Вильяма, было совершенно случайным и вряд ли могло повториться в ближайший миллион лет.

У чуда было три причины. Трудно указать на главную из них.

Прежде всего местоположение. Иногда капля воды на пути солнечного света фокусирует его в испепеляющий луч. Так и Земля, только в несравнен-

но больших масштабах, сыграла роль гигантской линзы, в фокусе которой оказался Билл. Правда, в фокус попали еще тысячи людей. Но они не были инженерами-ракетчиками и не размышляли неотрывно о космосе, который стал неотделим от их существования.

И, кроме того, они не были, как Билл, в стельку пьяны, находясь на грани беспамятства в стремлении уйти в мир фантазий, лишенный разочарований и печали.

Конечно, он мог понять точку зрения военных: «Доктор Кросс, вам платят за создание ракет, — с неприятным нажимом произнес генерал Поттер, — а не... э... космических кораблей. Чем вы занимаетесь в свободное время — ваше личное дело, но попрошу не загружать вычислительный центр программами для вашего хобби!»

Крупных неприятностей, разумеется, быть не могло — доктор Кросс им слишком нужен. Но сам он не был уверен, что так уж хочет остаться. Он вообще не был ни в чем уверен, кроме того, что Бренда сбежала с Джонни Гарднером, положив конец двусмысленной ситуации.

Сжав подбородок руками и слегка раскачиваясь, Билл сидел в кресле и, не отрывая глаз, смотрел на блестящий стакан с розоватой жидкостью. В голове — ни одной мысли, все барьеры сняты...

В этот самый момент концентрированный интеллект Тхаара издал беззвучный вопль победы, и стена перед Биллом растаяла в клубящемся тумане. Ему казалось, он глядит в глубь туннеля, ведущего в бесконечность. Между прочим, так оно и было.

Билл созерцал феномен не без интереса. Определенная новизна, разумеется, есть, но куда ему до предыдущих галлюцинаций! А когда в голове зазвучал голос, Билл долго не обращал на него внимания.

Даже будучи мертвецки пьяным, он сохранял старомодное предубеждение против беседы с самим собой.

— Билл,— начал голос.— Слушай внимательно. Наше сообщение чрезвычайно важно.

Билл подверг это сомнению на основании общих принципов: разве в этом мире существует что-нибудь действительно важное?

— Мы разговариваем с тобой с далекой планеты,— продолжал дружеский, но настойчивый голос.— Ты единственное существо, с которым мы смогли установить связь, поэтому ты *обязан* нас понять.

Билл почувствовал легкое беспокойство, но как бы со стороны: трудно было сосредоточиться. Интересно, подумал он, это серьезно, когда слышишь голоса? Не обращай внимания, доктор Кросс, пускай болтают, пока не надоест.

— Так и быть,— позволил Билл.— Валяйте.

На Тхааре, отстоящем на пятьсот световых лет, были в недоумении. Что-то явно не так, но они не могли определить, что именно. Впрочем, оставалось лишь продолжать контакт, надеясь на лучшее.

— Наши ученые вычислили, что ваше светило должно взорваться. Взрыв произойдет через три дня — ровно через семьдесят четыре часа,— и помешать этому невозможно. Однако не следует волноваться — мы готовы спасти вас!

— Продолжайте,— попросил Билл. Галлюцинация начинала ему нравиться.

— Мы создадим мост — туннель сквозь пространство, подобный тому, в который ты смотришь. Теоретическое обоснование его слишком сложно для тебя.

— Минутку! — запротестовал Билл.— Я математик, и отнюдь не плохой, даже когда трезв. И читал

об этом в фантастических журналах. Вы имеете в виду некое подобие короткого замыкания в надпространстве? Старая штука, еще доэйнштейновская!

Немалое удивление вызвало это на Тхааре:

— Мы не полагали, что вы достигли таких вершин в своих знаниях. Но сейчас не время обсуждать теорию. Это нуль-транспортиция через надпространство — в данном случае через тридцать седьмое измерение.

— Мы попадем на вашу планету?

— О нет, вы бы не смогли на ней жить. Но во Вселенной существует множество планет, подобных Земле, и мы нашли подходящую для вас. Вам стоит лишь шагнуть в туннель, взяв самое необходимое, и... стройте новую цивилизацию. Мы установим тысячи туннелей по всей планете, и вы будете спасены. Ты должен объяснить это правительству.

— Прямо-таки меня сразу и послушают, — сыронизировал Билл. — Отчего бы вам самим не поговорить с президентом?

— Нам удалось установить контакт только с тобой; остальные оказались закрыты для нас. Не можем определить причину.

— Я мог бы вам объяснить, — произнес Билл, глядя на пустую бутылку перед собой. Она явно стоила своих денег. Какая все-таки удивительная вещь — человеческий мозг! Что касается диалога, то в нем нет ничего оригинального — только на прошлой неделе он читал рассказ о конце света, а вся эта чушь о туннелях и мостах... что ж, не удивительно, после пяти лет работы с этими дурацкими ракетами...

— А если Солнце взорвется, — спросил Билл, пытаясь заставить галлюцинацию врасплох, — что произойдет?

— Ваша планета немедленно испарится. Как

впрочем, и остальные планеты вашей системы вплоть до Юпитера.

Билл вынужден был признать, что задумано с размахом. Он наслаждался игрой своего ума, и чем больше думал об этой возможности, тем больше она ему нравилась.

— Моя дорогая галлюцинация, — начал он с грустью. — Поверь я тебе, знаешь, что бы я сказал? Лучше этого ничего и не придумать. Не надо волноваться из-за атомной бомбы и дороговизны... О, это было бы прекрасно! Об этом только и мечтать! Спасибо за приятную информацию, а теперь возвращайтесь домой и не забудьте прихватить с собой ваш мост.

Трудно описать, какую реакцию вызвало на Тхаре такое заявление. Мозг Верховного Ученого, плавающий в питательном растворе, даже слегка пожелтел по краям — чего не случалось со времен хантильского вторжения. Пятнадцать психологов получили нервное потрясение. Главный компьютер в Институте космофизики стал делить все на нуль и быстро перегорел.

А на Земле тем временем Вильям Кросс развивал свою любимую тему.

— Взгляните на меня! — стучал он кулаком в грудь. — Всю жизнь работаю над космическими кораблями, а меня заставляют строить военные ракеты, чтобы укокошить друг друга. Солнце сделает это лучше нас!

Он замолчал, обдумывая еще одну сторону этой «приятной» возможности.

— Вот будет сюрприз для Бренды! — злорадно захихикал доктор. — Целуется со своим Джонни, и вдруг — ТРАХ!

Билл распечатал вторую бутылку виски и с открывшейся ему новой перспективой опять посмотрел

в туннель. Теперь в нем зажглись звезды, и он был воистину великолепен. Билл гордился собой и своим воображением — не каждый способен на такие галлюцинации.

— Билл! — в последнем отчаянном усилии взмолился разум Тхаара. — Но ведь не все же люди такие, как ты?

Билл обдумал этот философский вопрос весьма тщательно, правда, насколько позволило теплое розовое сияние, которое почему-то вдруг стали излучать окружающие его предметы.

— Нет, они не такие, — доктор Кросс снисходительно усмехнулся. — Они гораздо хуже!

Разум Тхаара издал отчаянный вопль и вышел из контакта.

Первые два дня Билл мучился от похмелья и ничего не помнил. На третий день какие-то смутные воспоминания закопошились у него в голове, и он забеспокоился, но тут вернулась Бренда, и ему стало не до воспоминаний.

Ну, а четвертого дня, разумеется, не было.

Мартин Гарднер

Нульсторонний профессор

Долорес, стройная черноволосая звезда чикагского ночного клуба «Пурпурные шляпы», замерла в самом центре танцевальной площадки и под едва слышный аккомпанемент оркестра, наигрывавшего какую-то восточную мелодию, начала танец живота,

исполняя свой знаменитый номер «Клеопатра». В зале было совсем темно, и только сверху на нее падал изумрудный луч прожектора, поблескивая на воздушном «египетском костюме» и гладких бедрах танцовщицы.

Первым должно было упасть прозрачное покрывало, ниспадавшее с головы и закрывавшее плечи Долорес. Еще мгновение, и Долорес изящным жестом сбросила бы покрывало, как вдруг откуда-то сверху донесся громкий звук, похожий на выстрел, и с потолка головой вниз свалился обнаженный мужчина.

Поднялся невероятный переполох.

Метрдотель Джейк Боуэрс приказал дать свет и попытался успокоить зрителей. Управляющий клубом, стоявший у оркестра и наблюдавший за представлением, набросил на расprostертую фигуру ска-терть и перекатил ее на спину.

Незнакомец тяжело дышал и был без сознания, вероятно из-за сильного удара, но на теле его не было никаких повреждений. Ему было далеко за пятьдесят. Бросались в глаза короткая, тщательно подстриженная рыжая борода и усы. Незнакомец был совершенно лыс и по сложению напоминал профессионального борца.

Лишь с большим трудом трем официантам удалось перенести его в кабинет управляющего. Зрительный зал волновался, а дамы были на грани истерики. Изумленно тараща глаза то на потолок, то друг на друга, они горячо обсуждали, откуда и каким образом мог упасть незнакомец. Единственная гипотеза, не чуждая здравому смыслу, состояла в том, что тело было подброшено высоко в воздух откуда-то сбоку от танцевальной площадки. Впрочем, никто из присутствовавших в зале не видел, как это произошло.

Тем временем в кабинете управляющего борода-
тый незнакомец пришел в себя. По его утвержде-
нию, он был доктором Станиславом Сляпенарским,
профессором математики Венского университета,
прибывшим по приглашению для чтения лекций в
Чикагском университете.

Прежде чем продолжить этот удивительный рас-
сказ, считаю своим долгом предупредить читателя,
что я не был очевидцем описанного эпизода и пола-
гаюсь всецело на интервью с метрдотелем и офици-
антами. Тем не менее мне посчастливилось принять
участие в цепи необычайных событий, которые и
привели к скандальному появлению профессора, на-
делавшему столько шума.

События эти начались за несколько часов до то-
го, как члены общества «Мёбиус» собрались на свой
ежегодный банкет в одной из укромных столовых на
втором этаже клуба «Пурпурные шляпы». Общество
«Мёбиус» — небольшая, малоизвестная чикагская
организация математиков, работающих в области
топологии — одного из самых молодых и бурно раз-
вивающихся разделов современной математики. Что-
бы события, разыгравшиеся в тот памятный вечер,
стали вам более понятны, уместно совершить здесь
краткий экскурс в топологию.

Объяснить человеку, далекому от математики,
что такое топология, довольно трудно. Можно ска-
зать, что топология занимается изучением тех
свойств фигур, которые сохраняются независимо от
того, как деформируется фигура.

Представьте себе бублик из податливой, но нео-
бычайно прочной резины, который вы можете как
угодно крутить, сжимать и растягивать в любом на-
правлении. Независимо от того, как деформирован
такой бублик, некоторые его свойства остаются не-
изменными. Например, в нем всегда есть дыра.

В топологии бублик принято называть тором. Соломинка, через которую вы пьете коктейли или прохладительные напитки, тоже тор, только вытянутый. С точки зрения топологии бублик и соломинка ничем не отличаются.

Топологию не интересуют свойства фигур, связанные с длиной, площадью, объемом и тому подобными количественными характеристиками. Она занимается изучением наиболее глубоких свойств фигур и тел, которые остаются неизменными при самых чудовищных деформациях, без разрывов и склеиваний. Если бы тела и фигуры разрешалось разрывать и склеивать, то любое тело сколь угодно сложной структуры можно было бы превратить в любое другое тело с какой угодно структурой, и все первоначальные свойства были бы безвозвратно утрачены. Поразмыслив немного, вы поймете, что топология занимается изучением самых простых и в то же время самых глубоких свойств, какими только обладает тело.

Чтобы пояснить суть дела, приведем типичную топологическую задачу. Представьте себе поверхность тора, сделанную из тонкой резины, наподобие велосипедной камеры. Предположим, что в стенке тора проколота крохотная дырочка. Можно ли через эту дырочку вывернуть тор наизнанку, как выворачивают велосипедную камеру? Решить эту задачу «в уме», руководствуясь только своим пространственным воображением, — дело нелегкое.

Хотя еще в восемнадцатом веке многие математики бились над решением отдельных топологических задач, начало систематической работы в области топологии было положено Августом Фердинандом Мёбиусом, немецким астрономом, преподававшим в Лейпцигском университете в первой половине прошлого века. До Мёбиуса все думали, что у любой

поверхности две стороны, как у листа бумаги. Именно Мёбиус совершил обескураживающее открытие: если взять полоску бумаги, перекрутить ее на пол-оборота, а концы склеить, то получится односторонняя поверхность, обладающая не двумя, а одной-единственной стороной!

Если вы возьмете на себя труд изготовить такую полоску (топологи называют ее листом Мёбиуса) и тщательно присмотритесь к ее «устройству», вы сможете убедиться, что у нее действительно лишь одна сторона и один край.

Трудно поверить, что такое вообще может быть, но односторонняя поверхность действительно существует — реальная, осязаемая вещь, которую каждый может построить в один миг. В том, что у листа Мёбиуса есть лишь одна сторона, сомневаться не приходится, и это свойство он сохраняет, как бы вы ни растягивали и ни деформировали его.

Но вернемся к нашей истории. Я преподавал математику в Чикагском университете и защитил докторскую диссертацию по топологии, поэтому мне без особого труда удалось вступить в общество «Мёбиус». Нас было не очень много — всего лишь двадцать шесть человек, главным образом чикагских топологов, но некоторые члены общества работали в университетах соседних городов.

Мы устраивали ежемесячные заседания, носившие сугубо академический характер, но раз в году — 17 ноября (в день рождения Мёбиуса) — собирались на банкет и приглашали в качестве гостя какого-нибудь знаменитого тополога, который выступал с лекцией.

Не обходилось на наших банкетах и без развлечений. Но в нынешнем году с фондами у нас было туговато, и мы решили отпраздновать годовщину патрона нашего общества в «Пурпурных шляпах»,

где цены были вполне умеренные, а после лекции можно было спуститься в зал и посмотреть программу варьете. С гостем нам повезло: наше приглашение принял знаменитый профессор Сляпенарский, первый тополог мира и один из величайших математических гениев нашего века.

Профессор Сляпенарский пробыл в Чикаго несколько недель, читая в университете курс лекций по топологическим аспектам теории относительности Эйнштейна. Я имел с ним несколько бесед на профессиональные темы в университете, мы подружились, и я пригласил его на банкет.

В «Пурпурные шляпы» мы поехали вместе на такси, и по дороге я попросил его рассказать в общих чертах то, о чем он собирался говорить на лекции. Но Сляпенарский в ответ только улыбнулся и посоветовал запастись терпением, благо ждать осталось совсем недолго. Тема лекции «Нульсторонние поверхности» вызвала среди членов общества «Мёбиус» такие оживленные толки, что даже профессор Роберт Симпсон из Висконсинского университета письменно уведомил правление о своем намерении прибыть на банкет. Ни на одном заседании в этом году профессор Симпсон присутствовать не соизволил!

Нужно сказать, что профессор Симпсон считался признанным авторитетом по топологии на Среднем Западе и был автором нескольких важных работ по топологии и теории поля, в которых выступал с резкими нападками на основные тезисы теории Сляпенарского.

Мы прибыли вовремя. После того как наш почетный гость был представлен профессору Симпсону и другим членам общества, мы сели за стол. Я обратил внимание Сляпенарского на традицию оживать наши банкеты мелкими деталями, выдержан-

ными в «топологическом духе». Например, серебряные кольца для салфеток были выполнены в форме листов Мёбиуса. К кофе подавали специально испеченные бублики, а кофейник был изготовлен в виде «бутылки Клейна».

После обеда за десертом нам подали эль от Балантайна и крендельки, испеченные в форме двух разновидностей тройного узла, переходящих друг в друга при зеркальном отражении (выбор устройств банкета пал на эль из-за торговой марки этого напитка: трех сцепленных колец, распадающихся, если убрать какое-либо из них). Сляпенарского позабавили эти топологические безделушки, и он высказал немало предложений на будущее, слишком сложных, чтоб объяснять их здесь.

После моего краткого вступительного слова Сляпенарский встал, поблагодарил присутствующих улыбкой за аплодисменты и откашлялся. В столовой мгновенно наступила тишина. Читатель уже представляет наружность профессора — его внушительную фигуру, рыжеватую бороду и сверкающую голову без единого волоска. В выражении лица Сляпенарского была какая-то особая многозначительность, показывающая, что нам предстоит узнать из его лекции нечто весьма важное, пока известное лишь ему одному.

Изложить сколь-нибудь подробно блестящий, но доступный пониманию только специалистов доклад Сляпенарского вряд ли возможно. Суть его сводилась к следующему. Лет десять назад Сляпенарский наткнулся в одном из менее известных трудов Мёбиуса на утверждение, поразившее его воображение. По словам Мёбиуса, теоретически не существовало причин, по которым поверхность не могла бы утратить обе свои стороны, то есть, иными словами, стать «нульсторонней».

Разумеется, пояснил профессор, такую поверхность невозможно представить себе наглядно, так же как квадратный корень из минус единицы или гиперкуб в четырехмерном пространстве. Но абстрактность понятия отнюдь не означает, что оно лишено смысла или не может найти применения в современной математике и физике.

Не следует забывать и о том, продолжал профессор, что те, кто никогда не видел лист Мёбиуса и не держал его в руках, не могут представить себе даже одностороннюю поверхность. Немало людей с хорошо развитым математическим воображением отказываются верить в существование односторонней поверхности, даже когда лист Мёбиуса у них в руках.

Я взглянул на профессора Симпсона, и мне показалось, что при этих словах он чуть заметно улыбнулся.

На протяжении многих лет, продолжал Сляпенарский, он упорно стремился построить нульстороннюю поверхность. По аналогии с известными типами поверхностей ему удалось изучить многие свойства нульсторонней поверхности. Наконец долгожданный день настал. Сляпенарский выдержал паузу, чтобы посмотреть, какое впечатление его слова произвели на слушателей, и окинул взглядом замершую аудиторию. Наконец настал день, когда его усилия увенчались успехом, и он построил нульстороннюю поверхность.

Подобно электрическому разряду, его слова обещали сидевших за столом. Каждый встрепенулся, удивленно посмотрел на соседа и уселся поудобнее. Профессор Симпсон яростно затряс головой. Когда Сляпенарский отошел в дальний конец столовой, где была приготовлена классная доска, Симпсон повернулся к соседу слева и шепнул: «Чушь несусвет-

ная! Либо Сляппи совсем спятил с ума, либо он просто вздумал подшутить над нами».

Мне кажется, что мысль о розыгрыше пришла в голову многим из присутствовавших. Я видел, как некоторые из них недоверчиво улыбались, пока профессор вычерчивал на доске сложные схемы.

После некоторых пояснений (их я полностью опускаю из опасения, что они были бы совершенно непонятны большинству читателей) профессор заявил, что хотел бы в заключение лекции построить одну из простейших нульсторонних поверхностей. К этому времени все присутствовавшие, не исключая и меня, обменивались понимающими улыбками. На лице профессора Симпсона улыбочка была несколько напряженной.

Сляпенарский достал из кармана пиджака пачку синей бумаги, ножницы и тюбик с клеем. Он вырезал из бумаги фигурку, до странности напоминавшую бумажную куклу: пять длинных выступов, или отростков, походили на голову, руки и ноги. Затем он сложил фигурку и стал аккуратно склеивать концы отростков. Процедура была весьма деликатная и требовала большой осторожности, выступы весьма хитроумно переплетались. Наконец, осталось только два свободных конца. Сляпенарский капнул клеем на один из них.

— Джентльмены,— сказал он, держа перед собой замысловатое сооружение из синей бумаги и поворачивая его так, чтобы все могли видеть,— сейчас вы увидите первую публичную демонстрацию поверхности Сляпенарского.

С этими словами профессор прижал один из свободных концов к другому.

Раздался громкий хлопок, как будто лопнула электрическая лампа,— и бумажная фигурка исчезла!

На мгновение мы замерли, а потом все как один разразились смехом и аплодисментами.

Разумеется, мы были убеждены, что стали жертвами тонкого розыгрыша. Но нельзя не признать, что исполнено все было великолепно. Как и другие участники банкета, я полагал, что Сляпенарский показал нам остроумный химический фокус и что бумага была пропитана особым составом, позволяющим поджечь ее трением или каким-то другим способом, после чего она мгновенно сторела, не оставив и пепла.

Профессор Сляпенарский, казалось, был озадачен дружным смехом, и лицо его приобрело неотличимый от бороды цвет. Он смущенно улыбнулся и сел. Аплодисменты мало-помалу стихли.

Мы все столпились вокруг нашего гостя и наперебой шутливо поздравляли его с замечательным открытием. Старший из официантов напомнил нам, что для тех, кто хотел бы заказать напитки и посмотреть программу варьете, внизу заказаны столики.

Столовая постепенно опустела. В комнате остались только Сляпенарский, Симпсон и ваш покорный слуга. Два знаменитых тополога стояли у доски. Симпсон, широко улыбаясь, указал на один из чертежей:

— Ошибка в вашем доказательстве скрыта необычайно остроумно, профессор. Не знаю, заметил ли ее еще кто-нибудь из присутствующих.

Лицо Сляпенарского было серьезно.

— В моем доказательстве нет никакой ошибки,— заметил он не без раздражения.

— Да полно вам, профессор,— возразил Симпсон,— ошибка вот здесь.

Он коснулся пальцем чертежа:

— Пересечение этих линий не может принадлежать многообразию. Они пересекаются где-то вне

многообразия.— Он сделал неопределенный жест вправо.

Лицо Сляпенарского снова покраснело.

— А я говорю вам, что никакой ошибки здесь нет,— повторил он, повысив голос, и медленно, тщательно выговаривая, как бы выстреливая слова, повторил шаг за шагом все доказательство от начала до конца, постукивая для пущей убедительности по доске костяшками пальцев.

Симпсон слушал с мрачным видом и в одном месте прервал Сляпенарского, возразив ему что-то. Сляпенарский мгновенно парировал возражение. Последовало еще одно замечание, но и оно не осталось без ответа. Я не вмешивался в их спор, поскольку он уже давно вышел за рамки моего понимания и воспарил к недоступным мне высям топологии.

Между тем страсти у доски накалялись, и оппоненты говорили все громче и громче. Я уже говорил о давнем споре Симпсона со Сляпенарским по поводу нескольких топологических аксиом. О них-то теперь и зашла речь.

— А я говорю вам, что ваше преобразование не взаимно-непрерывно и, стало быть, эти два множества не гомеоморфны,— кричал Симпсон.

На висках Сляпенарского вздулись вены.

— Не будете ли вы так любезны объяснить в таком случае, каким образом исчезло мое многообразие? — заорал он в ответ.

— Дешевый трюк, ловкость рук и ничего больше,— презрительно фыркнул Симпсон.— Не знаю, да и знать не хочу, как вы его делаете, но ясно одно: ваше многообразие исчезло не из-за того, что стало нульсторонним.

— Ах, не стало? Не стало? — процедил Сляпенарский сквозь зубы и, прежде чем я успел вмешаться, нанес своим огромным кулаком удар Симп-

сону в челюсть. Профессор из Висконсина со стоном упал на пол. Сляпенарский обернулся ко мне с грозным видом.

— Не вздумайте вмешиваться, молодой человек,— предупредил он меня. Профессор был тяжелее меня по крайней мере на сотню фунтов, и я, вняв предупреждению, отступил.

О дальнейшем я вспоминаю с ужасом. С налитыми кровью глазами Сляпенарский присел рядом с распростертой фигурой своего оппонента и принялся сплетать его руки и ноги в фантастические узлы. Он складывал своего коллегу из Висконсина так же, как полоску бумаги! Раздался взрыв — и в руках у Сляпенарского осталась только груда одежды.

Симпсон обрел нульстороннюю поверхность.

Сляпенарский поднялся, тяжело дыша и судорожно сжимая твидовый пиджак Симпсона. Потом он разжал руки и пиджаком накрыл остатки симпсоновского туалета, лежавшие на полу. Сляпенарский что-то невнятно пробормотал и принялся колотить себя кулаком по голове.

Я сохранил достаточно самообладания, чтобы догадаться запереть дверь. Когда я заговорил, голос мой звучал чуть слышно:

— А его... можно вернуть?

— Не знаю, ничего не знаю,— завопил Сляпенарский.— Я только начал изучать нульсторонние поверхности, только начал. Не знаю, где он может быть. Ясно только одно: Симпсон сейчас находится в пространстве большего числа измерений, чем наше, скорее всего в четномерном пространстве. Бог знает куда его занесло.

Внезапно он схватил меня за лацканы пиджака и тряхнул так сильно, что я подумал, не настала ли теперь моя очередь.

— Я должен найти его,— сказал Сляпенарский.— Это единственное, что я могу сделать.

Он уселся на пол и принялся переплетать самым невероятным образом свои руки и ноги.

— Да не стойте вы как идиот,— прикрикнул он на меня.— Лучше помогите.

Я кое-как привел в порядок свою одежду и помог ему изогнуть правую руку так, чтобы она прошла под его левой ногой и вокруг шеи. С моей помощью ему удалось дотянуться до уха. Левая рука была изогнута аналогичным способом.

— Сверху, сверху, а не снизу,— раздраженно поправил меня Сляпенарский, когда я пытался помочь ему дотянуться левой рукой до кончика носа.

Раздался еще один взрыв, гораздо более громкий, чем тот, которым сопровождалось исчезновение Симпсона, и лицо мое обдал порыв холодного ветра. Когда я открыл глаза, передо мной на полу высилась еще одна груда одежды.

Я стоял и тупо смотрел на две кучи одежды, как вдруг сзади раздался приглушенный звук, нечто вроде «пффт». Оглянувшись, я увидел Симпсона. Он стоял у стены голый и дрожал. В лице его не было ни кровинки. Затем ноги его подкосились, и он опустился на пол. На его конечностях, там, где они плотно прилегали друг к другу, выступали красные пятна.

Я подкрался к двери, отпер ее и устремился вниз по лестнице: мне настоятельно требовалось подкрепиться. Потом мне рассказали о страшном переполохе в зале: за несколько секунд до моего появления Сляпенарский завершил свой прыжок из другого измерения.

В задней комнате я застал других членов общества «Мёбиус» и администрацию клуба «Пурпурные шляпы» за шумным и бестолковым спором. Сляпе-

нарский, завернувшись в скатерть как в тогу, сидел в кресле и прижимал к нижней челюсти носовой платок с кубиками льда.

— Симпсон вернулся,— сообщил я.— Он в обмороке, но думаю, что с ним все в порядке.

— Слава богу,— пробормотал Сляпенарский.

Администратор и владелец «Пурпурных шляп» так и не поняли, что произошло в тот сумбурный вечер, и наши попытки объяснить лишь усугубляли ситуацию. Прибытие полиции еще больше усилило неразбериху и панику.

Наконец нам удалось одеть пострадавших коллег, поставить их на ноги, и мы покинули поле брани, пообещав вернуться завтра с нашими адвокатами. Управляющий, по-видимому, считал, что его клуб пал жертвой заговора каких-то иностранцев, и грозился взыскать с нас компенсацию за ущерб, нанесенный, по его словам, «безупречной репутации клуба». Оказалось, что таинственное происшествие, слух о котором разнесся по городу, послужило клубу отличной рекламой, и «Пурпурные шляпы» отказались от иска. Газеты прослышали о событиях того вечера, но воздержались от публикации каких-либо сообщений на эту тему, считая всю историю безвкусной стряпней некоего Фанштиля, пресс-агента клуба «Пурпурные шляпы».

Симпсон отделался легко, но у Сляпенарского оказался перелом челюсти. Я отвез его в госпиталь Биллингс, что неподалеку от университета, и в больничной палате далеко за полночь услышал от Сляпенарского о том, что, по его мнению, произошло. Симпсон, по-видимому, оказался заброшенным в более высокое (скорее всего в пятое) измерение, но проник туда не глубоко и попал в какую-то низину.

Придя в себя, он расцепил себе руки и тотчас же превратился в обычный трехмерный тор с на-

ружной и внутренней поверхностями. Сляпенарскому повезло меньше. Он приземлился на какой-то склон. Вокруг ничего не было видно, со всех сторон, куда ни глянь, был неразличимый туман, но Сляпенарский отчетливо запомнил ощущение, будто он скатывается по склону холма.

Он пытался все время держаться за нос, но выпустил кончик носа до того, как достиг конца склона, и вернулся в трехмерное пространство, прервав своим появлением выступление Долорес.

Так ли было на самом деле, не знаю. Во всяком случае, таким представлялся ход событий Сляпенарскому.

Несколько недель он пробыл в госпитале, запретив пускать к себе посетителей, и я увидел его только в день выписки, когда проводил его на вокзал. Сляпенарский уехал поездом в Нью-Йорк, и с тех пор я его не видел. Через несколько месяцев он скончался от сердечного приступа. Профессор Симпсон вступил в переписку с вдовой профессора Сляпенарского в надежде разыскать хотя бы черновики работ своего покойного коллеги по теории нульсторонних поверхностей.

Сумеют ли топологи разобраться в черновиках Сляпенарского (разумеется, если их удастся найти), покажет будущее. Мы извели массу бумаги, но пока что нам удавалось построить только обычные двусторонние и односторонние поверхности. Хотя я помогал Сляпенарскому «складываться» в нульстороннюю поверхность, чрезмерное волнение стерло из моей памяти все детали.

Но я никогда не забуду замечание, которое обрлил великий тополог в тот памятный вечер перед моим уходом.

— Счастье, — сказал он, — что Симпсон и я успели перед возвращением освободить правую руку.

— А что могло бы случиться? — спросил я недоумевающе.

Сляпенарский поежился.

— Мы бы вывернулись наизнанку, — сказал он.

Мартин Гарднер Остров пяти красок

В Монровии, столице Либерии, есть только один магазин москательных товаров. Когда я сказал темнокожему клерку, сколько галлонов краски мне нужно, он поднял в удивлении кустистые брови и присвистнул:

— Не иначе, как вы собрались выкрасить гору, мистер!

— Нет, — заверил я его, — не гору, всего лишь остров.

Клерк улыбнулся. Он думал, что я шучу, но я действительно собирался выкрасить целый остров в пять цветов: красный, синий, зеленый, желтый и пурпурный.

Для чего мне это понадобилось? Чтобы ответить на этот вопрос, мне придется вернуться на несколько лет назад и объяснить, почему я заинтересовался проблемой «четырех красок» — знаменитой, тогда еще не решенной проблемой топологии. В 1947 г. профессор Венского университета Станислав Сляпенарский прочитал в Чикагском университете цикл лекций по топологии и теории относительности. Я в

то время был преподавателем математического факультета Чикагского университета (теперь я уже доцент). Мы подружились, и мне выпала честь представить его членам общества «Мёбиус» в тот вечер, когда он прочитал свою сенсационную лекцию о «нульсторонних поверхностях». Читатели, следившие за научными достижениями Сляпенарского, должно быть, помнят, что он вскоре после этого скончался от сердечного приступа в начале 1948 г.

Проблема четырех красок была темой моей докторской диссертации. Еще до визита Сляпенарского в США мы обменялись с ним несколькими письмами, обсуждая различные аспекты этой трудной проблемы. Гипотеза о четырех красках утверждает, что для правильной раскраски любой карты (при которой любые две сопредельные страны, имеющие общий отрезок границы, будут выкрашены в различные цвета, и две страны не считаются сопредельными, если их границы имеют лишь одну общую точку) достаточно четырех красок. Страны на карте могут быть любых размеров и самых причудливых очертаний. Число их также может быть произвольным. Гипотеза четырех красок была впервые высказана одним из создателей топологии, Мёбиусом, в 1860 г., и, хотя над решением ее бились лучшие умы в математике, ее не удавалось ни доказать, ни опровергнуть*.

По странному стечению обстоятельств проблема четырех красок была решена для всех поверхностей, кроме сферы и плоскости. В 1890 г. Р. Дж. Хивуд доказал, что для раскраски поверхности тора (поверхности бублика) необходимо и достаточно семи

* Рассказ Гарднера написан в 1952 г. Положительное решение проблемы четырех красок было найдено в 1978 г.—*Прим. перев.*

красок, а в 1934 г. Филип Франклин доказал, что шести красок достаточно для раскраски карт на односторонних поверхностях типа листа Мёбиуса и бутылки Клейна.

Открытие Сляпенарским нульсторонних поверхностей возымело далеко идущие последствия для изучения свойств бутылки Клейна и произвело подлинный переворот в исследованиях по проблеме четырех красок. Как сейчас вижу мощную фигуру Сляпенарского, который, улыбаясь и теребя бородку, говорит: «Дорогой Мартин, если история топологии чему-нибудь и учит, то только тому, что следует ожидать самых неожиданных и удивительных связей между, казалось бы, совершенно не связанными между собой топологическими проблемами».

Развивая некоторые идеи Сляпенарского, я опубликовал в 1950 г. свою известную работу с опровержением «доказательства» Хивуда (полагавшего, что для правильной раскраски карты плоскости необходимо и достаточно пяти красок). По всеобщему убеждению топологов, для правильной раскраски плоскости или сферы достаточно четырех красок, но в свете новейших достижений становится ясно, что от строгого доказательства такого утверждения мы в настоящее время находимся дальше, чем когда-либо.

Вскоре после выхода в свет моей работы по проблеме четырех красок мне довелось завтракать в университетском клубе «Четырехугольник» с профессором Альмой Буш. Альма — один из ведущих наших антропологов и, несомненно, самая красивая женщина во всем университете. Хотя ей уже под сорок, выглядит она молодо и весьма женственна. Глаза у нее светло-серые, и когда Альма о чем-то думает, то имеет обыкновение чуть-чуть их щурить.

Альма только что вернулась из экспедиции на небольшой остров, расположенный в нескольких сот-

нях миль от побережья Либерии у западной кромки африканского материка. Она возглавляла группу студентов-антропологов, изучавших нравы и обычаи пяти племен, населявших остров. Племена эти представляли огромный интерес для антрополога, так как их обычаи варьировались в необычайно широких пределах.

— Остров разделен на пять областей, — сообщила мне Альма, вставляя сигарету в длинный мундштук из черной пластмассы.

— Все они граничат друг с другом. Это важно для понимания тамошних нравов. Общность границ позволяет племенам поддерживать некое единство культур. Что с тобой, Марти? Почему у тебя такой изумленный вид?

Я застыл, так и не донеся вилку до рта, и медленно положил ее на стол.

— Потому, что ты рассказываешь невероятные вещи. Такого просто не может быть.

Альма была уязвлена:

— Чего не может быть?

— Пяти племен, имеющих общие границы. Это противоречит знаменитой проблеме четырех красок.

— Противоречит чему?

— Проблема четырех красок, — повторил я. — Есть такая проблема в топологии. Хотя она никем не доказана и не опровергнута, никто не сомневается, что она верна.

Я принялся концом ложки чертить на скатерти, пытаюсь объяснить Альме, в чем здесь дело.

Альма быстро схватила общую идею.

— Может быть, у островных племен другая математика? — высказала она предположение, щурясь от дыма сигареты.

Я покачал головой.

— Математика, дорогая моя, едина для всех

культур. Дважды два всегда четыре, даже в Африке.

Альма не разделяла моего мнения. Она сказала, что в математическом мышлении первобытных обществ имеются весьма значительные культурные «вариации». Лично ей известно, добавила она, одно племя, стоящее на крайне низком уровне развития, члены которого считают, что если к двум лодкам прибавить две лодки, то неизменно получится пять лодок.

— Значит, они просто не умеют считать,— заметил я.

— Так, как ты,— добавила Альма. В ее серых глазах прыгали смешинки.

— Видишь ли, Альма,— сказал я, когда мы приступили к малиновому компоту,— если твой остров действительно разделен так, как ты говоришь, на пять областей, каждая из которых имеет общую границу с четырьмя другими областями, то я начинаю верить в математические способности твоих островитян. Нет ли у тебя карты острова?

Альма покачала головой:

— Топографические съемки острова никогда не проводились. Надеюсь, нам удастся положить его на карту по возвращении.

Разумеется, слова Альмы мало в чем убедили меня, но она упрямо стояла на своем, и я никак не мог разобрать, говорит ли она серьезно или просто разыгрывает меня.

— А почему бы тебе не отправиться с нами? — предложила Альма, стряхивая пепел.— Я пробуду там с месяц. Мне нужно проверить кое-какие данные перед тем, как опубликовать их, а ты тем временем займешься топографической съемкой острова. Если то, о чем я тебе рассказала, не подтвердится, обязуюсь возместить твои расходы.

Что я терял? Разумеется, мысль о розыгрыше по-прежнему не оставляла меня, но вскоре должны были начаться летние каникулы, а путешествие обещало быть приятным и необычным. Кроме того, мне давно хотелось посмотреть, как работают антропологи, и когда мы с Альмой не спорили, то отношения между нами не оставляли желать лучшего.

Из Нью-Йорка в Монровию мы отправились на теплоходе. В Монровии был небольшой аэродром, откуда до острова можно было добраться на самолете, совершавшем еженедельно рейс туда и обратно. На остров по воздуху доставлялись различные припасы, а с острова на материк — кокосовые орехи, служившие сырьем для добывания пальмового масла, и кофе, которые составляли две основные статьи экспорта. Альма отвела мне место в палатке, в которой студенты-антропологи устроили свой штаб.

Небо было безоблачным, солнце палило немилосердно. Я облачился в шорты и рубашку цвета хаки и огромный пробковый шлем, защищавший мою голову от палящих лучей солнца. Альма также переделась в шорты, но, должен признаться, выглядела в них лучше, чем я.

Лагерь наш был расположен на полянке у самой опушки девственного тропического леса. Стоило сделать шаг, как из-под ног в разные стороны разбегались сотни юрких ящерок. В воздухе стоял неумолчный гул несметных полчищ мух и москитов, но мы обильно умащивали все открытые части тела какой-то отвратительно пахнущей жидкостью для отпугивания насекомых, и мошкара беспокоила нас значительно меньше, чем можно было ожидать.

На второй день нашего пребывания на острове Альма познакомила меня с одним из островитян по имени Агуз. По-английски Агуз не говорил, но Альма уже в достаточной мере владела местным диа-

лектом, чтобы общаться с ним. Это был высокий добродушный негр с крутыми скулами, ослепительно белыми зубами и темно-коричневой кожей приятного теплого оттенка. Мощный торс был обнажен, только на шее красовался галстук-бабочка. Брюки Агуза заканчивались на несколько дюймов выше лодыжек, выставляя на всеобщее обозрение носки в красную и желтую клеточку. С кожаного ремня свисал брелок со значком какого-то университетского клуба. Когда мы обменялись рукопожатиями, Агуз что-то прорычал.

— Он счастлив познакомиться с вами, — перевела Альма.

Агуз был одним из членов племени хийику, составлявшего интеллектуальную элиту острова. Лет десять назад, пояснила Альма, группа антропологов из Принстонского университета занималась изучением обычаев хийику, и Агуз перенял у них манеру одеваться.

Альма договорилась с Агузом совершить втроем пеший поход по всему острову. К счастью, островок был невелик: площадь его не превышала 25 квадратных миль. Пустившись в путь с утра пораньше, мы могли к вечеру успеть обойти весь остров. Я прихватил с собой блокнот и коробку карандашей, чтобы набросать хотя бы грубую карту пяти областей.

Свой первый визит мы нанесли племени хийику, на территории которого был расположен наш лагерь. Деревня, где жили хийику, была скоплением круглых глиняных хижин с коническими крышами из пальмовых листьев. Соплеменники Агуза были одеты так же, как он, если не считать брелока со значком университетского клуба, подаренного Агузу одним из принстонских профессоров. Обитатели деревни высыпали из хижин и, покуривая трубки, наблюдали за нами с философской невозмутимостью.

Большинство женщин сидели разбившись на мелкие группы и плели маты из пальмового волокна.

На верхнем листке своего блокнота я нарисовал круг и закрасил его синим. Точная конфигурация территории, занимаемой хийику, была неизвестна, но для моих целей было вполне достаточно и этого грубого приближения. Когда мы, двигаясь на запад, оказались на территории, занимаемой племенем вольфези, я слева от синего кружка поставил загогулину и закрасил ее в зеленый цвет.

Этот цвет я выбрал потому, что весь, с позволения сказать, костюм вольфези состоял из нитки зеленых бус. Это племя состояло из одних лишь мужчин. Альма сумела бы рассказать вам массу интересных деталей, но я опущу их и замечу только, что все мужчины вольфези были холостяками, собранными из остальных четырех племен. Вольфези составляли как бы резервуар, из которого по мере надобности черпали пополнение другие племена, когда болезнь или войны понижали численность их мужского населения ниже обычного уровня.

Вольфези все время распевали песни, плясали и произвели на меня впечатление счастливых людей, вполне довольных жизнью. Их жизнь, как объяснила мне Альма, постоянно омрачал лишь страх быть выбранным по жребию в мужья для девушки одного из четырех остальных племен. Несчастные, на которых падал жребий, нередко кончали жизнь самоубийством, бросаясь с высокой скалы. Агуз показал мне ее. На местном диалекте она называлась «кала улукиффир» — «скала несчастных».

С трудом продираясь сквозь заросли какого-то кустарника, мы вышли на берег узкой тихой речки. Огромный плот из бревен едва выступал из светлой жирной грязи, устилавшей дно реки. Агуз толкнул плот в воду, взобрался на него и принялся отталки-

ваться длинным бамбуковым шестом. Мы перешли вброд узкую полоску топкой грязи у берега и присоединились к нему. Лавируя шестом, Агуз направил плот вниз по течению извилистой реки.

Гигантские пальмы склонялись над нами, образуя зеленый свод, сквозь который прорывались лишь отдельные лучи света, отбрасывавшие затейливые тени и блики на поверхности реки. Время от времени мы проплывали мимо огромных, сплошь облепленных грязью крокодилов, нежившихся на мелководье.

Галстук-бабочка на шее Агуза задвигался вверх и вниз, слышались нечленораздельные звуки, которые Альма перевела мне как сообщение о том, что мы вступаем на территорию племени гезелломо. Она была расположена к северу от вольфези. Я согнал со своего блокнота огромную стрекозу и нанес на свою карту-схему красное пятно, расположив его над зеленым.

Проплыв с полмили или около того по территории гезелломо, Агуз причалил к берегу, и мы сошли на сушу. Небольшой подъем по склону сквозь заросли высокой травы — и мы на краю деревни гезелломо.

Вряд ли мне нужно подробно описывать это замечательное племя, поскольку профессор Буш обстоятельно изложила его обычаи в своей книге, которая должна вскоре выйти из печати. Скажу лишь, что гезелломо — единственное из известных антропологам первобытных племен, организованное, по словам Альмы, на «филиархальной» основе. В возрасте от одного года до пяти дети здесь находятся под контролем родителей. Но начиная с пяти лет контроль переходит в руки детей, и местные обычаи предписывают родителям абсолютное повиновение.

По совету Агуза мы решили обойти деревню ге-

гезелломо стороной. Заходить в нее опасно, так как детишки считают всех взрослых заодно со своими родителями и непременно попытались бы «приспособить нас к делу». Я видел издали, как взрослые гезелломо выполняли различные мелкие поручения детей, а те стояли вокруг и либо наблюдали, либо были увлечены своими играми. Один мальчишка лет семи на наших глазах нещадно выпорол своего отца ременной плетью.

Благополучно миновав деревню, мы побрели на юго-восток. Пройдя около мили, Агуз указал на видневшиеся вдали пальмы, аккуратно посаженные рядком, и сообщил, что перед нами граница между гезелломо и хийику. Я достал свой блокнот и продолжил красное пятно до синего круга.

Усталость от трудного пути сквозь непролазные заросли кустарника в немилосердном тропическом зное брала свое. Все изрядно выбились из сил и проголодались. Мы устроили привал на крупных обломках бурого песчаника и закусили. Издали доносился слабый рокот барабанов.

Вскоре после полудня мы добрались до поселения племени бебопулу. У мужчин и женщин бебопулу существовал обычай продевать сквозь ушные раковины крупную кость.

Вся одежда бебопулу состояла из набедренной повязки. Мы прошли мимо небольшой группы бебопулу, которые били в огромные тамтамы и пели. Впоследствии Альма опубликовала в «Философическом мэгэзине» статью, в которой выдвинула теорию о том, что традиционное «продевание» кости в уши могло оказать определенное влияние на характер музыки бебопулу.

Когда мы добрались до восточной границы территории, занимаемой бебопулу, Агуз обратил наше внимание на участки, граничившие с территориями

трех других племен. Насколько я мог понять, территория бебопулу, которую я закрасил пурпурным цветом, простиралась на юг, а затем на запад и, обогнув южный конец синей территории, доходила до зеленой. Я протянул свою карту-схему Альме.

— Обрати внимание на то, что синяя территория со всех сторон окружена территориями трех других цветов. Пятая территория не может иметь с ней общую границу.

Альма показала карту Агузу, и какое-то время они о чем-то говорили между собой.

— Агуз говорит, что не знает, как выглядит их остров с неба, но ты, по его словам, где-то допустил ошибку.

Я взглянул на Агуза. На лице его не дрогнул ни один мускул, но меня не покидало довольно неприятное чувство, что в глубине души он считает меня идиотом.

Последнюю территорию, которую мы посетили, населяло племя, решительно не поддающееся никакому описанию. По сути дела их отличительной особенностью и было то, что они не поддавались описанию. Даже антропологам, затратившим годы на изучение обычаев и культуры этого племени, оказалось не под силу выделить какую-нибудь их особенность.

Альма пыталась установить характерные антропологические показатели типичного представителя этого племени, но статистическая обработка, по существу, ничего не давала. У пятого племени не было вождя, оно не ведало разделения труда, родственных уз, у него не было сложившихся ритуалов по случаю рождения, вступления в брак или смерти. У племени не было религиозных воззрений и полностью отсутствовали традиции и обычаи. Более того, у племени не было даже своего названия.

Пятую территорию я закрасил желтым цветом. Мы прошли участки, граничившие с зеленой, красной или пурпурной областью, и когда Агуз, наконец, указал на противоположный берег ручейка и сообщил, что там начинается территория хийику (синяя территория), я ощутил, как у меня по спине забегали мурашки.

— Не может быть! — воскликнул я. — Иначе мы где-то должны были бы пересечь чью-то территорию!

Альма перевела мои слова Агузу. Он упрямо затряс головой.

Разумеется, я был убежден, что где-то мы допустили какую-то ошибку. Территория одного из племен могла состоять из двух несвязных кусков. Агуз мог неправильно указать границы между племенами. Какая-то ошибка непременно должна была быть! Когда мы вскоре после захода солнца вернулись в лагерь, между мной и Альмой вспыхнул спор. Альма утверждала, что я проиграл и, следовательно, должен сам покрыть издержки за поездку.

Я снял пробковый шлем и промакнул носовым платком свою лысину. Если бы раздобыть точную карту с очертаниями пяти областей! Можно было бы, конечно, произвести топографическую съемку, но для этого требовались приборы, которых у нас не было, да если бы они и были, то толку от них все равно было бы мало, так как я совершенно не умел ими пользоваться. Внезапно мне пришла в голову потрясающая идея.

— Как ты думаешь, — спросил я у Альмы, — можно было бы в Монровии взять напрокат какой-нибудь распылитель?

Альма прищурилась от дыма сигареты и сказала, что, по ее мнению, это вполне возможно.

— Если бы нам удалось раздобыть распыли-

тель, — продолжал я, — мы могли бы пометить каждую территорию пятнами соответствующего цвета, и на цветном аэрофотоснимке форма каждой территории была бы великолепно видна.

Альма подарила мне очаровательную улыбку и заявила, что мой план великолепен. Ей в любом случае нужно было снять карту острова, а предложенный мною метод позволял выполнить эту задачу быстрее, чем другие.

— Краска за мой счет, — щедро предложила она.

Тут мы и подошли к тому самому месту, с которого я начал свой рассказ. У подрядчика, принимавшего заказы на выполнение строительных работ, мы взяли напрокат дюжину распылителей краски. Я купил двадцать тысяч галлонов самой дешевой краски, какую только смог найти, — водоэмульсионную, английского производства. Вернувшись на остров, мы без труда набрали бригаду мальчишек племени хийику и обучили их, как пользоваться распылителями краски.

Агуз был назначен бригадиром. Территорию каждого племени мы метили краской того же цвета, какой был на моей «карте». Закрашивать всю территорию потребовало бы слишком больших затрат, поэтому мы решили распылять краску пятнами диаметром около десяти футов с интервалами в сто футов. С самолета территория каждого племени казалась бы раскрашенной в горошек, и границы были бы легко различимы. На открытых участках работа продвигалась быстро, но там, где земля была скрыта под почти непроницаемым пологом джунглей, нам довелось столкнуться с немалыми трудностями. Мальчишкам приходилось карабкаться на деревья и распылять краску по самым верхушкам.

Каждый день я сопровождал бригаду, чтобы проследить за работой. Все было сделано как надо. В том, что четыре территории имели общие границы, сомнений не было: у каждой из них к какому-нибудь участку границы примыкала территория другого цвета.

Решающим должен был быть пятый цвет!

К распылению желтой краски мы приступили на двенадцатый день работы. Желтая территория граничила с красной, зеленой и пурпурной. Мы приближались к синей территории. Нервы мои были напряжены до предела.

Бригада маляров медленно продвигалась сквозь подлесок. Заходившее солнце отбрасывало длинные тени. Попугай с красивым ярким оперением, получив свою порцию краски из распылителя, с шумом взлетел и скрылся, издавая пронзительные крики. Небольшая коричневая змея, обрызганная желтой краской, шипя уползла в укромное местечко. Неожиданно я схватил Альму за плечо.

— Клянусь тенью Мёбиуса! — воскликнул я хрипло не в силах унять бешено колотившееся сердце. — Я вижу отсюда синие пятна!

В прекрасных серых глазах Альмы вспыхнуло торжество.

— Так кто был прав?

Я уселся на большой пенёк и вытер пот, градом катившийся по лицу. Голова раскалывалась от нестерпимой боли. В висках стучало. Сквозь монотонный неумолчный гул насекомых издали доносился четкий, зажигательный ритм барабанов бебопулу. Агуз стоял, поигрывая брелком, в ожидании дальнейших приказаний.

Я был в полной растерянности. Строго говоря, пять областей никак не могли иметь общие границы. Я знал, что проблему четырех красок удалось

доказать для случая, когда число стран не превышает 35. Но что если в эти доказательства вкралась какая-нибудь ошибка? Если остров действительно опровергает утверждение проблемы четырех красок, мое открытие станет одним из величайших поворотных пунктов в топологии! Я стряхнул с фляги какого-то белого муравья или термита и отхлебнул большой глоток воды. Мало-помалу мне становилось лучше.

Через несколько дней, когда очередным рейсом прилетел самолет из Монровии, мы решили произвести аэрофотосъемку острова. К сожалению, самолетик был маленьким с двумя открытыми кабинами, поэтому лететь мог только фотограф с камерой. Как только снимки будут сделаны, пилот высадит фотографа, и возьмет меня, чтобы я мог с воздуха посмотреть на раскрашенный остров.

Я нервно обмахивался шлемом и наблюдал за тем, как самолет, медленно описав круг над островом, пошел на снижение. Пробежав немного, самолет остановился, и фотограф спрыгнул на землю. Я поспешно подбежал, намереваясь занять место в кабине, но пилот, грубоватый на вид африканец, величественно говоривший по-английски, покачал головой.

— Съемки заняли больше времени, чем я рассчитывал, — сказал он твердо. — Мне необходимо через полчаса вернуться в Монровию. Жаль, но ничего не поделаешь. Вернусь через неделю. Тогда и покатаю вас.

Напрасны были мои мольбы и просьбы. Когда самолет взлетел, я обернулся к фотографу.

— На что хоть похож остров сверху?

Фотограф нахмурился.

— Не могу вам сказать. Цвета переплелись весьма причудливо. Я пытался набросать эскиз, но за-

дача оказалась слишком сложной, и ее пришлось оставить.

Я спросил, не состояла ли какая-нибудь область из нескольких отдельных частей, полностью окруженных другим цветом. Фотограф отрицательно покачал головой.

— Все территории были из одного куска. И все доходили до побережья.

— Гм, интересно, — пробормотал я. И тут мне в голову пришла мысль, окончательно доконавшая меня. Я стукнул себя по лбу и застонал.

Альма, думая, что мне плохо, плеснула мне в лицо холодной воды из лагерного колодца, принесенной в сосуде из высушенной тыквы. Я сел на землю и схватился за голову обеими руками, пытаюсь хоть как-то унять пульсирующую боль.

Вы спросите, что случилось? Внезапно я понял, что если территория каждого племени имеет выход к морю, то море граничит с территориями всех пяти племен. Море было шестым цветом!

Проявить цветную пленку в лагере или в Монровии было невозможно. Не оставалось ничего другого, как ждать, пока мы вернемся домой.

Через три дня хлынул тропический ливень. Он шел, не переставая, до конца недели. Когда пилот прилетел на остров очередным рейсом, он сообщил, что всю краску смыло.

Нетерпение, с которым я ожидал увидеть снимки, достигло таких размеров, что я не мог дожидаться, когда Альма завершит работу на острове. Обратным рейсом я улетел в Монровию, а оттуда на теплоходе вернулся в Штаты.

В Нью-Йорке я отдал проявить снимки в фотолабораторию, и когда зашел получить их через несколько дней, глаза мои были красны от бессонницы.

— Боюсь, что ваш фотограф выбрал не тот светофильтр, — сказал лаборант, показывая мне пленку на просвет.

На всех снимках остров получился сплошным темно-красным пятном! Я взял снимки и побрел вдоль улицы, бессознательно бормоча себе под нос.

Мои академические обязанности не позволяли мне вернуться на остров раньше следующей осени. Вернувшись к себе в Чикаго, я попытался рассказать коллегам об острове с пятью территориями, но, слушая меня, они только печально качали головами и вежливо улыбались. Некий профессор из Висконсина, сообщили мне коллеги, сумел доказать гипотезу четырех красок для случая, когда число стран не превышает 83. Декан предложил мне месячный отпуск.

— Вы очень устали, вам нужно отдохнуть, — были его слова.

К концу лета я снова набрал свой обычный вес. Настроение мое начало улучшаться. Я тщательно изучил расписание авиарейсов на Монровию: во мне созрело решение вернуться на остров и выкрасить его еще раз.

На остров я попал только в конце сентября через несколько месяцев после того, как Альяма и ее студенты покинули его.

Отыскать территорию хийику оказалось довольно трудно. Наконец я объяснил одному из хийику, что хочу видеть Агуза. Тот привел меня к большой хижине на окраине деревни. За хижиной возвышалось какое-то странное сооружение, блестящее в ярких лучах света. По виду оно было сделано из полированных стальных пластин, скрепленных болтами.

Агуз вышел навстречу мне из хижины. Вслед за ним в дверном проеме показался белый человек

плотного сложения, в котором я узнал... Ноги мои стали ватными! Не может быть! Как же так? Ведь он давно... Но это был он — профессор Станислав Сляпенарский собственной персоной!

Агуз ухмыльнулся и поспешил поддержать меня. Профессор принялся обмахивать меня своим шлемом. Он выглядел лучше, чем когда-либо. Борода осталась такой же рыжей. Лицо и лысую голову покрывал густой загар. Сляпенарский и Агуз ввели меня в хижину, мы уселись в удобные кресла.

Не буду рассказывать во всех подробностях удивительную историю появления профессора на острове. Скажу лишь, что, после того как весть о совершенном им в 1946 г. сенсационном открытии пульсторонних поверхностей облетела весь мир, Сляпенарский потерял покой из-за обрушившейся на него известности. Стремясь продолжить свои важные исследования в спокойной обстановке, вдали от назойливого любопытства коллег и вездесущих репортеров, Сляпенарский стал подумывать о том, чтобы скрыться.

— Другого выхода у меня просто не оставалось — сказал он. — Я разослал телеграммы с сообщением о своей мнимой смерти коллегам в Англии, Франции и Америке и по подложному паспорту прибыл в Монровию.

Обследовав несколько островов, профессор наконец остановил свой выбор на одном из них как на идеальном месте для многолетних научных исследований. Без особого труда овладев диалектом хийику, профессор сделал Агуза, обладавшего, как оказалось, незаурядными математическими способностями, своим главным ассистентом. К тому времени между племенами возникли территориальные споры. Для ликвидации разногласий необходимо было установить демаркационные линии.

— Гипотезу четырех красок мне удалось опровергнуть еще до того, как я решил скрыться, — продолжал свой рассказ профессор. — Разделить остров на пять граничащих друг с другом областей означало установить мир. С помощью Агуза я разметил границы, и вскоре воцарился мир во человецех. Вы как раз успели к концу нашей работы.

— Так вы знали о моем предыдущем визите на остров вместе с доктором Буш? — спросил я.

— Разумеется. Мне очень жаль, но тогда я весь был поглощен необычайно важной работой и не мог ни на что отвлекаться. Поскольку Агуз был единственным островитянином, с которым доктор Буш поддерживала непосредственный контакт, скрыть мое пребывание на острове было не очень трудно. Разумеется, я не мог допустить, чтобы вы вернулись в Штаты с решением проблемы четырех красок. На остров хлынули бы фоторепортеры и операторы кинохроники!

— Так это вы, — спросил я с горечью, — испортили мои пленки?

— Боюсь, что я, старина. Я попросил Агуза поменять светофильтры, а вот к ливню, должен признаться, я не имею ни малейшего отношения. А вскоре после вашего отъезда я изменил границы племенных территорий.

— Но как они проходили, эти границы? — спросил я, сгорая от любопытства.

Крохотные глазки Сляпенарского блеснули.

— Пойдемте, я покажу вам свою лабораторию, — сказал он, вставая.

Дверь в задней стене гостиной вела в комнату гораздо больших размеров. Ящики картотеки, чертежная доска, полки с книгами, большие модели причудливых топологических многообразий. Я узнал кросскэп, лист Таккермана, двойной лист Мё-

биуса, но более сложные модели были мне неизвестны.

Затем профессор вывел меня на площадку позади хижины. Он махнул рукой на стальную конструкцию, которую я увидел, когда подходил к хижине.

— Перед вами плод моих трудов за два года, — сказал Сляпенарский. — Подлинная бутылка Клейна.

Я в изумлении покачал головой.

На верх странного сооружения вели две веревочные лестницы. Мы взобрались по ним и осторожно уселись на закругленный край. Из отверстия вырывался поток холодного воздуха.

— Как вам известно, — заметил Сляпенарский, — горлышко настоящей бутылки Клейна открывается в четвертое измерение. Для нас это то же, что отверстие в листе бумаги для двумерных существ, обитающих на поверхности листа.

Профессор пояснил свою мысль более подробно. Нарисуйте на листке бумаги двумерную бутылку и представьте себе, что часть бутылки согнута под прямым углом в третье измерение. Вы сразу увидите, что содержимое бутылки может вылиться в наше пространство. Аналогичным образом трубообразная часть бутылки Клейна изогнута в четвертом измерении. Часть ее, проходящая в высшем измерении, хотя и замкнута в нашем пространстве, в действительности открыта в направлении четвертой координаты. Все, что попадает в бутылку в этом месте, может двигаться по бесчисленному множеству направлений в четырехмерном пространстве.

Я осторожно наклонился вперед и заглянул внутрь бутылки. Холодный ветер дунул мне в лицо. Все было затянуто каким-то серовато-зеленым туманом.

Из головы у меня никак не выходила гипотеза четырех красок. Я снова спросил об этом Сляпенарского. Профессору это не понравилось.

— Что проблема четырех красок? — сказал он пренебрежительно. — Пустячок, сушая безделица. Дайте-ка мне карандаш и блокнот.

Я с готовностью вынул блокнот из кармана и протянул Сляпенарскому. Он набросал несколько причудливых геометрических фигур.

— Если карта не содержит конфигураций, допускающих приведение к более простым формам, например не содержит нетройных вершин, многосвязных областей или колец, состоящих из четного числа шестиугольников и пар смежных пятиугольников, то...

Не уверен, что остальное запечатлелось в моей памяти достаточно отчетливо. Ужас помутил мой рассудок. По сей день не могу вспоминать о том, что произошло, без содрогания. Из темных глубин бутылки Клейна внезапно высунулся длинный черный стержень, изогнутый крючком, как щупальце какого-то гигантского насекомого. Крючок охватил Сляпенарского за талию. Тот не успел даже позвать на помощь, как был увлечен в туманные глубины бутылки Клейна.

Должно быть, я находился в шоковом состоянии. Во всяком случае я не слышал, что мне кричал снизу Агуз. Помню лишь, что я не мог оторвать взгляда от зияющего отверстия, хотя не видел ничего, кроме клубящегося тумана, и ощущал только леденящий тело и душу ветер, который вырывался снизу.

— Сляпенарский! Где вы? Сляпенарский? — отчаянно взывал я, но тщетно. Ответом мне было лишь эхо, доносившееся, как из глубокого колодца. Мне почудилось, будто я различаю слабые голоса, гово-

рившие на неизвестном языке, но Сляпенарский так и не отозвался.

Все остальное можно рассказать кратко. Молва о случившемся с быстротой молнии распространилась среди хийику. Ночью несколько хийику проникли на участок профессора, унесли бутылку Клейна и сбросили ее со скалы. Они считали, что в бутылке были злые духи, и по вполне понятным причинам хотели навсегда покончить с источником зла.

Вряд ли нужно говорить, что среди искореженных стальных пластин и стержней никаких следов великого тополога не было...

Гарри Килер Доллар Джона Джонса

Двести первого дня 3221 года профессор истории Университета Терры уселся поудобнее перед визафоном и приготовился прочитать свою ежедневную лекцию слушателям, находившимся в самых удаленных уголках Земли.

Устройство, перед которым восседал профессор, по виду напоминало гигантский оконный переплет. Оно состояло из трех или четырех сотен матовых квадратных экранов. Прямо по центру экранов не было: там располагался продолговатый темный участок, ограниченный снизу небольшим выступом. На выступе лежал кусочек мела. Сверху свисал большой бронзовый цилиндр. Именно в него нужно было говорить во время лекции.

Прежде чем нажать на кнопку и дать сигнал своим слушателям собраться у местных визафонов, профессор достал из кармана крохотный приборчик и приложил его к уху. Легкое нажатие рычажка на крышке — и комнату огласил громкий металлический голос, казалось исходивший откуда-то из пространства и монотонно повторявший: «Пятнадцать часов одна минута... пятнадцать часов одна минута... пятнадцать часов одна минута...» Быстрым движением профессор сунул миниатюрный приборчик в карман жилета и нажал кнопку на боковой поверхности визафона.

Как бы в ответ один за другим вспыхнули матовые экраны, и на них появились лица и плечи молодых людей весьма странного вида: с огромными крутыми лбами, совершенно лысых, беззубых, в огромных роговых очках. Один экран по-прежнему оставался пустым. Профессор слегка нахмурился, но, видя, что все остальные экраны засветились, начал свою лекцию:

— Рад, что вы все собрались у своих визафонов. Тема моей сегодняшней лекции представляет интерес не столько для историка, сколько для экономиста. В отличие от наших прошлых встреч речь пойдет не об отдельных событиях, разыгравшихся на протяжении нескольких лет, а о грандиозной панораме событий, охватывающей десять веков и завершающейся в 2946 г., то есть примерно триста лет назад. Я расскажу вам о гигантском состоянии, выросшем из одного-единственного доллара, который Джон Джонс на заре цивилизации, или, если быть точным, в 1921 г., то есть тринадцать веков назад, положил в банк. Этот Джон Дж...

В этот момент ожил экран, остававшийся пустым. Профессор сурово взглянул на появившееся на экране лицо.

— В262Н72476муж, вы опять опоздали на лекцию. На какую уважительную причину вы сошлетесь на сей раз?

Из полого цилиндра послышался пронзительный голос. Губы изображения на экране двигались в такт словам:

— Прошу вас, взгляните в классный журнал, профессор, и вы увидите, что я недавно переехал на новое местожительство неподалеку от Северного полюса. По какой-то причине радиосвязь между центральной энергетической станцией и всеми точками, расположенными к северу от восьмьдесят девятой параллели, некоторое время назад прервалась, что и помешало мне вовремя появиться на экране вашего визафона. Как видите, моей вины здесь...

— Всегда у вас, В262Н72476муж, найдется оправдание, — недовольно прервал слушателя профессор. — Не думайте, что вам все сойдет с рук! Я немедленно проверю, так ли все было, как вы мне сейчас рассказали.

Из кармана пиджака профессор достал небольшую коробочку с микрофоном и наушником, к которой, однако, не было присоединено никаких проводов. Поднеся микрофон к губам, профессор произнес:

— Алло, алло! Центральную энергетическую станцию, пожалуйста.

Последовала пауза.

— Центральная энергетическая станция? С вами говорит профессор истории Университета Терры. Один из моих студентов утверждает, что сегодня утром связь района Северного полюса с визафонной системой работала с перебоями. Так ли это? Проверьте, пожалуйста.

В ответ в наушнике раздался голос, исходивший из невидимого источника:

— Все верно, профессор. Цуг наших эфирных волн случайно совпал по направлению с цугом волн, испущенных подстанцией на Венере. По случайному стечению обстоятельств оба цуга совместились в пространстве со сдвигом на полволны. Максимумы поля одного цуга совпали с минимумами другого цуга, и волны погасили друг друга. Связь прервалась на сто восемьдесят пять секунд, пока Земля, повернувшись, не рассогласовала направления распространения волн.

— Ах, так! Благодарю вас, — проговорил профессор и сунул коробочку с микрофоном и наушником в карман, после чего взглянул на квадратный экран с изображением слушателя, вызвавшего его гнев.

— Приношу вам свои извинения, В262Н72476-муж. Я чуть было не заподозрил вас в обмане. Впрочем, как показывает мой опыт, на прошлых лекциях вы, гм! — профессор предостерегающе погрозил пальцем. — Но вернемся к теме лекции.

Я только что упомянул доллар Джона Джонса. Некоторые из вас, особенно те, кто лишь недавно записался на курс по истории, несомненно, спрашивают себя: «Кто такой Джон Джонс? И что такое доллар?»

— В те далекие времена, когда Национальное евгеническое общество еще не разработало существующей ныне научной регистрации людей, человеку приходилось обходиться весьма несовершенной системой номенклатуры, изобиловавшей повторами и не позволявшей точно идентифицировать личность. При этой системе Джонов Джонсов было больше, чем калорий в британской единице теплоты. Но я имею в виду вполне определенного Джона Джонса, жившего в двадцатом веке. О нем и пойдет речь в сегодняшней лекции. О жизни Джона Джонса мы

знаем немного. Известно лишь, что он был непримиримым врагом частной собственности и ратовал за создание общества всеобщего процветания.

Теперь о долларе. В наши дни, когда за истинное мерило ценности принят психоэрг, представляющий собой комбинацию одного психа — единицы эстетического удовлетворения и одного эрга — единицы механической энергии, трудно представить себе, что в двадцатом веке из рук в руки в обмен на жизненные блага переходил небольшой металлический диск, который и назывался долларом.

Тем не менее дело обстояло именно так. В обмен на эти самые доллары человек расходовал свою умственную или физическую энергию. Получив доллары, он тратил их на приобретение пищи и крова, на одежду, развлечения и оплату операции по удалению червеобразного отростка.

Многие имели обыкновение класть доллары в специальные хранилища, которые назывались банками. Банки в свою очередь вкладывали доллары в займы и коммерческие предприятия. Каждый раз, когда Земля пересекала эклиптику, банки взимали со своих клиентов либо наличными, либо по безналичному расчету шесть процентов от первоначальной суммы займа. Тем же, кто оставлял им свои доллары на хранение, банки начисляли три процента за право временного пользования этими металлическими дисками. Ежегодная надбавка называлась «годовыми». Говорили: «Банк выплачивает три процента годовых».

Банк не мог гарантировать вкладчику абсолютную сохранность долларов, отданных на хранение. Время от времени служащие банка, прихватив с собой чужие доллары, пускались в бега и скрывались в малонаселенных и труднодоступных уголках Земли. Случалось также, что группы кочевников, кото-

рых тогда называли «громилами», посещали банки, силой открывали бронированные сейфы и удалялись, унося с собой их содержимое.

Но вернемся к теме нашей лекции. В 1921 г. один из многочисленных Джонов Джонсов совершил явно непоследовательный акт, вписавший его имя в историю. Что он сделал?

Он обратился в один из банков, носивший название «Первого национального банка Чикаго», и отдал на хранение один металлический диск — серебряный доллар, открыв счет на имя некоего лица. Этим лицом был не кто иной, как сороковой потомок Джона Джонса. В специальном документе (который назывался завещанием), также оставленном на хранение в банке, Джон Джонс оговорил, что право наследования передается старшему ребенку в каждом поколении его будущих потомков.

Банк согласился с условиями Джона Джонса и принял доллар на хранение. Было оговорено также, что банк будет присоединять три процента годовых к вкладу. Это означало, что к концу каждого года банк увеличивал сумму, числившуюся на счету у сорокового потомка Джона Джонса, на три сотых по сравнению с началом года.

О самом Джоне Джонсе до нас дошли весьма скудные сведения. Известно только, что через 10 лет, в 1931 г., он умер, оставив после себя несколько детей.

Те из вас, кто слушает курс математики у профессора Л123М72421муж из Университета Марса, должно быть, помнят, что любое число x , если его периодически увеличивать на величину, составляющую p -ю долю от его текущего значения, после n циклов станет равным $x(1+p)^n$.

В нашем случае x равен одному доллару, p — трем сотым, а n — числу лет, в течение которых

вклад хранится в банке. В своей лекции я приведу несложные расчеты, а те, кто сегодня в форме, могут производить их в уме.

К моменту смерти Джона Джонса на счету его сорокового потомка была следующая сумма.

Профессор подошел к продолговатому темному участку визафона и быстро написал мелом:

1931 г. через 10 лет 1,34\$.

— Волнистый нероглиф справа, — пояснил он, — это идеограмма, изображающая доллар.

— Итак, время шло, как идет только время. Прошло сто лет. Первый национальный банк еще существовал, а то, что некогда называлось Чикаго, превратилось в величайший населенный пункт на Земле. К этому времени на счету у сорокового потомка Джона Джонса было...

Профессор добавил еще одну строку:

2021 г. через 100 лет 19,10\$.

— На протяжении следующего столетия в образе жизни людей произошло множество мелких изменений, но все сильнее раздавались голоса тех, кто ратовал за отмену частной собственности. Первый национальный банк еще принимал вклады на хранение, и доллар Джона Джонса продолжал расти. Имея в запасе тридцать четыре грядущих поколения, счет в банке выглядел теперь так:

2121 г. через 200 лет 346\$.

К концу следующего столетия на счету сорокового потомка Джона Джонса уже была довольно внушительная по тем временам сумма:

2221 г. через 300 лет 6920\$.

В следующем столетии произошло весьма важное

событие. Я имею в виду 2299 г., когда каждый человек на земном шаре был зарегистрирован под цифровым кодом в центральном бюро Национального евгенического общества. В последующих лекциях мы рассмотрим этот период более подробно, поэтому я попрошу вас запомнить эту дату.

Противники частной собственности по-прежнему зывали к ее отмене, но Первый национальный банк в Чикаго к тому времени превратился в первый Международный банк Земли. А как вырос доллар Джона Джонса? Изучим состояние счета в исторический 2299 г. накануне четырехсотлетия со дня его открытия:

2299 г.	через 378 лет	68 900\$.
2321 г.	через 400 лет	132 000\$.

Вы видите, что вклад Джона Джонса значительно приумножился, но еще не достиг тех размеров, которые позволяли бы говорить о необычайном богатстве. На Земле в те времена существовали гораздо более внушительные состояния. Например, потомок человека, некогда носившего имя Джона Д. Рокфеллера, обладал несравненно большим богатством, но, переходя от поколения к поколению, оно дробилось и таяло. Итак, перенесемся еще на одно столетие. К концу его на счету было:

2421 г.	через 500 лет	2 520 000\$.
---------	---------------	--------------

Вряд ли здесь требуются какие-нибудь комментарии. Те из вас, кто записался недавно, и те, кто слушает мой курс во второй раз, знают, что произойдет дальше.

Во времена Джона Джонса на Земле жил человек, один из тех, кого называли учеными, по имени Илья Мечников. Из древних египетских папирусов и книг, хранящихся в собрании библиотеки Карне-

ги, мы знаем, что Мечников выдвинул гипотезу о том, что старение или, точнее, одряхление, вызывается особыми бактериями-палочками. Впоследствии его гипотеза подтвердилась. Но насколько правильных взглядов Мечников придерживался относительно этиологии дряхления, настолько глубоко он заблуждался относительно терапии этого недуга.

Он предложил, друзья мои, бороться с бактерией и убивать ее продуктом брожения секрета молочных желез ныне вымершего животного под названием «корова», муляж которого вы в любое время можете увидеть в музее Солнечной системы.

Из бронзового цилиндра донесся дружный смех и возгласы удивления. Профессор подождал, пока утихнет приступ веселья, и продолжал с серьезным видом:

— Прошу вас, друзья мои, не улыбаться. Это — лишь один из странных и причудливых предрассудков, существовавших в те далекие времена.

Много позже, в двадцать пятом веке, проблемой дряхления занялся профессор K122B62411муж. Он не стал тратить свое драгоценное время на эксперименты с продуктом брожения секрета молочных желез коровы. Профессор K122B622411муж обнаружил, что открытые в незапамятные времена рентгеновские лучи, которые, как вы, физики, помните, не отклоняются в магнитном поле, в действительности представляют собой смесь двух разновидностей лучей, которые он назвал е-лучами и ж-лучами. Последние лучи в чистом виде были смертельны для бактерий-палочек, оставаясь в то же время совершенно безвредными для клеток человеческого организма. Как вы, должно быть, знаете, открытие профессора K122B62411муж привело к весьма важным последствиям, ибо позволило увеличить продолжительность человеческой жизни до двухсот лет. Этот

век, говорю вам без обиняков, стал переломным в жизни всего человечества.

Но я рассказывал вам о событии, может быть, не столь важном, но, несомненно, более интересном. Я имею в виду вклад, завещанный Джоном Джонсом своему сороковому потомку. К тому времени, о котором сейчас пойдет речь, один доллар вырос в гигантскую сумму. Капитал, предназначавшийся потомку Джона Джонса, достиг таких размеров, что был учрежден специальный банк и назначен специальный совет директоров, в обязанность которым вменялось следить за разумным помещением всего несметного богатства. Следующая выписка из счета убедит вас, что в моих словах нет преувеличения:

2521г. через 600 лет 47 900 000\$.

В 2621 г. в истории человечества произошли два события первостепенного значения. Вряд ли среди вас найдется человек, которому бы не приходилось слышать об открытии профессора P222Д29333муж. Он обнаружил, что направление силы тяжести изменяется на обратное, если тело колеблется в направлении, перпендикулярном плоскости эклиптики, с частотой, равной четному кратному натурального логарифма числа 2. Тотчас же были построены вибрационные корабли, и люди получили возможность летать на любую планету. Открытие профессора P222Д29333муж проложило землянам дорогу к семи новым мирам: Меркурию, Венере, Марсу, Юпитеру, Сатурну, Урану и Нептуну. Последовал подлинный земельный бум, и тысячи бедняков обрели желанное богатство.

Но земля, которая прежде была одним из главных источников благосостояния, вскоре утратила всякую ценность и стала пригодна разве что для

игры в гольф. Причиной тому было второе научное открытие.

По существу, друзья мои, это было даже не открытие, а усовершенствование химического процесса, известного с незапамятных времен. Я имею в виду постройку на всех планетах огромных дезинтеграционных фабрик, на которые воздушным экспресом доставлялись тела умерших обитателей соответствующей планеты. Процесс этот широко используется и поныне, поэтому вы все знаете, как он проводится. Под действием тепла тела умерших разлагаются на элементы: водород, кислород, азот, углерод, кальций, фосфор и т. д. Эти элементы поступают в специальные резервуары, хранятся там, и по мере надобности из них синтезируются пищевые таблетки для тех из нас, кто еще жив. Тем самым создается нескончаемая цепь от мертвого к живому. Нужно ли говорить, что необходимость в земледелии и животноводстве отпала, так как продовольственная проблема, над решением которой с незапамятных времен билось человечество, была решена раз и навсегда. Второе открытие привело к двум важным последствиям. Во-первых, как я уже говорил, резко упали сильно вздутые цены на землю, так как отпала необходимость возделывать ее. Во-вторых, люди обрели наконец досуг, позволивший им заняться наукой и искусством.

Что же касается доллара Джона Джонса, то, многократно преумноженный, он контролировал теперь бесчисленные предприятия и огромные пространства на Земле. Да и не удивительно, ибо банковский счет теперь выглядел так:

2621 г. через 700 лет 912 000 000 \$.

Без преувеличения можно сказать, что это было величайшее частное состояние на земном шаре,

и в 2621 г. ему еще предстояло расти тринадцать поколений, прежде чем появится сороковой потомок Джона Джонса.

Но продолжим нашу лекцию. В 2721 г. в сенате и палате представителей парламента Солнечной системы завершилась важная политическая баталия. Я имею в виду острые дебаты по поводу того, представляет ли земная Луна достаточно серьезную помеху для космической навигации, чтобы ее следовало уничтожить. Большинство голосов было принято решение избавиться от естественного спутника Земли. Участь Луны была решена.

Прошу прощения, мои юные друзья! Я как-то упустил из виду, что в вопросах истории вы осведомлены не столь хорошо, как я сам. Рассказывая вам о Луне, я совсем забыл, что многие из вас не знают, что это такое. Настоятельно советую тем из вас, кто еще не был в музее Солнечной системы на Юпитере, побывать там как-нибудь в воскресенье. Поезда межпланетной линии отправляются через каждые полчаса. Вы увидите там действующую модель некогда существовавшего спутника Земли, который до того, как его разрушили, освещал по ночам Землю, отражая солнечный свет своей неровной поверхностью.

После того как парламент счел нежелательным оставлять Луну там, где она всегда находилась, инженеры приступили к демонтажу ночного светила. Они откалывали от Луны часть за частью и отправляли осколки межпланетными грузовыми кораблями на Землю. С Земли осколками с помощью специального взрывчатого вещества зоодолита выстреливали в сторону Млечного Пути, придавая им скорость 11217 м/с. Эта скорость сообщала каждому осколку кинетическую энергию, достаточную для преодоления земного притяжения на всем пути от земной по-

верхности и до бесконечности. Смею утверждать, что осколки Луны и поныне несутся в межзвездном пространстве.

Когда начались работы по демонтажу Луны, на счету сорокового потомка Джона Джонса числилось

2721 г.	через 800 лет	17 400 000 000 \$.
---------	---------------	--------------------

Разумеется, имея в своем распоряжении такую колоссальную сумму, директора фонда Джона Джонса произвели крупные капиталовложения на Марсе и Венере.

В начале двадцать девятого столетия, а точнее, в 2807 г., Луна была полностью раздроблена на куски и разбросана в космическом пространстве. На всю работу по ее демонтажу потребовалось 86 лет. Приведу две выписки из счета сорокового потомка Джона Джонса: в год завершения работ по уничтожению Луны, незадолго до девятисотлетия со дня основания фонда, и по истечении 900 лет;

2807 г.	через 886 лет	219 000 000 000 \$.
2821 г.	через 900 лет	332 000 000 000 \$.

В этих скупых строках заложен простой и глубокий смысл: к 2807 г. будущий потомок Джона Джонса был практически владельцем всей недвижимости на Земле, Марсе и Венере — за исключением территории университетского городка на каждой планете. Эта территория была собственностью университета.

А теперь я попрошу вас последовать за мной и перенестись в 2906 г. В этом году директора фонда Джона Джонса оказались перед неразрешимой проблемой. Согласно завещанию Джона Джонса, оставленному в 1921 г., банк должен был выплачивать три процента годовых. В 2900 г. был жив тридцать девятый потомок Джона Джонса по имени

Дж664М42721муж. Ему тогда исполнилось тридцать лет, и он собирался жениться на девушке по имени Т246М42652жен.

Вы, конечно, хотели бы знать, с какой проблемой столкнулись директора фонда? А вот с какой.

Произведя тщательную инвентаризацию и оценку недвижимого имущества и всех богатств на Нептуне, Уране, Сатурне, Юпитере, Марсе, Венере и Меркурии, а также на Земле и точный подсчет стоимости энергии, оставшейся в Солнце, по весьма умеренной цене за калорию, директора обнаружили, что полная стоимость Солнечной системы составляет 630 952 524 136 215\$.

Как показывает простой расчет, если мистер Дж664М42721 муж женится на мисс Т246М4265 жен и у них в браке родится ребенок, то в 2921 г. по прошествии тысячи лет с того дня, когда Джон Джонс открыл в банке счет на 1 доллар, этот ребенок будет владеть состоянием:

2921 г.	1000 лет	6 310 000 000 000\$.
---------	----------	----------------------

Нетрудно видеть, что дефицит составил бы 47 475 867 385\$. Банк просто не смог бы выплатить сороковому потомку Джона Джонса то, что ему причиталось.

Члены правления банка были в панике. Высказывались самые фантастические проекты. Например, предлагалось отправить экспедиционный корпус к ближайшей звезде с целью захвата какой-нибудь другой солнечной системы и восполнения дефицита за счет распродажи новых территорий. Но этот проект был отклонен, ибо на осуществление его потребовалось бы слишком много лет.

Перед мысленным взором несчастных директоров фонда Джона Джонса живо вставали картины нескончаемых судебных тяжб и разбирательств, но

буквально накануне величайшего из судебных процессов, который когда-либо знала история, произошло нечто такое, что в корне изменило дальнейший ход событий.

Профессор извлек из жилетного кармашка миниатюрный приборчик, приложил его к уху и нажал рычажок.

— Пятнадцать часов пятьдесят две минуты... пятнадцать часов пятьдесят две минуты... пят...

Профессор сунул приборчик в карман и продолжал:

— К сожалению, я должен закончить лекцию. В шестнадцать часов у меня назначена встреча с профессором С122Б24999муж из университета Сатурна. Итак, на чем мы остановились? Ах, да! Я говорил о небывалом судебном процессе, который грозил директорам фонда Джона Джонса.

Так вот, этот самый мистер Дж664М42721муж, тридцать девятый потомок Джона Джонса, поссорился с мисс Т246М42652жен. Их ссора свела к нулю надежды на брак между ними. Никто не хотел уступать другому. Он так и не женился, она так и не вышла замуж. В 2946 г. мистер Дж664М42721муж, прожив всю жизнь холостяком и не оставив после себя детей, умер.

Солнечная система не перешла в частные руки. Немедленно вмешалось межпланетное правительство и объявило об отчуждении фонда Джона Джонса в пользу государства. Немедленно упразднилась частная собственность. В мгновение ока мы достигли всеобщего благоденствия.

Лекция окончена. Все свободны.

Один за другим лица слушателей исчезали с экранов визафона.

Профессор остался сидеть в кресле, размышляя о чем-то.

— Удивительный человек был этот Джон Джонс Первый, — задумчиво проговорил он наконец. — Какая сила предвидения! Какой ум! В особенности если учесть, что жил он в двадцатом веке, когда кругом царило невежество. Но как близка была его тщательно продуманная схема к полному краху. Что было бы с милым его сердцу обществом всеобщего процветания, если бы сороковой наследник Джона Джонса все-таки появился на свет?

Брюс Эллиотт
Последний иллюзионист

Он был последним. Мне кажется, что все последнее вызывает какой-то особый интерес. Последний динозавр, последний автомобиль, последний самолет с двигателем внутреннего сгорания... Да, он был бы украшением Музея Всего Последнего. Он был последним иллюзионистом.

Разумеется, он был великолепным иллюзионистом. Мне доводилось видеть старые ленты, запечатлевшие выступления величайших иллюзионистов прошлого: Гудини, Блекстоуна и Терстона. В его лице все они как бы слились воедино. Он был выше любого из них, неизмеримо выше. Великие иллюзионисты прошлого выступали, когда люди жаждали верить в чудо, а он блистал в наше время, как невиданная сверхновая звезда. Он пробудил угасший было интерес к искусству иллюзиониста и умел без-

раздельно завладеть аудиторией. Может, он был шарлатаном, параноиком или как там его называли, но он неизменно поражал зрителей, а это в наши дни удается немногим.

Я никогда не мог понять, почему для своего дебюта он выбрал столь странное место, разве что в расчете на рекламу, или на уме у него были какие-то лишь ему ведомые особые соображения. У него было безошибочное чутье, и он всегда знал, как привлечь внимание публики.

Вам известно, во что превратился современный водевиль — в интеллектуальную игру, в культ авангардизма. Любителям водевиля только и остается, что сидеть и вести беседы, предаваясь воспоминаниям о том, какие чечеточники или комики были лет этак сто назад, и оплакивать свое умирающее искусство.

Я не очень разбираюсь в жанрах, но думаю, что искусство, неспособное вызвать интерес публики, стоит немного. Водевиль давно бы перестал существовать, если бы его не субсидировали тонкие ценители и знатоки. Я зарабатываю на жизнь тем, что занимаюсь изготовлением бутафории и реквизита для наших дурацких постановок, поэтому мне весь этот запоздалый интерес к водевилю только на руку. До работы у Даниина весь реквизит я делал своими руками, а вы знаете, что это значит. Вы должны быть чертовски искусным художником и делать все лучше машины, чтобы в наши дни получить лицензию на право сделать что-нибудь своими руками.

Но речь не о том, я говорил вам о Даниине. Он вышел на небольшую сцену, где мы давали наш «водевиль», без всякого объявления. Его внешность была столь необычной, что сразу же привлекла всеобщее внимание. Бог знает где он раздобыл свой костюм, но это был настоящий театральный костюм. Черный

плащ ниспадал с его худых острых плеч. Шею охватывал широкий белый воротник, на котором спереди красовалось нечто отдаленно напоминающее галстук-бабочку. Картину дополнял абсолютно нефункциональный фрак с низким вырезом спереди и двумя фалдами, свисавшими наподобие хвостов, и манишка, выглядевшая так, словно она была сделана из жесткой пластмассы. На ком-нибудь другом такой костюм выглядел бы нелепо — на ком-нибудь, но не на Даниине.

Думаю, что скудная растительность на его верхней губе и подбородке была фальшивой (в наши дни мужчины еще в юности выщипывают каждый волосок на лице), но мне никогда не приходилось видеть Даниина без нее. Эти несколько волосков он называл бородой и усами, и они придавали его лицу с запавшими щеками весьма странное выражение.

Выйдя на середину сцены, Даниин отвесил низкий поклон горстке авангардистов, составлявших в тот вечер нашу аудиторию. Но каким-то образом даже поклон и притворное раболепство перед зрителями воспринимались как оскорбление. Его показное смирение как бы подчеркивало сознаваемое им превосходство. Он знал миллионы способов проникнуть вам в душу, взять вас за живое, но об этом мне стало известно значительно позже.

По зрительному залу пронесся легкий шелест: зрители разворачивали программки, чтобы узнать, кто такой Даниин. Им пришлось поторопиться: Даниин, кланяясь, сбросил с себя плащ и изящным движением показал зрителям его одну, а потом другую сторону.

С характерной полуулыбкой-полуоскалом Даниин перебросил плащ через руку, и тут все увидели, что под плащом что-то есть. Даниин сдернул

плащ — перед зрителями, скромно потупясь, стояла нагая марсианская девушка. Искоса взглянув на аудиторию и как бы пытаясь оценить произведенный эффект, Даниин извлек из воздуха волшебную палочку — длинную черную трость с белыми наконечниками. В стародавние времена ни один фокусник не обходился без этого аксессуара.

Несколько взмахов «волшебной» палочки — и марсианка предстала перед зрителями в вечернем туалете. Предметы возникали как бы из воздуха.

С тех самых пор марсианка неизменно выступала в аттракционе Даниина в качестве ассистента, и вы, должно быть, видели ее по телевидению. Я рассказываю вам о дебюте Даниина только потому, что ему запретили выступать с этим номером на эстраде. Марсианский посол заявил протест, начались какие-то интриги. Что произошло, я не знаю, но Даниин никогда больше не начинал так свое выступление.

Вы, конечно, помните, как проходил его аттракцион. Распиливание марсианки гамма-лучами на две половины, ее благополучное воскрешение после неизбежной, казалось бы, смерти, таинственное исчезновение из герметически закупоренного помещения и столь же таинственное появление из раковины тридакны, которая только что была пустой. Все эти трюки примелькались и стали чем-то привычным, а именно этого следовало избегать.

Именно потому, что Даниин был последним иллюзионистом, именно потому, что он оказывал такое поразительное по силе воздействие на всю индустрию развлечений, он должен был каждый раз превзойти самого себя. Даниину приходилось непрестанно придумывать все новые и все более хитроумные трюки. Необходимость все время удивлять зрителя сводила Даниина с ума.

Была и другая причина — телевидение, своего рода бездонная бочка, в которой бесследно исчезает, как предметы в одном из трюков Даниина, любой вид эстрадного искусства. Несколько столетий назад, когда телепередачи смотрели миллионы людей, вы могли через некоторое время позволить себе повториться в надежде на то, что не все зрители видели ваше первое выступление. Но сейчас, когда аудитория телезрителей насчитывает сотни миллионов, проблема стала настолько острой, что многие исполнители не выдерживали и меняли свою профессию.

В былые времена иллюзионист встречался годами с небольшим кругом зрителей, и если случались накладки или повторы, то особой беды в этом не было.

В старинных учебниках для фокусников мне случилось читать, что некоторые из них всю свою профессиональную жизнь делали одни и те же трюки. Подумать только!

Но Даниин, разумеется, никогда не повторялся. Он постоянно изобретал новые, все более удивительные вариации своих основных трюков.

Тут-то ему и понадобился я, точнее, мои умелые руки. Думаю, что сам я ни за что не согласился бы работать с Даниином, если бы не его ассистентка марсианка Аида. Мне было жаль ее. Даниин всегда дурно обращался с ней, но становился особенно груб и придирчив, когда ломал голову над каким-нибудь новым псевдочудом.

Однажды я услышал, что Аида плачет. Услышал через толстую стену гримерной на телестудии. Может быть, вы и скажете, что это не мое дело, но я постучался к ней и спросил: «Не могу ли я тебе чем-нибудь помочь, Аида?»

Девушку ростом в семь футов и до того тощую,

что вены проступали у нее сквозь кожу, как веревки, вряд ли можно считать привлекательной, а Аида была очень мила. Ее ярко-красные глаза блестели от слез, которые ей вряд ли стоило проливать, если учесть, насколько обезвожены марсиане.

— Чем вы можете мне помочь? Мне уже пикто не поможет, — печально покачала она головой. К счастью, она сидела, как бы сложившись вдвое, так что я положил ее голову себе на плечо и потрепал по длинным белым волосам. Если бы Аида стояла, мне пришлось бы для этого залезть на стремянку.

— Что у тебя стряслось? — спросил я у нее ласково.

— Мистер Берроу, мне кажется, я его люблю, — голос Аиды задрожал, — иначе я бы не выдержала. Но можно ли любить и ненавидеть одновременно?

Я молча погладил ее по голове и почувствовал к ней жалость.

— Так вы не знаете? — продолжала она. — Я перечитала все земные книги, какие только смогла достать, все, что было написано о любви, но так и не смогла найти ответ. — Аида всхлипнула: — Книжки мне так ничего и не объяснили. Может быть, вы мне скажете?

Что и говорить, вопрос был не из легких. Я вышел из того возраста, когда любовь и всякая там чепуха значили для меня очень много, но память у меня была хорошая...

— Что заставило тебя полюбить землянина, Аида? — Вопрос дурацкий, но нужно же было мне хоть как-то поддержать разговор.

Она опустила голову и прижалась к моей груди. Я механически продолжал гладить ее по голове.

— По правде сказать, не знаю. Когда мы встретились, я была еще совсем девочкой. Мать всегда

держала меня подальше от марсианских мальчиков. Говорила, что я еще слишком молода, чтобы встречаться с ними. Должно быть, землянина она не сочла опасным. Но Даниин не такой толстый, как вы, мистер Берроу, или большинство землян. Он стройный и красивый, почти как марсианин. И как прекрасно он говорит, по крайней мере когда захочет. — И Аида снова безутешно зарыдала.

Дверь отворилась, и в гримерную вошел Даниин. Возмущение его не знало границ.

— Ах ты, марсианская дрянь! — загремел он. — Я сделал тебя своей ассистенткой. Так вот она, твоя благодарность! Стоит мне отлучиться на минуту, как ты заводишь шашни со стариком! Что ты в нем нашла?

Я вмешался из опасения, что он ударит Аиду:

— Послушайте, Даниин, я ведь пришел предложить вам одну недурственную идею для вашего аттракциона.

Даниин кивнул. Что же, мне по крайней мере удалось завладеть его вниманием. Я торопливо продолжал:

— Мне кажется, я придумал совершенно оригинальный трюк с освобождением.

Ревность Даниина несколько поутихла, уступив место его жадному интересу к новым еще никем не опробованным трюкам.

— А в чем там соль? — спросил он нетерпеливо.

— Из чего только вам не приходилось освобождаться. Вы даже назначили приз тому, кто сумеет придумать оковы, от которых вы не избавитесь за пять минут.

— Все это так, — перебил меня нетерпеливо Даниин, — я выбирался из таких ловушек, которые отравили бы на тот свет допотопного Гудини. — Он

скрипнул зубами от ярости: — Жалкий факир! Я просто выхожу из себя, когда читаю все эти рассказы о нем.

Так оно и было. Даниина терзала мысль, что он родился слишком поздно, чтобы успеть померяться силами с величайшими иллюзионистами прошлого. Он чувствовал, и, как мне кажется, не без основания, что мог бы превзойти любого из них.

— Так что вы придумали? — повторил он нетерпеливо, поворачиваясь снова к Аиде.

Я быстро ответил:

— Потрясающий трюк! Освобождение из бутылки Клейна!

— А что это такое?

Я вздохнул. Иногда его неосведомленность обо всем, что выходило за рамки чисто профессиональных познаний, поражала меня. Я постарался объяснить суть дела как можно проще. «Вам приходилось когда-нибудь видеть лист Мёбиуса?» — спросил я, поднимая с пола узкую полоску бумаги.

Ответом мне был неуверенный взгляд. Я повернул один конец полоски на пол-оборота и приклеил его к другому концу. Взяв в руки карандаш, я показал Даниину, что, не отрывая грифеля от бумаги, можно провести линию, проходящую по обеим сторонам полоски.

— Видите? Это односторонняя поверхность.

— Ну и что? — Даниин взял ножницы и разрезал лист Мёбиуса вдоль осевой. Лист распался на два сцепленных между собой кольца.

— Это самые обыкновенные афганские кольца. Почему вы об этом сразу не сказали? — недоуменно спросил Даниин.

— Может быть, у фокусников такая поверхность называется «афганские кольца», — настаивал я, — но это лист Мёбиуса, и с помощью его...

Даниин нахмурился, размышляя о чем-то. Мысли его явно витали далеко от Аиды. Помолчав немного, он спросил:

— А ко мне какое это все имеет отношение? Не могу же я освобождаться из листка бумаги. Смешно!

— Разумеется, но если вы взглянете на лист Мёбиуса как на двумерную поверхность, необычайные свойства которой связаны с тем, что она повернута в третьем измерении, то вам будет легче представить себе бутылку Клейна.

От удивления Даниин поднял брови.

— Бутылка Клейна, — продолжал я как ни в чем не бывало, — это четырехмерный эквивалент листа Мёбиуса. Представьте себе бутылку, сделанную из гибкого твердого вещества. Отогните горлышко вниз и проденьте его насквозь через боковую поверхность бутылки.

Даниин оказался сообразительным учеником.

— Соль трюка здесь в том, что горлышко проходит сквозь стенку бутылки в четвертом измерении? — спросил он.

— Совершенно верно. А теперь представьте себе, что я изготовлю бутылку Клейна таких размеров, чтобы вы могли поместиться внутри ее...

— Для чего мне освобождаться из бутылки Клейна? В таком освобождении нет драмы, оно не затрагивает чувства зрителей.

— Вы не поняли главного! По теоремам топологии, впервые доказанным лет пятьдесят назад, когда впервые была изготовлена настоящая бутылка Клейна, муха, разгуливающая по наружной и одновременно внутренней поверхности бутылки, находится внутри и в то же время снаружи нее и не может ни попасть в бутылку, ни выбраться из нее! Об этом знает всякий школьник!

Даниин задумчиво свистнул сквозь зубы:

— А знаете, в этом что-то есть! Не то, чтобы идея была очень хороша, но ее можно довести. Я превращу ее в самое сенсационное освобождение, которое когда-нибудь исполнялось! Гудини! Тьфу! — Внезапная мысль пришла ему в голову: — А в чем здесь «покупка»?

Я знал, что он имеет в виду. Он всегда раздражал меня своим пристрастием к профессиональным словечкам, вышедшим давно из употребления, хотя незаметно я и сам перениал у него эту манеру.

— Так в чем здесь «покупка»? — повторил Даниин. — Как мне избежать судьбы мухи?

— Вы говорите не подумав, Даниин. Стоит вам забраться в бутылку Клейна, как вас не спасет ничто. Вы станете живым и мертвым, застрянете на полпути между нашим и четырехмерным миром и останетесь на мели.

— И что вы предлагаете?

— Необходимо сконструировать подставную бутылку. Поддельную.

— Прекрасная мысль! Немедленно принимайтесь за работу. — Тут он снова вспомнил об Аиде: — Эй, ты! Вот что я тебе скажу...

От его резкого голоса Аида съежилась. Она должна была слушать его, а я не обязан! Вне себя от злости я выбежал из гримерной. Так обращаться с Аидой — все равно что побить больного щенка. Если бы я только мог, я бы задал ему хорошую взбучку. Впрочем, а что толку?

Даниин мог свысока относиться к Гудини и прочим иллюзионистам прошлого, но кое-чему он у них научился. Реклама, которую он создал трюку с освобождением из бутылки Клейна, была непревзойденной. Я изготовил две бутылки: одну настоящую и одну поддельную. Даниин заставил всех говорить о бутылке Клейна, о своем безрассудстве, о смер-

тельном риске, которому он подвергает себя. Он помещал статьи и заметки на топологические темы в газетах. По его заказу тысячи листов Мёбиуса с надписью «Даниин бросает вызов смерти!» были сброшены с самолетов. Он подкупал прессу. Он бросил вызов Миклаву и Роннеру, ведущим топологам нашего времени, предложил им отгадать, каким образом он сумеет выбраться из бутылки Клейна. Он предложил им заключить пари на 10 000 долларов, что сумеет выбраться за 5 минут, и предложил со своей стороны уплатить по 1000 долларов за каждую минуту, которую он проведет в бутылке сверх 5 минут (средства должны были пойти в пользу благотворительного общества).

Чем напряженнее работал Даниин, тем хуже он обращался с Аидой. Я старался держаться подальше, ибо не мог ручаться за себя и боялся, что как-нибудь не выдержу и расквашу ему его длинный орлиный нос.

В последнее время я видел ее только плачущей. Когда обезвоживание ее организма достигло опасного предела, я, наконец, вызвал врача и настоял, чтобы ей назначили внутривенную инъекцию какого-нибудь солевого раствора. И когда Аиду уложили на кушетку, чтобы сделать ей инъекцию, я впервые заметил, что ее обычно вогнутый живот слегка округлился.

Догадавшись, в чем здесь дело, я не на шутку разозлился на Даниина. «Нет, — думал я, — это тебе не пройдет так даром! Ты у меня попляшешь!»

Аида никогда и никому не жаловалась, кроме того раза, когда она поплакала у меня на плече. Обычно она издали с надеждой смотрела на Даниина, потом глаза ее наполнялись слезами и она уходила, чтобы тихо выплакаться где-нибудь в укромном уголке.

Я ходил сам не свой, но ничем не мог помочь Аиде, даже когда узнал, отчего она так убивается. Как-то раз вечером я встретил Даниина с другой девушкой, землянкой, но не говорить же об этом Аиде? Я с головой ушел в подготовку реквизита. Премьера приближалась, все нужно было проверить еще и еще раз.

Если вы в тот вечер смотрели телепередачу, то видели, как все произошло, или по крайней мере как все происшедшее выглядело из зала. Но я видел то, что произошло, из-за кулис, и об этом-то хочу вам сейчас рассказать. Несмотря на все свои недостатки, мелочность, шарлатанство, а может быть благодаря всем этим милым качествам, Даниин был велик. Последний и величайший из иллюзионистов!

Разумеется, он начал свое выступление не с освобождения. Трюк с освобождением должен был стать кульминацией номера. Он начал с небольших фокусов, какие обычно показывают иллюзионисты, чтобы «разогреть» публику, например извлек из своего блестящего цилиндра бесчисленное множество марсианских кобылок — симпатичных шестиногих существ с красными глазами и белыми волосами. Они всегда чем-то напоминали мне Аиду, а в тот вечер, когда Даниин доставал одну кобылку за другой из своего, казалось, бездонного цилиндра, сходство было особенно велико. С необычайным изяществом, я бы сказал поэтично, он извлекал монеты прямо из воздуха, и они со звоном падали в металлическое ведерко. Вы скажете, старые эстрадные фокусы? Согласен. Но как он их делал! Это надо было видеть.

За кулисами ассистенты не спускали глаз с изготовленной мною настоящей бутылки Клейна. На их лицах было написано, что такая штукавина им и даром не нужна и они не завидуют тому, кто ре-

шил искушать судьбу, пытаясь выбраться из нее наружу.

Когда Даниин счел, что напряжение зрительного зала достигло предела, он театральным жестом воздел руки и объявил:

— Леди и джентльмены! А теперь я продемонстрирую вам рекордный трюк! На ваших глазах я войду в бутылку Клейна и...

По его знаку ассистенты выкатили на сцену бутылку Клейна. Пока рабочие устанавливали вокруг нее легкую ширму, в зале стояла мертвая тишина. «Я берусь выбраться из бутылки за пять минут. Если мне это не удастся...» Он слишком любил театральные эффекты, чтобы закончить фразу.

Даниин пригласил на сцену Миклава и Роннера и предложил им осмотреть бутылку. Топологи чувствовали себя явно неуютно, но произвели осмотр со всей тщательностью.

— Джентльмены, — торжественно обратился к ним Даниин, — согласны ли вы с тем, что сооружение, которое находится здесь, — самая настоящая бутылка Клейна?

Ученые кивнули. Даниин ушел со сцены. Он был настолько уверен в себе, что мог покинуть зрителей на то время, которое требовалось, чтобы переодеться к номеру, точнее, раздеться, ибо он должен был появиться лишь в набедренной повязке. Свои трюки с освобождением он всегда выполнял в этом «пляжном костюме» под предлогом, будто зрители должны видеть, что у него нет с собой никаких приспособлений, отмычек и т. п. Но я думаю, что раздевался он по другой причине. Мне кажется, что ему нравилось слышать изумленные возгласы, которые издавали зрители при виде его тощей скелетообразной фигуры. Из всех землян, которых мне когда-нибудь приходилось видеть, он больше всех по-

ходил на марсианина. Увидев Даниина раздетым, я стал немного лучше понимать, почему Аида полюбила его.

Я стоял за сценой у левой кулисы. Делать мне было ничего не нужно, только присматривать за общим порядком. Наш трюк просто не мог не получиться. После долгих размышлений я пришел к выводу, что чем проще способ подмены настоящей бутылки Клейна поддельной, тем лучше. В полу сцены я проделал два люка. Думаю, что люками для иллюзионных трюков не пользовались уже лет двести. На это я и рассчитывал, полагая, что старый грубый трюк лучше всего одурачит публику. Даниин согласился со мной, а уж он был великий мастер по части того, как дурачить зрителей.

Придуманный мною план сводился к следующему. Настоящую бутылку Клейна выкатывают на сцену. Там она остается, пока эксперты не удостоверят во всеуслышание, что перед зрителями самая настоящая трехмерная бутылка, перекрученная в четырехмерном пространстве. После того как подлинность бутылки будет установлена, ассистенты по знаку Даниина расставят вокруг нее ширму, закрывающую бутылку спереди и с боков, откроются потайные люки, настоящая бутылка провалится в один из них, а из другого на сцену подадут поддельную бутылку, издали неотличимую от настоящей, но не обладающую ее топологическими свойствами.

Как видите, механика трюка была до смешного проста. Но Даниин всегда считал, что именно в такой простоте и заключается секрет искусства хорошего иллюзиониста. Сложность, говорил он, к добру не ведет. Кто-нибудь из зрителей всегда может разгадать секрет сложного трюка. Механизм должен быть настолько простым, чтобы сама мысль о нем была для зрителей нелепой.

Даниин стоял рядом со мной за кулисой и делал дыхательную гимнастику перед выходом на сцену. Рядом с нами в стене торчала кнопка, приводившая в движение крышки потайных люков. Подбежала Аида. Ведущий программы объявил: «Рекордный трюк...» Последовала раскатистая барабанная дробь: «...Даниин!»

Это был условный сигнал. Даниин вышел на сцену. Аида стояла рядом со мной. Мы оба не отрывали глаз от сцены. Даниин поклонился залу и послал воздушный поцелуй зрительнице, сидевшей в первом ряду. Я узнал ее. Это была та самая девушка-землянка, с которой я встретил его как-то вечером. Я стоял так близко от Аиды, что почувствовал, как при виде девушки она напряглась. Значит, она все знает о Даниине и его новой подруге.

В центре сцены по знаку Даниина ассистенты убрали ширму, скрывавшую бутылку Клейна величиной в человеческий рост. Даниин сделал величественный жест в сторону бутылки. Сардонически улыбаясь, он медленно поднял костлявую ногу и зацепился ею за горлышко бутылки. Ассистенты стояли наготове и по его знаку шагнули к бутылке, готовясь скрыть ее за ширмой. Даниин оттолкнулся другой ногой от сцены, как бы намереваясь сесть на бутылку верхом.

Аиду била мелкая дрожь. «Не могу! — разразилась она рыданиями. — Не могу, чтобы он так...» Ширма уже почти полностью скрывала артиста. Она потянулась через мое плечо, пытаюсь достать до кнопки, приводившей в движение крышки люков.

— Что ты делаешь? — прошептал я.

— Я... Я не выдержу... — красные глаза Аиды были широко раскрыты от ужаса — Я подменила бутылку! Там, на арене, настоящая! Сейчас он залезет в нее!

Нажимать на кнопку было слишком поздно. Аида торопливо проговорила:

— Я предупрежу его! Когда ширма полностью скроет Даниина от зрителей, вы нажмете кнопку и подмените настоящую бутылку поддельной. Как я могла решиться на такое! — И она бросилась на сцену.

Прильнув к Даниину, она что-то прошептала ему на ухо. Даже в этот момент, когда весь мир следил за каждым его движением, Даниин остался верен себе. Я видел, как он замахнулся, чтобы ударить Аиду, но вспомнил, где находится, и удержался. С трудом подавив приступ ярости, он изобразил на лице некое подобие улыбки и обратился к зрителям:

— Дамы и господа! Мой бесценный ассистент сообщил мне, что несколько репортеров хотели бы присутствовать на сцене во время моего аттракциона в качестве беспристрастного жюри. От вашего и своего имени я приглашаю их на сцену. Добро пожаловать!

Он был просто великолепен. Думаю, никто в зале так и не понял, что же произошло на самом деле. Ассистенты установили ширму вокруг бутылки, Даниин раскланялся с репортерами.

Аида подбежала ко мне.

— Пора! Нажимайте кнопку!

Проследив за моим движением, она обернулась и подала знак Даниину. Лицо его, обращенное к зрителям, улыбалось, но взгляд, который он метнул в нашу сторону, не сулил ничего хорошего.

Он снова взобрался на бутылку, уселся верхом на горлышко и начал скользить к тому месту, где горлышко проходило сквозь стенку бутылки. И тут произошло нечто удивительное. Тело его как бы утратило всякую жесткость и обрело способность

гнуться, как резина. Только что он был весь на виду, а в следующий миг оказался по пояс внутри бутылки. Это успели увидеть все. Затем Даниина и бутылку скрыла ширма.

Аида безутешно рыдала на моем плече.

— Остановите его! Пусть он уходит к ней. Я его не удерживаю. Мы не женаты и никогда не могли бы пожениться из-за этого проклятого закона, запрещающего браки между марсианами и землянами! Пусть он достанется ей.

— Пусть уходит,— согласился я,— но ведь он обрек тебя на верную смерть.

Непроизвольно Аида бросила взгляд на свой живот, потом посмотрела на меня.

— Так вы все знаете?

— Да, я это заметил еще месяц назад. А за кровосмешение между землянами и марсианами по закону полагается смертная казнь,— я потрепал ее по плечу.— Он должен был отправить тебя к врачу, когда еще можно было что-то сделать.

— Слишком поздно,— горько прошептала она и отвернулась. Я знал это так же хорошо, как она.

Репортеры на сцене не сводили глаз со стрелок своих часов. Музыка, вместо того чтобы успокаивать, действовала на нервы. Время шло. Напряженность в зрительном зале возрастала. У профессоров топологии вид был встревоженный. Один из них, кажется Миклав, вырвался из рук коллеги, пытавшегося удержать его, и крикнул на весь зал:

— Плевать я хотел на пари! С фокусником что-то случилось!

Он выбежал на сцену и отодвинул ширму. Тополог не ошибся. Даниин попал в беду. Положение его было более чем серьезным. Тело находилось наполовину внутри бутылки Клейна, наполовину вне ее. Он был внутри и одновременно снаружи, но ни-

какими силами не мог оказаться «с нужной стороны» — ее попросту не существовало! Там он был, там он пребывает и поныне. В музее, где собрано все последнее. Там он и останется навсегда. Разбить бутылку было нельзя, так как при этом Даниин оказался бы перерезанным пополам. А так как бутылка цела, то он навсегда останется в ней — ни живой, ни мертвый, на полпути между «здесь» и «там», застряв где-то на пороге четвертого измерения.

Что и говорить, зрелище не из приятных. Но судьба его ничто по сравнению с тем злом, которое он причинил Аиде. Может быть, я и почувствовал бы к нему сострадание, если бы не видел ее гибели. Бедняжка не вынесла выпавших на ее долю испытаний.

Я знал, что она обречена. Поэтому я и нажал кнопку от потайных люков в первый раз, до того как ее нажала Аида. Поэтому, когда мне пришлось нажать еще раз (Аида думала, что спасает Даниина), на сцене вновь оказалась настоящая бутылка Клейна.

Когда топологов пригласили удостоверить ее подлинность, именно она была на сцене. Нажав кнопку в первый раз, я подменил ее поддельной, а когда нажал кнопку по сигналу Даниина, на сцене вновь оказалась настоящая бутылка Клейна! Аида чуть все не испортила, когда нажала на кнопку и подменила настоящую бутылку поддельной. Но все обошлось. Она-то думала, что на сцене настоящая бутылка, и попросила меня нажать кнопку еще раз. И тут на сцене снова оказалась самая что ни на есть настоящая бутылка Клейна, и Даниин угодил в нее!

Иногда я хожу в Музей Всего Последнего посмотреть на него. На ум приходят все эти легенды и истории о запертых в бутылке злых духах. Должно быть, я становлюсь старым. Однажды мне поду-

малось о царе Соломоне. Он был мудрец, каких мало. Интересно, знал он что-нибудь о бутылках Клейна?..

Нарсисо Ибаньес Серрадор
Высокая миссия

Да, если мерить человеческими мерками, корабль был совсем невелик! Это была трехгранная пирамида из матового зеленоватого металла, которая могла бы легко уместиться в любом, самом маленьком сарайчике. Да, если мерить человеческими мерками, корабль был совсем невелик. Человеческими мерками, хотя... ни одному человеку не довелось его видеть. Почти сто лет летал корабль вокруг Земли, а люди его не видели, может быть, из-за невероятной скорости, а может, из-за того, что он был слишком мал — для людей, разумеется, а не для трипитов: для них он был огромен. Больше пятидесяти трипитов насчитывалось в его экипаже; больше пятидесяти трипитов, прилетевших из туманности в созвездии Стрельца, в течение почти столетия кружили и кружили вокруг Земли — и наблюдали, наблюдали...

Девять трипитов — все руководство экспедиции, организованной для насаждения трипитской культуры на других планетах, — опять собрались в конференц-зале корабля и возобновили нескончаемые споры.

Отсталость существ, населяющих эту планету, без сомнения, объясняется их размерами. Они слишком велики, слишком неповоротливы...

— Но, дорогой Трулон, дело совсем не в этом!

— То есть как не в этом? Такие грубые и неуклюжие существа лишь с трудом могли бы достигнуть...

— Простите, что я вас прерываю, но исходя из всех наших данных, полученных в результате наблюдений, ясно, почему культура этих достойных сожаления существ не смогла сколько-нибудь развиться. Все это произошло из-за хватательных придатков, так называемых пальцев. Только из-за этого они и отстали! Эти уродливые создания обладают двумя верхними конечностями, каждая из которых оканчивается пятью хватательными придатками; таким образом, их всего десять. Они и есть злой рок, который неизбежно обрек эту планету на культурный застой. Дело в том, что на заре цивилизации существа эти при счете прибегали к помощи пальцев. И с течением времени это привело к тому, что свою математику и всю культуру они построили на абсурдной метрической системе, в основе которой лежит число десять.

Все присутствующие одобрительно засвистели, и их усики завибрировали. Тропенс, самый почтенный из всего руководящего состава, продолжал:

— Таковы факты. Подобным же образом начинали и мы. Мы тоже использовали для подсчетов свои хватательные придатки, но, так как природа, к нашему счастью, одарила нас всего лишь одним верхним щупальцем, оканчивающимся тремя присосками, мы положили в основу нашей системы счисления число три.

Некоторые из собравшихся задумчиво посмотрели на свои круглые, влажные фиолетовые присоски,

неоспоримо свидетельствовавшие об особой чувствительности и артистизме их обладателей.

— В результате,— продолжал телепатическую передачу Тропенс,— число три стало основой нашей математики, нашей архитектуры, нашего эстетического чувства. Какие окна и двери у наших домов? Треугольные! Сколько колес у машин, на которых мы ездим? Три! Какой формы наши космические корабли? Трехгранной! И обратимся, наконец, к нашему собственному телу, этому эстетическому совершенству. Сколько у нас голов? Три — одна мыслящая, вторая смотрящая и третья обоняющая. Сколько полов у каждого из нас? Три! Сколько у нас хрящевых пружин, на которых мы скачем? Три! Всегда и везде — три. Поэтому, коллеги, если мы хотим цивилизовать эту отсталую планету, мы должны передать ее жителям свойственное нам чувство троичности.

Тропенс вернулся в горизонтальное положение, в то время как каждый из присутствующих энергичным постукиванием трех своих голов одна о другую выразил одобрение сказанному. И они перешли к обсуждению того, как наилучшим образом распространить среди людей троичную систему. Трупси, специалист по психологии нетрипитов, так сформулировал свою точку зрения:

— Разумеется, мы не сможем проводить кампанию по насаждению троичности лично и непосредственно. В свое время все мы сошлись на том, что людям не следует видеть нас и даже знать о нашем существовании, поскольку уровень их культуры и то зачаточное эстетическое чувство, которым они обладают, недостаточны для восприятия красоты наших форм.

— А кроме того,— прервал его другой участник заседания,— спускаться на поверхность планеты

опасно. Вспомните хотя бы нашего бедного Трисина, который намеревался обратить землян в нашу веру и умер в пасти одного из чудовищ, которых земляне называют «кошка».

— Да, это так, — согласился Тропенс, и его мыслящая голова издала печальное позвякивание.

— Что ж, придется рискнуть! — решительно сказал психолог.

— Один из нас должен спуститься!

— И показаться землянам? — испуганно спросил молодой член руководства, в страхе закрыв все три свои зрительные призмы.

— Нет! — ответил Трупси. — Кто-то должен будет спуститься на планету, незаметно проникнуть в одно из сооружений, которые служат землянам жилищами, а уж там...

— Что — там?.. — присутствующие с нетерпением ждали, что он скажет дальше.

— ...Там телепатически внушить молодой, еще не сложившейся человеческой особи основы троичности. Вы понимаете? Таким образом, землян выведет из состояния отсталости их собственный сородич, которому вовсе не обязательно знать о нашем существовании. Новую систему внедрит человек, счастливец, который благодаря нам приобретет известность, а потом славу, так никогда и не узнав, что идея, совершившая переворот в жизни людей, принадлежит не ему, а нам!

И вот однажды ночью трехгранный корабль остановился над одной из самых больших столиц планеты. Высокая миссия была возложена на молодого и отважного трипита Триля. Под покровом темноты он соскользнул с корабля на одну из городских улиц и начал поиски. Он обходил дом за домом в поисках подходящей кандидатуры — и наконец на-

шел. В мансарде трехэтажного дома спала молодая особь мужского пола; ей было около шестнадцати земных лет. Она отличалась завидной силой, насколько можно было судить по развитой мускулатуре, и где-то училась, о чем свидетельствовали груды книг на письменном столе.

«Прекрасно,— подумал Триль.— Вот нужный мне объект».

И он надолго обосновался в жилище молодого землянина. Днем он скрывался в футляре старых стенных часов, а ночью, когда юноша спал, Триль покидал свое убежище и принимался за работу. Ночь за ночью, устроившись на подушке рядом с головой молодого землянина, трипит телепатически передавал:

Раз, два, три! Раз, два, три! Раз, два, три!
Одно, одно запомни ты:
Коль хочешь в жизни преуспеть,
Ты должен эту песню петь!
Царить ты будешь над толпой
С моею песенкой простой.
Одно, одно запомни ты:
Раз, два, три! Раз, два, три! Раз, два, три!

Прошла одна неделя, за ней другая, а Триль все тинул свою телепатическую песенку:

Ты должен помнить день и ночь,
Гони иные думы прочь,
До самой утренней зари
Пой эту песню: раз, два, три!

Прошел месяц, за ним другой, а неутомимый Триль повторял:

Царить ты будешь над толпой
С моею песенкой простой.
Одно, одно запомни ты:
Раз, два, три! Раз, два, три! Раз, два, три!

Прошел год, за ним другой, а Триль все внушал и внушал:

Прими сейчас, прими сейчас
Телепатический наказ!
До самой утренней зари
Пой эту песню: раз, два, три!

И в конце концов Триль добился своего. В одно прекрасное утро молодая особь проснулась, и ее мозг пронизала мысль, новая и в то же время гениально простая: «Раз, два, три».

«Изумительно! — сказал он себе. — Подумать только: раз, два, три! Раз, два, три!» — и чем больше он об этом думал, тем больше распалялось его воображение.

— Раз, два, три — да это перевернет весь мир! Раз, два, три! Ага... так, так, так! Это станет моим боевым кличем, целью и оправданием всей моей жизни! Раз, два, три! Да это важнее, чем изобретение колеса или парового двигателя! И как просто! Да! Я посвящаю этому всю свою жизнь!

Так он и сделал.

Прошло несколько десятков земных лет, и трипиты решили, что настало время подобрать своего товарища и выяснить, какие плоды принес хитроумный план специалистов по психологии нетрипитов.

Оказавшись вновь на борту корабля, Триль сообщил руководителям о результатах своей миссии:

— Неудача, полнейшая неудача! Земляне безумны, все до единого.

— Но все же тебе удалось телепатически внушить землянину нашу тричную систему — да или нет? — встревоженно спросил маститый Тропенс.

— Ну, разумеется, да! — ответил Триль. — Все шло по плану: я приобщил землянина к нашей сис-

теме, землянин вырос, в один прекрасный день в его сознании всплыла внушенная мною мысль, и...

— И?..

— И он стал распространять ее по всему миру.

— И потерпел неудачу?

— Нет! Одержал полную победу. Идею с энтузиазмом подхватили, а сам он, как мы и предсказывали, завоевал мировую славу.

— Но почему же ты говоришь, что наш план потерпел неудачу?

— Увы, но это так, — сокрушенно отозвался Триль. — Дело в том, что земляне безумны. Молодая особь, с которой я работал, действительно добилась того, что наша система распространилась по планете, но...

— Что — но?..

— Но земляне не использовали ее для обновления архитектуры, для создания новой математики или вообще для чего-нибудь дельного.

— А для чего же тогда они ее использовали?

— Идите и посмотрите сами.

Триль проследовал в ту часть корабля, где были установлены экраны наблюдения, и, начав манипулировать регуляторами, нашел наконец изображение, которое искал.

— Видите? Вот моя молодая особь — правда, по земным представлениям теперь уже не очень молодая, потому что с тех пор, как я спустился на поверхность планеты, прошло несколько десятков земных лет.

Трипиты увидели на экране огромную площадь и толпы землян на ней; дальше, в глубине, виднелось огромное здание. Триль повернул какой-то регулятор, и на экране крупным планом появились некоторые детали.

— Видите? Вон там, высоко, на том месте, кото-

рое земляне называют «балкон», стоит моя молодая особь.

— А другой, рядом, со светлой растительностью на лице — это кто?

— Это обладатель верховной власти в стране. Видите, оба отвечают толпе, которая их приветствует.

Триль повернул регулятор, и трипиты снова увидели всю площадь целиком.

— Как интересно! Смотрите, они становятся в пары!

— Да, причем с особями другого пола!

— Интересно, что они собираются делать? Спариваться?..

— Да нет же! — возмущенно отозвался Триль. — Они начнут сейчас применять нашу систему на практике. Единственное применение, до которого они додумались! Смотрите, смотрите, как моя особь передает им жестами то, что я ей внушил! Раз, два три, раз, два, три! Так обстоят дела, коллеги. Любые попытки цивилизовать это племя умственно неполноценных обречены на провал. Смотрите, вот они начали кружиться!.. Они безумны, поверьте мне. Они неизлечимы!

Повесив головы, которых было втрое больше, чем их самих, трипиты решили, что следует покинуть эту нелепую планету.

А между тем в столице одной из земных империй на площади перед дворцом собралась огромная толпа. Она рассыпалась на сотни пар, которые кружились и кружились...

Стоя на одном из балконов дворца, его императорское величество улыбался. Его улыбка была словно взята в скобки густыми бакенбардами. А рядом с ним при виде триумфа, выпавшего на долю его любимой идеи, плакал от радости подопечный Три-

ля, превратившийся теперь в благообразного старца, которого почитало и чествовало все человечество.

— Так, так! — шептал старик, и его руки двигались с живостью, не соответствовавшей годам. — Раз, два, три! Раз, два, три!.. Больше жизни!.. Сильнее!.. Так... так! Раз, два, три, раз, два три! Так, так! Прекрасно!..

Никогда еще Вена так не веселилась, никогда вальс не танцевали так хорошо, и большой императорский оркестр никогда не играл с большим блеском, чем тогда, когда им дирижировал Иоганн Штраус. И быть может, потому, что люди кружились и кружились, счастливые, веселые, опьяненные вальсом, никто из них не обратил внимания на крохотный солнечный зайчик — его отбросил на землю маленький трехгранный корабль перед тем, как затеряться в пространстве.

Уолтер Тивис-младший Новые измерения

В тот вечер Фарнзуорт изобрел новый напиток — пунш-глинтвейн с джином, настоянным на ягодах терна. Способ изготовления был столь же нелеп, как и название: раскаленную докрасна кочергу надо сунуть в кружку с теплым красноватым джином, потом всыпать туда же корицу, гвоздику и сахар, а после выпить эту идиотскую смесь. Тем не менее, как иной раз бывает с идеями Фарнзуорта, резуль-

тат получился неплохой. После третьей порции напиток показался мне вполне терпимым.

Когда Фарнзуорт, наконец, положил дымящуюся кочергу в камин, чтоб она опять раскалилась, я удобно откинулся на спинку большого кожаного кресла, которое хозяин собственноручно реконструировал (при нажатии кнопки оно укачивает сидящего, пока тот не заснет), и сказал:

— Оливер, твою фантазию можно уподобить разве что твоему гостеприимству.

Фарнзуорт покраснел и улыбнулся. Он низенький, круглолицый и легко краснеет.

— Спасибо, — отозвался он. — Есть еще одна новинка. Называется «шипучая водка-желе». Ее полагаются есть ложкой. Может, отведаешь? Нечто... потрясающее.

Я поборол дрожь, пронизавшую меня при мысли о том, что придется хлебать водку-желе, и сказал:

— Интересно, крайне интересно.

И, поскольку он ничего не ответил, мы оба молча уставились на пламя в камине, а джин тем временем теплой струей разливался у нас в крови. В холостяцком жилье Фарнзуорта было уютно и привольно; по пятницам я всегда чудесно коротал здесь вечера. По-моему, в глубине души всякий мужчина любит тепло огня и спиртные напитки (даже самые причудливые), а также глубокие, удобные кожаные кресла.

Через несколько минут Фарнзуорт неожиданно вскочил на ноги и объявил:

— Хочу показать тебе одну штуковину. На той неделе смастерил. Правда, не совсем удачно вышло.

— Вот как? — Я-то думал, что за истекшую неделю его мысль не простерлась дальше обычных изысканий в области спиртного. С меня и их было более чем достаточно.

— Да,— продолжал он уже от порога.— Она у меня внизу. Сейчас принесу.— Он выбежал из кабинета, и раздвижная дверь закрылась за ним автоматически, так же как секундой раньше автоматически распахнулась.

Я снова обернулся к огню, довольный тем, что мой друг направился не куда-нибудь, а в свой «цех»: столярная мастерская находилась во дворе, в сарае, химическая и оптическая лаборатории — на чердаке, а он пошел в подвал. Дело в том, что искуснее всего Фарнзуорт управлялся с токарным и фрезерным станками. Изобретенный им самоввертывающийся винт-барашек с регулируемым шагом был подлинным шедевром, и патент на это изделие, вместе с несколькими другими, принес Фарнзуорту немалое состояние.

Через минуту он вернулся, притаив какой-то странный на вид предмет, который водрузил на столике рядом с моим креслом. Еще с минуту я молча разглядывал этот предмет, а Фарнзуорт, чуть приметно улыбаясь, стоял у меня за спиной. Я знал, что он с нетерпением ждет отзыва, но не представлял, какого именно.

При ближайшем рассмотрении вещь оказалась простой: выполненная в форме креста, она состояла из нескольких десятков полых кубиков с дюймовым ребром. Половина кубиков был сделана из какого-то прозрачного пластика, половина — из тонких листов алюминия. Каждый кубик весьма хитроумно соединялся шарнирами с двумя другими, но общего принципа расположения я не уловил.

Наконец я спросил:

— Сколько их тут? — я попытлся пересчитать, но то и дело сбивался со счета.

— Шестьдесят четыре,— ответил Фарнзуорт.— Как будто.

— Откуда такая неуверенность?

— Да вот...— Он смутился.— Во всяком случае, изготовил-то я шестьдесят четыре кубика, по тридцать два каждого сорта; но почему-то с тех пор мне ни разу не удалось сосчитать их заново. То ли они те... теряются, то ли переходят с места на место, то ли еще что-нибудь.

— Вот как? — это становилось занятно.— А можно потрогать?

— Конечно,— разрешил он. Я взял диковинный предмет в руки и, повертев кубики на шарнирах, увидел, что у многих отсутствует одна грань — в них вошли бы некоторые другие кубики, если бы не мешали шарниры.

Я начал рассеянно прилаживать кубики один к другому.

— Ты мог бы легко пересчитать, если бы поместил каждый,— посоветовал я.— Поочередно. Карандашом, например.

— Между нами,— сказал он и снова вспыхнул,— я уже пробовал. Не тут-то было. В конце концов, оказалось, что номером один помечены шесть кубиков, а номерами два и три — ни одного, зато получились два четвертых номера — на одном из них четверка выведена зеркально и зеленым цветом.— Он помедлил.— А я все помечал красным карандашом.— При этих словах он едва приметно содрогнулся, хотя говорил самым беспечным тоном.— Я стер все цифры мокрой тряпкой и больше... не пробовал.

— Угу,— сказал я.— А как ты это назвал?

— Пентаракт.

Он снова уселся в кресло.

— Разумеется, название это условное. По-моему, пентарактом можно назвать четырехмерный пятигранник, а тут изображен пятимерный куб.

— Изображен? -- Вещица показалась мне слишком осязаемой для изображения.

— Понимаешь, не может быть, чтобы он характеризовался пятью измерениями — длиной, шириной, глубиной, еслиной и деньгиной... во всяком случае, так я считаю.— Тут он стал слегка заикаться.— Но мне хо... хотелось со... создать иллюстрацию предмета, имеющего все эти пять измерений.

— И что же это за предмет? — Я покосился на вещицу, лежащую у меня на коленях, и несколько удивился, заметив, что успел вложить довольно много кубиков один в другой.

— Представь себе,— пояснил Фарнзуорт,— что ты выстроишь в ряд множество точек так, чтобы они соприкасались; получишь линию — геометрическую фигуру, характеризующуюся одним измерением. Проведи на плоскости четыре линии под прямыми углами друг к другу; это квадрат — фигура в двух измерениях. Шесть квадратов, расположенные в реальном трехмерном пространстве под прямыми углами друг к другу, образуют куб — фигуру трехмерную. А восемь кубов, вынесенные в четырехмерное физическое пространство, дают четырехмерный гиперкуб, или так называемый тетракт...

— А десять тетрактов образуют пентаракт,— закончил я.— Пятимерное тело.

— Именно. Правда, у нас тут лишь изображение пентаракта. Может быть, таких измерений, как еслина́ и деньгина́, вообще не существует.

— А все же непонятно, что́ ты подразумеваешь под изображением,— сказал я, с увлечением вертя в руках кубики.

— Непонятно? — переспросил он и поджал губы.— Это довольно трудно объяснить, но попробую. Вот, например, на листке бумаги можно очень похоже нарисовать куб — знаешь, пользуясь законами

перспективы, затушевывая тень и все такое. Это ведь изображение трехмерного тела, куба, при помощи только двух измерений.

— И конечно,— заметил я,— мы можем дать развертку, а потом свернуть бумагу в кубик. Тогда получится настоящее трехмерное тело.

Он кивнул:

— Но тогда мы прибегнем к третьему измерению: ведь чтобы свернуть бумагу, надо отогнуть ее кверху. Так что, если только я не научусь свертывать кубики в есline и деньгине, мой пентаракт останется жалким изображением. Или, точнее, десятью изображениями. Здесь десять тетрактон — изображений четырехмерных тел — соединены между собою и изображают пятимерный гиперкуб.

— Ага! — сказал я чуть растерянно. — И что же ты с ним собираешься делать?

— Да ничего особенного,— ответил он. — Это я просто из любознательности. — Тут он перевел взгляд на меня, вытаращил глаза и вскочил с кресла. — Что ты с ним сотворил?

Я посмотрел, что же у меня в руках. Там были восемь кубиков, сложенных крестом.

— Да ничего,— ответил я, чувствуя себя не в своей тарелке. — Просто я взял и вложил их друг в дружку.

— Не может быть! Начнем с того, что незамкнутых кубиков было всего-навсего двенадцать! У всех остальных по шести граней!

Фарнзуорт стремительно ринулся к своему творению — он явно потерял голову,— да так внезапно, что я отпрянул. Бросок Фарнзуорта оказался неудачным, я выронил вещь из рук, она упала на пол и основательно ударилась одним из углов. Послышался слабый стук, что-то звякнуло, и вещь очень странно смялась. И вот перед нами на полу

остался один-единственный кубик объемом в один кубический дюйм — и больше ничего.

Мы тупо глазели на него с минуту, никак не менее. Потом я встал, оглянулся на сиденье кресла, внимательно осмотрел весь пол, даже опустился на колени и пошарил под креслом. Фарнзуорт следил за мной и, когда я кончил и снова уселся, спросил:

— Больше нет?

— Ни единого кубика, — подтвердил я, — нигде.

— Этого я и боялся. — Фарнзуорт ткнул дрожащим пальцем в сторону оставшегося кубика. — По-видимому, все они здесь.

Его возбуждение постепенно улеглось, — я думаю, ко всему можно привыкнуть. Чуть погодя он задумчиво спросил:

— Что это ты такое говорил насчет того, как можно сделать куб, свернув бумагу с его разверткой?

Я поглядел на него и выдавил из себя извиняющуюся улыбку. Ведь и я подумал о том же самом.

— А ты ведь что-то толковал о другом измерении, которое для этого необходимо?

Он даже не улыбнулся мне в ответ, только буркнул, вставая:

— Ну, навряд ли эта штука кусается. — С этими словами он нагнулся, поднял с пола кубик и подбросил его на ладони, прикидывая вес.

— Похоже, весит ровно столько же, сколько все шестьдесят четыре, — сказал он, окончательно успокоенный. Вгляделся в кубик и вдруг снова разволновался. — Силы небесные! Смотри!

Он протянул мне кубик.

На одной из граней, точнехонько в центре, появилось аккуратное отверстие — кружок диаметром примерно в полдюйма.

Я склонился над кубиком и подметил, что на са-

мом деле отверстие не было круглым. Оно походило на лепестковую диафрагму фотоаппарата — многоугольник, образованный множеством металлических пластинок правильной формы, которые находят одна на другую и как бы сплетаются, но оставляют дырочку, куда проникает свет. В отверстии ничего не было видно, только безграничная чернота.

— Не понимаю, каким образом... — начал было я, но тут же осекся.

— Я тоже, — сказал он. — Давай-ка разберемся.

Он поднес кубик поближе к глазам и стал боязливо всматриваться. Потом осторожно положил его на стол, подошел к креслу, сел и сложил руки на округлом брюшке.

— Джордж, — сказал он, — там внутри что-то есть. — Теперь голос его звучал ровно и в то же время как-то необычно.

— Что именно? — спросил я. (А вы бы как спросили?)

— Какой-то шарик, — ответил он. — Маленький круглый шарик. Он весь будто туманом застлан, но видно, что шарик.

— Да ну?! — сказал я.

— Джордж, принесу-ка я джина.

С невероятной быстротой он извлек из буфета высокие бокалы-хайболы, наполнил их терновым джином, подлил воды, добавил льда. Отвратительный был вкус у напитка.

Осушив свой бокал, я сказал:

— Восторг! Давай повторим.

Так мы и сделали. После второго бокала ко мне вернулась способность мыслить логически.

Я поставил бокал на стол:

— Фарнзуорт, мне пришла в голову мысль. Разве по Эйнштейну четвертое измерение — это не время?

Он тоже допил свой бокал:

— Да, по теории Эйнштейна выходит так. Я назвал это измерение «еслина»... или «деньгина», как тебе больше нравится.— Он опять взял в руки кубик — на сей раз, я заметил, с гораздо большей уверенностью.— А как насчет пятого измерения?

— Ума не приложу,— ответил я и покосился на кубик, который стал мне казаться воплощением зловещих сил.— Не могу постигнуть, черт побери.

— И я не могу, Джордж,— сказал он почти игриво; у Фарнзуорта такое настроение бывает не часто. Он повертел кубик в пухленьких пальцах.— Все это каким-то непостижимым образом погружено во время и пространство. Поразительно, не правда ли?

— Поразительно,— кивнул я.

— Джордж, я, пожалуй, взгляну еще разок.— И он опять поднес кубик к глазам.

— Ну-ну,— сказал он секундой позже,— все тот же шарик.

— Что же он делает? — полюбопытствовал я.

— Да ничего. А может быть, медленно вращается. Я не уверен. Понимаешь, он какой-то мохнатый и весь в тумане. К тому же темно тут.

— Покажи-ка,— попросил я, сообразив, что, в конце концов, если видит Фарнзуорт, значит, увижу и я.

— Сейчас. Интересно, в какое именно время я заглядываю: в прошлое, будущее или еще куда-нибудь?

— И в какое пространство...— подхватил было я, но внезапно Фарнзуорт заорал не своим голосом, отшвырнул кубик, словно тот вдруг превратился в змею, и закрыл глаза руками.

Он упал в кресло и завопил:

— О ужас, какой ужас!

Я со страхом следил за тем, как падает кубик, но ничего не случилось. Он не свернулся в ничто и не распался на шестьдесят четыре составные части.

— Что с тобой?! — воскликнул я, подбежав к Фарнзуорту, который корчился в кресле и не отнимал рук от лица.

— Глаз! — простонал он, едва сдерживая слезы. — Он мне выколол глаз! Живо, Джордж, вызови скорую!

Я метнулся к телефону и стал перелистывать справочник в поисках нужного номера, а Фарнзуорт все твердил:

— Поскорее, Джордж! — Тогда я в отчаянии набрал номер бюро повреждений и попросил телефонистку вызвать санитарную машину.

Я вернулся к Фарнзуорту. Он отнял руку от здорового глаза, и на другой его руке я заметил струйку крови. Фарнзуорт почти перестал корчиться, но, судя по его лицу, боль еще не утихла.

Он встал.

— Надо выпить, — сказал он и неуверенной походкой направился к буфету, но зацепил ногой кубик (тот по-прежнему валялся у самого кресла), споткнулся и чуть не упал. Кубик откатился на несколько шагов и остановился отверстием вверх возле камина.

Разъяренный Фарнзуорт процедил:

— Ну, погоди же, тварь такая, я тебе покажу! — нагнулся и выхватил из камина кочергу. Она все время лежала на горящих углях и успела нагреться докрасна. Фарнзуорт обеими руками стиснул деревянную ручку и всадил раскаленный конец в отверстие, прижав кубик к полу.

— Я тебе покажу! — повторил он.

Я сочувственно смотрел, как он налег всем телом на кочергу и с силой заталкивает ее в кубик. По-

слышалось слабое шипение, из отверстия повалили маленькие клубочки темного дыма, они окутали всю кочергу. Затем раздался странный чмокающий звук, и кочерга стала погружаться в кубик. Она ушла туда дюймов на восемь, а то и на все десять — вещь совершенно немыслимая, если учесть, что кубик был объемом ровно в один дюйм, — и даже Фарнзуорта это настолько перепугало, что он рывком вытащил кочергу из отверстия.

Дым повалил столбом, через секунду раздался такой звук, словно из бутылки шампанского вылетела пробка, и кубик распался на сотни квадратиков из пластика и алюминия.

Как ни странно, на алюминиевых квадратиках не оказалось следов копоти, ни один пластиковый квадратик не обгорел. Не обнаружили мы и никаких признаков затуманенного шарика.

Фарнзуорт снова поднес правую руку к глазу, уже распухшему и залитому кровью. Здоровым глазом он рассматривал нагромождение квадратиков. Свободная рука его тряслась.

Потом пронзительно взвыла сирена; вой становился все громче и громче. Фарнзуорт перевел на меня обреченный взгляд:

— Это, наверное, за мной. Захватчу зубную щетку.

Одного глаза Фарнзуорт лишился. Однако через неделю он выписался из больницы, почти такой же, как раньше, со щегольской черной повязкой. Любопытная подробность: врач обнаружил у него на веке следы множественных ожогов и заключил, что глаз пострадал от слабого взрыва. Он полагал, будто у Фарнзуорта неудачно выстрелил пистолет — патрон каким-то образом взорвался при открытом затворе. Фарнзуорт не разубеждал врача — такое объяснение годилось не хуже всякого другого.

Я посоветовал Фарпзуорту носить зеленую повязку — под цвет сохранившегося глаза. Он усмехнулся и высказал опасение, не получится ли чересчур эффектно. Он уже начал делать новый пентаркт: хотел выяснить, каким же образом...

Однако ему так и не пришлось довести эту работу до конца. Спустя девять дней после злополучного происшествия газеты внезапно запестрели сообщениями из другого полушария — фантастическими рассказами, от которых приходили в восторг все редакторы воскресных приложений. И тут-то мы постепенно сообразили, что же произошло. Незачем было сооружать новый крест из шестидесяти четырех кубиков и выяснять, каким образом он складывается в один. Теперь мы все поняли.

Кубик, действительно, был пятимерный. И одним из измерений, в которых он существовал, было время — точнее, будущее: девять дней вперед. А другим измерением было в высшей степени своеобразное пространство, весьма необычно искажающее размеры физических тел.

Это стало совершенно ясно, когда еще три дня спустя все повторилось в нашем полушарии и явление, которое по самой своей природе не нуждалось в газетной шумихе, сильно подорвало тираж воскресных приложений.

В Западном полушарии на всем небосводе появился (до того огромный, что от Аляски до мыса Горн отмечалось солнечное затмение) исполинский блестящий зеленый человеческий глаз. Наблюдалась также часть века, и все это было окаймлено гигантским кругом. Вернее, не совсем кругом, а многоугольником, похожим на лепестковую диафрагму в затворе фотоаппарата.

Перед тем как стало смеркаться, глаз мигнул, и пятьсот миллионов людей вскрикнули одновременно.

Он оставался в небе всю ночь — зловеще мерцал в отраженном свете солнца, затмевая звезды.

В ту ночь появилась тысяча новых религиозных культов, а тысяча старых провозгласила, что настал День, Который Был Предвещен Издревле.

Быть может, большинство жителей Земли полагало, что созерцает око божье. Лишь двое твердо знали: это Оливер Фарнзуорт, сощурился, разглядывает затуманенный вращающийся шарик в пятимерной коробочке — разглядывает девятью днями ранее, не подозревая, что шарик — это сама Земля, заключенная внутри маленького кубика с гранями площадью в один квадратный дюйм, а кубик — тело в разросшемся времени и сжатом пространстве.

Когда пентаракт выпал из моих рук и каким-то образом вывернулся в два новых измерения, он очутился в пятимерном пространстве и вобрал в себя наш мир, а после стал ускорять в этом мире время, так что, пока в кабинете Фарнзуорта прошла минута, в мире внутри кубика уже миновали целые сутки.

Мы догадались, потому что во второй раз Фарнзуорт держал кубик перед глазами около минуты (первый раз — это, конечно, появление глаза в Восточном полушарии), а когда через девять дней мы увидели то же событие в наших краях, должны были пройти еще двадцать шесть часов до того момента, как глаз почувствует неожиданный «укол» и отпрянет.

Это случилось ранним утром — солнце только-только выглянуло из-за горизонта и устремилось к зениту позади гигантского круга, окаймляющего глаз. На одной из станций защитного пояса у какого-то высокопоставленного военачальника сдали нервы. В космос вылетели пятьдесят управляемых ракет — самых мощных в мире. Каждая несла на се-

бе боеголовку с термоядерным зарядом. После чудовищного взрыва глаз исчез.

Я знал: где-то корчится и вопит невообразимо огромный Оливер Фарнзуорт, осуществляя точь-в-точь ту же цепь событий, свидетелем которой я уже был в прошлом и которая тем не менее разворачивается сейчас заново в неизменном пространственно-временном континууме, позволившем кубику каким-то образом охватить его.

Врач заметил ожоги. Интересно, что бы он подумал, если бы знал, что Фарнзуорту в глаз попали пятьдесят исчезающе малых водородных бомб.

Целую неделю весь мир больше ни о чем не говорил. Два миллиарда человек только об этом и спорили, только над этим и ломали голову, только это и видели во сне. С самого сотворения Земли и Солнца не было зрелища более потрясающего, чем глаз Фарнзуорта.

Однако двое из всех задумывались и о другом. Думали о незыблемом пространственно-временном континууме, где за день, протекающий по нашу сторону пентаракта, проходит всего одна минута, тогда как в ином времени, ином пространстве мы с исполинским Оливером Фарнзуортом не сводим глаз с валяющегося здесь на полу кубика, где замкнут наш мир.

В среду мы могли сказать: «Вот сейчас он подошел к телефону». В четверг: «Листает телефонный справочник». В субботу: «Сейчас, наверное, вызывает бюро повреждений...»

А утро вторника мы встретили вдвоем — вместе любовались восходом солнца. Мы не разлучались уже несколько суток, потому что потеряли сон и боялись одиночества. Когда занялся день, мы ничего не сказали: боялись произнести вслух. Но про себя подумали...

...Представили себе, как колоссальный макро-Фарнзуорт говорит: «Я тебе покажу!» и изо всех сил тычет в круглую дырочку светящейся, шипящей, дымящейся, докрасна раскаленной кочергой.

Урсула Ле Гуин Мастера

Нагой, он стоял один во тьме и обеими руками держал над головой горящий факел, от которого густыми клубами валил дым. В красном свете факела землю под ногами было видно всего на несколько шагов вперед; дальше простирался мрак. Время от времени налетал порыв ветра; вдруг становился виден (или это только ему мерещилось?) блеск чьих-то глаз, слышалось подобное далекому грому бормотание: «Держи его выше!» Он тянул факел выше, хотя руки дрожали и факел в них дрожал тоже. Бормочущая тьма, обступив его, закрывала все пути к бегству.

Красное пламя заплесало ярче, ветер посвежел. Онемевшие руки дрожали сильнее, факел клонило то в одну, то в другую сторону; по лицу стекал липкий пот; уши уже почти не воспринимали тихого, но все заполняющего рокота: «Выше, выше держи!»... Время остановилось, но рокот разрастался, вот он уже стал воем, но почему-то (и это было страшно) в круге света по-прежнему никто не появлялся.

— Теперь иди! — бурей провыл могучий голос. — Иди вперед!

Не опуская факела, он шагнул. Земли под ногой не оказалось. С воплем о помощи он провалился во тьму и гул. Впереди не было ничего, только языки пламени метнулись к глазам — падая, он не выпустил из рук факела.

Время... время, и свет, и боль — все началось снова. Он стоял на четвереньках в канаве, в грязи. Лицо саднило, а глаза, хотя было светло, видели все как сквозь пелену тумана. Он оторвал взгляд от своей запятнанной грязью наготы и обратил его к стоящей над ним светлой, но неясной фигуре. Казалось, что свет исходит и от ее белых волос, и от складок белого плаща. Глаза смотрели на Ганиля, слышался голос:

— Ты лежишь в Могиле. Ты лежишь в Могиле Знания. Там же, под пеплом от Адского Огня, лежат и больше не поднимутся никогда твои предки.

Голос стал тверже:

— Встань, падший Человек!

Ганиль, пошатываясь, встал на ноги. Белая фигура продолжала, показывая на факел:

— Это Свет Человеческого Разума. Это он привел тебя в Могилу. Брось его.

Оказывается, рука его до сих пор сжимает облепленную грязью обуглившуюся палку; он разжал руку.

— Теперь, восстав из мрака, — торжественно и ликующе почти пропела лучезарная фигура, — иди в Свет Обычного Дня!

К Ганилю, чтобы поддержать, потянулось множество рук. Рядом уже стояли тазы с теплой водой, кто-то мыл его жесткими губками; потом его вытерли досуха. И вот он стоит чистый, и ему очень тепло в сером плаще, заботливо накинутом на плечи,

а вокруг, в большом светлом зале, повсюду слышались веселый говор и смех. Какой-то лысый человек хлопнул его по плечу:

— Пошли, пора давать Клятву.

— Все... все ли я сделал правильно?

— Все! Только слишком долго держал над головой этот дурацкий факел. Мы уже думали, что нам весь день придется рычать в темноте. Идем.

С высокого с белыми балками потолка до черного пола (футов на тридцать) ниспадал сверкающий белизной занавес, к нему и повели Ганиля.

— Завеса Тайны,— совсем буднично пояснил ему кто-то.

Говор и смех оборвались; теперь все молча и неподвижно стояли вокруг него. В этом безмолвии белый занавес раздвинулся. По-прежнему, как сквозь туман, Ганиль увидел высокий алтарь, длинный стол, старика в белом облачении.

— Поклянешься ли ты вместе с нами нашей Клятвой?

Кто-то, слегка толкнув Ганиля, подсказал ему шепотом: «Поклянусь».

— Поклянусь,— запинаясь, проговорил Ганиль.

— Клянитесь же, Давшие Клятву! — и старик поднял над головой железный стержень, на конце которого был укреплен серебряный «икс». — Под Крестом Обычного Дня клянусь не разглашать обряды и тайны моей Ложи.

— Под Крестом... клянусь... обряды... — забормотали вокруг; Ганиля опять толкнули, и он забормотал вместе с остальными.

— ...Хорошо поступать, хорошо работать, хорошо думать...

Когда Ганиль повторил эти слова, кто-то шепнул ему на ухо: «Не клянись».

— ...Бежать от всех ересей, предавать всех черно-

книжников Судам Коллегии и повиноваться Высшим Мастерам моей Ложи отныне и до самой смерти...

Бормотание, бормотание... Одни вроде бы действительно повторяли длинную фразу, другие, похоже, нет; Ганиль, совсем растерявшись, не зная, как ему быть, пробормотал слово или два, потом умолк.

—...и клянусь не посвящать в Тайну Машин тех, кому не надлежит ее знать. Призываю в свидетели моей клятвы Солнце.

Голоса потонули в оглушительном скрежете. Часть потолка вместе с кровлей медленно, рывками начала подниматься, и за ней показалось затянутое облаками желто-серое летнее небо.

— Смотрите же на Свет Обычного Дня! — вдохновенно провозгласил старик.

Ганиль поднял голову и уставился вверх. Поднимавшаяся на оси часть крыши остановилась на полпути — по-видимому, в механизме что-то заело; раздалось громкое лязганье, потом наступила тишина. Очень медленно старик подошел к Ганилю, поцеловал его в обе щеки и сказал:

— Добро пожаловать, Мастер Ганиль, отныне и вы причастны к обрядам Тайны Машин.

Посвящение совершилось, Ганиль был теперь одним из Мастеров своей Ложи.

— Ну и ожог же у тебя! — сказал лысый.

Все они уже шли по коридору назад. Ганиль ощущал лицо рукой; кожа с левой стороны на щеке и у виска оказалась содранной — больно было дотрагиваться.

— Тебе еще повезло, что уцелел глаз, — продолжал лысый.

— Чуть было не ослеп от света Разума, а? — сказал тихий голос.

Обернувшись, Ганиль увидел человека со светлой кожей и голубыми глазами — голубыми по-на-

стоящему, как у кота-альбиноса или у слепой лошади. Ганиль, чтобы не видеть уродство, сразу отвел взгляд в сторону, но светлокожий продолжал тихим голосом (это был тот же голос, что во время Клятвы прошептал ему: «Не клянись»):

— Я Миид Светлокожий. Мы с тобой будем работать вместе в Мастерской Ли. Как насчет пива, когда мы отсюда выберемся?

Было очень странно после всех потрясений и торжественных церемоний этого дня очутиться в сыром, пахнущем пивом тепле харчевни. Голова у Ганиля закружилась. Миид Светлокожий выпил полкружки, с видимым удовольствием стер с губ пену и спросил:

— Ну, что ты скажешь о посвящении?

— Оно... оно...

— Подавляет?

— Да, — обрадовался Ганиль, — лучше не скажешь — именно подавляет.

— И даже... унижает? — подсказал светлокожий.

— Да. Великое... великое таинство.

Ганиль сокрушенно уставился в кружку с пивом. Миид улыбнулся и сказал своим тихим голосом:

— Знаю. А теперь допивай скорей. Пожалуй, тебе следует показать этот ожог Аптекару.

Ганиль послушно вышел за ним следом на вечерние узкие улочки, кишевшие пешеходами и повозками, среди которых пыхтели и самодвижущиеся. На Торговой площади ремесленники запирали на ночь свои будки, уже были закрыты на крепкие засовы огромные двери Мастерских и Лож на Высокой улице. То там, то здесь, словно растолкав нависающие над улицей и налезавшие один на другой дома, появлялся гладкий, без окон, желтый фасад храма, украшенный полированным медным кругом. В тем-

ных недолгих летних сумерках под неподвижной пеленой облаков темноволосые с бронзовой кожей люди Обычного Дня собирались группами, стояли без дела, толкались и разговаривали, переругивались и смеялись, и Ганиль, у которого от усталости, боли и крепкого пива кружилась голова, старался держаться поближе к Мииду; хотя Ганиль и был теперь Мастером, чувство у него было такое, будто только этот голубоглазый незнакомец знает путь, которым ему, Ганилю, следует идти.

— XVI плюс XIX, — раздраженно сказал Ганиль. — Что за чушь, юноша, ты что, складывать не умеешь?

Ученик густо покраснел.

— Так, значит, не получается, Мастер Ганиль? — неуверенно спросил он.

Вместо ответа Ганиль до отказа вогнал металлический стержень в отверстие парового двигателя, который чинил юноша; прут оказался на дюйм длиннее, чем нужно.

— Это из-за того, Мастер, что большой палец у меня слишком длинный, — сказал юноша, протянув руку с узловатыми пальцами. Расстояние между суставами большого пальца было и в самом деле необычно велико.

— Да, это правда, — сказал Ганиль. Его темное лицо стало еще темнее. — Очень интересно. Но важно не то, какая у тебя мерка, а то, чтобы применял ты ее последовательно. И что еще запомни, ты, тупица, так это то, что, если сложить XVI и XIX, XXXVI не получается, не получалось и, пока стоит мир, не получится никогда, — а ты невежда и непосвященный!

— Да, Мастер. Очень трудно запомнить.

— А это, Уонно Ученик, нарочно так сделано, —

послышался низкий голос Ли, Главного Мастера, широкоплечего толстяка с блестящими черными глазами.— На одну минуту, Ганиль.

И он повел его в дальний угол огромной Мастерской. Едва они отошли от ученика на несколько шагов, Ли весело сказал:

— Вам, Мастер Ганиль, немножко не хватает терпения.

— Таблицы сложения Уонно должен бы уже знать.

— Иногда даже Мастера забывают что-то из этих таблиц,— Ли отечески похлопал Ганиля по плечу.— Знаешь, ты говорил так, будто ожидал, что он это вычислит! — Главный захохотал звучным басом; его умные глаза весело блестели.— Тише едешь, дальше будешь... Если я не ошибаюсь, накануне ближайшего Дня Отдыха ты будешь у нас обедать?

— Я взял на себя смелость...

— Превосходно, превосходно! Желаю успеха! Я не против, если у нее появится такой положительный парень, как ты! Но предупреждаю честно — дочь моя своенравная девчонка,— и Главный Мастер снова захохотал.

Ганиль заулыбался, немного растерянный. Лани, дочь Главного, вертела, как хотела, не только работавшими в мастерской юношами, но и собственным отцом. Сперва этой девушки, смышленной, живой, как ртуть, Ганиль даже побаивался. Только потом он заметил, что при разговоре с ним у нее появляется какая-то робость, а в голосе начинают звучать заискивающие нотки. Наконец он набрался духу и попросил у ее матери, чтобы та пригласила его на обед — то есть совершил первый официальный шаг к ухаживанию.

Ли уже ушел, а он все стоял на том же месте и думал об улыбке Лани.

— Ганиль, ты когда-нибудь видел Солнце?

Тихий голос, бесстрастный и уверенный. Он повернулся и встретился взглядом с голубыми глазами своего друга.

— Солнце? Да, конечно.

— Когда это было в последний раз?

— Сейчас скажу. Мне тогда было двадцать шесть; значит, четыре года назад. А ты тогда разве не был здесь, в Идане? Оно показалось к концу дня, а потом ночью были видны звезды. Помню, я насчитал восемьдесят одну, и после этого небо закрыло снова.

— Я в это время был севернее, в Келинге; меня тогда как раз посвятили в Мастера.

Миид говорил, опираясь на деревянный барьер, которым был обнесен Образец большой паровой машины. Светлые глаза его смотрели не в глубь мастерской, где всю кипела работа, а на окна, за которыми упорно моросил мелкий дождь поздней осени.

— Слышал, как ты сейчас отчитывал юношу Уонно. «Важно то, что, если сложить XVI и XIX, XXXVI не получается»... А потом: «Мне тогда было двадцать шесть; значит, четыре года назад... Я насчитал восемьдесят одну»... Еще немного, Ганиль, и ты бы начал вычислять.

Ганиль нахмурился и непроизвольно потер шрам, светлевший у него на виске.

— Да ну тебя, Миид! Даже непосвященные различают IV и XXX!

Миид чуть заметно улыбнулся. Он уже держал в руке свою Палку для Измерений и рисовал ею окружность на пыльном полу.

— Что это такое? — спросил он.

— Солнце.

— Правильно. Но это также и... знак. Знак, который обозначает Ничто.

— Ничто?..

— Да. Его можно использовать, например, в таблицах вычитания. От II отнять I будет I, не так ли? Но что останется, если от II отнять II? — Он помолчал. Потом постучал палкой по нарисованному на полу кругу. — Останется это.

— Да, конечно, — Ганиль, не отрываясь, глядел на круг, священный образ Солнца, Скрытого Света, Лица Бога. — Кто хозяева этого знания, священнослужители?

— Нет. — Миид перечеркнул круг «иксом». — Вот этого — да, они.

— Тогда чье... кто хозяева знания о... знаке, который обозначает Ничто?

— Да нет у него хозяина! Он принадлежит всем! Это не Тайна.

Ганиль изумленно сдвинул брови. Они говорили вполголоса, стоя почти вплотную друг к другу, словно обсуждая промер, сделанный Палкой для Измерений.

— Почему ты считал звезды, Ганиль?

— Мне.. мне хотелось знать, Я всегда любил счет, числа, таблицы действий. Поэтому я и стал Механиком.

— Да. Теперь тебе ведь уже тридцать, и уже четыре месяца, как ты Мастер. А думал ли ты когда-нибудь, Ганиль, что раз стал Мастером, значит, в пределах своей профессии ты знаешь все? Отныне и до самой смерти тебе уже нечего узнавать. Просто нечего.

— Но Главные...

— ...знают еще несколько тайных знаков и паролей, — перебил его Миид своим тихим и ровным голосом, — и, конечно, у них есть власть. Но в своем

деле они знают не больше чем ты... Ты, может, думал, что им разрешено вычислять? Нет, не разрешено.

Ганиль молчал.

— А на самом деле, Ганиль, можно еще кое-что узнать?

— Где?

— По ту сторону городских стен.

Прошло немало времени, прежде чем Ганиль заговорил снова:

— Я не могу слушать такое, Миид. Больше не говори со мной об этом. Предать тебя я не стану.

Ганиль повернулся и зашагал прочь. Лицо его исказилось от ярости. Но огромное усилие воли понадобилось ему, чтобы обратить эту ярость, казалось бы безосновательную, против Миида, человека уродливого не только телом, но и духом, дурного советчика, бывшего, а отныне утраченного друга.

Вечер оказался очень-очень приятным: веселье было из Ли ключом, его толстая жена обращалась с Ганилем, как с родным сыном, а Лани была совсем кроткой и сияла от радости. Юношеская неловкость Ганиля по-прежнему вызывала в ней непреодолимое желание его поддразнить, но, даже делая это, она была так мила и уступчива, что, казалось, еще немного и весь ее задор превратится в нежность. В какой-то миг, когда она передавала блюдо, рука ее коснулась его руки. Вот здесь, на ребре правой ладони, около запястья, одно легкое прикосновение — он помнил это так ясно! Сейчас, лежа в постели в своей комнате над мастерской, в кромешной темноте городской ночи, он застонал от переполнявших его чувств. Ухаживание — дело долгое, протянется месяцев восемь, самое меньшее, и все будет развиваться очень медленно и постепенно — ведь речь как-ни-

как идет о дочери Главного. Нет, думать о Лани просто невыносимо! Не надо про нее думать. Думай... про Ничто. И он стал думать про Ничто. О круге. О пустом кольце. Сколько будет 0, умноженный на I? Столько же, сколько 0, умноженный на II. А если поставить I и 0 рядом... что будет означать IO?

Миид Светлокожий приподнялся и сел в постели; откинув назад свои каштановые волосы, он пытался разглядеть, кто мечется по его комнате. Сквозь окно едва пробивался грязно-желтый свет раннего утра.

— Сегодня День Отдыха,— проворчал Миид,— уходи, дай мне спать.

Неясная фигура воплотилась в Ганиля, метание по комнате — в шепот. Ганиль шептал:

— Миид, посмотри!

Он сунул Мииду под нос грифельную доску:

— Посмотри, посмотри, что можно делать этим знаком, который обозначает Ничто!

— А, это,— сказал Миид.

Он оттолкнул Ганиля с его грифельной доской, спрыгнул с постели и окунул голову в таз с ледяной водой, стоявший на сундуке рядом с одеждой. Потом, роняя капли воды, он вернулся к кровати и сел.

— Давай посмотрим.

— Гляди, за основу можно принять любое число — я взял XII, потому что оно удобное. Вместо XII, посмотри, мы пишем I—0, а вместо XIII — I—I, а когда доходим до XXIV, то...

— Ш-ш!

Миид внимательно перечитал написанное. Потом спросил:

— Хорошо все запомнил?

Ганиль кивнул, и тогда Миид рукавом стер с доски заполнявшие ее красиво выписанные знаки.

— Мне не приходило в голову,— заговорил он опять,— что основой может стать любое число. Но посмотри: прими за основу X — через минуту я объясню тебе почему,— и вот способ сделать все легче. Вместо X будет писаться 10, а вместо XI—11, но вместо XII напиши вот что,— и он написал на доске 12.

Ганиль глядел на эти два знака как зачарованный. Наконец он заговорил каким-то не своим срывающимся голосом:

— Ведь это... одно из черных чисел?

— Да. Ты, Ганиль, пришел к черным числам сам, но как бы с заднего хода.

Ганиль, сидевший рядом, молчал.

— Сколько будет CXX, умноженное на MCC? — спросил Миид.

— Таблицы так далеко не идут.

— Тогда смотри.

И Миид написал на доске:

$$\begin{array}{r} \times 1200 \\ 120 \\ \hline \end{array}$$

а потом —

$$\begin{array}{r} 0000 \\ 2400 \\ 1200 \\ \hline 144000 \end{array}$$

Опять долгое молчание.

— Три Ничто, умноженные на XII...— забормотал Ганиль.— Дай мне доску.

Слышались только монотонный стук падающих капель за окном и поскрипыванье мела. Потом:

— Каким черным числом обозначается VIII?

К концу этого холодного Дня Отдыха они ушли так далеко, как только Миид смог увести за собой Ганиля. Правильней даже было бы сказать, как Ганиль увел Миида, так как под конец тот уже ед-ва за ним успевал.

— Тебе нужно познакомиться с Йином, — сказал Миид. — Он может научить тебя тому, что тебя интересует. Йин работает с углами, треугольниками, измерениями. Он своими треугольниками может измерить расстояние между любыми двумя точками, даже если до этих точек нельзя добраться. Он замечательный Догадчик. Числа — само сердце его знания, язык, на котором оно говорит.

— И мой тоже.

— Да, я это вижу. Но не мой. Я люблю числа не ради них самих. Мне они нужны как средство. Чтобы с их помощью объяснять... Вот если, например, ты бросаешь мяч, отчего он летит?

— Оттого, что ты его бросил, — и лицо у Ганиля расплылось в широкой улыбке.

Он был бледен, а в голове у него звенело, как в пустом бочонке, от шестнадцати (минус короткие перерывы для еды и сна) часов чистой математики; и он уже потерял весь свой страх, все смирение. Он улыбался, как властитель, вернувшийся в родные края после долгого изгнания.

— Прекрасно, — сказал Миид. — Но почему он летит и не падает?

— Потому что... его поддерживает воздух?

— Тогда почему потом он все же падает? Почему он движется по кривой? Что это за кривая? Понимаешь, зачем нужны мне твои числа?

Теперь на властителя походил Миид, но это был не довольный собой, а рассерженный властитель, владения которого столь огромны, что с трудом поддаются управлению.

— И в своих тесных мастерских за ставнями,— презрительно фыркнул он,— они еще могут говорить о Тайнах! Ну ладно, давай пообедаем — и к Йину!

Высокий старый дом, пристроенный вплотную к городской стене, сверху вниз глядел на двух молодых мастеров своими окнами в свинцовых переплетах. Над крутыми черепичными крышами, блестящими от дождя, нависли зеленовато-желтые сумерки поздней осени.

— Йин был, как и мы, Мастером-Механиком,— сказал Миид, пока они ждали у обитой железными полосами двери.— Теперь он больше не работает, сам увидишь почему. К нему приходят люди из всех Лож — Аптекари, Ткачи, Каменщики. Ходят даже несколько ремесленников и Мясник — он разрезает и рассматривает мертвых кошек.

Последние слова Миид произнес добродушно, но не без насмешки. Наконец дверь открылась, и слуга провел их наверх, в комнату, где в огромном камине пылали поленья; с дубового кресла с высокой спинкой навстречу им с приветствием поднялся человек.

Увидев его, Ганиль сразу вспомнил одного из Высших Мастеров Лож — того, что кричал ему, когда он лежал в Могиле: «Встань!» Йин тоже был стар и высок, и на нем тоже был белый плащ Высшего Мастера. Только Йина отличала сутуловатость, и лицом, морщинистым и усталым, он походил на старую гончую. Здороваясь, Йин протянул Мииду и Ганилю левую руку — правой кисти у него не было, рука оканчивалась у запястья давно залеченной блестящей культей.

— Это Ганиль,— уже знакомил их Миид.— Вчера вечером он додумался до двенадцатиричной системы счисления. Добейтесь от него, Мастер Йин, чтобы он занялся для меня математикой кривых.

Йин засмеялся тихим и коротким старческим смехом.

— Добро пожаловать, Ганиль. Можешь приходить сюда, когда захочешь. Мы все здесь чернокнижники, все занимаемся ведовством — или пытаемся заниматься... Приходи, когда захочешь, в любое время — днем, ночью. И уходи, когда захочешь. Если нас предадут, так тому и быть. Мы должны доверять друг другу. Любой человек имеет право знать все; мы не храним Тайну, а ее отыскиваем. Понятно тебе, о чем я говорю?

Ганиль кивнул. Находить нужные слова ему всегда было нелегко; вот с числами обстояло совсем иначе. Слова Йина его очень тронули, и от этого он смутился еще больше. И ведь никого здесь не посвящали торжественно, никаких клятв не требовали — просто говорил спокойно и негромко незнакомый старик.

— Ну, вот и хорошо,— сказал Йин, как будто кивка Ганиля было вполне достаточно.— Немножко вина, молодые Мастера, или пива? Темное пиво удалось мне в этом году на славу. Так, значит, Ганиль, ты любишь числа?

Была ранняя весна, и Ганиль стоял в мастерской и следил за тем, как ученик Уонно снимает своей Палкой для Измерений размеры с Образца двигателя самодвижущейся повозки. Лицо у Ганиля было мрачным. Он изменился за эти месяцы, выглядел теперь старше, жестче, решительней. Да и немудрено — четыре часа сна в сутки и изобретение алгебры не прошли бы ни для кого бесследно.

— Мастер Ганиль...— робко сказал нежный голосок у него за спиной.

— Измерь снова,— приказал он ученику и удивленно повернулся к девушке.

Лани тоже стала другой. Лицо у нее было напряженным, глаза тоскливыми, и говорила она теперь с Ганилем как-то испуганно. Он совершил второй шаг в ухаживании — нанес три вечерних визита и на этом вдруг остановился. Такое произошло с Лани впервые. До сих пор никто еще не смотрел на нее невидящим взглядом — так, как сейчас смотрел Ганиль. Что же такое, интересно, видит его невидящий взгляд? Если бы только она могла узнать его тайну! Каким-то непонятным ему самому образом Ганиль чувствовал, что происходит в душе у Лани, и он испытывал к ней жалость, к которой примешивался некоторый страх.

Она наблюдала за Уопно.

— Меняют ли... меняете вы хоть иногда эти размеры? — спросила она, чтобы как-то завязать разговор.

— Изменить Образец — значит впасть в Ересь Изобретательства.

На это Лани сказать было нечего.

— Отец просил передать вам всем, что завтра Мастерская будет закрыта.

— Закрыта? Почему?

— Коллегия объявила, что подул западный ветер и, может быть, завтра мы увидим Солнце.

— Хорошо! Хорошее начало для весны, правда? Спасибо, — сказал Ганиль.

И он снова повернулся к Образцу.

Священнослужители Коллегии на этот раз не ошиблись. Вообще предсказание погоды, которому они отдавали почти все свое время, было делом неблагодарным, но хоть в одном случае из десяти они предсказывали правильно, и именно сегодняшний день оказался для них удачным. К полудню дождь кончился, и теперь облачный покров бледнел — ка-

залось, он кипит и медленно стекает к востоку. Во второй половине дня все жители города были уже на улицах; одни взобрались на дымовые трубы, другие на деревья, третьи на городскую стену, и даже на полях, по ту сторону стены, стояли и смотрели, задрав головы, люди. На огромном внешнем дворе Коллегии ряды священнослужителей, начавших свой ритуальный танец, сходились и расходились с поклонами, сплетались и расплетались. Уже и в каждом храме священнослужитель готов был в любой момент, потянув за цепь, раздвинуть крышу, чтобы лучи Солнца могли упасть на камни алтаря. И наконец уже перед самым вечером небо открылось. Желто-серая пелена разорвалась, и между клубящимися краями разрыва показалась полоска голубизны. И с улиц, площадей, окон, крыш, стен города — единый вздох, а потом глухой гул:

— Небеса, Небеса...

Разрыв в небе расширялся. На город посыпались капли, свежий ветер сносил их в сторону, и они падали не отвесно, а наискось; и вдруг капли засверкали, словно при свете факелов ночью — но только свет, который они отражали теперь, был светом Солнца. Ослепительное, оно стояло в Небесах, и ничего, кроме него, там не было.

Как и у всех, лицо у Ганиля было обращено к небу. На этом лице, на шраме, оставшемся после ожога, он чувствовал тепло Солнца. Он, не отрываясь, глядел, до тех пор пока глаза не заволокло слезами, на Огненный Круг, Лицо Бога.

«Что такое Солнце?»

Это зазвучал в его памяти тихий голос Миида. Холодная ночь в середине зимы, и они разговаривают у Йина в доме, перед камином — он, Миид, Йин и остальные. «Круг это или шар? Почему оно происходит по небу? Какой оно на самом деле величи-

ны — насколько оно от нас далеко? И ведь подумать только: когда-то, чтобы посмотреть на Солнце, достаточно было поднять голову...»

Вдалеке, где-то внутри Коллегии, раздавались лихорадочный барабанный бой и пение флейт — веселые, но чуть слышные звуки. Время от времени на ослепительно яркий лик наплывали клочья облаков, и в мире опять все становилось серым и холодным, и флейты умолкали; но западный ветер уносил облака, и Солнце показывалось снова, чуть ниже, чем прежде. Перед тем как опуститься в тяжелые облака на западе, оно покраснело, позволив на себя смотреть. В эти последние мгновения оно казалось глазам Ганиля не диском, а огромным, подернутым дымкой, медленно падающим шаром.

Шар упал, исчез.

В разрывах облаков над головой все еще видны были Небеса, бездонные, синевато-зеленые. Потом на западе, недалеко от места, где исчезло Солнце, засияла яркая точка — вечерняя звезда.

— Смотрите! — закричал Ганиль.

Но на призыв его обернулись только один или два человека: Солнце ушло, так что может быть интересного после него — какие-то звезды? Желтоватый туман, часть савана из облаков, который после Адского Огня четырнадцать поколений назад облек своим покровом из дождя и пыли всю землю, наполз на звезду и стер ее. Ганиль вздохнул, повертел затекшей шеей и зашагал домой, как и все.

Арестовали его тем же вечером. От стражников и товарищей по несчастью (за исключением Главного Мастера Ли, в тюрьме оказалась вся Мастерская) он узнал: его преступление состоит в знакомстве с Миидом Светлокожим. Сам Миид обвинялся в ереси. Его видели на поле, он направлял на Солнце какой-то инструмент — как говорили, прибор для

измерения расстояний. Он пытался измерить расстояние между землей и Богом.

Учеников скоро отпустили. На третий день в камеру, где был Ганиль, пришли стражники и под тихим редким дождем ранней весны провели его в один из внутренних дворов Коллегии. Почти вся жизнь священнослужителей проходила под открытым небом, и огромный квартал, который занимала Коллегия, состоял из приземистых строений, между которыми были дворы-спальни, дворы-канцелярии, дворы-молельни, дворы-трапезные и дворы закона. В один из последних и привели Ганиля. Ему пришлось пройти между рядами заполнивших весь двор людей в белых и желтых облачениях, и наконец он оказался на таком месте, с которого был хорошо виден всем. Он стоял теперь на открытой площадке перед длинным, блестящим от дождя столом, за которым сидел священнослужитель в золотом облачении Хранителя Высокой Тайны. В дальнем конце стола сидел другой человек; по сторонам его, как и по сторонам Ганиля, стояли стражники. Этот человек смотрел на Ганиля, и его взгляд, прямой и холодный, ничего не выражал; глаза у него были голубые, того же цвета, что и Небеса над облаками.

— Ганиль Калсон из Идана, вас подозревают в общении с Миидом Светлокожим, обвиняемым в Ересях Изобретательства и Вычисления. Вы были другом этого человека?

— Мы оба были Мастерами в...

— Да. Говорил он вам хоть раз об измерении без Палок для Измерения?

— Нет.

— О черных числах?

— Нет.

— О ведовстве?

— Нет.

— Мастер Ганиль, вы произнесли «нет» три раза. Известен ли вам Приказ Священнослужителей — Мастеров Тайны Закона, касающийся подозреваемых в ереси?

— Нет, не из...

— Приказ гласит: «Если подозреваемый четырежды ответит на вопросы отрицательно, вопросы могут повторяться с применением пресса до тех пор, пока не будет дан другой ответ». Сейчас я начну их повторять, если только вы не захотите изменить какой-нибудь из ваших ответов сразу.

— Нет,— растерянно сказал Ганиль, оглядывая бесчисленные пустые лица и высокие стены вокруг двора.

Когда внесли какую-то невысокую деревянную машину и защелкнули в ней кисть его правой руки, он все еще был больше растерян, чем испуган. Что значит вся эта чушь? Похоже на посвящение, когда они так старались его напугать; тогда им это удалось.

— Как Механик,—говорил между тем священнослужитель в золотом,— вы, мастер Ганиль, знаете действие рычага; берете вы назад свой ответ?

— Нет,— сказал, немного сдвинув брови, Ганиль.

Только сейчас он заметил: вид у его правой руки такой, будто она кончается у запястья, как рука Йина.

— Прекрасно.

Один из стражников положил руки на рычаг, торчавший из деревянной коробки, и священнослужитель в золотом спросил:

— Вы были другом Миида Светлокожего?

— Нет,— ответил Ганиль.

И он отвечал «нет» на каждый из вопросов даже после того, как перестал слышать голос священно-

служителя; все говорил и говорил «нет» и под конец уже не мог отличить собственного голоса от аха, хлопками отлетающего от стен двора: «Нет, нет, нет, нет!»

Свет вспыхивал и гас, холодный дождь каплями падал на лицо и переставал, и кто-то снова и снова подхватывал его, не давая упасть. От его серого плаща дурно пахло — от боли Ганиля вырывало. Он подумал об этом, и его вырывало опять.

— Ну-ну, теперь уже все,— прошептал ему на ухо один из стражников.

Вокруг по-прежнему неподвижные белые и желтые ряды, такие же каменные у всех лица, глаза смотрят так же пристально, но уже не на него.

— Еретик, ты знаешь этого человека?

— Мы работали вместе с ним в Мастерской.

— Ты говорил с ним о ведовстве?

— Да.

— Ты учил его ведовству?

— Нет. Я пытался его учить,— голос звучал очень тихо и немного срывался; даже в окружающем безмолвии, где сейчас был слышен только шепот дождя, разобрать слова Миида было почти невозможно.— Он был слишком глуп. Он не смел и не мог учиться. Из него выйдет прекрасный Главный Мастер.

Холодные голубые глаза смотрели прямо на Ганиля, и в них не было ни мольбы, ни жалости.

Священнослужитель в золотом повернулся к бело-желтым рядам:

— Против подозреваемого Ганиля улики нет. Можете идти, подозреваемый. Вы должны явиться сюда завтра в полдень, дабы стать свидетелем торжества правосудия. Ваше отсутствие будет сочтено признанием собственной вины.

Смысл этих слов дошел до Ганиля, когда страж-

ники уже вывели его со двора. Оставили его они снаружи у одного из боковых входов в Коллегию; дверь за спиной закрылась, громко лязгнув засов. Он постоял немного, потом опустился, почти упал на землю, прижимая к себе под плащом почерневшую, в запекшейся крови руку. Вокруг тихо бормотал дождь. Не было видно ни души. Только когда наступили сумерки, он поднялся, шатаясь, на ноги и поплелся через весь город к дому Йина.

В полумраке возле входной двери шевельнувшаяся тень окликнула его:

— Ганиль!

Он замер.

— Мне все равно, что тебя подозревают — пусть! Пойдем к нам домой. Отец снова примет тебя в Мастерскую, я попрошу — и примет.

Ганиль молчал.

— Пойдем со мной! Я ждала тебя здесь, я знала, что ты придешь сюда — я ходила сюда за тобой и раньше.

Она засмеялась, но ее деланно веселый смех почти сразу оборвался.

— Дай мне пройти, Лани.

— Не дам. Зачем ты ходишь в дом старого Йина? Кто здесь живет? Кто она? Пойдем со мной, ведь другого тебе не остается — отец не возьмет подозреваемого назад в Мастерскую, если только я не...

Не дослушав, Ганиль проскользнул в дверь и плотно закрыл ее за собой. Внутри было темно, царила мертвая тишина. Значит, всех Догадчиков взяли, их всех будут допрашивать и пытаться, а потом убьют.

— Кто там?

Наверху, на площадке, стоял Йин, волосы его ярко белели в свете лампы. Он спустился к Ганилю и помог ему подняться. Ганиль торопливо заговорил:

— Меня выследили, девушка из Мастерской, дочь Ли — если она ему скажет, он сразу вспомнит тебя, пошлет стражников...

— Я услали всех отсюда три дня назад.

Ганиль остановился, пожирая глазами спокойное морщинистое лицо, потом как-то по-детски сказал:

— Смотри,— и протянул Йину свою правую руку,— смотри — как твоя.

— Да. Пойдем, Ганиль, тебе лучше сесть.

— Они приговорили его. Не меня — меня они отпустили. Он сказал, что я глуп и ничему не мог научиться. Сказал это, чтобы спасти меня...

— И твою математику. Иди сюда, сядь.

Ганиль овладел собой и сел. Йин уложил его, обмыл, как мог, и забинтовал ему руку. Потом, сев между ним и камином, где жарко пылали дрова, Йин вздохнул; воздух выходил из его груди с громким свистом.

— Что же, — сказал он, — теперь и ты стал подозреваемым в ереси. А я считаюсь таковым вот уже двадцать лет. К этому привыкаешь... О наших друзьях не тревожься. Но если девушка скажет Ли и твое имя окажется связанным с моим... Лучше нам уйти из Идана. Не вместе. И сегодня же вечером.

Ганиль молчал. Уход из Мастерской без разрешения Главного означал отлучение, потерю звания Мастера. Он не сможет больше заниматься делом, которое знает. Куда ему деться с его искалеченной рукой, куда идти? Он еще ни разу в жизни не покидал стен Идана.

Казалось, тишина в доме становится гуще и плотней. Он все время прислушивался: не раздастся ли снаружи топот стражников, которые снова идут за ним? Надо уходить, спастись, сегодня же вечером — пока не поздно...

— Не могу, — сказал он резко. — Я должен... должен быть в Коллегии завтра в полдень.

Йин сразу понял. Снова вокруг сомкнулось молчание. Когда наконец старик заговорил, голос его звучал сухо и устало:

— Ведь на этом условии тебя и отпустили? Хорошо, пойди — совсем ни к чему, чтобы они осудили тебя как еретика и начали охотиться за тобой по всем Сорока Городам. За подозреваемым не охотятся, он просто становится изгоем. Это предпочтительней. Постарайся теперь поспать хоть немного. Перед уходом я скажу тебе, где мы сможем встретиться. Отправляйся в путь как можно раньше — и налегке...

Когда поздним утром следующего дня Ганиль вышел из дома Йина, под плащом его был свиток бумаг. На каждом листе — четкий почерк Миида Светлокожего: «Траектории», «Скорость падающих тел», «Природа движения»... Йин уехал перед рассветом верхом на неторопливо трусющем сером ослике. «Встретимся в Келинге», — только это он и сказал Ганилю, отправляясь в путь.

Никого из Догадчиков во внешнем дворе Коллегии Ганиль не увидел. Только рабы, слуги, нищие, учащиеся, сбежавшие с уроков, да женщины с хнычущими детьми стояли с ним вместе в сером свете полудня. Только чернь и бездельники пришли смотреть, как будет умирать еретик. Какой-то священнослужитель приказал Ганилю выйти вперед. Ганиль стоял один в своем плаще Мастера и чувствовал устремленные на него любопытные взгляды.

На другой стороне площади он увидел в толпе девушку в лиловом платье. Лани это или другая? Похожа на Лани. Зачем она пришла? Знает ли она, что ненавидит, а что любит? Страшна любовь, ко-

торая стремится лишь к обладанию! Да, она любит его, но сейчас их разделяет не площадь, а невежество, изгнание, смерть. Она не понимает этого и никогда не захочет понять.

Миида вывели перед самым полуднем. Ганиль увидел его лицо, оно было сейчас белым-белым, а еще эти голубые глаза, светлые волосы... Медлить особенно не стали: священнослужитель в золотом облачении скрестил над головой руки, призывая в свидетели невидимое за пеленой облаков Солнце, которое должно было находиться сейчас в зените, и в миг, когда он их опускал, к поленьям костра поднесли горящие факелы. Заклубился дым, такой же серо-желтый, как облака. Ганиль стоял, крепко прижимая рукой на перевязи свиток, и молил про себя: «Только бы он сразу задохнулся от дыма...» Но дрова были сухие и вспыхнули сразу. Ганиль чувствовал жар костра на своем лице, на виске, где огонь уже поставил свою печать. Рядом какой-то молодой священнослужитель попятился от жара, но толпа, которая смотрела, вздыхала, напирая сзади, отодвинуться ему не дала, и теперь он покачивался и судорожно дышал. За дымом уже не видно было языков пламени и человеческой фигуры, вокруг которой оно плясало. Зато стал слышен голос Миида, не тихий, как обычно, а громкий, очень громкий. Ганиль слышал его, но одновременно он слышал и тихий, уверенный, обращенный только к нему голос: «Что такое Солнце? Почему оно проходит по небу?.. Видишь, зачем пужны мне твои числа?.. Вместо XII напиши 12... Это тоже знак, он обозначает Ничто».

Вопли оборвались, но тихий голос не смолк.

Ганиль поднял голову. Люди расходились; молодой священнослужитель, стоявший возле него, опустился на колени и молился, рыдая. Ганиль посмотрел

на тяжелое небо над головой, повернулся и отправился в путь, сперва по улицам города, а потом, через городские ворота, на север — в изгнание и домой.

Рассел Мэлони
Несокрушимая логика

Мистеру Бэйнбриджу было тридцать восемь, когда на его жизненном пути оказалась шестерка шимпанзе. Он был холостяком и жил в отдаленном районе Коннектикута, в большом комфортабельном старом доме с подъездной аллеей, оранжереей, теннисным кортом и хорошо подобранной библиотекой. У него была недвижимость в Нью-Йорке, обеспечивавшая ему надежный доход, которым мистер Бэйнбридж распоряжался столь рассудительно, что это ни у кого не вызывало нареканий. Каждый год, в конце апреля, он заново покрывал дерном теннисный корт, после чего кортом могли пользоваться все соседи; каждый месяц выписывал книг не меньше чем на семьдесят пять долларов; каждые три года, в ноябре, он менял свой старый «кадиллак» на новый; пекрепкие и недорогие сигары мистер Бэйнбридж заказывал в Гаване по тысяче штук сразу; из-за международной напряженности он решил отказаться от поездки за границу, а деньги, предназначавшиеся для этой цели, по зрелом размышлении решил истратить на вина, которые, казалось, должны

были все более расти в цене, если война еще продлится. В общем мистер Бэйнбридж сознательно и довольно успешно строил свою жизнь по образу и подобию жизни английского эсквайра конца XVIII века, джентльмена, интересовавшегося искусством и развитием науки и настолько уверенного в себе, что ему не было дела до тех, кто считал его эксцентричным.

У мистера Бэйнбриджа было много друзей в Нью-Йорке. Он приезжал туда каждый месяц, останавливался в своем клубе и присматривался ко всему. Иногда он звонил какой-нибудь приятельнице и приглашал ее в театр и потом в ночной клуб. Иногда встречался со школьными друзьями: они выпивали на радостях и ехали смотреть бокс. Время от времени мистер Бэйнбридж заглядывал и в картинные галереи, где выставлялись академические картины, и любил изредка сходить в концерт. В то же время ему нравились и вечеринки с коктейлями — светская болтовня и множество хорошеньких девушек, которые не знают, как убить остаток вечера. Именно на такой вечеринке Бэйнбридж впервые столкнулся с судьбой.

Как-то на коктейле у Хоби Пакарда, биржевого маклера, он услышал о проблеме шести шимпанзе.

Шел седьмой час. Те, кто собирался выпить бокал и уйти, уже ушли, а те, кто хотел остаться до конца, подкреплялись не очень свежими бутербродами и оживленно болтали. В одном углу устроились парни с радио и актеры. Там горячо обсуждали, какими методами можно обмануть сборщика налогов. В другом углу группа биржевых маклеров болтала о самом великом из них — Гогене. Малышка Марция Люптон сидела с каким-то молодым человеком и очень искренне говорила ему:

— Сказать вам, чего мне больше всего хотелось бы добиться в жизни? Я хотела бы стать самой собой.

И Бэйнбридж тихо улыбнулся, вспомнив времена, когда Марция то же самое говорила ему. Вдруг до его ушей донесся голос Бернарда Вейса, критика:

— Да, он написал один хороший роман. Это не удивительно. В конце концов, известно, что если усадить шесть шимпанзе за шесть пишущих машинок и они станут наобум колотить по клавишам, то через миллион лет они напишут все книги, которые имеются в Британском музее.

Мистер Бэйнбридж подошел к Вейсу, познакомился с его собеседником — неким Ноблом.

— Что это вы тут говорили о миллионе шимпанзе, Вейс? — спросил он.

— Шести шимпанзе, — поправил Вейс. — Это известный математический пример. В школе всегда о нем говорят. Теория вероятностей. Шестерка шимпанзе, колотящих по клавишам, неизбежно должна напечатать все книги, когда-либо написанные людьми. Ведь на свете существует ограниченное количество сочетаний букв и цифр, и обезьяны рано или поздно воспроизведут все сочетания. Понятно? Конечно, они выдадут кучу чепухи, но при этом напечатают и книги. Все книги из библиотеки Британского музея.

Мистер Бэйнбридж наслаждался. Именно ради таких разговоров он и приезжал в Нью-Йорк.

— Ну, послушайте, — сказал он, только чтобы поддержать дурашливый разговор. — А что, если один из шимпанзе в конце концов точно воспроизведет какую-нибудь книгу, а последнюю фразу в ней не напечатает. Это в счет или нет?

— Я думаю — нет. Возможно, шимпанзе еще

раз напишет эту книгу, только целиком, и вставит это предложение.

— Чепуха, — не выдержал Нобл.

— Может быть, и чепуха, но Джеймс Джинс верит в нее, — с раздражением сказал Вейс. — Джинс* и Ланселот Хогбен**. Я совсем недавно где-то прочел об этом.

Это произвело впечатление на мистера Бэйнбриджа. Он читал довольно много научно-популярной литературы — и Джинс, и Хогбен были в его библиотеке.

— Вот оно что, — пробормотал Бэйнбридж, оставив шуточный тон. — А любопытно, кто-нибудь уже проверил это? Ну, я хочу сказать, пробовал кто-нибудь взять шесть обезьян, дать им по машинке и обеспечить неограниченным количеством бумаги?

Мистер Вейс бросил взгляд на пустой бокал в руках Бэйнбриджа и сухо сказал:

— Маловероятно...

Месяца два спустя, зимним вечером, Бэйнбридж сидел в своем кабинете с одним из друзей — Джеймсом Мэллардом, старшим преподавателем математики в Нью-Хейвенском университете. Явно нервничая, он наполнил свой стакан и обратился к Мэлларду:

— Я просил вас заехать ко мне, Мэллард... Вам бранди? Сигару?.. Да, так я просил вас заехать в связи с некоторыми обстоятельствами. Если помните, я писал вам недавно и спрашивал ваше мнение об одной математической гипотезе.

* Джеймс Джинс (1877—1946) — английский физик, астроном и математик, популяризатор науки. — *Прим. перев.*

** Ланселот Хогбен (род. в 1895 г.) — английский ученый-популяризатор, преподаватель естественной истории и биологии. — *Прим. перев.*

— Конечно, — деловито подтвердил Мэллард. — Прекрасно помню. Шесть шимпанзе и Британский музей. Я ответил тогда, что это вполне популярная иллюстрация научного принципа, известного каждому школьнику, который изучал теорию вероятностей.

— Вот именно. Так видите ли, Мэллард, я решился... Мне было не так уж трудно, поскольку, что бы там, в Белом доме, ни придумывали, я еще в состоянии немного помогать каждый год Музею естественной истории, ну, и там, конечно, всегда рады оказать мне услугу... В конце концов, единственное, чем непосвященный может помочь развитию науки, — это скучным, но необходимым экспериментаторством... Короче говоря, я...

— Короче говоря, вы хотите сказать, что добыли шесть шимпанзе и засадили их за работу, чтобы посмотреть, напишут ли они в конце концов все книги Британского музея. Так?

— Именно так, — подтвердил Бэйнбридж. — До чего же вы сообразительны, Мэллард. Шестерка отличных молодых самцов в превосходном состоянии. Я им выстроил, ну, общежитие, что ли, во дворе за конюшней. Машинки стоят в оранжерее. Там много света и воздуха, а большую часть растений я велел вынести. Мистер Норт, владелец цирка, весьма любезно позволил мне нанять одного из своих лучших дрессировщиков. Право же, это было не так трудно.

Профессор Мэллард снисходительно улыбнулся.

— В конце концов, мне уже приходилось слышать нечто подобное, — сказал он. — Мне помнится, что кто-то в каком-то университете заставил студентов кидать монетки, чтобы проверить, поровну ли выпадают орел и решка. Оказалось, что поровну.

Бэйнбридж как-то очень странно посмотрел на своего друга.

— Итак, вы верите, что любой из принципов теории вероятностей может быть подтвержден экспериментально.

— Конечно!

— Взгляните тогда лучше сами.

Мистер Бэйнбридж повел профессора Мэлларда вниз по лестнице, по коридору и через заброшенную музыкальную комнату — в обширную оранжерею. Середина помещения была очищена от растений, и там рядом стояло шесть специальных столов и на каждом — накрытая чехлом машинка. Слева от каждой машинки лежала аккуратная стопка желтоватой бумаги. Под каждым столом — пустая корзина для бумаг. Стулья — жесткие, с пружинными спинками, того типа, который предпочитают опытные стенографистки. В одном углу висела большая гроздь спелых бананов, в другом стоял «грейт бэр» — прибор для охлаждения воды и подставка с бумажными стаканчиками. На импровизированной полке расположились в ряд шесть стопок отпечатанного текста, каждая около фута толщиной. Бейнбридж не без усилия поднял одну из стопок и положил ее перед профессором Мэллардом.

— Результат деятельности шимпанзе А, которого мы зовем Биллом, — сказал он просто.

«Оливер Твист», сочинение Чарлза Диккенса, — увидел профессор Мэллард. Он прочитал первую страницу рукописи. Потом вторую. Потом лихорадочно перелистал всю рукопись до конца.

— Вы хотите сказать, — спросил он, — что этот шимпанзе написал...

— Слово в слово и запятая в запятую, — ответил Бейнбридж. — Янг, мой дворецкий, и я сверили ее с изданием, которое есть в моей библиотеке. Как только Билл кончил, он сразу начал печатать социо-

логические труды итальянца Вильфредо Парето. Если он и дальше будет работать в таком темпе, к концу месяца закончит и это.

— И все шимпанзе... — с трудом произнес побледневший профессор Мэллард. — И все они...

— О да, все они пишут книги, которые, по моим расчетам, должны быть в Британском музее. Проза Джона Донна, кое-что из Анатоля Франса, Конан Дойль, Гален, избранные пьесы Сомерсета Моэма, Марсель Пруст, мемуары покойной Марри Румынской и еще монография какого-то доктора Вилея о болотных травах Мэна и Массачусетса. Я могу подвести итог, Мэллард: с тех пор как четыре недели назад я начал этот эксперимент, ни один из шимпанзе не испортил буквально ни одного листа бумаги.

Профессор Мэллард выпрямился, стер пот со лба и глотнул воздух.

— Прошу прощения за слабость, — произнес он. — Эксперимент просто потряс меня своей неожиданностью. Конечно, если посмотреть на него с научной точки зрения — надеюсь, что я не совсем лишен этой способности, — ничего поразительного в такой ситуации нет. Данные шимпанзе или несколько поколений подобных групп шимпанзе за миллион лет напишут все книги из Британского музея. Я уже говорил вам об этом и верил в свои слова. Почему же моя уверенность должна пошатнуться из-за того, что они напечатали некоторые из книг в самом начале? В конце концов, я бы ничуть не удивился, если бы раз сто подбросил монету и она каждый раз падала бы орлом. Я знаю, если бы это длилось достаточно долго, пропорция сократилась бы точно до пятидесяти процентов. Будьте уверены, скоро шимпанзе начнут сочинять чепуху. Это непременно случится. Так утверждает наука. Я советую

вам до поры до времени держать эксперимент в тайне. Несведущие люди создадут сенсацию, если узнают об этом.

— Я так и сделаю, конечно, — промолвил Бэйнбридж. — И я вам чрезвычайно благодарен за ваш научный анализ. Это меня успокаивает. А сейчас, до того как вы уедете, вы должны непременно послушать новые пластинки Шнабеля, которые я сегодня получил.

В течение следующих трех месяцев профессор Мэллард повадился звонить Бэйнбриджу каждую пятницу в пять тридцать пополудни, как только выходил из аудитории, где вел семинар. Профессор обычно спрашивал:

— Ну, как дела?

Бэйнбридж обычно отвечал:

— Они все продолжают, Мэллард. Еще не испортили ни одного листа.

Если мистер Бэйнбридж в пятницу после обеда не бывал дома, он оставлял дворецкому записку и дворецкий читал профессору Мэлларду:

— Мистер Бэйнбридж говорит, сэр, что мы сейчас печатаем «Жизнь Маколея» Тревелияна, «Исповедь св. Августина», «Ярмарку тщеславия», частично ирвинговскую «Жизнь Джорджа Вашингтона», Книгу Мертвых и некоторые парламентские речи против Кукурузного закона.

Профессор Мэллард отвечал с некоторой запальчивостью:

— Скажите ему, чтобы он не забывал моего предсказания.

И швырял трубку.

Когда профессор Мэллард позвонил в одиннадцатый раз, Бэйнбридж сказал:

— Никаких перемен. Мне приходится складывать рукописи уже в подвал. Я бы их сжег, но они,

может быть, представляют какую-то научную ценность.

— И вы еще осмеливаетесь говорить о научной ценности? — прорычал в трубке далекий голос из Нью-Хейвена. — Научная ценность! Вы... вы... сами вы шимпанзе!

Дальше последовало бессвязное клокотание, и Бэйнбридж, обеспокоенный, повесил трубку.

— Боюсь, что Мэллард переутомляется, — пробормотал он.

Однако на следующий день он был приятно удивлен. Он перелистывал рукопись, которую вчера завершил шимпанзе Д. Корки. Это был полный текст дневников Самуэля Пеписа, и Бэйнбридж как раз подхихикивал над смачными местами, которые были опущены в имевшемся у него издании, когда в комнату провели профессора Мэлларда.

— Я приехал извиниться за свою ужасную вчерашнюю выходку по телефону, — произнес профессор.

— Забудьте об этом, пожалуйста. Я же знаю, у вас много забот, — ответил Бэйнбридж. — Хотите выпить?

— Виски, пожалуйста. И побольше. Без содовой, — ответил профессор Мэллард. — Замерз в машине, пока ехал сюда к вам. Ничего нового, я полагаю?

— Нет, ничего. Шимпанзе Ф. Динти сейчас кончает печатать Монтеня в переводе Джона Флорио. Больше ничего интересного.

Профессор Мэллард расправил плечи и одним чудовищным глотком проглотил содержимое своего бокала.

— Мне бы хотелось посмотреть на них за работой, — сказал он. — Как вы думаете, я им не помешаю?

— Ничуть. Собственно говоря, я сам в это время заглядываю к ним. Динти, вероятно, уже кончил своего Монтеня, и всегда интересно смотреть, как они начинают новое произведение. Мне казалось, что они должны бы продолжать на том же самом листе бумаги, но знаете, они никогда не делают этого. Всегда новый лист и название заглавными буквами.

Профессор Мэллард налил себе без спросу еще бокал и осушил залпом.

— Проводите меня, — бросил он.

В оранжерее было уже темновато, и шимпанзе печатали при свете настольных ламп, повернутых к столам. В углу, развалившись, сидел зритель, листая журнал, он жевал банан.

— Вы можете отдохнуть, — сказал Бэйнбридж.

Зритель ушел.

Профессор Мэллард так и не снял пальто; он стоял, засунув руки в карманы, и глядел на деловитых шимпанзе.

— Не знаю, известно ли вам, Бэйнбридж, что в теории вероятностей учтено решительно все, — он произнес эти слова со странной напряженностью в голосе. — Конечно, невероятно, что шимпанзе пишут книгу за книгой без единой пометки, но эту аномалию можно исправить вот... вот чем! Этим!

Он выдернул руки из карманов, и в каждой оказалось по револьверу 38-го калибра.

— Убирайтесь в безопасное место! — крикнул он.

— Мэллард, стойте!

Сначала рывкнул револьвер в правой руке, потом в левой и опять в правой. Два шимпанзе упали, а третий, спотыкаясь, побежал в угол. Бэйнбридж схватил своего друга за руку и вырвал один револьвер.

— Остановитесь, Мэллард! Я теперь тоже вооружен! — закричал он.

Вместо ответа профессор Мэллард прицелился в шимпанзе Е и застрелил его. Бэйнбридж рванулся вперед, и профессор Мэллард выстрелил в него. В предсмертной агонии Бэйнбридж нажал курок. Раздался выстрел — профессор Мэллард упал. Затем, чуть приподнявшись, он выстрелил в двух шимпанзе, что еще оставались невредимыми, и рухнул вниз.

Никто не услышал его последних слов.

— Человеческое уравнение... всегда враг науки, — задыхаясь, бормотал он, — на этот раз... наоборот... Я, простой смертный... спаситель науки... Заслуживаю Нобелевскую...

Когда старик дворецкий прибежал в оранжерею, его глазам предстала поистине ужасная картина: настольные лампы были разбиты вдребезги, и только свет молодой луны падал из окон на трупы двух джентльменов, сжимающих дымящиеся револьверы. Пять шимпанзе были мертвы. Шестым был шимпанзе Ф. Его правая рука была искалечена, он истекал кровью, но все же с трудом взобрался на стул перед своей машинкой. Мучительно напрягаясь, он левой рукой вынул из машинки последнюю страницу Монтеня в переводе Флорио. Поискав чистый лист, он вставил его и напечатал одним пальцем: ГАРРИЭТ БИЧЕР СТОУ, «ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА». Гла...

И умер.

Артур Кларк

Стена мрака

Многочисленны и удивительны миры, плывущие подобно пузырькам пены по Реке Времени. Иные, их очень мало, движутся против или поперек течения; еще меньше таких, что находятся вне его пределов и не ведают ни будущего, ни прошлого. Маленькая вселенная Шервана в их число не входила, ее своеобразие было иного рода. Она насчитывала всего один мир — планету племени Шервана — и одну лишь звезду, великое солнце Трилорн, дающее планете свет и жизнь.

Шерван не знал, что такое ночь, ибо Трилорн всегда парил высоко над горизонтом, спускаясь к нему только в долгие зимние месяцы. Правда, в Стране Вечной Тени каждый год бывала пора, когда Трилорн исчезал за краем планеты и наступала тьма, в которой ничто не могло жить. Но и тогда мрак не был полным, хоть и не было звезд, чтобы его рассеять.

Один в своей маленькой вселенной, вечно обращенный одной и той же стороной к своему одинокому солнцу мир Шервана был последней и наиболее странной причудой творца звезд.

И однако же, мысли, которые наполняли голову Шервана, когда он глядел на земли своего отца, могли родиться в сознании любого из детей человеческого рода. Он ощущал благоговение, и любопытство, и немного страха, но над всем преобладало стремление изведать огромный мир, окружающий его. Пока он был слишком юн для этого, но старинный дом стоял на самой высокой на много миль вокруг точке, и во все стороны открывался вид на

край, которым ему владеть. Если повернуться лицом на север, к Трилорну, то вдаль можно было разглядеть длинную гряду гор, которые уходили вправо, становясь все выше и выше, пока не терялись в далах за его спиной — там, где начиналась Страна Вечной Тени. Когда-нибудь, став постарше, он пройдет через эти горы, через перевал, что ведет в обширные страны востока.

Слева — всего несколько миль — океан; иногда Шерван слышал даже рокот волн, катящихся на пологий песчаный берег. Никто не знал, как далеко протянулся океан. Корабли выходили в его просторы и плыли на север, но Трилорн все выше поднимался на небе, все сильнее и сильнее становился жар его лучей. И задолго до того, как могучее солнце достигало зенита, кораблям приходилось поворачивать вспять. Так что, если мифическая Огненная Страна и впрямь существует, никому не суждено достичь ее пылающих берегов. Правда, есть легенды, они говорят, будто некогда были быстроходные металлические суда, которые могли пересечь океан наперекор палящим лучам Трилорна и достигнуть земель на том краю света. Теперь туда можно попасть только после долгого путешествия по суше и по морю, а если пожелаешь хоть немного сократить путь, надо следовать севернее, насколько хватит отваги.

Все обитаемые земли мира Шервана лежали в узком поясе между палящим зноем и нестерпимым холодом. В каждой стране крайний север — это неприступная область, опаленная гневом Трилорна. А к югу от всех государств раскинулась огромная и мрачная Страна Вечной Тени, где Трилорн — всего лишь бледный диск над самым горизонтом, иногда и вовсе не появляющийся.

Все это Шерван узнал в годы своего детства, и в

ту пору его не влекло за пределы обширной страны между горами и океаном. Издревле его предки и предшествовавшие им племена упорно трудились, стремясь сделать эти земли самыми прекрасными на свете, и они добились своего — или почти добились. Удивительные цветы украшали сады; лаская мшистые утесы, тихо журчали потоки, которые вливались в прозрачное, не ведающее приливов море. Поля шелестели колосьями на ветру, словно поколения еще не родившихся семян перешептывались между собой. На просторных лугах и под сенью деревьев, мыча и блея, лениво бродили послушные стада. А еще был большой дом с огромными залами и бесконечными коридорами, который ребенку казался исполинским. Вот в каком мире рос Шерван, какой мир он знал и любил. И то, что находилось за родными рубежами, его пока не занимало.

Но мир Шервана был подвластен времени. Урожай созревал, и хлеб засыпали в амбары; Трилорн медленно плыл по своей короткой небесной дуге; сменялись времена года, крепили тело и дух Шервана. Теперь родной край уже не казался ему таким огромным, горы подступили ближе, и до океана было рукой подать от большого дома. Он начал познавать мир, в котором жил, готовясь исполнить предназначенную ему роль в судьбах этого мира.

Кое-что ему поведал отец, Шервал, но главным наставником был Грейл, который пришел из-за гор в дни отца и воспитал уже три поколения в их роду. Мальчик привязался к Грейлу (хоть было много такого, чему он учился без всякой охоты), и годы детства текли безмятежно. Но вот настала пора Шервану отправиться через горы в соседнюю землю. Много веков назад его род пришел из великих стран востока, и с тех пор в каждом поколении старший сын совершал туда паломничество, прово-

дя год юности среди сородичей. Это был мудрый обычай, потому что в стране за горами еще сохранили память о знаниях, коими обладали древние; к тому же можно было встретить людей из других земель, изучить их обычаи.

Весной того года, когда пришел срок сыну отправляться в путь, Шервал призвал к себе трех слуг, взял несколько животных (назовем их для простоты лошадьми) и поехал вместе с Шерваном в те части родной страны, которых юноша еще не знал. Сперва они ехали на запад, потом, спустившись к морю, много дней следовали вдоль берега. Трилорн заметно приблизился к горизонту, но они продолжали путь на юг, и тени у их ног становились все длиннее и длиннее. И только когда лучи солнца, казалось, вовсе утратили свою силу, путники повернули на восток. До Страны Вечной Тени оставалось совсем немного, и было бы неразумно ехать дальше на юг, пока не наступило лето.

Шерван ехал рядом с отцом, жадно рассматривая все новые ландшафты с любопытством мальчика, который впервые попал в незнакомую страну. Отец говорил ему о почве, о том, какие злаки можно здесь выращивать, а какие не привьются. Но мысли Шервана были заняты другим — он смотрел туда, где начинались пустынные земли Страны Вечной Тени, пытаясь представить себе, далеко ли она простирается и какие тайны хранит.

— Отец, — заговорил он наконец, — если ехать на юг все прямо и прямо, через Страну Вечной Тени, попадешь на противоположную сторону мира?

Отец улыбнулся.

— Люди много веков задают себе этот вопрос, — сказал он. — Но есть две причины, из-за которых им никогда не узнать ответа.

— Какие причины?

— Во-первых, разумеется, мрак и холод. Даже здесь никто и ничто не может жить зимой. Но есть и более веская причина, хотя Грейл, насколько я понимаю, не говорил тебе о ней.

— Кажется, не говорил, во всяком случае, я не припомню.

Шерван помолчал. Привстав в стременах, он обвел взглядом земли, простершиеся к югу.

— Когда-то я хорошо знал эти места, — сказал он наконец Шервану. — Поедем, я тебе кое-что покажу.

Они свернули с тропы и несколько часов ехали спиной к солнцу. Местность постепенно повышалась, и Шерван увидел, что они поднимаются вдоль гребня вершины, которая напоминала кинжал, нацеленный в самое сердце Страны Вечной Тени. Стало слишком круто для их коней, тогда они соскочили на землю и оставили животных на попечение слуг.

— Можно обойти кругом, — объяснил Шервал, — по лезть напрямик быстрее, чем вести коней в обход.

Вершина была хоть и крутая, но не очень высокая, и они за несколько минут поднялись на нее. Сперва Шерван не заметил ничего необычного: та же самая дикая пересеченная страна, только чем дальше от Трилорна, тем мрачнее и суровее.

Он в замешательстве повернулся к отцу, но Шервал поднял руку, указывая на юг, и пальцем отчеркнул линию горизонта.

— Это не сразу рассмотришь, — тихо произнес он. — Мой отец показал мне как раз отсюда, за много лет до того, как ты родился.

Напрягая зрение, Шерван всматривался в сумрак. Небо на юге было темное, почти черное там, где встречалось с краем земли. А впрочем, нет, не встречалось: вдоль горизонта, разделяя небо и зем-

лю, широкой дугой протянулась полоса еще более густого мрака, черная, как ночь, которой Шерван не знал.

Долго и пристально глядел он на эту полосу, и, видимо, в душу Шервана вкралось предчувствие, потому что угрюмый край вдруг словно ожил, маня его. И когда он наконец оторвал взгляд от черной полосы, то — хоть и был слишком юн, чтобы истолковать загадочный зов, — знал: отныне все будет представляться ему в ином свете.

Ранней весной он простился с родными и в сопровождении слуг направился через горы в великие страны восточного мира. Здесь Шерван встретил людей одной с ним крови, и здесь он изучил историю своего народа, узнал искусства и ремесла, уходящие корнями в древность, науки, направляющие жизнь людей. В местах учения он завязывал дружбу с юношами, что прибыли из стран, лежащих еще дальше на восток; дружба была короткой, но одному из этих молодых людей суждено было сыграть неожиданно большую, если не решающую, роль в жизни Шервана.

Отец Брейлдона был прославленный зодчий, однако сын явно готовился превзойти его. Он путешествовал из страны в страну и неустанно учился, наблюдал, задавал вопросы. И хотя он был всего несколькими годами старше Шервана, но бесконечно больше его знал о мире — во всяком случае так казалось Шервану.

Беседуя, они весь мир разбирали на составные части и собирали вновь так, как хотелось им. Брейлдон мечтал о городах с широкими проспектами и величественными башнями, которые затмят все чудеса прошлого; Шервана занимала судьба людей, которым предстояло населять эти города, устройство их жизни.

Они часто говорили о Стене; Брейлдон знал о ней из преданий своего народа, но сам ее не видел. Далеко-далеко на юге, за всеми странами — как в этом убедился Шерван — тянется она подобно могучему барьеру, окаймляя Страну Вечной Тени. Летом можно ее достигнуть, хотя и с превеликим трудом, но проникнуть за Стену невозможно, и никому неизвестно, что лежит за ней. Сама будто целый мир, сплошная, без единого уступа, стократ выше человека, она пересекает неприветливое море, омывающее берега Страны Вечной Тени. Путники, едва согреваемые последними бледными лучами Трилорна, достигали этих пустынных берегов и видели, как Стена вздымается из воды, равнодушная к волнам, омывающим ее подножие. И на других далеких берегах другие путники видели, как она шагает через океан, смыкаясь в сплошное кольцо в своем кругосветном обхвате.

— Один из братьев моего отца, — рассказывал Брейлдон, — в молодости доходил до Стены. Он побился об заклад и десять дней ехал верхом, чтобы достичь ее. Огромная, холодная, она вызвала в нем страх. Он не мог сказать, из металла она или из камня, и, когда он кричал, эха не было, звук голоса затухал, словно Стена его поглощала. У нас есть поверье, что там край света и дальше ничего нет.

— Будь это так, — возразил Шерван очень рассудительно, — океан хлынул бы через край, прежде чем построили Стену.

— А если Стену воздвиг Кайрон, когда сотворил мир?

Но Шерван стоял на своем:

— У нас верят, что Стена создана людьми, возможно мастерами времен Первой Династии, они ведь делали такие замечательные вещи. Если у них и вправду были корабли, способные достигнуть Ог-

пленной Страны — даже летать! — они, наверное, обладали достаточной мудростью, чтобы построить Стену.

Брейлдон пожал плечами.

— Видимо, у них была на то причина, — сказал он. — Но мы все равно не узнаем ответа, так зачем ломать себе голову?

Шерван уже успел убедиться, что у обыкновенных людей он, кроме этого разумного практического совета, ничего не почерпнет; только мыслителей занимают вопросы, на которые нет ответа. Большинство людей совершенно безучастно относились к загадке Стены, как и к загадке жизни. А философы, с которыми он беседовал, отвечали ему каждый по-своему.

Начать с Грейла, к которому он обратился, возвратившись из Страны Вечной Тени. Старик спокойно поглядел на Шервана и сказал:

— За Стеной, насколько мне известно, кроется только одно — безумие.

Был он и у Артекса, древнего старца, который едва расслышал взволнованный голос юноши. Старец долго смотрел на Шервана из-под опущенных век, чересчур утомленных, чтобы открываться полностью, наконец ответил:

— Кайрон воздвиг Стену на третий день сотворения мира. А что за ней, мы узнаем, когда умрем, ибо туда уходят души умерших.

Однако Ирген, живший в том же городе, сказал совсем иное.

— Только память может ответить на твой вопрос, сын мой. Ибо за Стеной находится страна, где мы обитали до нашего рождения.

Кому верить? Ясно — ответ не известен никому из них. Даже если его когда-то знали, это знание утрачено много веков назад.

Но хотя поиски Шервана были бесплодными, он приобрел немало знаний за год учения. И когда вновь наступила весна, он попрощался с Брейлдоном и другими друзьями, с которыми только-только успел сблизиться, и по древней дороге направился домой, на родину. Опять совершил он трудный переход через высокий перевал в горах, где сверху угрожающе свисали глыбы льда. Дальше Шерван достиг того места, откуда извилистая дорога снова шла под уклон, спускаясь к людям. Здесь было тепло, струились шумные потоки и не перехватывало дыхание от морозного воздуха, и отсюда, с уступа, после которого дорога устремлялась вниз, в долину, открывался вид на предгорья и на равнину, вплоть до мерцающего вдали океана. И там, у края неба, взгляд Шервана различил во мраке смутную тень — его родину.

Он спускался по могучему каменному ребру, пока не достиг моста, перекинутого людьми через теснину еще в древности, когда землетрясение разрушило единственную в этих горах дорогу. Но мост исчез: весенние бури и лавины снесли одну из могучих опор, и чудесная металлическая радуга обратилась в груды лома, омываемую неистовым пенным потоком на дне тысячефутовой пропасти. Только к концу лета путь будет открыт опять... Поворачивая обратно, опечаленный Шерван знал, что пройдет еще год, прежде чем он сможет увидеть родной дом.

Долго простоял он на верхнем изгибе дороги, глядя на недосигаемую страну, где находилось все, что дорого его сердцу. Но вот сгустившийся туман скрыл ее, и Шерван решительно двинулся к перевалу. Равнина исчезла из виду, снова его со всех сторон обступили горы.

Брейлдон был еще в городе, когда вернулся

Шерван; он удивился и обрадовался, увидев друга. Вместе они обсудили, чем заполнить предстоящий год. Родичи Шервана успели привязаться к своему гостю и были только рады ему, однако он без воодушевления выслушал их совет еще год посвятить учению.

Замысел Шервана постепенно созрел вопреки всем препятствиям. Даже Брейлдон на первых порах колебался, и понадобились долгие уговоры, чтобы привлечь его на свою сторону. Зато после этого нетрудно было добиться согласия всех остальных, от кого зависел успех.

Близилось лето, когда двое юношей выехали в путь, направляясь в страну Брейлдона. Они торопили коней, потому что путь был долгий и его надо было завершить до того, как Трилорн начнет клониться к горизонту, возвещая приход зимы. Достигнув мест, знакомых Брейлдону, они стали расспрашивать жителей, и те сперва только кивали, но в конце концов дали точные ответы, и вскоре друзья очутились в Стране Вечной Тени. А затем Шерван во второй раз в жизни увидел Стену.

Когда она предстала их глазам, высясь над пустынной, скудной равниной, то казалось — до нее не так уж далеко. Однако пришлось еще очень долго ехать по равнине, прежде чем Стена заметно приблизилась. Зато потом вдруг оказалось, что они почти у ее подножия; невозможно было определить расстояние, пока не подойдешь совсем вплотную к Стене.

Глядя на черную поверхность, столь сильно занимавшую его мысли, Шерван чувствовал, что она словно нависает над ним, готовая упасть и сокрушить его своей тяжестью. Лишь с трудом оторвал он взгляд от гипнотического зрелища и подъехал еще ближе, чтобы понять, из чего сложена Стена.

Как и говорил ему Брейлдон, она была холодная на ощупь, холоднее, чем можно было ожидать. Не мягкая и не твердая; ее покров каким-то непонятным образом ускользал от осязания. У Шервана было такое чувство, будто что-то мешает ему по-настоящему дотронуться до поверхности; и, однако же, он не видел никакого просвета между Стеной и своими пальцами, когда прижимал их к ней. Всего удивительнее была жуткая тишина, о которой рассказывал дядя Брейлдона: каждое слово тонуло, всякий звук затухал с совершенно неестественной быстротой.

Брейлдон снял с вьючных коней привезенный инструмент и принялся исследовать поверхность Стены. Очень скоро он убедился, что ни сверло, ни долото не оставляют на ней никакого следа. И Брейлдон согласился с Шерваном: Стена не только несокрушима — она недосягаема.

С досадой взял он, наконец, совершенно прямую металлическую линейку и приложил ее ребром к Стене. Шерван зеркалом направил на черту соприкосновения отраженный свет тускнеющего Трилорна, а Брейлдон смотрел с другой стороны линейки. Так и есть: чрезвычайно тонкая сплошная полоска света просачивалась между двумя поверхностями.

Брейлдон задумчиво взглянул на друга.

— Шерван, — сказал он, — мне кажется, Стена сделана из неизвестной материи.

— Тогда, быть может, правы легенды, говоря, что ее никто не воздвигал, что она сразу появилась в таком виде.

— Мне тоже так кажется, — ответил Брейлдон. — Мастера Первой Династии могли решать такие задачи. В моей стране есть очень древние здания, будто разом отлитые из вещества, на котором незаметно никаких следов износа. Будь они черные,

а не цветные, я бы сказал, что тот материал очень похож на вещество Стены.

Он убрал бесполезный инструмент и стал устанавливать простой переносной теодолит.

— Если больше ничего не выходит, — сказал он, криво усмехаясь, — то хоть ее высоту определю!

Когда они, возвращаясь, в последний раз оглянулись на Стену, Шерван думал о том, что вряд ли увидит ее вновь. Больше ничего не выведаешь, остается только забыть свою нелепую мечту когда-нибудь раскрыть ее секрет... А может быть, никакого секрета и нет, может быть, за Стеной снова тянется Страна Вечной Тени, огибая планету, пока с другой стороны опять не упрется в Стену. Да, скорее всего так и есть. Но если это так, то зачем она сооружена и кем?

Усилием воли, сердясь на себя, он отогнал прочь эти мысли и пришпорил коня навстречу Трилорну, размышляя о будущем, в котором Стене отводилось не больше места, чем в жизни любого человека.

Итак, два года минуло, прежде чем Шерван смог вернуться на родину. За два года, особенно когда вы молоды, многое забывается, тускнеют даже самые дорогие сердцу образы, и трудно представить их себе отчетливо. Когда Шерван, выехав из предгорий, вновь очутился в стране своего детства, радость смешивалась в его душе со странной печалью. Забыто много такого, что некогда казалось ему навеки запечатленным в памяти...

Весть о возвращении Шервана опередила его, и вот уже он видит вдали скачущих навстречу коней. Он и сам поехал быстрее, надеясь, что это Шервал; оказалось, однако, что кавалькаду возглавляет Грейл.

Шерван остановил коня, как только старик поравнялся с ним. Грейл положил руку юноше на плечо, но отвернулся и заговорил не сразу.

Вот когда Шерван узнал, что прошлогодние бури разрушили не только мост: молния разбила вдребезги его отчий дом. Задолго до назначенного часа все земли, принадлежавшие Шервалу, перешли во владение сына. И не только они: ведь пламя пало на большой дом, когда в нем собрались на ежегодную встречу все члены семьи. Так в одно мгновение весь край от гор до океана стал собственностью Шервана. Он оказался самым богатым человеком на памяти людей — и все это богатство Шерван охотно отдал бы за то, чтобы еще раз взглянуть в спокойные серые глаза отца, которого ему не суждено было больше увидеть.

Трилорн уже много раз совершил свой годичный путь в небесах с тех пор, как Шерван на дороге у подножия гор расстался с детством. Все эти годы страна процветала; земли, что вдруг перешли к Шервану, постоянно росли в цене. Он рачительно управлял ими, и теперь у него снова появилось время мечтать. Больше того, он располагал средствами, чтобы осуществить свою мечту.

Из-за гор часто доходили вести о работах, которыми руководил Брейлдон в стране на востоке, и, хотя друзья юности не встречались, они постоянно обменивались посланиями. Брейлдон достиг заветных целей: не только начертил планы двух крупнейших зданий, воздвигнутых со времен древности, но задумал построить целый город — правда, он не рассчитывал, что это будет завершено при его жизни. Слыша все эти новости, Шерван вспоминал мечты своей юности, и мысли его вновь и вновь обращались к тому дню, когда друзья стояли вместе перед могучей Стеной. Долго он боролся сам с собой,

боясь понапрасну пробудить старые стремления. Но в конце концов решился и написал письмо Брейлдону, ибо что толку от могущества и богатства, если их не использовать для осуществления своей мечты?

И Шерван стал ожидать ответа, беспокоясь: уж не забыл ли Брейлдон за все эти годы, увенчавшие его славой, о былом. Ему не пришлось ждать долго. Брейлдон сообщил, что не может прибыть тотчас, нужно довести до конца большие работы, но, как только они будут завершены, он приедет. Шерван задал ему достойную задачу — ее выполнение сулило зодчему высшую радость, какую ему когда-либо довелось испытать.

Брейлдон прибыл в начале лета; Шерван встречал его на дороге ниже моста. Они были юношами, когда расстались, теперь уже почти достигли средних лет, и все-таки, приветствуя друг друга, оба чувствовали себя так, словно и не было долгой разлуки, и каждый, глядя на друга, радовался тому, сколь бережно Время коснулось знакомых черт.

Много дней они совещались, обсуждая составленный Брейлдоном план. Замысел был обширнейший, рассчитанный на много лет упорного труда, но вполне доступный для столь богатого человека, как Шерван. Прежде чем сказать последнее слово, он повел друга к Грейлу.

Старик уже несколько лет жил в маленьком доме, который построил для него Шерван. Он давно отдалился от высших кругов, однако всегда был готов помочь советом, и советы его оставались неизменно мудрыми.

Грейл знал, для чего приехал Брейлдон, и не удивился, когда архитектор развернул перед ним свои чертежи. На самом большом чертеже был нарисован профиль Стены, а рядом с ней от подножия воз-

вышалась огромная пологая лестница. В шести местах, разделенных совершенно равным расстоянием, наклонная плоскость переходила в просторные площадки; последняя из них немного не достигала верхней кромки Стены. По всей длине лестницы отходило десятка два аркбутанов, которые сперва показались Грейлу чересчур тонкими и хрупкими. Но затем он понял, что могучее сооружение будет главным образом опираться на собственное основание, а с одной стороны сама Стена примет на себя боковой распор.

Некоторое время он молча разглядывал чертеж, наконец негромко заметил:

— Ты всегда умел настоять на своем, Шерван. Я должен был предвидеть, что кончится этим...

— Значит, ты одобряешь наш замысел? — спросил Шерван.

Он никогда не шел наперекор советам мудрого старца, и на этот раз ему хотелось получить его одобрение. Как обычно, Грейл заговорил о главном:

— Сколько это будет стоить?

Брейлдон ответил, на мгновение воцарилась выразительная тишина.

— Сюда входит, — поспешно добавил архитектор, — стоимость хорошей дороги через Страну Вечной Тени и жилищ, для работников. Лестница будет сложена примерно из миллиона одинаковых кирпичей. Если тщательно подогнать их, получится очень прочно. Я рассчитываю, что сырье для кирпичей мы найдем в Стране Вечной Тени. — Он тихо вздохнул. — Конечно, я предпочел бы лестницу из соединенных вместе железных брусьев, но это станет еще дороже, ведь придется все железо везти из-за гор.

Грейл изучил чертеж более тщательно.

— Почему вы останавливаетесь, не доходя кромки? — спросил он.

Брейлдон перевел взгляд на Шервана, который ответил с некоторым замешательством:

— Я хочу один подняться на Стену. Последний кусок преодолею на подъемнике, мы установим его на верхней площадке. Один потому, что дальше может оказаться опасно.

Это была не единственная причина, но достаточно веская. За Стеной, как однажды сказал Грейл, человека подстерегает безумие. Если это так, зачем еще кому-то подвергать себя опасности.

Снова заговорил Грейл спокойным, чуть ли не сонным голосом:

— В таком случае твой замысел не назовешь ни хорошим, ни дурным, ибо речь идет о тебе одном. Если Стену соорудили, чтобы от чего-то оградить наш мир, с той стороны все равно ничто не проникнет.

Брейлдон кивнул.

— Мы это предусмотрели, — произнес он не без гордости. — Если понадобится, лестницу можно мгновенно уничтожить: мы заложили в самых уязвимых местах взрывчатое вещество.

— Хорошо, — ответил старик. — Хотя я и не верю всем этим рассказам, лучше быть начеку. Надеюсь, я еще буду жив, когда вы закончите работу. А теперь попытаюсь вспомнить, что я слышал о Стене, когда был таким же молодым, каким был ты, Шерван, когда впервые спросил меня о ней.

Еще до начала зимы провели дорогу к Стене и начали строить жилища для работников. Большую часть того, в чем нуждался Брейлдон, было легко раздобыть, в Стране Вечной Тени было изобилие всякого камня. Он успел также обмерить Стену и выбрать место для лестницы. И к тому времени,

когда Трилорн стал спускаться к горизонту, Брейлдон с удовлетворением подвел итог всему сделанному.

К следующему лету были изготовлены, испытаны и одобрены Брейлдоном первые большие кирпичи; в том же году их сделали несколько тысяч и до зимы начали класть основание. Брейлдон оставил за себя надежного человека и возвратился на родину к прерванным там работам. Когда будет приготовлено вдоволь кирпичей, он придет опять, а до тех пор в его надзоре нет нужды.

Шерван дважды или трижды в год отправлялся верхом к Стене, наблюдал, как вырастают пирамиды готовых кирпичей. А через четыре года вместе с ним туда снова приехал Брейлдон. Вдоль Стены поползли вверх ряды кладки, один за другим изогнулись в воздухе стройные аркбутаны. Поначалу лестница росла медленно, но чем уже она становилась, тем быстрее тянулась ввысь. Третью часть года длился вынужденный перерыв, и в тревожные зимние месяцы Шерван не раз стоял возле рубежей Страны Вечной Тени, прислушиваясь к бешеному вою ветра в гулком мраке. Но Брейлдон строил надежно, и каждую весну оказывалось, что постройка стоит невредимая, точно она готовилась поспорить незыблемостью с самой Стеной.

Последние кирпичи легли на место через семь лет после начала работ. Стоя в миле от Стены, чтобы видеть постройку в целом, Шерван с удивлением думал о том, что все это вышло из нескольких чертежей, которые показывал ему Брейлдон. И он ощутил нечто вроде того, что испытывает художник, осуществив заветный замысел. А еще он вспомнил день, когда мальчиком, стоя рядом с отцом, впервые увидел Стену вдаль, на фоне сумеречного неба Страны Вечной Тени.

Верхняя площадка была огорожена, но Шерван не стал подходить к краю. Стараясь не думать о головокружительной высоте, он помог Брейлдону и работникам установить несложный подъемник, который должен был поднять его на остающиеся двадцать футов. И когда все было сделано, Шерван стал на платформу и, призвав на помощь все свое самообладание, повернулся к друзьям.

— Я всего на несколько минут, — сказал он с напускной небрежностью. — Что бы я ни нашел, вернусь немедленно.

Мог ли он знать, что у него просто не будет выбора.

Грейл к этому времени уже почти ослеп и не надеялся дожить до следующей весны. Но он узнал приближающиеся шаги и окликнул Брейлдона по имени прежде, чем тот успел заговорить.

— Я рад, что ты пришел, — сказал он. — Я размышлял обо всем, что вы мне говорили, и мне кажется, я теперь знаю истинный ответ. Возможно, и вы его уже угадали.

— Нет, — ответил Брейлдон. — Я боялся об этом думать.

Старик чуть улыбнулся.

— Зачем бояться чего-то лишь потому, что оно необычно? Стена замечательна, но в ней нет ничего страшного для того, кто готов бестрепетно бросить вызов ее тайне. Когда я был мальчиком, Брейлдон, мой старый учитель однажды сказал мне, что время не может уничтожить истину, может только скрыть ее под покровом легенд. Он был прав. Из всех мифов, повествующих о Стене, я извлек теперь зерна истины... Давным-давно, Брейлдон, в пору расцвета Первой Династии, Трилорн давал больше тепла, чем теперь, и Страна Вечной Тени была плодородна

и обитаема — какой, возможно, станет Огненная Страна, когда Трилорн еще больше состарится и потускнеет. В то время никакая Стена не преграждала людям путь на юг. И многие, видимо, шли туда в поисках новых земель. А там с ними происходило то же, что с Шерваном, и у людей мутился рассудок. Число жертв было так велико, что ученые Первой Династии воздвигли Стену, чтобы обуздать безумие. Мне-то это кажется неправдоподобным, но легенды утверждают, будто Стена создана в один день, без применения труда, из облака, которое опоясало весь мир...

Грейл впал в задумчивость, и Брейлдону не хотелось ему мешать. Мысленно он перенесся в далекое прошлое, и родная планета представилась ему в виде парящего в космосе шара, вдоль экватора которого стучался созданный Древними обруч мрака. И хотя этот образ был неверен в самом главном, Брейлдон после так и не смог совершенно забыть его.

По мере того как уходили вниз последние футы Стены, Шервану пришлось собрать все свое мужество, чтобы не закричать: «Спускайтесь обратно!» Вспомнились страшные рассказы. Некогда он встречал их смехом, ибо в его роду не было суеверных, но вдруг они окажутся правдой, вдруг Стена и впрямь создана для того, чтобы скрыть от мира нечто ужасное?

Шерван попытался выбросить из головы подобные мысли — ему это удалось, когда он поднялся над верхней кромкой Стены. В первый миг Шерван никак не мог осмыслить картину, представшую его глазам, затем он понял, что перед ним непрерывная черная поверхность, но протяженность ее определить невозможно.

Подъемник остановился; Шерван с восхищением отметил, сколь точны были расчеты Брейлдона. А затем, еще раз сказав напоследок что-то успокоительное ожидающим внизу, он ступил на Стену и решительно зашагал вперед.

На первый взгляд плоскость казалась бесконечной, он не мог даже различить, где она смыкается с небом. Однако Шерван продолжал упорно идти вперед, обратившись спиной к Трилорну. Жаль, что нельзя узнать направление по собственной тени: она терялась во мраке под ногами.

Что-то не так, отметил Шерван, с каждым шагом кругом все темней и темней... Встревоженный, он обернулся назад и увидел, что диск Трилорна стал бледным и мутным, точно он смотрел на него через закопченное стекло. Но это еще не все: с нарастающим чувством тревоги Шерван понял, что Трилорн меньше того солнца, которое он знал всю жизнь.

Он сердито, упрямо тряхнул головой. Вздор, игра воображения. Все это настолько не отвечало всему его жизненному опыту, что страх каким-то образом исчез, и Шерван, еще раз оглянувшись на солнце, решительно пошел дальше.

Но когда Трилорн обратился в точку и Шервана со всех сторон обступил густой мрак, пришла пора отбросить притворство. Более рассудительный человек тут бы и повернул обратно; Шерван, словно в кошмаре, увидел себя затерявшимся в вечном сумраке между землей и небом, бессильным одолеть обратный путь — путь к безопасности. Затем он вспомнил, что покуда хоть немного виден Трилорн, ему ничего не грозит.

Уже не так бодро Шерван продолжал путь, по минутно озираясь на едва приметный свет. Диск Трилорна скрылся, на его месте осталось лишь сла-

бое зарево в небесах. И вдруг исчезла надобность в этом маяке: далеко впереди виднелся на небосводе другой свет.

Сперва Шерван уловил чуть заметное, неверное сияние, и, когда он удостоверился, что это не обман зрения, Трилорн окончательно погас. Но теперь он уже чувствовал себя увереннее. С каждым шагом свет становился ярче, и его страхи поумерились.

Когда он увидел, что идет навстречу другому солнцу, когда стало совершенно очевидно, что оно растет, как незадолго перед тем уменьшался Трилорн, Шерван заставил себя не удивляться. Сейчас — только наблюдать, запоминать. Осмысливать он будет потом. В конце концов можно же представить себе, что в его мире два солнца, каждое из которых освещает свою сторону мира.

Наконец Шерван сквозь мрак различил черную линию, обозначающую край Стены. Скоро он будет первым за много тысяч лет, если не вообще первым человеком, который увидит страну, отделенную Стеной от его мира. Так ли она прекрасна, как его родина, есть ли там люди, встреча с которыми принесет ему радость?..

Мог ли он предвидеть — кто и как его будет ждать!

Грейл протянул руку к шкафу и нащупал рукой большой лист бумаги, лежащий сверху. Брейлдон молча ждал; старик снова заговорил:

— Как часто все мы слышим суждения о протяженности Вселенной, есть ли у нее границы! Космос представляется нам бесконечным, однако наша мысль восстает против представления о бесконечности. Некоторые философы предположили, что космос ограничен кривизной в некоем высшем измерении. Ты, конечно, слышал об этой догадке. Она вер-

на, быть может, для других вселенных, если они существуют, для нас же ответ более прост. Вдоль линии, обозначенной Стеной, Брейлдон, наш мир кончается и не кончается. Пока не воздвигли Стену, не было рубежа, не было ничего, что мешало бы идти вперед. Стена — барьер, созданный человеком и наделенный свойствами среды, в которой он расположен. Эти свойства всегда существовали, Стена не внесла ничего нового.

Он поднял лист бумаги вверх и медленно повернул его.

— Вот, — сказал он Брейлдону, — плоский лист. У него, разумеется, две стороны. Можешь ты представить себе лист без двух сторон?

Брейлдон удивленно воззрился на него.

— Это невозможно... смехотворно!

— Так ли? — мягко произнес Грейл.

Он еще раз протянул руку к шкафу, взял из ящика длинную полоску бумаги и обратил невидящий взгляд на молчаливо ожидающего Брейлдона.

— Мы не можем сравниться умом с людьми Первой Династии, но, что они понимали прямо, мы можем постичь сопоставлением. Простой фокус, по видимости такой ненаучный, поможет тебе приблизиться к пониманию.

Он провел пальцами вдоль бумажной полоски, затем соединил ее концы так, что получилось замкнутое кольцо.

— Ты видишь нечто очень знакомое тебе — часть цилиндра. Я провожу пальцем с внутренней стороны... вот так. Теперь с наружной стороны. Две отдельные поверхности, перейти с одной стороны на другую можно только через толщину полоски. Согласен?

— Разумеется, — подтвердил Брейлдон, все еще озадаченный. — Но что это доказывает?

Ничего, — ответил Грейл. — Однако смотри теперь...

Шерван сказал себе, что новое солнце — двойник Трилорна. Мрак совершенно рассеялся, и у него уже не было необъяснимого ощущения, будто он идет по бесконечной плоскости.

Шерван пошел медленнее, ему вовсе не хотелось вдруг очутиться на краю головокружительного обрыва. А затем на горизонте показались низкие холмы, такие же голые и бесплодные, как те, которые он оставил позади. Это его не обескуражило: ведь первое впечатление от собственной страны было бы не более отрадным.

И Шерван продолжал идти. Вдруг словно ледяная рука сжала его сердце, но он не остановился, как поступил бы на его месте менее храбрый человек. Полный прежней решимости, смотрел он на потрясающе знакомый ландшафт впереди... Вот и равнина, откуда он начал свое восхождение, вот огромная лестница, и вот наконец озабоченное лицо ожидающего его Брейлдона.

Грейл снова соединил вместе концы бумажной полоски, но сперва один раз перекрутил ее.

— Проведи теперь пальцем, — тихо сказал Грейл.

Брейлдон не стал этого делать, он и без того понял, что подразумевает старый мудрец.

— Я понимаю, — произнес он. — Больше нет двух отдельных плоскостей. Теперь — одна сплошная поверхность, односторонняя плоскость, хотя на первый взгляд это кажется совершенно невозможным.

— Да, — мягко ответил Грейл. — Я так и думал, что ты поймешь. Односторонняя плоскость. Может

быть, тебе теперь ясно, почему в древних религиях так распространен символ перекрученной петли, хотя смысл ее был совершенно утрачен. Разумеется, это всего-навсего грубая, упрощенная аналогия, пример в двух измерениях того, что на деле существует в трех. Но это наибольшее приближение к истине, на какое способен наш разум.

Долго стояла задумчивая тишина. Грейл глубоко вздохнул и повернулся к Брейлдону, будто все еще мог видеть его лицо.

— Почему ты возвратился прежде Шервана? — спросил он, хотя отлично знал ответ.

— Мы вынуждены были сделать это, — печально произнес Брейлдон, — но я не мог смотреть, как разрушают мое творение...

Грейл сочувственно кивнул.

— Понимаю...

Шерван скользнул взглядом вверх вдоль длинной череды ступеней, по которым не суждено было больше ступить никому. Ему не в чем упрекнуть себя: он сделал все, никто на его месте не добился бы большего. Он победил, насколько тут вообще можно говорить о победе.

Он медленно поднял руку, подавая знак. Стена поглотила взрыв, как поглощала все звуки, но Шерван на всю жизнь запомнил неспешную грацию, с какой длинные пролеты кладки надломились и рухнули вниз. На миг ему с мучительной отчетливостью представилось странное видение: другая лестница на глазах у другого Шервана распадается на такие же обломки по ту сторону Стены.

Но он сам понимал, сколь нелепа эта мысль: ибо кто лучше его мог знать, что у Стены нет другой стороны.

Джон Пирс

Не вижу зла

Когда мы с Виком Тэтчером проходили курс в Дальнезападном университете, многие аспиранты тех не столь тучных лет кое-как перебивались, читая лекции студентам. Многие, но не Вик. Он зарабатывал куда больше, изготавливая диатермические аппараты для частнопрактикующих врачей, но главное — конструируя для преуспевающих медиков-шарлатанов внушительные, сложнейшие и совершенно бесполезные приборы с мигающими лампочками, зуммерами и прочими загадочными атрибутами. Он нравился мне тогда, нравится и сейчас. Меня радовало, что он сумел добиться большей толики жизненных благ, чем кто-либо другой из нас всех. Однако многие наши однокашники, которые нравились мне не меньше, всегда относились к нему гораздо хуже, чем я. Я приписывал это зависти или чрезмерной щепетильности.

Поэтому прежде, когда я заезжал в наш Дальнезападный и болтал с Грегори и другими ребятами, меня всегда злило, если они упоминали про Вика в своем обычном тоне, и я им это высказывал. Но в прошлый раз, когда я там был, я промолчал. Мне не хотелось даже вспоминать о моей последней встрече с Виком, а уж тем более говорить о ней. Я прекрасно знал, что сказали бы по этому поводу мои друзья, и не мог придумать никакого ответа. К тому же у меня не было ни малейшего желания сообщать о моей собственной роли в этой истории.

Встретились мы с Виком тогда по чистой случайности. Он не знал, что я должен прочитать доклад об игровых машинах на съезде радиоинженеров

Тихоокеанского побережья, а я не знал, что он в то время находился в Калифорнии. Однако о моем докладе упомянули газеты, и Вик позвонил мне в гостиницу. И следующий день я неожиданно и с немалой для себя выгодой провел в большой киностудии в Калвер-Сити — описать это место так, как оно того заслуживает, мне, разумеется, не по силам. «Мегалит» как раз интересовался телевидением. Вик возглавлял научно-исследовательское бюро компании, я оказался там в качестве эксперта-консультанта по теории связи, а разворачивалось действие в конференц-зале.

Должен заметить, что зал этот был самым обыкновенным и от всех прочих конференц-залов отличался лишь одним: стол, кресла и ковер были не только солидными и дорогими, но и практичными. Люди, сидевшие за столом, казались умными и деловитыми. Вик, высокий, темноволосый, усатый, как две капли воды походил на энергичного гения науки. Мистер Брейден, который восседал на председательском месте с секретаршей возле локтя, лучился спокойной силой и знанием дела. Внешность остальных в моей памяти не сохранилась.

Вик начал с того, что представил меня всем собравшимся.

— Я счастлив сообщить, что доктор Каплинг по моей просьбе согласился приехать на несколько дней к нам в Калифорнию, — сказал он. — Я пригласил бы и Норберта Винера с Клодом Шенноном, но, к сожалению, Норберт сейчас во Франции, ну, а сотрудники лабораторий Белла, как известно, не консультируют другие фирмы.

Вик улыбнулся, и мистер Брейден улыбнулся ему в ответ, включив в эту улыбку и меня.

— Как поживает доктор Шеннон, доктор Каплинг? — спросил меня мистер Брейден. — Вик мно-

го рассказывал мне о его работах, как и о ваших, разумеется.

Я довольно неопределенно ответил, что Клод чувствует себя прекрасно, а тем временем пытался отгадать, в качестве кого я, собственно, фигурирую на этом совещании и что именно говорил про меня Вик мистеру Брейдену.

— Конечно, я не посвятил доктора Каплинга в сущность нашей работы, — объяснял Вик. — Ты, несомненно, понимаешь, Джон, — продолжал он, повернувшись ко мне, — что она имеет значительную коммерческую ценность и мы вынуждены держать ее в секрете.

Мистер Брейден одобрительно кивнул.

— Однако, — продолжал Вик, — я считаю, что нам следует получить подтверждение доктора Каплинга относительно основных наших предпосылок.

Следующие полчаса оставили у меня ощущение сонного бреда. Как известно всем, кто читал статью, недавно помещенную в одном из наших самых захватывающих журналов, теория связи — или, как ее еще называют, теория информации — напигована весьма учеными и завораживающими терминами и понятиями, которые легко создают впечатление невероятной философской глубины. Энтропия, эргодический источник, многомерное пространство сообщений, биты, многосмысленность, процесс Маркова — все эти слова звучат весьма внушительно, в каком бы порядке их ни расположили. Если же расположить их в правильном порядке, они обретают определенное теоретическое содержание. И настоящий специалист порой может с их помощью найти решение повседневных практических задач.

Мистер Брейден, несомненно, знал все эти термины и даже настолько набил руку, что нанизывал их в осмысленной последовательности. Его слова об-

ладали определенной логикой, но я был не в силах понять, какое отношение могло иметь то, что он говорил, к конкретным проблемам телевидения или кино. Однако формулировал он свои вопросы так, что мне удавалось отвечать ему соответствующим образом, хотя в течение всей нашей беседы я никак не мог разобраться, действительно ли мы обмениваемся мыслями или просто играем в испорченный телефон на высоком логическом уровне.

Да, соглашался я, любой электрический сигнал может быть представлен в виде точки в многомерном пространстве сообщений. Да, сигналы одного какого-то типа будут занимать лишь ограниченный участок этого пространства. Например, звуковые сигналы английской речи займут чрезвычайно ограниченный участок, добавил я в виде пояснения. Звуковые сигналы немецкой речи займут другой ограниченный участок пространства сообщений — возможно, недалеко от участка, занятого английскими звуковыми сигналами: «недалеко» в смысле, определяемом теорией линейных пространств.

Музыка будет занимать еще одну очень ограниченную часть такого пространства сообщений. Шумы будут распределяться по этому пространству без каких-либо определенных закономерностей.

Да, в принципе возможно создать прибор, который будет пропускать только ограниченную систему сигналов, занимающих определенную область в многомерном пространстве сообщений. Я хотел было прибавить, что заданный род сигналов, например музыка, скажем музыка Бетховена, весьма вероятно, расположится по пространству сообщений, подобно спутанному клубку спагетти, в миллиардах измерений, и что мне было бы любопытно взглянуть на машину, которая сможет рассортировать эти сигналы.

Вик понял, какие слова вертелись у меня на языке.

— Конечно, доктор Каплинг знает, насколько трудно это осуществить, мистер Брейден, — объявил он и с победоносной улыбкой добавил, обращаясь ко мне: — Но тебе не известна наша методика, Джон.

Мистер Брейден обвел взглядом всех присутствующих.

— Боюсь, нам пора переходить к следующему вопросу, — сказал он. — Мы очень благодарны вам, доктор Каплинг, за вашу любезную помощь, — продолжал он, вставая и пожимая мне руку. — Вик будет еще некоторое время занят, но Ларри Холт покажет вам студию.

Сидевший в конце стола худощавый невысокий человек с остреньким лицом поспешно вскочил и пошел со мной к двери, до которой меня проводил и Вик. Когда я уже выходил, Вик протянул мне чек и сказал Ларри:

— Доктор Каплинг, вероятно, предпочтет получить деньги немедленно. Они ему понадобятся для покрытия расходов на обратном пути в восточные штаты.

Я взглянул на чек — это был чек на две тысячи долларов.

Ларри повез меня в банк на «кадиллаке» с откидным верхом.

— Приходится обзаводиться, — ответил он, когда я выразил восхищение машиной.

В банке он удостоверил мою личность, и дальше я вынужден был разгуливать с двумя тысячами долларов наличными в кармане — довольно нелепое ощущение. На обратном пути Ларри рассказывал мне о киностудиях, мимо которых мы проезжали, а по возвращении в «Мегалит» взял на себя роль ги-

да. Я запомнил лишь малую часть того, что мне довелось увидеть на огромной территории студии, — потемневшие от непогоды города, закрытые водоемы и гигантские, похожие на суперсарай здания, в которых ютились всевозможные одомашненные цивилизации. В конце концов я впал в такое ошеломленное состояние, что не способен был больше удивляться, и дальнейшее окуталось туманом, однако Ларри, несомненно, знал там всех и вся, и, по-видимому, мое знакомство с тайнами кино было исчерпывающим. Мы даже позавтракали с настоящей кинозвездой, хотя и не первой величины, и я обнаружил, что испытываю удовольствие, когда меня называют «доктором» люди, которые считают науку колдовством, а не тяжелым будничным трудом.

В начале третьего Ларри повел меня за угол колоссального здания, к длинной невысокой пристройке, довольно неказистой, без окон и лишь с двумя-тремя дверями. В одну из них мы вошли, и в великольном кабинете я увидел Вика, который ухмылялся самым гнусным образом. От энергичного гения науки не осталось и следа. Его лицо словно сделалось шире, глаза весело блеснули.

— Спасибо, Ларри, — сказал он, взмахом руки выпроваживая моего проводника за дверь. Затем, откинувшись на спинку кресла, он улыбнулся мне через стол и спросил: — Ну, Джонни, как тебе понравилась киностудия?

— Что все это, черт подери, означает, Вик? — осведомился я. — Да, кстати, спасибо за чек.

— Таков порядок, — ответил он. — Вспомни, пожалуйста, что тебе пришлось специально приехать в Калифорнию. И значит, кто-то должен был читать за тебя лекции. К тому же Брейден не почувствовал бы к тебе должного уважения, дай я тебе меньше.

— Но что это все-таки означает, Вик? — не отступал я.

— Это, — объявил он, — особая программа исследований. «Мегалит» намерен заняться телевидением, и магия науки дает нам возможность на самом старте далеко обойти наших злейших конкурентов.

— Но при чем тут теория связи и многомерное пространство сообщений? — спросил я.

— Не торопись, Джонни, сейчас ты все увидишь сам. На завтра я наметил показать наши результаты Брейдену и устрою для тебя предварительный просмотр.

Вик взял телефонную трубку.

— Я буду в лаборатории, Нелли, — сказал он, а затем встал, открыл внутреннюю дверь — и мы очутились в сказочной лаборатории.

Не такой, какими бывают настоящие лаборатории, а такой, какой ожидает увидеть лабораторию нормальный президент акционерной компании. Обычно лабораторные столы делаются из расчета, что на них будут работать, а не любоваться ими. То же относится и к прочему лабораторному оборудованию. Но эту лабораторию создавал художник. Она была просторной и незагроможденной. В одном углу хранились новехонькие блестящие инструменты. Вдоль стен располагались красивые приборы — все в изобилии снабженные счетчиками и всяческими рукоятками, а также бесчисленными мигающими лампочками. В дальнем конце, залитый ровным светом флуоресцентных ламп, стоял человек в белоснежном халате. Перед ним сверкала коллекция каких-то деталей, а сам он с напряженным вниманием вглядывался в бледно-зеленую кривую на экране осциллографа.

— Мистер Смит! — окликнул Вик, и человек в

белом халате обернулся. — Сегодня у нас в гостях мистер Каплинг.

Вик снова стал энергичным гением науки. Он объяснил мне:

— В нашей лаборатории мы обходимся без званий. Мы стараемся поддерживать дух дружеского равенства.

Мистер Смит протянул мне руку, которую я пожал. Это был тщедушный субъект с желтыми от табака пальцами. Вик продолжал объяснять — теперь и он, как прежде Брейден, с большой логичностью говорил неизвестно о чем.

— Смит, — сказал он, — работает над диграммером. Для того чтобы вести исследования пространства сообщений, мы должны изучать последовательные ряды конкретных сигналов. Чтобы показать, как это может быть достигнуто, Смит и сконструировал свой прибор, который ведет статистическую запись сигналов в двумерном пространстве.

И далее в том же духе, пока я не выслушал полного и точного описания диграммера, так и не получив никакого представления о том, зачем он был изготовлен. Я поблагодарил Смита, и мы ушли.

— Что это все-таки значит? — спросил я. — Ведь тут нет ничего нового: в лабораториях Белла это было сделано давным-давно. Да и Смит — кто он такой? По-моему, он простой радиотехник.

— Конечно, — ответил Вик. — Но диграммер все-таки очень хорош. А видел бы ты проигрыватель, который он собрал для меня! Ну, теперь сюда — тебе следует ознакомиться и с этим.

Мы вошли в небольшую ровно освещенную комнату, стены которой были увешаны какими-то на первый взгляд совершенно абстрактными рисунками. Вик вновь приступил к официальным объяснениям.

— Само собой разумеется, что целью нашей ра-

боты является создание механической, а вернее, электронной блокировки материала, не отвечающего кодексу морали. Новый кинофильм всегда тщательно изучается с этой точки зрения специалистами, и лишь потом его пускают в прокат. Режиссер, конечно, стремится к тому, чтобы, не впадая в ханжество, в то же время нигде не преступить требований кодекса. Тем не менее актриса, разумеется, может случайно наклониться чуть ниже, чем следовало бы, или ее юбка задерется чересчур откровенно. В кино такие кадры убираются из фильма при монтаже, но на телевидении дело обстоит не так просто. Тщательные испытания показали, что ни один человек не обладает достаточно быстрой реакцией, чтобы успеть переключить камеру при такой прискорбной случайности. Поэтому мы собираемся прибегнуть к помощи электроники.

— Подумай,— продолжал он,— какое преимущество получит «Мегалит», если у него будет возможность вести передачи на любые темы, кроме прямо запрещенных кодексом, и не беспокоиться о последствиях, зная, что электронный монитор успеет уловить и предотвратить малейшее нарушение кодекса до того, как оно станет явным для человеческого зрения и мысли.

— Это же нелепость! — сказал я. — Теоретически, конечно, можно исключить... отфильтровать... предупредить любой заданный ряд сигналов. Но ведь все электронно-вычислительные машины Америки, вместе взятые, не способны осуществить этого на практике, даже если бы мы знали, как их для этого запрограммировать, чего мы не знаем.

Вик поглядел на меня с притворной озабоченностью.

— Как, по-твоему, мистеру Брейдену это известно? — спросил он.

— Наверное, нет,— ответил я.

— Конечно, нет,— заверил меня Вик.— Ну, а эта комната посвящена одному из направлений, в которых мы ведем свою работу.

К этому времени я успел совсем забыть, где мы находимся, и теперь с интересом повернулся к рисункам на стене.

— Вначале мы можем требовать от наших схем только простейших результатов,— сообщил мне Вик.— Как видишь, эти рисунки крайне упрощены и стилизованы. Художественный отдел во всем шел нам навстречу, и, мне кажется, мы теперь располагаем возможностью обозначить моменты, запрещаемые кодексом, всего двумя-тремя линиями и значками.

Возможно, дело было в самовнушении, но, по мере того как Вик продолжал говорить, прямые линии, завитушки и точки на рисунках вдруг начали слгаться в нечто единое и обретать смысл, от которого я, фигурально выражаясь, остолбенел. Спокойным невозмутимым голосом, какого ждет от ученого широкая публика, Вик перечислял одну запрещенную деталь за другой и указывал, какие именно завитки их обозначают. И то, что прежде представлялось простым узором, теперь прямо-таки поражало непристойностью.

— Заметь,— заключил он,— геометрическую простоту и четкое различие символов, которые будут рассортировываться нашими электронными схемами.

— Конечно,— сообщил он мне, когда мы вышли в коридор,— этот материал пригоден только для предварительной работы. В своем завершенном виде устройство должно будет сортировать далеко не такой чистый материал. К разрешению этой проблемы мы идем двумя путями.

— Здесь,— сказал он, когда мы вошли в малень-

кую полутемную комнату,— мы работаем над проблемой лиминальных единиц. Мисс Андерсон, это мистер Каплинг. Не могли бы вы показать ему тест А—Б?

Мисс Андерсон, высокая блондинка с величественной осанкой и правильными чертами лица, была бы настоящей красавицей, если бы только весь ее облик не дышал такой пугающей строгостью. В левой руке она держала блокнот и карандаш, на ней был белый нейлоновый халат.

Мисс Андерсон усадила меня в кресло шагах в трех от прямоугольного экрана и вложила мне в руку дистанционный выключатель.

— У всякого устройства, предназначенного для избирательного анализа, существует какой-то предел точности, — объяснила она. — Если мы ставим перед собой задачу ни на йоту не отклоняться от кодекса, предел этот не должен превышать одного лимина или доли лимина. Лимин — это, разумеется, то минимальное отклонение, которое способен уловить человеческий глаз. Но, вероятно, мистер Каплинг, вам все это известно,— улыбнулась она мне.

Я утвердительно кивнул и улыбнулся в ответ.

— Когда начнется эксперимент,— продолжала она,— зазвонит звонок. В момент, когда он зазвонит, изображение может измениться, а может и остаться прежним. Если вам покажется, что оно изменилось, нажмите кнопку выключателя. Результаты фиксируются автоматически. Вам все понятно, мистер Каплинг?

Я улыбнулся в ответ и сказал, что мне все понятно. Тогда раздался серебристый звон и передо мной возникло яркое цветное изображение рыжеволосой красавицы в платье с глубоким вырезом. Снова зазвенел звонок, и линия выреза угрожающе пошла вниз; я послушно нажал кнопку.

По-видимому, погрузившись в изучение вопроса о том, происходят ли в момент звонка какие-либо изменения в одежде на экране, я совсем забыл о времени. Во всяком случае, от этого занятия меня оторвал Вик, сказав:

— Я думаю, вам следует ознакомиться и с другими работами, мистер Каплинг.

Когда я встал с кресла, он добавил:

— Может быть, у вас есть еще вопросы к мисс Андерсон?

— Вы провели много проверок? — спросил я.

— Сотрудники студии всегда любезно шли нам навстречу, — ответила она. — У дверей неизменно стоит очередь... кроме тех случаев, конечно, когда доктор Тэтчер показывает машину почетным гостям.

— Вы работаете только над этим? — спросил я.

Мисс Андерсон задумалась.

— Мы рассматриваем декольте как отдельную проблему, — сказала она. — Кроме того, ведется работа по облегчающим балетным костюмам, в частности трико. Но там вопрос о декольте, мне кажется, не встанет, — заключила она, глядя мне прямо в глаза невинным взором.

Вик открыл новую дверь, и я вошел вслед за ним в маленький просмотровый зал.

— Где ты ее откопал? — спросил я.

— В стенографическом бюро, — ответил он. — Но Марта — бакалавр психологии. И неплохая актриса. Возможно, после того как ее увидят Брейден и члены дирекции, ей удастся сделать карьеру в кино.

Вик во что бы то ни стало хотел, чтобы я довел осмотр до конца.

— Само собой разумеется, — заявил он, — чувствительности в один лимин у первых машин нам не добиться. Для начала достаточно, если они будут различать резкие контрасты. Для этой цели были

сняты специальные фильмы. Каждый состоит из ряда контрастирующих кадров. Сначала идет кадр, снятый в строгом соответствии с требованиями кодекса. Затем следует сходный кадр, но снятый так, что во многих, если не во всех деталях он оказывается явно неприемлемым.

Когда мы сели (перед креслом Вика был установлен внушительный пульт управления), он нажал кнопку, свет померк и заработал кинопроектор. Каждому кадру предшествовало краткое вступление и за каждым кадром следовал краткий анализ — текст читала мисс Андерсон своим невозмутимым, бесстрастным голосом. Фильмы, однако, отнюдь не способствовали сохранению бесстрастности. Осматривая лабораторию Вика, я все время чувствовал, что качусь по наклонной плоскости, и когда снова вспыхнул свет, я, несомненно, достиг самого дна.

— А Брейден тоже видел все это? — осведомился я.

— Только диграммер, — ответил Вик.

— Такая штука тебе с рук не сойдет, Вик. Даже в Голливуде.

Вик чуть не расхохотался.

— Об этом предоставь беспокоиться мне! Да, кстати, ты получил деньги по чеку?

Я кивнул.

— В таком случае надо выпить, и ты расскажешь мне, что ты подделывал последнее время.

Он распорядился, чтобы мою машину перегнали назад в отель, а сам повез меня к «Сиро» на «порше». «Кадиллак» Ларри, разумеется, бледнел перед этой маркой, хотя «порше» и показался мне очень шумным и тряским. Гонщики, если не ошибаюсь, называют такие машины «жесткими».

Весь вечер, то по-пьяному приятный, то смутный, мы вспоминали старые времена, старых дру-

зей и бывшие приключения, то есть говорили обо всем, кроме того, что меня действительно занимало. Чем объяснялась сумасшедшая затея Вика? Таил ли он давнюю обиду на Голливуд? Расхвастался ли как-нибудь вечером под действием алкоголя, а на другой день оказалось, что ему поверили и поймали его на слове? Или он просто обнаружил возможность заработать легкие деньги — такую же, какую предоставил мне? Вспомнив про мои две тысячи, я пришел к выводу, что он отхватил порядочный куш. Во всяком случае, он смотрел на все это беззаботно, как на веселое развлечение. Однако я беспокоился и за него, и за себя. Как он собирался выйти из положения, в которое себя поставил? Это я узнал перед тем, как мы расстались поздно вечером.

На следующий день я уехал к себе на восток, а Вик на самолете компании «Панамерикэн» отбыл в Сан-Траторио, где состоит теперь при министре внутренних дел советником по вопросам технического образования. Он подыскал себе это теплое местечко за те два праздных месяца, которые провел в Голливуде, работая для «Мегалита». Не сомневаюсь, что его деятельность в Сан-Траторио приносит ему немалые доходы.

Не знаю точно, как вел себя мистер Брейден, когда осматривал лабораторию на следующий день. Вероятно, сохранял полное хладнокровие, не выходя из своей роли невозмутимого администратора. Я скоро сообразил, что он вряд ли захочет предавать эту историю огласке. А позже я узнал, что он оказался даже еще более находчивым, чем я предполагал. Судя по всему, афера Вика в конечном счете не причинила ему значительных убытков. Лаборатория была использована для съемок «Космического чудовища» и выглядела на экране великолепно. Абстрактные рисунки вы, возможно, видели на галсту-

ках. И мне даже довелось еще раз посмотреть кое-какие из тех лент, которые показывал мне Вик,—в кулуарах конференции по электронике, устроенной в одном из штатов Среднего Запада. Но Марта Андерсон не стала кинозвездой. Ее имя значилось рядом с именем Вика на открытке, которую я получил от него на прошлое рождество.

Клиффорд Саймак Фактор ограничения

Вначале были две планеты, начисто лишённые руд, выработанные, выпотрошенные и оставленные нагими, словно трупы, обглоданные космическим вороньем.

Потом была планета с волшебным городком, навещающим на мысль о паутине, на которой еще не высохли блестки росы,— царство хрусталя и пластиков, исполненное такой чудесной красоты, что при одном лишь взгляде щекотало в горле.

Однако город был только один. На всей планете, кроме него, не отыскивали никаких признаков разумной жизни. К тому же он был покинут. Несказанной красоты город, но пустой, как хихиканье.

Наконец, была металлическая планета, третья от Светила. Не просто глыба металлической руды, а планета с поверхностью — или крышей — из выплавленного металла, отполированного до блеска ярких стальных зеркал. И, отражая свет, планета сверкала, точно второе солнце.

— Не могу избавиться от ощущения,— проговорил Дункан Гриффит,— что это не город, а всего-навсего лагерь.

— По-моему, ты спятил,— резко ответил Пол Лоуренс. Рукавом он утер пот со лба.

— Пусть выглядит он не как лагерь,— настойчиво твердил Гриффит,— но все же это место привала, временное жилье.

«Что до меня, то он выглядит как город,— подумал Лоуренс.— И всегда так выглядел, с того мгновения, как я увидел его впервые, и всегда так будет. Большой и пронизанный жизнью, несмотря на атмосферу сказки,— место, где хорошо жить, мечтать, черпать силы и смелость, чтобы претворять мечты в жизнь. Великие мечты,— думал он.— Мечты под стать городу — людям на сооружение подобного понадобилось бы тысячелетие».

— Одно мне непонятно,— сказал он вслух,— причина такого запустения. Здесь нет и следов населения. Ни малейших признаков...

— Жители покинули его по доброй воле,— отзывался Гриффит.— Вот так просто снялись с места и улетели. Очевидно, этот город не был для них родным домом, а служил всего лишь лагерем, не оброс традициями, не окутался легендами. А лагерь не представлял никакой ценности для тех, кто его выстроил.

— Лагерь,— упрямо возразил Лоуренс,— это всего-навсего место привала. Временное жилье, воздвигается наскоро, комфорт создается по возможности подручными средствами.

— Ну и что? — спросил Гриффит.

— Здесь был не просто привал,— пояснил Лоуренс.— Этот город сколочен не кое-как, не на скорую руку. Его проектировали с дальним прицелом, строили любовно и тщательно.

— С человеческой точки зрения — бесспорно, — возразил Гриффит. — Но здесь ты столкнулся с нечеловеческими категориями и с нечеловеческой точкой зрения.

Присев на корточки, Лоуренс сорвал травинку, зажал ее зубами и принялся задумчиво покусывать. То и дело он косился на молчаливый, пустынный город, сверкающий в ослепительном блеске полуденного светила. Гриффит присел рядом с Лоуренсом.

— Как ты не понимаешь, Пол, — заговорил он, — ведь это временное жилье. На планете нет остатков старой культуры. Никакой утвари, никаких орудий труда. Здесь вел раскопки сам Кинг со своими молодцами, и даже он ничего не нашел. Ничего, кроме города. Подумай только: совершенно девственная планета — и город, который может пригрезиться разве что расе, существующей не менее миллиона лет. Сперва прячутся под деревом во время дождя. Потом забираются в пещеру, когда наступает ночь. После этого приходит черед навеса, вигвама или хижины. Затем строят три хижины, и вот тебе селение.

— Знаю, — сказал Лоуренс. — Знаю...

— Миллион лет развития, — безжалостно повторил Гриффит. — Десять тысяч веков должны миновать, прежде чем раса научится воздвигать такую феерию из хрусталя и пластика. И этот миллион лет проходил не здесь. Миллион лет жизни оставляет на планете шрамы. А здесь их нет и в помине. Новенькая, с иголки, планета.

— Ты убежден, что они прибыли откуда-то издалека, Дунк?

— Должно быть, так, — кивнул Гриффит.

— Наверное, с планеты Три.

— Этого мы не знаем. Во всяком случае, пока не знаем.

— Скорее всего, никогда и не узнаем,— пожал плечами Лоуренс и выплюнул изжеванный стебелек.

— Эта планетная система,— заявил он,— похожа на неудачный детективный роман. Куда ни повернись, натыкаешься на улику, и все улики страшно запутанны. Слишком много загадок, Дунк. Здешний город, металлическая планета, ограбленные планеты — слишком много всего в один присест. Нечего сказать, повезло — набрали на уютное местечко.

— У меня предчувствие, что все эти загадки между собой как-то связаны,— сказал Гриффит.

Лоуренс промычал что-то неодобрительное.

— Чувство истории,— пояснил Гриффит.— Чувство соответствия явлений. Рано или поздно оно развивается у всех историков.

Позади заскрипели шаги, и собеседники, вскочив на ноги, обернулись. К ним спешил радист Дойл из лагеря, который члены экипажа десантной ракеты разбили на планете Четыре.

— Сэр,— обратился он к Лоуренсу,— только что я говорил с Тэйлором, с планетой Три. Он спрашивает, не можете ли вы туда вылететь. Похоже, они нашли люк.

— Люк?! — воскликнул Лоуренс.— Окно в планету! Что же внутри?

— Тэйлор не сказал, сэр.

— Не сказал?

— Нет. Видите ли, сэр, им никак не удастся взломать этот люк.

С виду люк был довольно невзрачен. Двенадцать отверстий на поверхности планеты сгруппированы в четыре ряда по три отверстия в каждом, словно перчатки для трехпалых рук. И все. Невозможно было угадать, где начинается люк и где кончается.

— Здесь есть щель,— рассказывал Тэйлор,— но ее едва видно через увеличительное стекло. Даже под увеличением она не толще волоса. Люк пригнан настолько идеально, что практически составляет одно целое с поверхностью. Долгое время мы и не подозревали, что это люк. Сидели кругом да гадали, зачем тут дырки. А нашел его Скотт. Просто катался здесь и увидел какие-то дырочки. Вообще-то можно было смотреть, пока глаза не вылезут, и никогда не обнаружить этот люк, если бы не счастливый случай.

— И нет никакой возможности открыть? — спросил Лоуренс.

— Пока что нет. Мы пробовали приподнять дверцу, но с тем же успехом можно пытаться приподнять планету. Да и вообще здесь не очень-то развернешься. Просто невозможно удержаться на ногах. Эта штука до того скользкая, что по ней еле ходишь. Вернее, не ходишь, а скользишь, как по льду. Страшно подумать, что случится, если ребята со скуки затеют возню и кого-нибудь ненароком толкнут.

— Я знаю,— посочувствовал Лоуренс.— Ведь я посадил ракету со всей мыслимой осторожностью, и то мы скользили, наверное, миль сорок, если не больше.

Тэйлор хмыкнул:

— Звездолет я поставил на все магнитные якоря, и все равно он качается из стороны в сторону, едва к нему прислонишься. По сравнению с этой чертовщиной лед шершав как терка.

— Кстати, о люке,— прервал его Лоуренс.— Вам не приходило в голову, что отверстия могут быть замком с секретом?

— Конечно, мы об этом думали,— кивнул Тэйлор.— Если так, то у нас нет и тени надежды. Ум-

ножьте элемент случайности на непредсказуемость чуждого разума.

— Вы проверяли?

— Да,— ответил Тэйлор.— Вставляли отвод кинокамеры в эти отверстия и делали всевозможные снимки. Ничего. Совершенно ничего. Глубина — дюймов восемь. Книзу расширяются. Однако гладкие. Ни выступов, ни граней, ни замочных скважин. Мы умудрились выпилить кусок металла для анализа. Испортили три ножовки, пока пилили. В основном это сталь, но в сплаве с чем-то таким, к чему Мюллер никак не приклеит ярлыка. А молекулярная структура просто сводит его с ума.

— Значит, люк заклинился? — подытожил Лоуренс.

— Ну да. Я подвел звездолет к самому люку, мы подцепили его подъемным краном и стали тащить изо всех сил. Корабль раскачивался как маятник, а люк не шелохнулся.

— Можно поискать другие люки,— утешил Лоуренс.— Не все же они одинаковы.

— Искали,— ответил Тэйлор.— Как ни смешно, искали. Все ползали на коленках. Мы разделили эту зону на секторы и по-пластунски обшарили многие квадратные мили, пяля глаза вовсю. Чуть не ослепли — а тут еще солнце отражается в металле и наши рожи на нас glareют, будто по зеркалу ползем.

— Если вдуматься хорошенько,— заметил Лоуренс,— то едва ли люки располагаются вплотную один к другому. Предположим, через каждые сто миль... а может быть, через каждую тысячу.

— Вы правы,— согласился Тэйлор.— Возможно, и через тысячу.

— Остается только одно,— сказал Лоуренс.

— Да, знаю,— подхватил Тэйлор.— Однако душа у меня не лежит. Здесь ведь сложная задача. Неч-

то, требующее нового алгоритма. А если мы начнем взрывать — значит, провалились на первом же уравнении.

Лоуренс беспокойно заерзал.

— Я понимаю,— отозвался он.— Если их преимущество выявится с первого же хода, то на втором и третьем ходах у нас не останется никаких шансов.

— Однако нельзя же сидеть сложа руки,— сказал Тэйлор.

— Нельзя,— поддержал Лоуренс.— По-моему, никак нельзя.

— Надеюсь, хоть это поможет,— заключил Тэйлор.

Это помогло...

Взрыв оторвал крышку люка и швырнул ее в пространство. Она упала на расстоянии около мили и причудливым, неровно вырезанным колесом покатилась по скользкой поверхности.

Примерно пол-акра поверхности отошло вверх и в сторону и повисло, искореженное, напоминая поблескивающий под солнцем гигантский вопросительный знак.

Десантную ракету, на которой не оставили даже дежурного, удерживало на металле слабое магнитное поле. При взрыве ракета отклеилась, как плохо смоченная марка, и на протяжении добрых двенадцати миль неуклюже исполняла танец на льду.

Толщина металлической оболочки не превышала четырнадцати дюймов — по сути, папиросная бумага, если учесть, что диаметр планеты не уступал земному. Вниз, внутрь, наподобие винтовой лестницы уходил металлический пандус; верхние десять футов у него были исковерканы и разрушены взрывом. Из отверстия не выходило ничего: ни звука, ни света, ни запаха.

Семеро начали спускаться по пандусу — в разведку. Остальные ждали наверху, в лихорадочном волнении и гнетущей неизвестности.

Возьмите триллион детских наборов «Конструктор». Дайте волю миллиарду детишек. Предоставьте им неограниченное время, но отнимите инструкции. Если кое-кто из детишек рожден не людьми, а иными разумными существами, — еще лучше. Потом, располагая миллионом лет, определите, что произойдет.

Миллион лет, друзья, вовсе не такой уж долгий срок. Даже за миллион лет вам это не удастся.

Внизу, разумеется, были машины. Ничего иного и быть не могло.

Однако машины походили на игрушечные — как будто собрал их ребенок, преисполненный ощущений богатства и всемогущества, в день, когда ему подарили настоящий дорогой «Конструктор».

Там были валы, бобины, эксцентрики и батареи сверкающих хрустальных кубиков, которые, возможно, выполняли роль электронных устройств, хотя никто не знал этого доподлинно.

Вся эта техника занимала многие кубические мили и под лучами светильников, вмонтированных в шлемы землян, блестела и переливалась наподобие новогодней елки, словно была отполирована всего за час до их прихода. Однако стоило Лоуренсу перегнуться через перила пандуса и провести рукой в перчатке по блестящей поверхности вала, как пальцы его перепачкались пылью — мелкой, точно мука, пылью.

Семеро все спускались по спиральному пандусу, пока у них не закружилась голова, и отовсюду, насколько удавалось разглядеть в частично рассеянной мгле, вдаль уходили машины, тихие и неподвижные. Всем казалось (хотя никто не мог толком обосно-

вать это впечатление), что машины бездействуют несчетные века.

Одни и те же вновь и вновь повторяющиеся детали — бессмысленный набор валов, бобин, эксцентрик-ов и батарей из сверкающих хрустальных кубиков.

Наконец спуск закончился площадкой, которая тянулась во все стороны, насколько можно было охватить взглядом при скудном освещении; высоко вверху переплетались паутинообразные конструкции — по-видимому, они служили крышей, — а на металлическом полу была расставлена мебель (или то, что люди приняли за мебель).

Семеро сбились тесной кучкой; их светильники вызывающе пронизывали мглу, сами же они необычно притихли в темноте, в безмолвии и тени иных веков, иных рас.

— Контора, — нарушил молчание Дункан Гриффит.

— Или пункт управления, — произнес инженер-механик Тед Баклей.

— А может быть, бытовка, — возразил Тэйлор.

— Не исключено, что здесь находился ремонтный цех, — предположил математик Джек Скотт.

— Не приходит ли вам в голову, джентльмены, — сказал геолог Герберт Энсон, — что это может оказаться ни тем, ни другим и ни третьим? Возможно, увиденное нами не связано ни с какими известными нам понятиями.

— Остается только одно, — ответил археолог Спенсер Кинг, — по возможности лучше перевести все увиденное на язык известных нам понятий. Вот я, например, предполагаю, что здесь находилась библиотека.

Лоуренс подумал словами басни: «Однажды семеро слепцов повстречали слона...» Вслух он сказал:

— Давайте начнем с осмотра. Если мы не осмотрим это помещение, то никогда о нем ничего не узнаем.

Они осмотрели... И все равно ничего не узнали.

Взять, например, картотеку. Очень удобная вещь. Выбираете некое пространство, облакаете его стальной — вот вам место хранения. Вставляете выдвижные ящички, кладете туда хорошенькие чистенькие карточки, надписываете эти карточки и размещаете их в алфавитном порядке. После этого, если вам нужна какая-то определенная карточка, вы ее почти наверняка найдете.

Важны два фактора — пространство и нечто в нем заключенное, — чтобы отличить от другого пространства, чтобы в любой момент можно было отыскать место, предназначенное вами для хранения какой-то конкретной информации. Ящички и карточки, расставленные в алфавитном порядке, — всего лишь усовершенствование. Они подразделяют пространство так, что вы можете мгновенно указать любой его сектор.

Таково преимущество картотеки над беспорядочным хранением всех нужных предметов в виде кучи, сваленной в углу комнаты. Но попробуйте представить себе картотеку без ящичков.

— Эге, — воскликнул вдруг Баклей, — а эта штука легкая. Подсобите-ка мне кто-нибудь.

Скотт быстро выступил вперед; вдвоем они подняли с полу ящик и встряхнули его. Внутри что-то громко загремело. Они снова поставили ящик на пол.

— Там внутри что-то есть, — взволнованно прошептал Баклей.

— Да, — согласился Кинг. — Бесспорно внутри что-то есть.

— Что-то гремящее, — уточнил Баклей.

— А мне кажется, — заявил Скотт, — что звук скорее походит на шорох, чем на грохот.

— Не много же нам пользы от звука, — сказал Тэйлор, — коль скоро мы не можем добраться до содержимого. Если только и делать, что слушать, как вы, ребята, трясете эту штуковину, выводов будет маловато.

— Нет ничего проще, — пошутил Гриффит. — Штуковина-то четырехмерная. Произнеси волшебное слово, ткни рукой в любой ее угол, — и вытянешь то, что нужно.

Лоуренс покачал головой.

— Прекрати насмешки, Дунк. Тут дело серьезное. Кто-нибудь из нас представляет, как сделана эта штука?

— Да никак она не сделана, — взвыл Баклей. — Ее просто-напросто не делали. Невозможно взять листовой металл и сварганить из него куб без спаев или сварочных швов.

— Сравни с люком на поверхности, — напомнил Энсон. — Там тоже ничего не было видно, пока мы не вооружились сильной лупой. Так или иначе, ящик открывается. Ведь кто-то уже открывал его — когда положил туда что-то гремящее.

— А он бы не клал, — добавил Скотт, — если бы не знал способа извлечь назад.

— Но может быть, — предположил Гриффит, — он запихнул сюда то, от чего хотел избавиться.

— Мы могли бы распилить ящик, — сказал Кинг. — Дайте фонарь.

Его остановил Лоуренс:

— Один раз мы уже так поступили. Мы вынуждены были взорвать люк.

— Эти ящики тянутся здесь на полмили, — заметил Баклей. — Все стоят рядком. Давайте трянем еще какие-нибудь.

Встряхнули еще с десяток. Громоыхания не слышали.

Ящики были пусты.

— Все вынуто, — печально проговорил Баклей.

— Пора уносить отсюда ноги, — сказал Энсон. — От этого места меня мороз по коже пробирает. Вернемся к кораблю, присядем и обсудим все толком. Ломая себе голову здесь, внизу, мы свихнемся. Взять хоть эти пульта управления.

— Да может, они вовсе не пульта управления, — одернул его Гриффит. — Следи за собой: не надо делать якобы очевидные, а в действительности поспешные выводы.

— Что бы это ни было, — вмешался в спор Баклей, — есть же у них какое-то целевое назначение. Как пульта они пригодились бы больше, чем в любом другом качестве, спор — не спор.

— Но ведь на них нет никаких индикаторов, — возразил Тэйлор. — На пульте управления должны быть циферблаты, сигнальные лампочки или хоть что-нибудь такое, на что можно смотреть, а также кнопки.

— Не обязательно такое, на что может смотреть человек, — парировал Баклей. — Иная раса сочла бы нас безнадежно слепыми.

— У меня есть зловещее предчувствие неудачи, — пожаловался Лоуренс.

— Мы опозорились перед люком, — подытожил Тэйлор. — И здесь мы тоже опозоримся.

— Придется разработать упорядоченный план исследований, — сказал Кинг. — Надо все разметить. Начинать сначала и по порядку.

Лоуренс кивнул.

— Несколько человек оставим на поверхности, остальные спустятся сюда и раскинут лагерь. Будем работать группами и по возможности быстро опреде-

лим ситуацию — общую ситуацию. А там уж заполним пробелы деталями.

— Начинать сначала,— пробормотал Тэйлор.— Где же тут начало?

— Понятия не имею,— признался Лоуренс.— У кого есть идеи?

— Давайте выясним, что здесь такое,— предложил Кинг. — Планета ли это или планетарная машина.

— Надо поискать еще пандусы,— сказал Тэйлор.— Здесь должны быть и другие спуски.

— Попробуем выяснить, как далеко простираются эти механизмы,— высказался Скотт.— Какое пространство занимают.

— И работают ли,— вставил Баклей.

— Те, что мы видели, не работают,— откликнулся Лоуренс.

— Те, что мы видели,— провозгласил Баклей тоном лектора,— возможно, представляют собой всего лишь уголок гигантского комплекса механизмов. Во все не обязательно им всем работать одновременно. По всей вероятности, раз в тысячелетие или около того используется какая-то определенная часть комплекса, да и то в течение нескольких минут, если не секунд. После этого она может простоять в бездействии еще тысячу лет. Однако часть эта должна быть готова и терпеливо дожидаться своего мига в тысячелетии.

— Стоило бы попытаться по крайней мере высказать грамотное предположение о том, для чего служат эти механизмы. Что они делают. Что производят,— сказал Гриффит.

— Но при этом держать от них руки подальше,— предостерег Баклей.— Тут потянул, там подтолкнул — хотел знать, что получится,— чтоб этого здесь не было. Один бог ведает, к чему это может

привести. Ваше дело маленькое — лапы прочь, пока не будете твердо знать, что́ делаете.

Это была самая настоящая планета. Внизу, на глубине двадцати миль, исследователи увидели ее поверхность. Под двадцатью милями хитросплетенного лабиринта сверкающих мертвых механизмов.

Там был воздух, почти столь же пригодный для дыхания, как земной, и астронавты разбили лагерь на нижних горизонтах, довольные тем, что избавились от космических скафандров и живут как нормальные люди.

Но не было там света и не было жизни. Не было даже насекомых, ни единой ползающей или пресмыкающейся твари.

А ведь некогда здесь была жизнь. Ее историю поведали руины городов. Примитивная культура, заключил Кинг. Немногим выше, чем на Земле в двадцатом веке.

Дункан Гриффит присел на корточки возле портативной атомной плиты, протянув руки к желанному теплу.

— Переселились на планету Четыре, — заявил он с самодовольной уверенностью. — Здесь не хватало жизненного пространства, вот они и отправились туда и встали там лагерем.

— А горные работы вели на двух других планетах, — продолжил Тэйлор не без иронии. — Добывали остро необходимую руду.

Лоуренс, подавленный, ссутулился.

— Одно не дает мне покоя, — сказал он. — Мысль о том, что же кроется за всеми загадками, что гонит целую расу с родной планеты на чужую и зачем потрачена такая бездна времени на превращение родной планеты в машину. — Он обернулся к Скотту. — Ведь правда, нет никаких сомнений: это не что иное, как машина?

Скотт покачал головой:

— Не всю же ее мы видели, сам понимаешь. Тут нужны годы, а мы не в состоянии швыряться годами. Однако мы почти уверены: это машино-мир, покрытый слоем механизмов высотой в двадцать миль.

— К тому же механизмов бездействующих,— добавил Гриффит.— Жители этой планеты отключили все механизмы, изъяли все свои записи и все приборы, укатали и оставили пустую скорлупу. Точно так же, как покинули город на планете Четыре.

— Или же отовсюду были изгнаны,— уточнил Тэйлор.

— Нет, никто их не изгонял,— решительно возразил Гриффит.— Во всей системе нет следов насилия. Никаких признаков поспешности. Здешние обитатели не торопились, уложили все свое добро и не забыли ни единой мелочи. Ни одного ключа к тайне. Где-то же были чертежи. Нельзя строить и нельзя эксплуатировать такую махину, не располагая каким-то подобием карты или плана. Где-то должны храниться записи — ведь фиксировались же производственные результаты этого машино-мира. Однако мы ведь их не нашли! Это потому, что их увезли при отъезде.

— Не всюду же мы искали,— буркнул Тэйлор.

— Мы нашли помещения архивов, где, по законам логики, все это должно храниться,— возразил Гриффит,— однако не нашли орудий производства, не нашли ни единой записи и вообще ничего такого, что хоть косвенно намекало бы на чье-то бывшее присутствие.

— А вот ящики вверх, на последнем горизонте,— вспомнил Тэйлор.— Ведь если рассуждать логически, это место само собой напрашивается на обыск.

— Мы их встряхивали,— заметил Гриффит,— все пустые.

— Все, кроме одного,— настаивал Тэйлор.

— Я склонен верить в твою правоту, Дунк,— сказал Лоуренс.— Здешний мир покинут, обобран и брошен на съедение ржавчине. Вообще-то мы могли догадаться, как только обнаружили, что он беззащитен. Разумные существа предусмотрели бы какие-то средства обороны — скорее всего, автоматические,— и если бы нас не хотели впускать, мы бы здесь никогда и не очутились.

— Окажись мы поблизости в ту пору, когда этот мир функционировал,— поддержал Гриффит,— нас бы разнесло вдребезги, прежде чем мы его хоть одним глазком увидели.

— Пожалуй, великая была раса,— задумчиво сказал Лоуренс.— Одна лишь экономика такой планеты способна любого бросить в дрожь. Чтобы создать такую планету, надо было веками затрачивать на это рабочую силу всей расы целиком, а создав, надо было веками держать планету-машину на ходу. Это означает, что местное население тратило минимум времени на добывание пищи и производство миллионов вещей, употребляемых в быту.

— Они упростили свой образ жизни и свои нужды,— сказал Кинг,— сведя все к самому необходимому. Одно уже это само по себе — признак величия.

— Притом же они были фанатики,— высказался Гриффит.— Не забывайте этого ни на миг. Подобный труд по плечу лишь тем, кто одержим всепоглощающей, слепой, однобокой верой.

— Но зачем? — удивлялся Лоуренс.— Зачем выстроили эту махину?

Все промолчали, только Гриффит тихонько хмыкнул.

— Даже ни одного предположения? — подзадо-
рил он. — Ни одной осмысленной гипотезы?

Из тьмы, окутывающей крохотный кружок света
от включенной плиты, медленно поднялся высокий
человек.

— У меня есть гипотеза, — сознался он. — Вер-
нее, мне кажется, я знаю, в чем тут дело.

— Послушаем Скотта, — громогласно объявил
Лоуренс.

Математик покачал головой.

— Нужны доказательства. Иначе вы заподозри-
те, что я рехнулся.

— А доказательства отсутствуют, — скептически
заметил Лоуренс. — Нет здесь доказательств чего бы
то ни было.

— Я знаю место, где есть доказательство, — не
утверждаю с уверенностью, но, возможно, оно там
есть.

Все сидящие тесным кругом возле плиты затаили
дыхание.

— Помнишь тот ящик? — продолжал Скотт. —
Тот самый, о котором только сейчас упоминал Тэй-
лор. Тот, где что-то гремело при встряхивании. Тот,
который нам не удалось открыть.

— Мы по-прежнему не можем его открыть.

— Дайте мне инструменты, — попросил Скотт, —
и я открою.

— Это уже было, — мрачно сказал Лоуренс. —
Мы уже проявили бычью силу и ловкость, открывая
тот злополучный люк. Нельзя же все время приме-
нять силу при решении задач. Здесь не сила нужна,
а понимание.

— По-моему, я знаю, что там гремело, — гнул
свое Скотт.

Лоуренс промолчал.

— Послушай-ка, — не унимался Скотт. — Если у

тебя есть какая-нибудь ценная вещь, которую ты хочешь сберечь, что ты с ней делаешь?

— Да в сейф кладу,— не задумываясь ответил Лоуренс.

В длинных мертвых пролетах исполинской машины воцарилось молчание.

— Нет и не может быть надежнее места,— снова заговорил Скотт,— чем ящик, который не открывается. В таких ящиках хранилось что-то исключительно важное. Но одну вещицу хозяева планеты забыли захватить — где-то они недоглядели.

Лоуренс медленно поднялся с места.

— Достанем инструменты,— сказал он.

...Внутри оказалась продолговатая пластина, весьма заурядная на вид, с симметрично пробитыми отверстиями.

Скотт взял ее в руку, и рука его задрожала.

— Надеюсь, ты не разочарован,— горько сказал Гриффит.

— Ничуть,— ответил Скотт.— Именно это я и предполагал.

Все дожидались продолжения.

— Не будешь ли ты любезен...— не вытерпел Гриффит.

— Это перфокарта,— пояснил Скотт.— Ответ некой задачи, введенной в вычислительную машину.

— Но мы ведь ее не расшифруем,— огорчился Тэйлор.— Никакими силами не установишь, что она означает.

— Ее и незачем расшифровывать,— усмехнулся Скотт.— Она и так рассказывает, что здесь такое. Эта машина — весь мир в целом — представляет собой вычислительное устройство.

— Что за бред! — воскликнул Баклей.— Математическое...

— Не математическое,— Скотт покачал головой.— По крайней мере не чисто математическое. Нечто более значительное. Логическое, по всей вероятности. Возможно, даже этическое.

Он оглядел присутствующих и прочел на их лицах все то же неверие, развеять которое до конца едва ли удастся.

— Да посудите же сами! — вскричал он.— Бесконечная повторяемость, монотонная одинаковость всей машины. Таково и есть вычислительное устройство — сотни, или тысячи, или миллионы, или миллиарды интегрирующих схем, сколько бы их ни было нужно, чтобы ответить на поставленный вопрос.

— Есть же какой-то фактор ограничения,— пробубнил Баклей.

— На всем протяжении своей истории,— ответили Скотт,— человечество не слишком-то обращало внимание на такие факторы. Оно упорно делало свое дело и преодолевало все мыслимые факторы ограничения. Очевидно, здешняя раса тоже не слишком-то обращала на них внимание.

— Есть такие факторы,— упрямо твердил Баклей,— которыми попросту невозможно пренебречь.

У мозга — свои ограничения. Он ни за что не станет познавать самого себя. Он слишком легко забывает — забывает слишком многое и всегда именно то, что следовало помнить. Он склонен к терзаниям, а для мозга это почти равносильно самоубийству. Если чрезмерно напрягать мозг, он находит убежище в безумии. И наконец, он умирает. Умирает как раз тогда, когда становится полноценным.

Поэтому создают механический мозг-гигант, двадцатимильным слоем покрывающий планету с Землю величиной,— мозг, который займется животрепещущими проблемами, и никогда ничего не забудет, и с ума не сойдет, ибо ему неизвестно смятение.

Сорваться после этого с места и покинуть такой мозг — двойное безумие.

— Все наши догадки бессмысленны и никчемны,— сказал Гриффит.— Никогда мы не узнаем, для чего служил этот мозг. Вы упорно исходите из предпосылки, будто хозяева этой планеты были гуманоидами, а ведь столько же шансов за то, что они отнюдь не гуманоиды.

— Предположение о том, что они в корне отличаются от нас, совершенно абсурдно,— возразил Лоуренс.— В городе на Четвертой могли бы поселиться люди. Обитатели той планеты сталкивались с теми же техническими проблемами, что встали бы и перед нами, если бы мы затеяли подобное начинание; выполнили они все в том же стиле, какого придерживались бы и мы.

— Ты не учиываешь того, что сам же так часто подчеркиваешь,— сказал Гриффит.— Не учиываешь фанатической тяги, которая заставила их пожертвовать решительно всем во имя великой идеи. Мы, как ни бейся, не достигли бы столь тесного и фанатического сотрудничества. Один допустил бы грубейшую ошибку, другой перерезал бы горло третьему, четвертый потребовал бы следствия, а там оказалось бы, что вся свора спущена с цепи и лает на ветер.

Они были последовательны,— продолжал Гриффит.— Ужасающе последовательны. Здесь нет жизни. Мы не зарегистрировали ни малейшего признака жизни, отсутствуют даже насекомые. А почему, как ты думаешь? Не потому ли, что жук мог бы запутаться в шестернях или еще где-нибудь и нарушить весь комплекс? Поэтому жукам пришлось вымереть.

Помолчав, Гриффит вскинул голову:

— Если на то пошло, хозяева планеты сами на-

поминают жуков. Вернее, муравьев. Муравьиную колонию. Там и тут бездушное общество взаимных услуг в слепом, но разумном повиновении неуклонно движется к намеченной цели. А коли так, друг мой, то твоя гипотеза, будто вычислительная машина применялась для разработки экономических и социальных теорий,— просто вздор!

— Это вовсе не моя гипотеза,— поправил его Лоренс.— Всего лишь одно из нескольких предположений. Есть и другое, не более спорное: они пытались разгадать тайны Вселенной — отчего она существует, что собой представляет и куда движется.

— И каким образом,— прибавил Гриффит.

— Ты прав. И каким образом. А если этим занимались, то, я уверен, не из праздного любопытства. Значит, был какой-то серьезнейший стимул, что-то вынуждало к этому занятию.

— Продолжай,— усмехнулся Тэйлор.— Я жду с нетерпением. Доскажи свою сказку до конца. Они проникли во все тайны Вселенной и...

— Едва ли проникли,— спокойно проговорил Баклей.— Чего бы они ни добивались, вероятность того, что им удалось получить окончательный ответ, ничтожно мала.

— Что касается меня,— проговорил Гриффит,— я склонен думать, что они своего добились. Иначе зачем было покидать планету и бросать эту гигантскую машину? Они нашли то, что искали, вот им и стал не нужен ими же созданный инструмент познания.

— Ты прав,— подхватил Баклей.— Инструмент стал не нужен, но не потому, что сделал все возможное и этого оказалось достаточно. Его забросили, потому что он слишком маломощен, он не в состоянии решить задачу, которая подлежит решению.

— Слишком маломощен! — возмутился Скотт.—

Да ведь в таком случае всего и заботы-то было нарастить вокруг планеты еще один ярус!

Баклей покачал головой:

— Помнишь, я говорил о факторах ограничения? Так вот, перед тобой фактор, которым не так-то просто пренебречь. Подвергни сталь давлению в пятьдесят тысяч фунтов на квадрагный дюйм* — и она потечет. Здесь-то, должно быть, металл воспринимает гораздо большее давление, но и у него есть предел прочности, выходить за который небезопасно. На высоте двадцати миль над поверхностью планеты ее хозяева достигли этого предела. Уперлись в тупик.

Гриффит шумно вздохнул и пробормотал:

— Моральный износ.

— Аналитическая машина — вопрос габаритов, — рассуждал Баклей вслух. — Каждая интегрирующая схема соответствует клеточке человеческого мозга. У нее ограниченная функция и ограниченные возможности. То, что делает одна клетка, контролируют две другие. Принцип «смотри в оба, зри в три» как гарантия отсутствия ошибок.

— Можно было стереть все, что хранилось в запоминающих устройствах, и начать сызнова, — сказал Скотт.

— Не исключено, что так и поступали, — ответил Баклей. — Бессчетное множество раз. Хотя всегда присутствовал элемент риска: после каждого стирания машина могла терять какие-то... э-э... ну, рациональные что ли качества или моральные. Для машины таких масштабов стирание памяти — катастрофа, подобная утрате памяти человеком. Здесь произошло, наверное, одно из двух. Либо в электрон-

* 3,5 тонны на квадратный сантиметр.

ных устройствах машины слишком заметно скапливалась остаточная память...

— Подсознательное,— перебил Гриффит.— Интересная мысль: развивается ли у машины подсознание?

— ...либо,— продолжал Баклей,— ее неизвестные хозяева вплотную подошли к проблеме, настолько сложной, настолько многогранной, что эта машина, несмотря на фантастические размеры, заведомо не могла с нею справиться.

— И тогда здешние обитатели отправились на поиски еще большей планеты,— подхватил Тэйлор, сам не вполне веря в свою догадку.— Такой планеты, масса которой достаточно мала, чтобы там можно было жить и работать, но диаметр достаточно велик для создания более мощной вычислительной машины.

— В этом был бы какой-то резон,— неохотно признал Скотт.— Понимаете ли, они бы начали все заново, но с учетом ответов, полученных здесь. При усовершенствованной конструкции и новой технологии.

— А теперь,— торжественно провозгласил Кинг,— на вахту становится человечество. Интересно, что нам удастся сделать с такой диковиной? Во всяком случае, совсем не то, к чему ее предназначали создатели.

— Человечеству,— сказал Баклей,— решительно ничего не придется с нею делать, по крайней мере ближайшие сто лет. Головой ручаюсь. Никакой инженер не осмелится повернуть ни единое колесико в этой машине, пока не будет достоверно знать, для чего она служит, как и почему сработана. Тут надо вычертить миллионы схем, проверить миллионы связей, сделать сишки, подготовить техников...

Лоуренс грубовато ответил:

— Это не наша с тобой забота, Кинг. Мы с тобой сеттеры. Мы отслеживаем и вспугиваем перепелок, а уж дальше обойдутся без нас, и мы переходим к очередным вопросам. Как распорядится человечество нашими находками — это опять-таки очередной вопрос, но решать его не нам с тобой.

Он поднял с пола и взвалил на спину мешок с походным снаряжением.

— Все готовы к выходу? — спросил он.

Десятью милями выше Тэйлор перегнулся через перила, ограждающие пандус, и взглянул на расстилающийся под ним лабиринт машин. Из наспех уложенного рюкзака выскользнула ложка и, вертясь, полетела вниз.

Долго все прислушивались к тому, как она звякает, задевая металл.

Даже когда все стихло, людям по-прежнему казалось, что до них еще доносится звяканье.

Жерар Клен Голоса Пространства

Впервые я услышал голоса Пространства на борту искусственного спутника, что кружит между орбитами Земли и Луны. На спутнике я оказался потому, что жить на Земле стало невыносимо и захотелось бежать от однообразия и эпидемии сумасшествия, которое подстерегало меня там, на нашей планете. Думаю, вы помните, каковы они были, Годы

безумия. Сумасбродство и нетерпимость каждый день грозили войной, и переполненные лечебницы уже не вмещали помешанных.

Но для тех, в ком отвращение не погасило искру жизни, еще оставалось Пространство. Вот где люди еще пытались чего-то достичь. Там, вдали от бессмысленной суеты и угара больших городов, без помех отдавалась раздумьям и работе горсточка людей. Там мы точно знали, каких одолевать противников — пустоту, страх, невесомость — и к каким целям стремиться — к Марсу, Венере, Юпитеру, Сатурну, к астероидам, а быть может, и к Меркурию, и к Урану; мы даже мечтали проложить дорогу детям и внукам. Пусть они достигнут звезд.

Наша жизнь была вовсе не так однообразна, как могут подумать. По крайней мере нам она казалась куда увлекательней, чем та, какую мы могли бы вести на Земле. И несмотря на неизбежную строжайшую дисциплину, которой подчинялось все наше существование, мы чувствовали себя свободными, как никогда. Впереди у нас были века научных исследований, наконец-то мы видели звезды, не затянутые пеленой земной атмосферы, заново совершали открытия в пространстве, не знаящем тяготения, изучали состояние людей, внезапно поставленных лицом к лицу с миром чуждым и неведомым. Каждый мог заниматься тем, что ему по душе, — и так, не торопясь, в свое удовольствие мы следовали многообразными путями познания. И вот во время одного из таких опытов я впервые услышал голос Пространства.

Специалистом по электронике у нас был Грандэн; он изучал эффект сверхпроводимости, который обнаруживается, когда температура падает почти до абсолютного нуля. Это же явление позволило ему

сконструировать сверхточные аппараты и с их помощью тщательно исследовать любую гамму волн, от самых коротких, которые когда-то называли космическим излучением, минуя те, которые наш глаз воспринимает как свет, и до самых длинных. Его чуткие приборы ловили колебания, посланные далекими солнцами тысячи лет назад. На экранах его осциллографов плясали сумасшедшую сарабанду огненные точки, и это значило, что за полтораста тысяч лет перед тем какая-то звезда на другом краю галактики вспыхнула и обернулась сверхновой, прежде чем погаснуть навеки.

Грандэн был худой, сухопарый, странная желтоватая кожа словно бы в трещинах, как будто среди его ближайших предков затесалась какая-нибудь огромная ящерица. Был он на редкость молчалив, казалось даже, ему трудно связать самые простые слова, так сильна привычка изъясняться математическими формулами. Но в отвлеченном мире электронов ум его обретал необычайную проницательность. Грандэн плохо понимал людей, потому-то и летел, как и мы, по космической орбите, зато никто так не умел подметить признаки недуга, постигающего любую машину. Однако в отличие от многих своих коллег он не приписывал инструментам сложных человеческих чувств. Нет, напротив, он людей готов был считать чересчур сложными, хрупкими машинами, которые слишком часто ошибаются.

Мы работали в самой сердцевине нашей космической станции, под куполом, где нет силы тяжести, под звездами, которые оттуда казались неподвижными,— из боковых иллюминаторов они представлялись светящимися кольцами, потому что спутник вращался вокруг собственной оси.

Мы изучали Пространство — Грандэн при помощи тончайших антенн, а я простым глазом и почти

без цели: под этими чистейшими небесами я только размышлял и философствовал.

Вдруг Грандэн страшно побледнел, затряс головой, будто невидимая оса назойливо жужжала у самого уха. Обернулся и посмотрел на меня.

— Этого не может быть,— сказал он.

— Чего именно?

Он молча смотрел на меня в упор, лицо его искажала медленная судорога. Мне вспомнилось — много лет назад такое я видел у человека, который больше всего на свете любил музыку; в доме его полно было пластинок, казалось, музыка льется отовсюду, и если мерный напев трубы на миг прерывался скрипом, в чертах того человека я видел такое же невыразимое страдание.

— Не понимаю,— сказал Грандэн.— Слышны шумы.

— Помехи?

— Нет. Все помехи мне знакомы.

Это верно. Ухо его различало любое жужжанье, скрип, сухой треск крохотных взрывов, раздающихся в Пространстве; он узнавал любое из незримых насекомых, чьи челюсти неустанно грызут тишину, и далекие шорохи, и виолончельное пение звезд. Любой из этих звуков он мог назвать по имени. Мог ослабить их, почти свести на нет. Мог раздавить их или отогнать, как избавляешься от пчелы или неразличимого во тьме летней ночи воющего комара.

— Какое-нибудь далекое излучение,— сказал я.— Радиомаяк указывает путь кораблям. Или это вспышка на Солнце. Или волна отразилась от Луны.

— Ничего похожего,— возразил Грандэн.— Это совсем другое.

Мне пригрезилось Пространство, населенное волнами,— они пронизывают планеты, пересекают не-

беса, разыгрываются бурями, пропикают сквозь степи и запертые двери. Это трудно себе представить. Надо закрыть глаза и вообразить тьму и тишину, необъятную, пустынную, однако там полным-полно жизни, там все насыщено и переплетено, вспыхивают внезапные молнии и, точно в море, округло колышутся волны. Это тоже вселенная, как и Вселенная планет, звезд и галактик. Но для нас она еще недостижимей — однако она неотделима от планет, от галактик и от звезд, из которых они состоят, точно так же, как наш скелет, которого мы никогда не увидим, неотделим от нашего тела.

— Не знаю, — виновато сказал Грандэн. — Слушай.

Он передал мне наушники, я взял их и в первое мгновение ничего не услышал, только уловил какую-то безмолвную глубину, словно бы эхо молчания, отраженное стенами бездонного колодца. А потом незаметно это пришло, и все нарастало, и меня начало трясти.

То были мерные колебания, которые дрожью отдавались у меня в черепе, звуки невыразимо мрачные, протяжные, грозные, и на миг мне почудилось, будто всю Вселенную накрыл исполинский колокол и его-то песнь я и услышал. Словно осенний ветер вздыхал в ветвях деревьев, свистал в тонких органных трубах высохших трав, медлил и гудел на липких лужах, завывал в дымоходах, трещал в огне зимних очагов, тихонько шептал что-то в обрамляющих окна сосульках.

Звук появлялся и исчезал, нарастал и вновь слабел, медлительный, заунывный, ничуть не похожий на равномерное шуршание радиопомех.

— Это голоса, — сказал я.

Грандэн поглядел на меня и слегка пожал плечами, но даже не улыбнулся. Морщины у него на лбу немного разгладились.

— Не знаю,— повторил он.— Возможно, почему бы и нет. Но что это за голоса?

— Не все ли равно,— сказал я.— Голоса Пространства. Голоса плавящегося металла. Голоса комет, метеоров, астероидов, пылающих гор Меркурия или колец Сатурна. Свет, жар, энергия, преобразованные в звук.

Грандэн покачал головой.

— Нет,— сказал он.— Все, о чем ты говоришь, я слышал, а это совсем другое. Никогда, даже в день страшного суда, бывалый моряк не спутает сирену, которой сигналият в тумане, со штормовой. Так и тут. Как не спутаешь дыхание с человеческим голосом. Слышишь, как входит в легкие и опять выходит воздух,— или слышишь слова, их произносят губы. Это не спутаешь. Радиопомехи — дыхание Вселенной. А здесь не то. Это... может быть, ты прав... это голос.

Он взял у меня наушники, и по его лицу так ясно было, что он слышит, и я сам улавливал эти глухие плавные колебания и понял — вот они слабеют, сходят на нет, потому что Грандэн весь — внимание, словно бы погружается в себя, даже закрыл глаза, пытаюсь следовать за таинственным голосом в глубины, где тот под конец исчез.

— Кончилось? — спросил я.

— Да.

— Это был голос,— торопливо заговорил я, голова кружилась.— Это был голос... может быть, он дошел с Марса, или с Венеры, или с другой какой-то планеты. Мы не одиноки во Вселенной.

— Нет,— печально сказал Грандэн.— Ниоткуда он не шел, ни из какого другого мира. И во Вселенной мы одиноки. Право, не понимаю, как ты еще

можешь в этом сомневаться; мы один со своими машинами. Через десяток лет мы высадимся на Марсе и воочию убедимся, что Марс просто пустыня, мы же всегда это знали наверняка, наперекор всему, о чем мечтали.

Он обернулся ко мне, через силу улыбнулся.

— Видишь ли,— продолжал он,— почти сто лет назад, когда только что появилось радио, люди уловили сигналы, исходящие с Марса. И возликовали. Весть об этом разнеслась по всей Земле. Времена одиночества миновали. Отныне конец войнам, розни народов, нищете. На Марсе живут наши братья. А потом другие люди развернули антенны, сделали измерения и расчеты. И обнаружили, что пойманные прежде сигналы были всего лишь эхом, поверхность Марса отразила волны, идущие от Солнца. Марс остался пустыней. И осталась рознь между народами, войны, нищета. И с тех пор временами наши приемники ловят сигналы из космоса, но это всегда только шутки, которые шутит с нами Вселенная.

— Но, может быть, когда-нибудь...— неуверенно сказал я.

— Ты всего лишь философ,— вздохнул он.— Или, еще того хуже, поэт.

Прошли годы. Я забыл те голоса. Мы достигли Марса — и Марс оказался всего лишь пустыней. Тяжесть безмерного разочарования придавила Землю.

Я не был среди тех, кто первыми ступили на Марс. Но не все ли равно, ведь когда их серебряная ракета, пронизав тощий слой облаков, снижалась над ледяными марсианскими пустынями, я тоже вглядывался в просторы этой планеты, и кто-то во мне, кто-то древний, неведомый, ждал — вот сейчас что-то вспыхнет, взору явится сверкающий город в

зареве тысячи огней, в отраженном свете крохотного солнца.

Но ничего я не увидел.

И никто ничего не увидел. Марс был пустыней.

Мы предвидели это, мы это знали, заранее рассчитали, доказали и проанализировали, и все же оказалось — почти никто ни среди команды корабля, ни на Земле в это не верил. Оказалось, даже тот, кто все это вычислил и проверил расчеты, надеялся, что допустил ошибку. Оказалось, миллионы прислушивались к небу в надежде уловить малейший необычный звук, чужой голос.

Вспоминаю радиogramмы, которыми обменялись первая марсианская экспедиция и Земля. Переговоры были кратки и оттого драматичны.

— Ничего,— передали с Марса.

Молчание. Земля медлит, взвешивает каждое слово.

— Проверьте еще,— говорит она наконец.— У вас еще не может быть уверенности. Вы еще не успели осмотреть всю планету, квадратный метр за метром.

— Нет совсем ничего,— отвечал Марс.— Мы уверены. Здесь никогда не было жизни.

— Проверьте под почвой,— настаивала Земля.— В глубине океанов. Под песками, подо льдом.

— Ничего,— отрезал Марс.

И Земля умолкла. И нам, на Марсе, стало горько, потому что правы оказались мы. А на Земле еще шире распространилось безумие и отчаяние. Мнимые пророки богатели, предсказывая, что мы обречены навеки оставаться в одиночестве. И вот что написал я для одной газеты:

«Марс — пустыня. Огромная красная пустыня, которую золотит неяркое солнце, а по ночам — робкие лучи двух лун. Стылое море иссохло в пыль, лишь по-

рою старый усталый ветер, свистя в трещинах скал, подобных полуразрушенным колоннам, поднимает на нем серую пену песка, или медлят на нем холодные мерцающие туманы марсианского утра. Ветер стар и утомлен, он только свистит, никогда ему не петь в обнаженных ветвях деревьев. На Марсе нет деревьев. И лишь порой ночами отсветы и трепетные тени бесцельно бродят по белым тропам прожекторов; они похожи на странные мертвые деревья, наклеенные на черные экраны, и еще они напоминают мертвенно бледные и зеленые деревья Земли, те, что шумят и бушуют в бурю или мирно простирают ветви в часы затишья, сонные деревья — память о Земле.

Но тени эти — лишь грезы, призрачные воспоминания древних равнин Марса».

Итак, мы завоевали Марс и два его спутника. Мы работали как одержимые. Предстояли уже не века, а тысячелетия исследований; и уже не только для внуков, но для себя мы жаждали звезд, которые так ясно и холодно сияли в небе Марса.

Однажды вечером мы слушали оркестр с Земли — музыка звучала так, словно играл он здесь, в нашем воздушном пузыре. А потом между этим нашим жилищем и Землей прошла одна из марсианских лун, и несколько секунд мы только и слышали завывание и треск помех. И ждали, не смея вздохнуть, — так среди ночи, замирая, слушаешь, как кровь стучит в висках.

— Оркестры играют только на Земле, — промолвил Ласаль.

— Что ты хочешь этим сказать? — резко спросил Ферье.

— Сколько месяцев, сколько лет мы обшариваем небо и ни разу не поймали никаких передач, кроме как с Земли.

— А ты чего ждал? — спросил Ферье.

— Не знаю, — сказал Ласаль. — Крика, зова, голоса. Необъяснимой дрожи эфира.

Мы смотрели на этих двоих, уронив руки на колени, лица у всех осунувшиеся, усталые.

— Ты просто мечтатель,— сказал Ферье.

Я присмотрелся к нему: отрешенный взгляд запавших глаз, застывшие черты сурового лица в желтом свете кажутся особенно резкими... да, конечно, он и сам мечтатель! И я понял: как все мы, он мечтает не о Земле, он равнодушен к тому, что оставил позади, к текущему счету, который растет не по дням, а по часам, потому что он, Ферье, как все мы, занят самой опасной работой, до какой додумалось человечество, и не извлекает из этого ни малейшей выгоды; равнодушен и к долгому отдыху, которым сможет насладиться лет через десять, когда его вконец вымотают космос и синтетический воздух, каким мы дышим на Марсе; я понял: он думает о том, что хотел бы открыть и чего мы не нашли на Марсе, но, быть может, откроем на Сатурне или на Юпитере,— о собратях.

Тогда поднялся Юсс. Молодой, белокожий и светловолосый, и глаза светлые,— почему-то казалось, что ему трудно не отвести их, если встретишься с ним взглядом. И голос тоже у него был ясный, но неуверенный и звучал еще нерешительней оттого, что с нами Юсс разговаривал не на своем родном языке.

— Вчера я шарил на всех диапазонах и услышал такое, что шло не с Земли,— сказал он.— Ничего подобного я никогда еще не слышал. Это было похоже... как бы сказать... похоже на жалобу. А потом утихло. Я слушал, и мне стало страшно.

Он поднял глаза и тревожно оглядел нас, сидящих полукругом, но никто не засмеялся. Кто-то зашаркал подошвами, кто-то покашлял, но не засмеялся никто. И не встретив того, чего опасался — насмешки,— Юсс продолжал:

— Может быть, сегодня вечером попробовать еще раз. Может быть, я опять это услышу.

Белые, длинные, совсем девичьи пальцы его пробежали по клавишам настройки. Снаружи, в разреженном холодном воздухе Марса, беззвучно повернулись антенны.

В картонных раковинах громкоговорителей хрипло вздохнул ветер. Но летел он не над какой-то планетой, не над океанами Земли и не над полюсами Марса, он летел среди миров и не приносил с собою ни отзвука, ни зова, только свое же звездное эхо.

Мы ждали, недвижимые, охваченные смутной печалью, печальной тревогой оттого, что сейчас увидим, как горько обманется Юсс в своих надеждах.

Но оно пришло, и в первую минуту я не понял, что же это напоминает. Я мог бы поклясться, что никогда еще не слышал ничего похожего. То был звук бесконечно низкий, глубокий, и не просто звук, а песнь, протяжный вопль, голос, полный невыразимого страдания, голос некоего духа, влачащегося в недрах пустоты, голос иного времени, иного мира.

Из громкоговорителя слышался шорох, будто моросил дождь. Радиопомехи. А голос... такой рев издавали, должно быть, плезиозавры, что обитали в теплых морях вторичного периода, подумалось мне.

А потом я подумал о Грандэне, мне представилось его озабоченное лицо, вспомнилось, что услышал я тогда в глубине наушников, прижатых к ушам, точно морские раковины.

Но здесь, на Марсе, вдалеке от нашего Солнца, голос звучал гораздо более мощно, чем тогда на околоземной орбите.

Я порывисто зажал уши, как зажмуриваешься, когда спит, я пытался больше не слышать этого далекого зова, искаженного, страдальческого, все-

проникающего и зыбкого, этих хриплых воплей, завывапия расплавленной материи, зловещего свиста.

Я пытался не искать в этом смысла, проблеска надежды, ибо знал: надеяться бессмысленно, ведь я на Марсе, в пустыне, и знаю, что во Вселенной мы одни. Я пытался... но тщетно.

А голос менялся. В нем было все меньше глубины, все больше металла, словно звучали какие-то небесные трубы. Слабее, слабее, и вот все пропало.

— Помехи, — сквозь зубы сказал Ферье.

Настала тишина, и тогда Ласаль коротко щелкнул переключателем, и к нам хлынула музыка Земли. Долгие минуты мы молчали, а на Земле трубач все разматывал нескончаемую, спутанную певучую нить.

Наконец я обернулся к Ферье.

— Нет, не думаю, — сказал я. — Помехи так не исчезают. Не думаю, чтобы это объяснялось так просто.

— Чего не знаю, того не знаю.

И Ферье возвел глаза к потолку в знак, что ему надоели разговоры на эту тему, а я подумал — просто он не желает признать, что ошибся, и не позволяет себе надеяться.

— Чего вы надулись? — сказал Ласаль. — Вам эта музыка не по вкусу? Пожалуйста, можно послушать «Ла Скала», или парижскую оперу, или московскую, или Альберт-Холл, или Сторивилл. Стоит только переменить волну.

Волну переменяли, и вот все голоса, все оркестры Земли к нашим услугам. Но мы-то ждали и надеялись услышать неведомый голос, иные созвучия, вот о чем думали мы, глядя на экраны, на пустынные равнины Марса.

— Это мне напоминает один случай, — сказал Вьет.

Как ни странно, до сих пор он молчал, а ведь обычно, что бы ни случилось, у него всегда была в запасе какая-нибудь удивительная история, которая оказывалась кстати. Не человек, а ходячая летопись. Очень редко мы узнавали, что думал он сам о каком-либо своем приключении, но что и как приключилось — об этом он умел поведать во всех подробностях.

— Это мне напоминает один спиритический сеанс. Помнится, нас там было пятеро, мы сидели в полутьме за круглым столом, кончиками пальцев касались полированной столешницы и, сами не очень в это веря, надеялись — вдруг что-то произойдет. Ждать было нечего — я думаю, все мы это понимали, кроме, может быть, женщины, в чьем доме мы собрались, — она-то верила непоколебимо. Однако мы тоже на что-то надеялись.

— И действительно что-то произошло? — резко спросил Ферье.

— Право, не знаю. Теперь я почти уверен, что ничего не было, а тогда совсем не был уверен. В человеке живут всевозможные звуки — шумит кровь, текущая по артериям, колеблются барабанные перепонки, дышат легкие, да еще сколько призраков, воспоминаний о звуках, которые некогда погребены были в саркофагах памяти, но только и ждут, как бы вырваться на волю. Да, не очень-то можно верить своим ушам. А может быть, тут что-то другое. А может быть, это одно и то же. Вот ты что-то услышал — и заморожен, и трепещешь, а потом все прошло — и начинаешь сомневаться.

— Не вижу связи, — сказал Ферье.

— А я вижу, — отрезал Вьет. — Все мы тут сидим вокруг огромного стола — пустынного Марса, — нетерпеливо барабаним по нему пальцами, и подстергаем, и ждем, и надеемся, и стараемся пробудить

голоса Вселенной. Время идет, а мы все ждем напрасно. А потом, когда свет меркнет, и стол вздрагивает, и где-то в пространстве возникает звук, мы начинаем спрашивать себя, не обманул ли нас слух, начинаем сомневаться.

— Мы не гадалки и не астрологи! — загремел Ферье. — Не предсказываем будущее по картам и по звездам. И не вызываем духов умерших.

— Пока еще нет. Пока. Но у нас есть кое-что общее и с гадалками и с астрологами, — заметил Вьет. — Мы ждем зова. Ищем контакта. И очень надеемся дождаться и найти. Через пять лет мы дойдем до Юпитера. А через столетие, возможно, достигнем звезд. И нравится тебе это или нет, Ферье, мы стремимся туда все по той же старой-престарой причине: нам ненавистно одиночество.

На то, чтобы достичь Юпитера, мы потратили шесть лет. А Юпитер оказался всего лишь громадным океаном, совершенно безжизненным: жидкий зеленый шар, исполинское око в орбите Пространства, отражающее холодные лучи далекого солнца; Юпитер — скопище бесстрастных бурь и гигантских волн. Мы этого и ждали — и все-таки это было горьким разочарованием. Ведь долгие недели мы мчались в пустоте, пленники своих ракет, затаив тоску по Земле, и во взглядах угадывались печаль и призрак земных зеленых равнин, в ушах отдавалось эхо родных звуков — говор толпы, волчий вой, все голоса жизни.

И долгий путь, и тоска — все оказалось напрасно.

Мне вспоминается — когда я был маленький, родители однажды привели меня на мыс, которым заканчивался материк, где я родился. Равнодушные волны разбивались о черные скалы. А за этим мы-

сом и несколькими островками не видно было уже ничего, совсем ничего, только море. Но важно было не то, что увидел я лишь пустынный окоем, важно то, что я знал. А я знал — она необъятна, эта водная гладь без единого зернышка суши, эта зеленая жидкая соль, — и, однако, за непостижимой далью, по другую ее сторону, живут люди. Я знал, потому что мне об этом сказали. Знал, потому что в это верил. Ничего такого не было написано в небесах, и даже мой детский глаз не различал воображаемых очертаний далеких материков. Но я знал и то, что стою на краю земли, и то, что в дальней дали вновь начинается земля, и так они с морем чередуются бесконечно.

В тот день я понял, как далеко отстоит то, что знаешь, от того, что есть на самом деле. Кроме всего, что можно увидеть и потрогать, существует еще и другое — и, хоть его не коснешься, оно придает новый смысл всему, что тебя окружает. Главное — всегда можно закрыть глаза и перенестись через непостижимую ширь соленых вод, главное — само это препятствие чудесно, ибо чудесно то, что воображается мне по другую сторону моря.

И космос тоже чудо, думал я, пролетая вокруг Юпитера, я и сейчас на мысу, на краю пространства и, сощурился, пытаюсь разглядеть звездные берега или, может быть, громадные корабли, еще скрытые за его изгибом.

Сатурн сейчас по ту сторону Солнца, и до противостояния еще годы; Уран движется далеко, совсем в другой части эклиптики, а Нептун и Плутон — всего лишь крохотные островки, вехи на пути.

Я на краю света.

Вдали от голосов Земли, от грозного рокота и шороха астероидов. И как никогда близко к голосам космоса.

Мы научились их узнавать, пока кружили вокруг Юпитера, наблюдая неизменную поверхность этой жидкой планеты. Научились различать, как они чередуются, нарастают и вновь слабеют, переходят от глубоких, низких к высоким и пронзительным и удаляются, словно вопль исполинской сирены, тревожающей в ночи.

Я счастлив был, что достиг Юпитера. На Земле по-прежнему было неладно. Люди устали и отчаялись безмерно. Раза два мы даже опасались, что нам прикажут прервать все изыскания и возвратиться на Землю.

Тогда нам пришлось бы повиноваться.

Мы прислушивались к голосам.

И прилетали еще люди, чтобы их услышать.

— Что вы об этом скажете?

— Страшновато, правда?

— Будь я человек суеверный, я бы подумал, что это голоса мертвецов или вампиров.

— Насмотрелись плохих фильмов.

И я спрашивал себя, что станет с голосами Земли, со звучанием земных оркестров, когда несущие их волны через тысячи лет достигнут туманности Андромеды, и найдется ли там ухо, способное их услышать? Я спрашивал себя, во что обратятся Девятая симфония и труба Армстронга, квартет Бартока и электронная музыка Монка после того, как долгие годы их будет носить в Пространстве по прихоти космических течений, и качать на сзетозарных волнах звезд, и затягивать в тихие темные омуты космоса?

Сигнальный трезвон. Треск громкоговорителя.

— Ради всего святого, оставайтесь на своих местах. Опасности никакой нет.

— Нас изрядно потрянуло, правда?

— Да вы хоть на экраны поглядите. Такую громадину можно бы увидеть и простым глазом.

Я вскочил, торопливо оделся. Тревога миновала. Невидимый, но массивный метеор чуть задел нас, и мы отклонились от прежней орбиты. Задел. Быть может, он пролетел в миллионе километров от нас. Быть может, в десяти миллионах. Никто ничего не увидел. Даже наши инструменты, даже зоркие, настороженные глаза инструментов не увидели его, даже их чуткие подвижные уши ничего не уловили.

— А ну, послушайте! — крикнул кто-то.

И в наш корабль хлынул голос космоса, потек по переходам, просочился во все скважины и каналы, проскользнул под дверьми, и все затрепетало, заполнилось грозным гулом.

— Никогда еще не слыхивали подобной мощи.

Они измеряли, взвешивали, подсчитывали, а у меня в ушах по-прежнему звучал и звучал этот голос, и вспомнилось: на Земле, на самом острие мыса, который так и назывался — край света, я видел однажды, как ширится в море, расплывается по волнам пятно нефти.

Вот и здесь то же самое, думал я: голос этот ширится, расплывается в океане Времени, отделяющем нас от звезд, как расплывалась тогда нефть перед множеством смеющихся глаз, на исходе лета, в мягком свете неяркого солнца — смутным переливчатым пятном.

Я сказал им это. Сказал и о том, что слышал когда-то с Грандэном и что слушал с Юссом на Марсе. Сказал, что это не вывод ученого, но догадка поэта, ведь я всего лишь психолог и почти ничего не смыслю в математике, в волнах и помехах, зато верю в самое простое: в море и пространство, в скалы и время, в острова и материки и в людей —

все это опять и опять повторяется и там, за горизонтом.

Меня слушали, и никто не улыбнулся.

Я сказал спутникам, что в своих поисках они потерпели неудачу, потому что искали не так, как надо. Чем без конца жадно, с завистью вглядываться в пучины Пространства, которые еще долго останутся недостижаемы, лучше просто бродить по песчаным берегам, и шарить в расщелинах скал с надеждой отыскать обломок кораблекрушения, выброшенную волнами доску со следами резьбы, масляное пятно на воде, и в глубине души твердо верить, что где-то там, за краем света, есть другие люди, другие живые существа.

Я сказал, что рябь от камешка, брошенного с западного берега, неминуемо дойдет до берега восточного, что корабль, разрезая носом волну, отбрасывает ее, и от этого неуловимо меняются все волны, и ни кильватерная струя, ни пена за кормой не исчезают совсем уж бесследно.

Думается, мне поверили. Я уже очень немолод, но говорил как малый ребенок, вспоминал далекий летний день моего детства, и Юсса, и Грандэна, и всех, кто там на Земле, поднимает глаза к небу и ждет вести.

— А почему бы и нет? — сказал кто-то.

— Может быть, это был никакой не метеор, а чужой корабль, — сказал другой.

Остальные только присвистнули.

— Не верю я в это, — сказал еще один, — но, пожалуй, самое разумное — проверить.

У всех заблестели глаза.

— Корабль с такой массой? Способный изменить орбиту небесного тела?

Да, если его скорость близка к световой!

Вспоминаю день, когда я впервые ступил на палубу корабля. Был я не такой уж маленький, во всяком случае, современные дети знакомятся с морем раньше. И сразу ощутил, что со мной творится нечто новое, непонятное. Казалось, весь мир изменился, он не то чтобы ненадежен, но неустойчив, качается, как маятник, я то тяжелею, то вдруг становлюсь легким, точно перышко, и надо заново учиться сохранять в нем равновесие. Я качался из стороны в сторону, но мир у меня под ногами раскачивался и того быстрее. А потом, перегнувшись через борт, я увидел, как пароход зарылся носом в волну и тотчас задрал его на гребне нового вала, и меня осенило: так и надо, хоть мне это и непонятно. Таков новый мир, и в этом мире, в не знающем равновесия мире постоянного движения и силы надо освоиться. Устойчивости больше нет.

Так и теперь я знал: то же самое происходит, когда со скоростью света бросаешься в океан пустоты. Я знал, пространство и время сжимаются, масса возрастает. И знал — во всем, что нам знакомо, нет ни определенности, ни устойчивости и ветер меняет звук голосов.

Ветер Пространства, ветер полета, ветер света.

Они завершили расчеты, прогнозы и эксперименты и пришли сказать мне о том, что открылось. А я улыбнулся, ведь я уже знал все наперед, знал прежде, чем кто-нибудь выговорил хоть слово. Я все прочел по их глазам. То был не один корабль, а множество, и никому неведомо, как давно бороздят они Пространство.

А скорость их почти равна скорости света, и потому пространство для них сжимается, и каждый из них как острие иглы, нет, еще гораздо меньше. А время их растеклось по окружающей пустоте.

Они сеют время, оставляют его позади на всем своем пути. Минута их времени равна часу нашего. А быть может, больше. Не знаю. У меня никогда не было способностей к подобным расчетам.

И где бы ни проносились эти корабли в космосе, везде они говорили, звали. Но каждое их слово растягивалось на нашу неделю.

И когда нас тряхнуло на орбите в нашей коробке из стекла и металла, это они приветствовали нас, — так большие корабли, входя в гавань, подбирают на кильватерной струе многочисленные лодки, что высыпали им навстречу.

Да, они пока не ведают, кто мы и что мы такое, но еще год — и мы подберем ключ к их языку, и нам станет внятен их голос, мы уже не одиноки, теперь мы знаем, что больше не одиноки.

Я знаю, за морями, за всем, что я могу увидеть или хотя бы вообразить, в дали, не доступной ни глазу, ни ветру, есть еще материки.

И еще люди.

Я знаю, нет такого мыса, который был бы концом света.

Айзек Азимов

Выборы

Из всей семьи только одна десятилетняя Линда, казалось, была рада, что наконец наступило утро. Норман Маллер слышал ее беготню сквозь дурман

тяжелой дремы. (Ему наконец удалось заснуть час назад, но это был не столько сон, сколько мучительное забытие.)

Девочка вбежала в спальню и принялась его расталкивать,

— Папа, папочка, проснись! Ну, проснись же!

Он с трудом удержался от стога.

— Оставь меня в покое, Линда.

— Папочка, ты бы посмотрел, сколько кругом полицейских! И полицейских машин понаехало!

Норман Маллер понял, что сопротивляться бесполезно, и, тупо мигая, приподнялся на локте. Занимался день. За окном едва брезжил серый и унылый рассвет, и так же серо и уныло было у Маллера на душе. Он слышал, как Сара, его жена, возится в кухне, готовя завтрак. Его тесть Мэтью яростно полоскал горло в ванной. Конечно, агент Хэндли уже дожидается его.

Ведь наступил знаменательный день.

День Выборов!

Поначалу этот год был таким же, как и все предыдущие. Может быть, чуть-чуть похуже, так как предстояли выборы президента, но, во всяком случае, не хуже любого другого года, на который приходились выборы президента.

Политические деятели разглагольствовали о суверенных избирателях и мощном электр-ронном мозге, который им служит. Газеты оценивали положение с помощью промышленных вычислительных машин (у «Нью-Йорк таймс» и «Сенс-Луис пост диспэтч» имелись собственные машины) и не скупились на туманные намеки относительно исхода выборов. Комментаторы и обозреватели состязались в определении штата и графства, давая самые противоречивые оценки.

Впервые Маллер почувствовал, что этот год все-

таки не будет таким же, как все предыдущие, вечером четвертого октября (ровно за месяц до выборов), когда его жена Сара Маллер сказала:

— Кэнтуэлл Джонсон говорит, что штатом на этот раз будет Индиана. Я от него четвертого это слышу. Только подумать, на этот раз наш штат!

Из-за газеты выглянуло мясистое лицо Мэтью Хортенвейлера. Посмотрев на дочь с кислой миной, он проворчал:

— Этим типам платят за вранье. Нечего их слушать.

— Но ведь уже четверо называют Индиану, папа, — кротко ответила Сара.

— Индиана — действительно ключевой штат, Мэтью, — также кротко вставил Норман, — из-за закона Хоукинса — Смита и скандала в Индианаполисе. Значит...

Мэтью грозно нахмурился и проскрипел:

— Никто пока еще не называл Блумингтон или графство Монро, верно?

— Да ведь... — начал Маллер.

Линда, чье острое личико поворачивалось от одного собеседника к другому, спросила тоненьким голоском:

— В этом году ты будешь выбирать, папочка?

Норман ласково улыбнулся.

— Вряд ли, детка.

Но все-таки это был год президентских выборов и октябрь, когда страсти разгораются все сильнее, а Сара вела тихую жизнь, пробуждающую мечтательность.

— Но ведь это было бы замечательно!

— Если бы я голосовал?

Норман Маллер носил светлые усыки; когда-то их элегантность покорила сердце Сары, но теперь, тронутые сединой, они лишь подчеркивали зауряд-

ность его лица. Лоб изрезали морщины, порожденные неуверенностью, да и, вообще говоря, его душе старательного приказчика была совершенно чужда мысль, что он рожден великим или волей обстоятельств еще может достигнуть величия. У него была жена, работа и дочка, и, кроме редких минут радостного возбуждения или глубокого уныния, он был склонен считать, что его жизнь сложилась вполне удачно.

Поэтому его смутила и даже встревожила идея, которой загорелась Сара.

— Милая моя, — сказал он, — у нас в стране живет двести миллионов человек. При таких шансах стоит ли тратить время на пустые выдумки?

— Послушай, Норман, двести миллионов здесь ни при чем, и ты это прекрасно знаешь, — ответила Сара. — Во-первых, речь идет только о людях от двадцати до шестидесяти лет, к тому же это всегда мужчины, и, значит, остается уже около пятидесяти миллионов против одного. А в случае если это и в самом деле будет Индиана...

— В таком случае останется приблизительно миллион с четвертью против одного. Вряд ли бы ты обрадовалась, если бы я начал играть на скачках при таких шансах, а? Давайте-ка лучше ужинать.

Из-за газеты донеслось ворчанье Мэтью:

— Дурацкие выдумки...

Линда задала свой вопрос еще раз:

— В этом году ты будешь выбирать, папочка?

Норман отрицательно покачал головой, и все пошли в столовую.

К двадцатому октября волнение Сары достигло предела. За кофе она объявила, что мисс Шульд — а ее двоюродная сестра служит секретарем у одного

члена Ассамблеи — сказала, что «Индиана — дело верное».

— Она говорит, президент Виллерс даже собирается выступить в Индианаполисе с речью.

Норман Маллер, у которого в магазине выдался нелегкий день, только поднял брови в ответ на эту новость.

— Если Виллерс будет выступать в Индиане, значит, он думает, что Мультивак выберет Аризону. У этого болвана Виллерса духу не хватит сунуться куда-нибудь поближе, — высказался Мэтью Хортенвейлер, хронически недовольный Вашингтоном.

Сара, обычно предпочитавшая, когда это не походило на прямую грубость, пропускать замечания отца мимо ушей, сказала, продолжая развивать свою мысль:

— Не понимаю, почему нельзя сразу объявить штат, потом графство и так далее. И все, кого это не касается, были бы спокойны.

— Сделай они так, — заметил Норман, — и политики налетят туда как воронье. А едва объявили бы город, как там уже на каждом углу торчало бы по конгрессмену, а то и по два.

Мэтью сощурился и в сердцах провел рукой по жидким седым волосам.

— Да они и так настоящее воронье. Вот послушайте...

Сара поспешила вмешаться:

— Право же, папа...

Но Мэтью продолжал свою триаду, не обратив на дочь ни малейшего внимания:

— Я ведь помню, как устанавливали Мультивак. Он положит конец борьбе партий, говорили тогда. Предвыборные кампании больше не будут пожирать деньги избирателей. Ни одно ухмыляющееся ничтожество не пролезет больше в конгресс или в Белый

дом, так как с политическим давлением и рекламной шумихой будет покончено. А что получилось? Шумихи еще больше, только действуют вслепую. По-сылают людей в Индиану из-за закона Хоукинса — Смита, а других — в Калифорнию, на случай если положение с Джо Хэммером окажется более важным. А я говорю — долой всю эту чепуху! Назад к доброму старому...

Линда неожиданно перебила его:

— Разве ты не хочешь, дедушка, чтобы папа голосовал в этом году?

Мэтью сердито поглядел на внуку.

— Не в этом дело. — Он снова повернулся к Норману и Саре. — Было время, когда я голосовал. Входил прямо в кабину, брался за рычаг и голосовал. Ничего особенного. Я просто говорил: этот кандидат мне по душе, и я голосую за него. Вот как нужно!

Линда спросила с восторгом:

— Ты голосовал, дедушка? Ты и вправду голосовал?

Сара поспешила прекратить этот диалог, из которого легко могла родиться нелепая сплетня:

— Ты не поняла, Линда. Дедушка вовсе не хочет сказать, будто он голосовал, как сейчас. Когда дедушка был маленький, все голосовали, и твой дедушка тоже, только это было не настоящее голосование.

Мэтью взревел:

— Вовсе я тогда был не маленький! Мне уже исполнилось двадцать два года, и я голосовал за Лэнгли, и голосовал по-настоящему. Может, мой голос не очень-то много значил, но был не хуже всех прочих. Да, всех прочих. И никакие Мультиваки не...

Тут вмешался Норман:

— Хорошо, хорошо, Линда, пора спать. И перестань расспрашивать о голосовании. Вырастешь, сама все поймешь.

Он поцеловал ее нежно, но по всем правилам антисептики, и девочка неохотно ушла, после того как мать пригрозила ей наказанием и позволила смотреть вечернюю видеопрограмму до четверти десятого с условием, что она умоется быстро и хорошо.

— Дедушка, — позвала Линда.

Она стояла, упрямо опустив голову и заложив руки за спину, и ждала, пока газета не опустилась и из-за нее не показались косматые брови и глаза в сетке тонких морщин. Была пятница, тридцать первое октября.

— Ну?

Линда подошла поближе и оперлась локтями о колено деда, так что он вынужден был отложить газету.

— Дедушка, ты правда голосовал? — спросила она.

— Ты ведь слышала, как я это сказал, так? Или, по-твоему, я вру? — последовал ответ.

— Н-нет, но мама говорит, тогда все голосовали.

— Правильно.

— А как же это? Как же могли голосовать все?

Мэтью мрачно посмотрел на внучку, потом поднял ее, посадил к себе на колени и даже заговорил несколько тише, чем обычно:

— Понимаешь, Линда, раньше все голосовали, и это кончилось только лет сорок назад. Скажем, хотели мы решить, кто будет новым президентом Соединенных Штатов. Демократы и республиканцы выдвигали своих кандидатов, и каждый человек говорил, кого он хочет выбрать президентом. Когда выборы заканчивались, подсчитывали, сколько наро-

да хочет, чтобы президент был от демократов, и сколько — от республиканцев. За кого подали больше голосов, тот и считался избранным. Поняла?

Линда кивнула и спросила:

— А откуда все знали, за кого голосовать? Им Мультивак говорил?

Мэтью свирепо сдвинул брови.

— Они решали это сами!

Линда отодвинулась от него, и он опять понизил голос:

— Я не сержусь на тебя, Линда. Ты понимаешь, порою нужна была целая ночь, чтобы подсчитать голоса, а люди не хотели ждать. И тогда изобрели специальные машины — они смотрели на первые несколько бюллетеней и сравнивали их с бюллетенями из тех же мест за прошлые годы. Так машина могла подсчитать, какой будет общий итог и кого выберут. Понятно?

Она кивнула:

— Как Мультивак.

— Первые вычислительные машины были намного меньше Мультивака. Но они становились все больше и больше и могли определить, как пройдут выборы, по все меньшему и меньшему числу голосов. А потом в конце концов построили Мультивак, который способен абсолютно все решить по одному голосу.

Линда улыбнулась, потому что это ей было понятно, и сказала:

— Вот и хорошо.

Мэтью нахмурился и возразил:

— Ничего хорошего. Я не желаю, чтобы какая-то машина мне говорила, за кого я должен голосовать, потому, дескать, что какой-то зубоскал в Мильвоки высказался против повышения тарифов. Может, я хочу проголосовать не за того, за кого на-

до, коли мне так нравится, может, я вообще не хочу голосовать. Может...

Но Линда уже сползла с его колен и побежала к двери.

На пороге она столкнулась с матерью. Сара, сняв ни пальто, ни шляпу, проговорила, еле переводя дыхание:

— Беги играть, Линда. Не путайся у мамы под ногами.

Потом, сняв шляпу и приглаживая рукой волосы, она обратилась к Мэтью:

— Я была у Агаты.

Мэтью окинул ее сердитым взглядом и, не удостоив это сообщение даже обычным хмыканьем, потянулся за газетой.

Сара добавила, расстегивая пальто:

— И знаешь, что она мне сказала?

Мэтью с треском расправил газету, собираясь вновь погрузиться в чтение, и ответил:

— Не интересуюсь.

Сара начала было: «Все-таки, отец...», — но сердиться было некогда. Новость жгла ей язык, а слушателя под рукой, кроме Мэтью, не оказалось, и она продолжала:

— Ведь Джо, муж Агаты, — полицейский, и он говорит, что вчера вечером в Блумингтон прикатил целый грузовик с агентами секретной службы.

— Это не за мной.

— Как ты не понимаешь, отец! Агенты секретной службы, а выборы совсем на носу. *В Блумингтон!*

— Может, кто-нибудь ограбил банк.

— Да у нас в городе уже сто лет никто банков не грабит. Отец, с тобой бесполезно разговаривать. И она сердито вышла из комнаты.

И Норман Маллер не слишком взволновался, узнав эти новости.

— Скажи, пожалуйста, Сара, откуда Джо знает, что это агенты секретной службы? — спросил он невозмутимо. — Вряд ли они расхаживают по городу, приклеив удостоверения на лоб.

Однако на следующий вечер, первого ноября, Сара торжественно заявила:

— Все до одного в Блумингтоне считают, что избирателем будет кто-то из местных. «Блумингтон ньюс» почти прямо сообщила об этом по видео.

Норман поежился. Жена говорила правду, и сердце у него упало. Если Мультивак и в самом деле обрушит свою молнию на Блумингтон, это означает несметные толпы репортеров, туристов, особые видеопрограммы — всякую непривычную суету.

Норман дорожил тихой и спокойной жизнью, и его пугал все нарастающий гул политических событий.

Он заметил:

— Все это пока только слухи.

— А ты подожди, подожди немножко.

Ждать пришлось недолго. Раздался настойчивый звонок, и, когда Норман открыл дверь со словами: «Что вам угодно?», высокий человек с хмурым лицом спросил его:

— Вы Норман Маллер?

Норман растерянным, замирающим голосом ответил:

— Да.

По тому, как себя держал незнакомец, можно было легко догадаться, что он лицо, облеченное властью, а цель его прихода вдруг стала настолько же очевидной, неизбежной, насколько за мгновение до того она казалась невероятной, немыслимой.

Незнакомец предъявил свое удостоверение, во-

шел, закрыл за собой дверь и произнес ритуальные слова:

— Мистер Норман Маллер, от имени президента Соединенных Штатов я уполномочен сообщить вам, что на вас пал выбор представлять американских избирателей во вторник, четвертого ноября 2008 года.

Норман Маллер с трудом сумел добраться без посторонней помощи до стула. Так он и сидел — бледный как полотно, еле сознавая, что происходит, а Сара поила его водой, в смятении растирала руки и бормотала сквозь стиснутые зубы:

— Не заболей, Норман. Только не заболей. А то найдут кого-нибудь еще.

Когда к Норману вернулся дар речи, он прошептал:

— Прощу прощения, сэр.

Агент секретной службы уже снял пальто и, растегнув пиджак, непринужденно расположился на диване.

— Ничего, — сказал он. (Он оставил официальный тон, как только покончил с формальностями, и теперь это был просто рослый и весьма доброжелательный человек.) Я уже шестой раз делаю это объявление — видел всякого рода реакции. Но только не ту, которую показывают по видео. Ну, вы и сами знаете: человек самоотверженно, с энтузиазмом восклицает: «Служить своей родине — великая честь! Или что-то в таком же духе и не менее патетически. — Агент добродушно и дружелюбно засмеялся.

Сара вторила ему, но в ее смехе слышались истерически-визгливые нотки.

Агент продолжал:

— А теперь придется вам некоторое время потерпеть меня в доме. Меня зовут Фил Хэндли. На-

зывают меня просто Фил. До Дня Выборов мистеру Маллеру нельзя будет выходить из дому. Вам придется сообщить в магазин, миссис Маллер, что он заболел. Сами вы можете пока что заниматься обычными делами, но никому ни о чем ни слова. Я надеюсь, вы меня поняли и мы договорились, миссис Маллер?

Сара энергично закивала.

— Да, сэр. Ни слова.

— Прекрасно. Но, миссис Маллер, — лицо Хэндли стало очень серьезным, — это не шутки. Выходите из дому только в случае необходимости, и за вами будут следить. Мне очень неприятно, но так у нас положено.

— Следить?

— Никто этого не заметит. Не волнуйтесь. К тому же это всего на два дня, до официального объявления. Ваша дочь...

— Она уже легла, — поспешно вставила Сара.

— Прекрасно. Ей нужно будет сказать, что я ваш родственник или знакомый и приехал к вам погостить. Если же она узнает правду, придется не выпускать ее из дому. А вашему отцу не следует выходить в любом случае.

— Он рассердится, — сказала Сара.

— Ничего не поделаешь. Итак, значит, со всеми членами вашей семьи мы разобрались и теперь...

— Похоже, вы знаете про нас все, — еле слышно сказал Норман.

— Немало, — согласился Хэндли. — Как бы то ни было, пока у меня для вас инструкций больше нет. Я постараюсь быть полезным чем могу и не слишком надоедать вам. Правительство оплачивает расходы по моему содержанию, так что у вас не будет лишних затрат. Каждый вечер меня будет сменять другой агент, который будет дежурить в этой

комнате. Значит, лишняя постель не нужна. И вот что, мистер Маллер...

— Да, сэр?

— Зовите меня просто Фил,— повторил агент.— Эти два дня до официального сообщения вам дают для того, чтобы вы успели привыкнуть к своей роли и предстали перед Мультиваком в нормальном душевном состоянии. Не волнуйтесь и постарайтесь себя убедить, что ничего особенного не случилось. Хорошо?

— Хорошо,— сказал Норман и вдруг яростно замотал головой.— Но я не хочу брать на себя такую ответственность. Почему непременно я?

— Ладно,— сказал Хэндли.— Давайте сразу во всем разберемся. Мультивак обрабатывает самые различные факторы, миллиарды факторов. Один фактор, однако, неизвестен и будет неизвестен еще долго. Это умонстроение личности. Все американцы подвергаются воздействию слов и поступков других американцев. Мультивак может оценить настроение любого американца. И это дает возможность проанализировать настроение всех граждан страны. В зависимости от событий года одни американцы больше подходят для этой цели, другие меньше. Мультивак выбрал вас как самого типичного представителя страны для этого года. Не как самого умного, сильного или удачливого, а просто как самого типичного. А выводы Мультивака сомнению не подлежат, не так ли?

— А разве он не может ошибиться? — спросил Норман.

Сара нетерпеливо прервала мужа:

— Не слушайте его, сэр. Он просто нервничает. Вообще-то он человек начитанный и всегда следит за политикой.

Хэндли сказал:

— Решения принимает Мультивак, миссис Маллер. Он выбрал вашего мужа.

— Но разве ему все известно? — упрямо настаивал Норман. — Разве он не может ошибиться?

— Может. Я буду с вами вполне откровенным. В 1993 году избиратель скончался от удара за два часа до того, как его должны были предупредить о назначении. Мультивак этого не предсказал — не мог предсказать. У избирателя может быть неустойчивая психика, невысокие моральные правила, или, если уж на то пошло, он может быть вообще нелояльным. Мультивак не в состоянии знать все о каждом человеке, пока он не получил о нем всех сведений, какие только имеются. Поэтому всегда наготове запасные кандидатуры. Но вряд ли на этот раз они нам понадобятся. Вы вполне здоровы, мистер Маллер, и вы прошли тщательную заочную проверку. Вы подходите.

Норман закрыл лицо руками и замер в неподвижности.

— Завтра к утру, сэр, — сказала Сара, — он придет в себя. Ему только надо свыкнуться с этой мыслью, вот и все.

— Разумеется, — согласился Хэндли.

Когда они остались наедине в спальне, Сара Маллер выразила свою точку зрения по-другому и гораздо энергичнее. Смысл ее нотаций был таков: «Возьми себя в руки, Норман. Ты ведь из всех сил стараешься упустить возможность, которая выпадает раз в жизни».

Норман прошептал в отчаянии:

— Я боюсь, Сара. Боюсь всего этого.

— Господи, почему? Неужели так страшно ответить на один-два вопроса?

— Слишком большая ответственность. Она мне не по силам.

— Ответственность? Никакой ответственности нет. Тебя выбрал Мультивак. Вся ответственность лежит на Мультиваке. Это знает каждый.

Норман сел в кровати, охваченный внезапным приступом гнева и тоски:

— Считается, что знает каждый. А никто ничего знать не хочет. Никто...

— Тише, — злобно прошипела Сара. — Тебя на другом конце города слышно.

— ...ничего знать не хочет, — повторил Норман, сразу понизив голос до шепота. — Когда говорят о правительстве Риджли 1988 года, разве кто-нибудь скажет, что он победил на выборах потому, что наобещал золотые горы и плел расистский вздор? Ничего подобного! Нет, они говорят «выбор сволочи Маккомбера», словно только Хамфри Маккомбер приложил к этому руку, а он-то отвечал на вопросы Мультивака и больше ничего. Я и сам так говорил, а вот теперь я понимаю, что бедняга был всего-навсего простым фермером и не просил назначать его избирателем. Так почему же он виноват больше других? А теперь его имя стало ругательством.

— Рассуждаешь, как ребенок, — сказала Сара.

— Рассуждаю, как взрослый человек. Вот что, Сара, я откажусь. Они меня не могут заставить, если я не хочу. Скажу, что я болен. Скажу...

Но Саре это уже надоело.

— А теперь послушай меня, — прошептала она в холодной ярости. — Ты не имеешь права думать только о себе. Ты сам знаешь, что такое избиратель года. Да еще в год президентских выборов. Реклама, и слава, и, может быть, куча денег...

— А потом опять становишься к прилавку.

— Никаких прилавков! Тебя назначат по крайней мере управляющим одного из филиалов, если будешь все делать по-умному, а уж это я беру на

себя. Если ты правильно разыграешь свои карты, то «Универсальным магазинам Кеннелла» придется заключить с тобой выгодный для нас контракт — с пунктом о регулярном увеличении твоего жалованья и обязательством выплачивать тебе приличную пенсию.

— Избирателя, Сара, назначают вовсе не для этого.

— А тебя — как раз для этого. Если ты не желаешь думать о себе или обо мне — я же прошу не для себя! — то о Линде ты подумать обязан.

Норман застонал.

— Обязан или нет? — грозно спросила Сара.

— Да, милочка, — прошептал Норман.

Третьего ноября последовало официальное сообщение, и теперь Норман уже не мог бы отказаться, даже если бы у него хватило на это мужества.

Они были полностью изолированы от внешнего мира. Агенты секретной службы, уже не скрываясь, преграждали всякий доступ в дом.

Сначала беспрерывно звонил телефон, но на все звонки с чарующе-виноватой улыбкой Филип Хэндли отвечал сам. В конце концов станция попросту переключила телефон на полицейский участок.

Норман полагал, что так его спасают не только от захлебывающихся от поздравлений (и зависти) друзей, но и от бессовестных приставаний коммивояжеров, чующих возможную прибыль, от расчетливой вкрадчивости политиканов со всей страны... А может, и от полоумных фанатиков, готовых разделаться с ним.

В дом запретили приносить газеты, чтобы оградить Нормана от их воздействия, а телевизор отключили — деликатно, но решительно, и громкие протесты Линды не помогли.

Мэтью ворчал и не покидал своей комнаты; Линда, когда первые восторги улеглись, начала дуться и капризничать, потому что ей не позволяли выходить из дому; Сара делила время между стряпней и планами на будущее; а настроение Нормана становилось все более и более угнетенным под влиянием одних и тех же мыслей.

И вот наконец настало утро четвертого ноября 2008 года, наступил День Выборов.

Завтракать сели рано, но ел один только Норман Маллер, да и то по привычке. Ни ванна, ни бритье не смогли вернуть его к действительности или избавить от чувства, что и вид у него такой же скверный, как душевное состояние.

Хэндли изо всех сил старался разрядить напряжение, но даже его дружеский голос не мог смягчить враждебности серого рассвета. (В прогнозе погоды было сказано: облачность, в первую половину дня возможен дождь.)

Хэндли предупредил:

— До возвращения мистера Маллера дом останется по-прежнему под охраной, а потом мы избавим вас от своего присутствия.

Агент секретной службы на этот раз был в полной парадной форме, включая окованную медью кобуру на боку.

— Вы же совсем не были нам в тягость, мистер Хэндли, — сладко улыбнулась Сара.

Норман выпил две чашки кофе, вытер губы салфеткой, встал и произнес каким-то страдальческим голосом:

— Я готов.

Хэндли тоже поднялся.

— Прекрасно, сэр. И благодарю вас, миссис Маллер, за любезное гостеприимство.

Бронированный автомобиль урча неся по пустынным улицам. Даже для такого раннего часа на улицах было слишком пусто.

Хэндли обратил на это внимание Нормана и добавил:

— На улицах, по которым пролегает наш маршрут, теперь всегда закрывается движение — это правило было введено после того, как покушение террориста в девяносто втором году чуть не сорвало выборы Леверетта.

Когда машина остановилась, Хэндли, предупредительный, как всегда, помог Маллеру выйти. Они оказались в подземном коридоре, вдоль стен которого шеренги солдат замерли по стойке «смирно».

Маллера проводили в ярко освещенную комнату, где три человека в белых халатах встретили его приветливыми улыбками.

Норман сказал резко:

— Но ведь это же больница!

— Неважно, — тотчас же ответил Хэндли. — Просто в больнице есть все необходимое оборудование.

— Ну, так что же я должен делать?

Хэндли кивнул. Один из трех людей в белых халатах шагнул к ним и сказал:

— Вы передаете его мне.

Хэндли небрежно козырнул и вышел из комнаты.

Человек в белом халате проговорил:

— Не угодно ли вам сесть, мистер Маллер? Я Джон Полсон, старший вычислитель. Это Самсон Левин и Питер Дорогобуж, мои помощники.

Норман тупо пожал всем руки. Полсон был невысок, его лицо с расплывчатыми чертами, казалось, привыкло вечно улыбаться. Он носил очки в старомодной пластиковой оправе и накладку, плохо

маскировавшую плешь. Разговаривая, Полсон закурил сигарету. (Он протянул пачку и Норману, но тот отказался.)

Полсон сказал:

— Прежде всего, мистер Маллер, я хочу предупредить вас, что мы никуда не торопимся. Если понадобится, вы можете пробыть здесь с нами хоть целый день, чтобы привыкнуть к обстановке и избавиться от ощущения, будто в этом есть что-то необычное, какая-то клиническая сторона, если можно так выразиться.

— Это мне ясно, — сказал Норман. — Но я предпочел бы, чтобы это кончилось поскорее.

— Я вас понимаю. И тем не менее нужно, чтобы вы ясно представляли себе, что происходит. Прежде всего, Мультивак находится не здесь.

— Не здесь? — Все это время, как он ни был подавлен, Норман таил надежду увидеть Мультивак. По слухам, он достигал полумили в длину и был в три этажа высотой, а в коридорах внутри его — подумать только! — постоянно дежурят пятьдесят специалистов. Это было одно из чудес света.

Полсон улыбнулся.

— Вот именно. Видите ли, он не совсем портативен. Говоря серьезно, он помещается под землей, и мало кому известно, где именно. Это и понятно, ведь Мультивак — наше величайшее богатство. Поверьте мне, выборы не единственное, для чего используют Мультивак.

Норман подумал, что разговорчивость его собеседника не случайна, но все-таки его разбирало любопытство.

— А я думал, что увижу его. Мне бы этого очень хотелось.

— Разумеется. Но для этого нужно распоряжение президента, и даже в таком случае требуется

виза Службы безопасности. Однако мы соединены с Мультиваком прямой связью. То, что сообщает Мультивак, можно расшифровать здесь, а то, что мы говорим, передается прямо Мультиваку; таким образом, мы как бы находимся в его присутствии.

Норман огляделся. Кругом стояли непонятные машины.

— А теперь разрешите мне объяснить вам процедуру, мистер Маллер, — продолжал Полсон. — Мультивак уже получил почти всю информацию, которая ему требуется для определения кандидатов в органы власти всей страны, отдельных штатов и местные. Ему нужно только свериться с не поддающимся выведению умонастроением личности, и вот тут-то ему и нужны вы. Мы не в состоянии сказать, какие он задаст вопросы, но они и вам, и даже нам, возможно, покажутся почти бессмысленными. Он, скажем, спросит вас, как, на ваш взгляд, поставлена очистка улиц вашего города и как вы относитесь к централизованным мусоросжигателям. А может быть, он спросит, лечитесь ли вы у своего постоянного врача или пользуетесь услугами Национальной медицинской компании. Вы понимаете?

— Да, сэр.

— Что бы он ни спросил, отвечайте своими словами, как вам угодно. Если вам покажется, что объяснять нужно многое, не стесняйтесь. Говорите хоть час, если понадобится.

— Понимаю, сэр.

— И еще одно. Нам потребуется использовать кое-какую несложную аппаратуру. Пока вы говорите, она будет автоматически записывать ваше давление, работу сердца, проводимость кожи, биотоки мозга. Аппараты могут испугать вас, но все это совершенно безболезненно. Вы даже не почувствуете, что они включены.

Его помощники уже хлопотали около мягко поблескивающего агрегата на хорошо смазанных колесах.

Норман спросил:

— Это чтобы проверить, говорю ли я правду?

— Вовсе нет, мистер Маллер. Дело не во лжи. Речь идет только об эмоциональном напряжении. Если машина спросит ваше мнение о школе, где учится ваша дочь, вы, возможно, ответите: «По-моему, классы в ней переполнены». Это только слова. По тому, как работает ваш мозг, сердце, железы внутренней секреции и потовые железы, Мультивак может точно определить, насколько вас волнует этот вопрос. Он поймет, что вы испытываете, лучше, чем вы сами.

— Я об этом ничего не знал, — сказал Норман.

— Конечно! Ведь большинство сведений о методах работы Мультивака являются государственной тайной. И, когда вы будете уходить, вас попросят дать подписку, что вы не будете разглашать, какого рода вопросы вам задавались, что вы на них ответили, что здесь происходило и как. Чем меньше известно о Мультиваке, тем меньше шансов, что кто-то посторонний попытается повлиять на тех, кто с ним работает. — Он мрачно улыбнулся. — У нас и без того жизнь нелегкая.

Норман кивнул.

— Понимаю.

— А теперь, быть может, вы хотите есть или пить?

— Нет. Пока что нет.

— У вас есть вопросы?

Норман покачал головой.

— В таком случае скажите нам, когда вы будете готовы.

— Я уже готов.

— Вы уверены?

— Вполне.

Полсон кивнул и дал знак своим помощникам начинать.

Они двинулись к Норману с устрашающими аппаратами, и он почувствовал, как у него участилось дыхание.

Мучительная процедура длилась почти три часа и прерывалась всего на несколько минут, чтобы Норман мог выпить чашку кофе и, к величайшему его смущению, воспользоваться ночным горшком. Все это время он был прикован к машинам. Под конец он смертельно устал.

Он подумал с иронией, что выполнить обещание ничего не разглашать будет очень легко. У него уже от вопросов была полная каша в голове.

Почему-то раньше Норман думал, что Мультивак будет говорить загробным, нечеловеческим голосом, звучным и рокошущим; очевидно, это представление ему навеяли бесконечные телевизионные передачи, решил он теперь. Действительность оказалась до обидного неромантической. Вопросы поступали на полосках какой-то металлической фольги, испещренных множеством проколов. Вторая машина превращала проколы в слова, и Полсон читал эти слова Норману, а затем передавал ему вопрос, чтобы он прочел его сам.

Ответы Нормана записывались на магнитофонную пленку, их проигрывали, а Норман слушал, все ли верно, и его поправки и добавления тут же записывались.

Затем пленка заправлялась в перфорационный аппарат и результаты передавались Мультиваку.

Единственный вопрос, запомнившийся Норману, был словно выхвачен из болтовни двух кумушек и

совсем не вязался с торжественностью момента: «Что вы думаете о ценах на яйца?»

И вот все позади: с его тела осторожно сняли многочисленные электроды, распустили пульсирующую повязку на предплечье, убрали аппаратуру.

Норман встал, глубоко и судорожно вздохнул и спросил:

— Все? Я свободен?

— Не совсем. — Полсон спешил к нему с ободряющей улыбкой. — Мы бы просили вас задержать-ся еще на часок.

— Зачем? — встревожился Норман.

— Приблизительно такой срок нужен Мультива-ку, чтобы увязать полученные новые данные с миллиардами уже имеющихся у него сведений. Видите ли, он должен учитывать тысячи других выборов. Дело очень сложное. И может оказаться, что какое-нибудь назначение окажется неувязанным, скажем, санитарного инспектора в городе Феникс, штат Ари-зона, или же муниципального советника в Уилксбо-ро, штат Северная Каролина. В таком случае Муль-тивак будет вынужден задать вам еще несколько решающих вопросов.

— Нет, — сказал Норман. — Я ни за что боль-ше не соглашусь.

— Возможно, этого и не потребуется, — уверил его Полсон. — Такое положение возникает крайне редко. Но просто на всякий случай вам придется подождать. — В его голосе зазвучали еле заметные стальные нотки. — Ваши желания тут ничего не ре-шают. Вы обязаны.

Норман устало опустил на стул и пожал пле-чами.

Полсон продолжал:

— Читать газеты вам не разрешается, но, если детективные романы, или партия в шахматы, или

еще что-нибудь в этом роде помогут вам скоротать время, вам достаточно только сказать.

— Ничего не надо. Я просто посижу.

Его провели в маленькую комнату рядом с той, где он отвечал на вопросы. Он сел в кресло, обтянутое пластиком, и закрыл глаза.

Хочешь не хочешь, а нужно ждать, пока истечет этот последний час.

Он сидел не двигаясь, и постепенно напряжение спало. Дыхание стало не таким прерывистым, и дрожь в пальцах уже не мешала сжимать руки.

Может, вопросов больше и не будет. Может, все кончилось.

Если это так, то дальше его ждут факельные шествия и выступления на всевозможных приемах и собраниях. Избиратель этого года!

Он, Норман Маллер, обыкновенный продавец из маленького универмага в Блумингтоне, штат Индиана, не рожденный великим, не добившийся величия собственными заслугами, попал в необычайное положение: его вынудили стать великим.

Историки будут торжественно упоминать Выборы Маллера в 2008 году. Ведь эти выборы будут называться именно так — Выборы Маллера.

Слава, повышение в должности, сверкающий денежный поток — все то, что было так важно для Сары, почти не занимало его. Конечно, это очень приятно, и он не собирается отказываться от подобных благ. Но в эту минуту его занимало совершенно другое.

В нем вдруг проснулся патриотизм. Что ни говори, а он представляет здесь всех избирателей страны. Их чаяния собраны в нем, как в фокусе. На этот единственный день он стал воплощением всей Америки!

Дверь открылась, и Норман весь обратился в слух. На мгновение он внутренне сжался. Неужели опять вопросы?

Но Полсон улыбался.

— Все, мистер Маллер.

— И больше никаких вопросов, сэр?

— Ни единого. Прошло без всяких осложнений. Вас отвезут домой, и вы снова станете частным лицом, конечно, насколько вам позволит широкая публика.

— Спасибо, спасибо. — Норман покраснел и спросил: — Интересно, а кто избран?

Полсон покачал головой.

— Придется ждать официального сообщения. Правила очень строгие. Мы даже вам не имеем права сказать. Я думаю, вы понимаете.

— Конечно. Ну, конечно, — смущенно ответил Норман.

— Агент Службы безопасности даст вам подписать необходимые документы.

— Хорошо.

И вдруг Норман ощутил гордость. Неимоверную гордость. Он гордился собой.

В этом несовершенном мире суверенные граждане первой в мире и величайшей Электронной Демократии через Нормана Маллера (да, через *него!*) вновь осуществили принадлежащее им свободное, ничем не ограниченное право выбирать свое правительство!

Айзек Азимов
Чувство силы

Джехан Шуман привык иметь дело с высокопоставленными людьми, руководящими раздираемой распрями планетой. Он был штатским, но составлял программы для автоматических счетных машин самого высшего порядка. Поэтому генералы прислушивались к нему. Председатели комитетов конгресса — тоже.

Сейчас в отдельном зале Нового Пентагона было по одному представителю тех и других. Генерал Уэйдер был темен от космического загара, и его маленький ротик сжимался кружочком. У конгрессмена Бранта было гладко выбритое лицо и светлые глаза. Он курил денебианский табак с видом человека, патриотизм которого достаточно известен, чтобы он мог позволить себе такую вольность.

Высокий, изящный Шуман, программист I класса, глядел на них без страха.

— Джентльмены, — произнес он, — это Майрон Ауб.

— Человек с необычайными способностями, открытый вами случайно, — безмятежно сказал Брант. — Помню.

Он разглядывал маленького, лысого человечка с выражением снисходительного любопытства.

Человечек беспокойно шевелил пальцами и то и дело переплетал их. Ему никогда еще не приходилось сталкиваться со столь великими людьми. Он был всего лишь пожилым техником низшего разряда; когда-то он провалился на всех экзаменах, призванных обнаружить в человечестве наиболее одаренных, и с тех пор застрял в колее неквалифици-

рованной работы. У него была одна страстишка, о которой пронюхал великий Программист и вокруг которой поднимал такую страшную шумиху.

Генерал Колдер сказал:

— Я нахожу эту атмосферу таинственности детской.

— Сейчас вы увидите, — возразил Шуман. — Это не такое дело, чтобы рассказывать первому встречному. — Ауб! — В том, как он бросил это односложное имя, было что-то повелительное, но так подобало говорить великому Программисту с простым техником. — Ауб, сколько будет, если девять умножить на семь?

Ауб поколебался; в его бледных глазах появилась тревога.

— Шестьдесят три, — сказал он.

Конгрессмен Брант поднял брови.

— Это верно?

— Проверьте сами, сэр.

Конгрессмен достал из кармана счетную машинку, дважды передвинул ее рычажки, поглядел на циферблат у себя на ладони, потом сунул машинку обратно.

— Это вы и хотели нам показать? — спросил он. — Фокусника?

— Больше, чем фокусника, сэр. Ауб запомнил несколько простых операций и с их помощью ведет расчеты на бумаге.

— Бумажный счетчик, — вставил генерал со скучающим видом.

— Нет, сэр, — терпеливо возразил Шуман. — Совсем не то. Просто листок бумаги. Генерал, будьте любезны задать число!

— Семнадцать, — сказал генерал.

— А вы, конгрессмен?

— Двадцать три.

— Хорошо. Ауб! Перемножьте эти числа и покажите джентльменам, как вы это делаете.

— Да, Программист, — сказал Ауб, втянув голову в плечи. Из одного кармана он извлек блокнотик, из другого — тонкий автоматический карандаш. Лоб у него собрался складками, когда он выводил на бумаге затейливые значки.

Генерал Уэйдер резко бросил ему:

— Покажите, что там.

Ауб подал ему листок, и Уэйдер сказал:

— Да, это число похоже на 17.

Брант кивнул головой.

— Верно, но, мне кажется, скопировать цифры со счетчика сможет всякий. Думаю, что мне и самому удастся нарисовать 17, даже без практики.

— Разрешите Аубу продолжать, джентльмены, — бесстрастно произнес Шуман.

Ауб снова взялся за работу, руки у него слегка дрожали. Наконец он произнес тихо.

— Это будет 391.

Конгрессмен Брант снова достал свой счетчик и защелкал рычажками.

— Черт возьми, верно! Как он угадал!

— Он не угадывает, джентльмены, — возразил Шуман. — Он рассчитал результат. Он сделал это на листке бумаги.

— Чепуха, — нетерпеливо произнес генерал. — Счетчик — это одно, а значки на бумаге — другое.

— Объясните, Ауб, — приказал Шуман.

— Да, Программист. — Ну вот, джентльмены, я пишу 17, а под ним 23. Потом я говорю себе: 7 умножить на 3.

Конгрессмен прервал мягко:

— Нет, Ауб, задача была умножить 17 на 23.

— Да, я знаю, — серьезно ответил маленький техник, — но я начинаю с того, что умножаю 7 на 3,

потому что так получается. А 7 умножить на 3 — это 21.

— Откуда вы это знаете? — спросил конгрессмен.

— Просто запомнил. На счетчике всегда получается 21. Я проверял много раз.

— Это значит, что так будет получаться всегда, неправда ли? — заметил конгрессмен.

— Не знаю, — пробормотал Ауб. — Я не математик. Но, видите ли, у меня всегда получаются правильные ответы.

— Продолжайте.

— 3 умножить на 7 — это 21, так что я и пишу 21. Потом трижды один — три, так что я пишу тройку под двойкой...

— Почему под двойкой? — прервал вдруг Брант.

— Потому что... — Ауб обратил беспомощный взгляд к своему начальнику. — Это трудно объяснить.

Шуман вмешался.

— Если вы примете его работу, как она есть, то подробности можно будет поручить математикам.

Брант согласился.

Ауб продолжал:

— 2 да 3 — пять, так что из 21 получается 51. Теперь оставим это на время и начнем заново. Перемножим 7 и 2, будет 14, потом 1 и 2, это будет 2. Сложим, как раньше, и получим 34. И вот, если написать 34 вот так под 51 и сложить их, то получится 391. Это и будет ответ.

Наступило минутное молчание, потом генерал Уэйдер сказал:

— Не верю. Он городит чепуху, складывает числа и умножает их так и этак, но я ему не верю. Это слишком сложно, чтобы могло быть разумным.

— О нет, сэр, — смятенно возразил Ауб. — Это только кажется сложным, потому что вы не привыкли. В действительности же правила довольно просты и годятся для любых чисел.

— Для любых? — переспросил генерал. — Ну, так вот. — Он достал свой счетчик (военную модель строгого стиля) и поставил его наугад. — Помножьте на бумажке — 5, 7, 3, 8. Это значит... Это значит 5738.

— Да, сэр, — сказал Ауб и взял новый листок бумаги.

— Теперь... — Генерал снова заработал счетчиком. — Пишите: 7, 2, 3, 9. Число 7239.

— Да, сэр.

— А теперь перемножьте их.

— Это займет много времени, — прошептал Ауб.

— Неважно.

— Валяйте, Ауб, — весело сказал Шуман.

Ауб принялся за дело. Он брал один листок за другим. Генерал достал часы и засек время.

— Ну что, кончили колдовать, техник? — спросил он.

— Сейчас кончу, сэр... Готово. 41 537 382. — Ауб показал записанный результат.

Генерал Уэйдер недоверчиво улыбнулся, передвинул контакты умножения на своем счетчике и подождал, пока цифры остановятся. А когда он взглянул, сказал с величайшим изумлением:

— Великие галактики, это верно!

Президент Всепланетной Федерации позволил подвижным чертам своего лица принять выражение глубокой меланхолии. Денебианская война, начавшаяся как широкое, популярное движение, выродилась в скучное маневрирование и контрманевриро-

вание, с постоянно растущим на Земле недовольством. Однако оно росло и на Денебе.

А тут конгрессмен Брант, глава важного военного комитета, беспечно тратит свою получасовую аудиенцию на разговоры о чепухе.

— Расчеты без счетчика, — нетерпеливо произнес президент, — это противоречие понятий.

— Расчеты, — возразил конгрессмен, — это только система обработки данных. Их может сделать машина, может сделать и человеческий мозг. Позвольте привести пример. — И, пользуясь недавно приобретенными знаниями, он получал суммы и произведения, пока президент не заинтересовался против своей воли.

— И это всегда выходит?

— Каждый раз, сэр. Это абсолютно надежно.

— Трудно ли этому научиться?

— Мне понадобилась неделя, чтобы понять настоящего. Думаю, что дальше будет легче.

— Хорошо, — сказал президент, подумав, — это интересная салонная игра, но какая от нее польза?

— Какая польза от новорожденного ребенка, дорогой президент? В данный момент пользы нет, но разве вы не видите, что это указывает нам путь к освобождению от машины? Подумайте, сэр. — Конгрессмен встал, и в его звучном голосе автоматически появились интонации, к которым он прибегал в публичных дебатах. — Денебианская война — это война между счетными машинами. Денебианские счетчики создают непроницаемый заслон против нашего обстрела, наши счетчики — против их обстрела. Как только мы улучшаем работу своих счетчиков, другая сторона делает то же, и такое жалкое, беспечное равновесие держится уже пять лет.

А теперь у нас есть способ, позволяющий обойтись без счетчика, перепрыгнуть через него, обог-

нать его, мы можем сочетать механику расчетов с человеческой мыслью; мы можем получить эквивалент счетчикам, миллионам их. Я не могу предсказать все последствия в точности, но они будут неисчислимыми. А если Денеб будет продолжать упрямитесь, они могут стать катастрофическими.

Президент смутился.

— Чего вы от меня хотите?

— Чтобы вы поддержали в административном отношении секретный проект, касающийся людей-счетчиков. Назовем его Проект Числа, если хотите. Я могу поручиться за свой комитет, но мне нужна административная поддержка.

— Но каковы пределы возможностей для людей-счетчиков?

— Пределов нет. По словам Программиста Шумана, познакоившего меня с этим открытием...

— Я слышал о Шумане.

— Да. Так вот, доктор Шуман говорит, что теоретически счетная машина не может делать ничего такого, чего не мог бы сделать человеческий мозг. Машина попросту берет некоторое количество данных и производит с ними конечное количество операций. Человек может воспроизвести этот процесс.

Президент долго обдумывал слова Бранта, потом сказал:

— Если Шуман говорит, что это так, то я готов поверить ему — теоретически. Но практически: может ли кто-нибудь знать, как счетная машина работает?

Брант вежливо засмеялся.

— Да, господин президент, я тоже спрашивал об этом. По-видимому, было время, когда счетные машины проектировались людьми. Конечно, эти машины были очень простыми — ведь это было еще до того, как были разработаны способы использова-

ния одних счетчиков для проектирования других, более совершенных.

— Да-да, продолжайте.

— Очевидно, техник Ауб в свободное время занимался восстановлением некоторых старых устройств; в процессе работы он изучал их действия и решил, что может воспроизвести их. Умножение, проделанное мною сейчас, — это только воспроизведение работы счетной машины.

— Поразительно!

Конгрессмен слегка откашлялся.

— Разрешите мне указать еще на одну сторону вопроса. Чем больше мы будем развивать это дело, тем меньше усилий нам потребуется на производство счетных машин и их обслуживание. Их работу возьмет на себя человек, а мы сможем использовать все больше энергии на мирные цели, и средний человек будет все меньше ощущать гнет войны. А это, конечно, полезно для правящей партии.

— Вот как, — сказал президент, — теперь я вижу, к чему вы клоните. Хорошо, садитесь, сэр, садитесь. Мне нужно подумать обо всем этом... А сейчас — покажите-ка мне еще раз фокус с умножением. Посмотрим, сумею ли я разобраться в нем и повторить.

Программист Шуман не пытался торопить события. Лессер был консервативен, очень консервативен и любил работать с вычислительными машинами, как работали его отец и дед. Кроме того, он контролировал концерн по производству вычислительных машин, и если его удастся убедить примкнуть к Проекту Числа, то это откроет большие возможности.

Но Лессер упирался. Он сказал:

— Я не уверен, что мне понравится идея отказаться от вычислительных машин. Человеческий

ум — капризная штука. А машина дает на одну и ту же задачу всегда один и тот же ответ. Кто поручится, что человек будет делать то же?

— Разум человека, расчетчик Лессер, только манипулирует с фактами. Делает ли это он или машина — неважно. То и другое — только орудия.

— Да-да. Я проследил за вашим остроумным доказательством того, что человек может воспроизвести работу машины, но это мне кажется несколько необоснованным. Я могу согласиться с теорией, но есть ли у нас основания думать, что теорию можно превращать в практику?

— Думаю, сэр, что есть. В конце концов, вычислительные машины существовали не всегда. У древних людей, с их каменными топорами и железными дорогами, таких машин не было.

— Должно быть, они и не вели расчетов.

— Можете не сомневаться. Даже для строительства железной дороги или пирамиды нужно уметь рассчитывать, а они это делали без тех вычислительных машин, какими пользуемся мы.

— Вы хотите сказать — они считали так, как вы мне показывали?

— Может быть, и не так. Этот способ — мы называли его «графитикой», от древнего слова «графо» (пишу), — разработан на основе счетчиков, так что он не мог предшествовать им. Но все-таки у древних людей должен был быть какой-то способ, верно?

— Забытое искусство! Если вы говорите о забытых искусствах...

— Нет-нет. Я не сторонник этой теории, хотя и не скажу, что она невероятна. В конце концов, человек питался зернами злаков до введения гидропоники, и если первобытные народы ели зерно, то должны были выращивать злаки в почве. Как иначе они могли это делать?

— Не знаю, но поверю в выращивание из почвы, когда увижу, что кто-нибудь вырастил так что-либо. И поверю в добывание огня путем трения двух кремней друг о друга, если увижу, что кому-то это удалось.

Шуман заговорил примирительно:

— Давайте будем держаться графитики. Это только часть процесса эфемеризации. Транспорт с его громоздкими приспособлениями уступает место непосредственному телекинезу. Средства связи становятся все менее массивными и более надежными. А сравните свой карманный счетчик с неуклюжими машинами тысячелетней давности. Почему бы не сделать еще один шаг и не отказаться от счетчиков совсем? Послушайте, сэр. Проект «Число» — верное дело; прогресс налицо. Но нам нужна ваша помощь. Если вас не трогает патриотизм, то подумайте об интеллектуальной романтике!

Лессер возразил скептически:

— Какой прогресс?.. Что вы умеете делать, кроме умножения? Сумеете вы проинтегрировать трансцендентную функцию?

— Со временем сумею, сэр. Со временем. С месяца назад я научился производить деление. Я могу находить, и находить правильно, частное в целых и десятичных.

— В десятичных? До какого знака?

Программист Шуман постарался сохранить небрежный тон.

— До какого угодно.

Лицо у Лессера вытянулось.

— Без счетчика?

— Можете проверить.

— Разделите 27 на 13. С точностью до шестого знака.

Через пять минут Шуман сказал:

— 2,076923.

Лессер проверил.

— Поразительно! Умножение не мое призвание, оно относится, в сущности, к целым числам, и я думал, что это просто фокус. Но десятичные...

— И это не все. Есть еще одно достижение, пока еще сверхсекретное, о котором, строго говоря, я не должен был бы упоминать. Но все же... Возможно, что нам удастся овладеть квадратными корнями.

— Квадратными корнями?

— Там есть кое-какие занозы, которые мы еще не сумели выровнять, но техник Ауб — человек, изобретший эту науку и обладающий большой интуицией, — говорит, что почти решил эту проблему. И он только техник. А для такого человека, как вы, опытного и талантливого математика, здесь не должно быть ничего трудного.

— Квадратные корни, — пробормотал заинтересованный Лессер.

— И кубические тоже. Идете вы с нами?

Рука Лессера вдруг протянулась к нему.

— Рассчитывайте на меня!

Генерал Уэйдер расхаживал по комнате взад-вперед и обращался к своим слушателям так, как вспыльчивый учитель обращается к упрямым ученикам. Генерал не задумывался о том, что его слушателями были ученые, стоящие во главе проекта «Число». Он был их главным начальником и помнил об этом каждый момент, когда не спал.

Он говорил:

— Ну, с квадратными корнями все в порядке. Я не умею их извлекать и не понимаю метода, но это замечательно. И все-таки нельзя уводить проект в сторону, к тому, что некоторые из вас называют основной теорией. Можете забавляться с графити-

кой как вам угодно по окончании войны, но в данную минуту нам нужно решать специфические и весьма практические задачи.

Техник Ауб, сидевший в дальнем углу, слушал его с напряженным вниманием. Правда, он больше не был техником; его причислили к Проекту, дав ему звучный титул и хороший оклад. Но социальное различие осталось, и высокопоставленные ученые мужи никак не могли заставить себя смотреть на него как на равного. Надо отдать Аубу справедливость: он не добивался этого. Им было с ним так же неловко, как и ему с ними.

Генерал продолжал:

— Наша цель, джентльмены, проста: мы должны заменить счетную машину. Звездолет без счетчика можно построить впятеро быстрее и вдесятеро дешевле, чем со счетчиком. Если нам удастся обойтись без счетчиков, то мы сможем построить флот в пять-десять раз крупнее денебианского.

И я вижу еще кое-что в перспективе. Сейчас это может показаться фантастикой, простой мечтой, но в будущем я предвижу боевые ракеты с людьми на борту.

По аудитории пронесся шепот.

Генерал продолжал:

— В настоящий момент нас больше всего лимитирует тот факт, что боевые ракеты недостаточно «разумны». Вычислительная машина для управления ими должна быть слишком большой, и потому они очень плохо приспособляются к меняющемуся характеру противоракетной защиты. Лишь очень немногие из ракет достигают цели, и ракетная война заходит в тупик — для неприятеля, к счастью, так же, как и для нас.

С другой стороны, ракета с одним-двумя человеками на борту, контролируемая в полете с помощью

графитики, будет легче, маневреннее, разумнее. Это даст нам такое преимущество, которое вполне может привести нас к победе. Кроме того, джентльмены, условия войны заставляют нас думать еще об одном: человеческий материал гораздо доступнее вычислительной машины. Ракеты с людьми можно будет направлять в таких количествах и в таких условиях, в каких никакой военачальник не решился бы рисковать, имея он в распоряжении только ракеты со счетчиками...

Генерал говорил еще о многом другом, но техник Ауб больше не слушал.

Потом в тишине своего жилища он долго трудился над письмом, которое хотел оставить, и в конце концов после долгих сомнений и раздумий написал следующее:

«Когда я начал работать над тем, что сейчас называется графитикой, это было только развлечением. Я не видел в этом ничего, кроме интересной забавы, умственной гимнастики.

Когда же был создан проект «Число», то я подумал, что другие окажутся умнее меня; что графитику можно будет использовать на благо человечества — быть может, для разработки практичных телекинетических приспособлений. Но теперь я вижу, что она будет использована только для смерти и уничтожения.

Я не в силах нести ответственность за то, что изобрел графитику».

Окончив писать, техник Ауб тщательно навел на себя фокус белкового деполяризатора. Его смерть была мгновенной и безболезненной.

Они стояли над могилой маленького техника, пока его открытию воздавалась должная честь.

Программист Шуман склонял голову вместе с

остальными, но внутренне оставался спокойным. Ауб сделал свое, и нужды в нем больше не было. Может быть, он и изобрел графитику, но, раз появившись, она будет развиваться самостоятельно, приведет к созданию ракет с экипажем и прочим чудесам.

«7, умноженное на 9, дает 63, — подумал Шуман с глубоким удовлетворением, — и чтобы сказать это мне, вычислительной машины не нужно. Вычислительная машина — у меня в голове». От этой мысли он преисполнился чувства гордости и ощущения собственной силы.

Сирил Корнблат Гомес*

Все это случилось двадцать два года назад. В одно холодное октябрьское утро я получил от редакции задание. Ничего особенного, задание как задание — встретиться с доктором Шугарменом, деканом физического факультета в нашем университете. Не помню точно, что послужило поводом — какая-то годовщина чего-то такого: первого атомного реактора, испытаний атомной бомбы или, быть может, Нагасаки. Во всяком случае, в воскресной газете должен был появиться разворот на эту тему.

Я нашел Шугармена в его кабинете в квадратной готической башне, венчающей скромное здание физического факультета. Он стоял возле стрельча-

* © Перевод на русский язык, «Мир», 1978.

той арки окна, неохотно впускавшего в комнату пронзительную глубину осеннего неба. Такой плотный толстячок с пухлыми щеками и двойным подбородком.

— Мистер Вильчек? — расплылся он. — Из «Трибюн»?

— Да, доктор Шугармен. Здравствуйте.

— Проходите, пожалуйста, садитесь. Что вас интересует?

— Доктор Шугармен, я хотел бы узнать ваше мнение по поводу наиболее серьезных проблем, связанных с атомной энергией, контролем над атомным оружием и так далее. Что, по-вашему, здесь самое важное?

В его глазах мелькнула хитринка — сейчас он постарается сразить меня.

— Образование, — изрек он и откинулся назад в кресле — переждать, пока я приду в себя от неожиданности.

Я должным образом удивился.

— Это очень интересный и новый подход к проблеме, доктор Шугармен. Расскажите, пожалуйста, подробнее.

Он был преисполнен важности.

— Я хотел бы выразить беспокойство по поводу того, что широкая публика не понимает значения последних достижений науки. Люди недооценивают меня — я имею в виду, недооценивают науку, — потому что плохо представляют себе, что такое наука. Сейчас я покажу вам кое-что в подтверждение своих слов. — Он стал копаться в бумагах и вскоре протянул мне вырванный из блокнота разлинованный и покрытый ужасными каракулями листок. — Вот это письмо, представьте себе, было послано мне.

Я с трудом разобрал написанное карандашом послание.

12 октября

Уважаемый господин!

Хочу представить себя Вам, ученому-атомщику, как молодого человека 17 лет, с усердием изучающего математическую физику, чтобы дойти в ней до совершенства. Мое знание английского языка не есть совершенно, потому что я в Нью-Йорке только один год как приехал из Пуэрто-Рико и из-за бедности папы и мамы должен мыть посуду в ресторане. Поэтому, уважаемый господин, простите несовершенный английский, который скоро станет лучше.

Я не решаюсь отнимать Ваше драгоценное ученое время, но думаю, Вы иногда можете отдать минуту такому, как я. Мне трудно рассчитать сечение поглощения нейтронов обогащенной бором стали в реакторе, теорию какового я хочу разработать.

Реактор-размножитель требует для обогащенной бором стали

$$u = \frac{X}{I} + \frac{X^5}{I} + \frac{X^{10}}{I} + \frac{X^{15}}{I} + \dots$$

по сравнению с сечением поглощения нейтронов в любом бетоне, с которым я потрудился познакомиться:

$$V = \frac{X^{2/5}}{I} + \frac{X}{I} + \frac{X^2}{I} + \frac{X^3}{I} + \dots$$

Отсюда получается уравнение

$$V^5 = u \frac{I - 2u + 4u^2 + 3u^3 + u^4}{I + 3u + 4u^3 + 2u^3 + u^4},$$

означающее только четырехкратный коэффициент размножения реактора. Интуитивно я не

удовлетворился такой коэффициент, и отрываю Ваше время для помощи, где я ошибся. С самой искренней благодарностью

Х. Гомес.

Закусочная «Порто Белло»
124 улица, угол Авеню Св. Николаса
Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

Я рассмеялся и посочувствовал доктору Шугармену:

— Неплохой экземплярчик. Вам еще везет, что эти типы пишут письма. А у нас они прямо являются в редакцию, и вынь им да положи непременно главного редактора. Кстати, могу ли я использовать это письмо? Нашим читателям полезно знать такие вещи.

Он подумал, а затем кивнул головой.

— Ладно, берите, только не ссылайтесь на меня. Напишите просто «известный физик» или что-нибудь в этом роде. Кстати, я считаю, что все это скорее грустно, чем смешно, но у вас свои задачи, я понимаю. Малый этот, по-видимому, чокнутый, но и он, впрочем, как многие другие, полагает, что наука — всего лишь набор фокусов, которыми может овладеть каждый...

Он еще долго распространялся на эту тему.

Я вернулся в редакцию и за двадцать минут накатал интервью. Гораздо больше времени и сил мне пришлось потратить, чтобы объяснить редактору воскресного выпуска, почему письмо Гомеса следует опубликовать на развороте, посвященном атомному юбилею. В конце концов он сдался. Письмо пришлось перепечатать, ибо пошли я его наборщикам в том виде, как оно было написано, нам не избежать бы забастовки.

В воскресенье в четверть седьмого утра меня разбудил бешеный стук в дверь моего номера. Еще не совсем проснувшись, я сунул ноги в тапочки, накинул халат и побрел к двери. Но те, за дверью, не собирались ждать. Дверь распахнулась, и в комнату ввалились администратор, редактор воскресного выпуска и еще какой-то немолодой человек с каменным лицом, которого сопровождали трое решительного вида молодчиков. Администратор что-то пробормотал и поспешил ретироваться, а остальные двинулись на меня единым фронтом.

— Босс, — промямлил я, — что с-с-лучилось?

Один из решительных молодчиков стал спиной к двери, другой — к окну, третий загородил вход в ванную. Их шеф, холодный и колкий, как иней, пригвоздил меня к месту, обратившись к редактору резким начальственным тоном:

— Вы подтверждаете, что этот человек Вильчек? Редактор молча кивнул.

— Обыскать, — бросил старик.

Молодчик, стоявший у окна, умело принялся за дело, не обращая внимания на невразумительные вопросы, которые я все еще пытался задавать редактору. Редактор старательно избегал моих глаз.

Когда обыск был закончен, старик с застывшим лицом сказал:

— Я контр-адмирал Мак-Дональд, мистер Вильчек, заместитель начальника отдела безопасности Американской комиссии по атомной энергии. Это ваша статья? — Мне в лицо полетела вырезка из газеты.

Я стал читать, спотыкаясь на каждом слове:

АТОМНУЮ ФИЗИКУ МОЖНО РАЗГРЫЗТЬ КАК ОРЕШЕК, ТАК ДУМАЕТ СЕМНАДЦАТИЛЕТНИЙ МОЙЩИК ПОСУДЫ

Письмо, полученное недавно одним известным физиком нашего города, подтверждает слова доктора Шугармена о том, что широкая публика плохо представляет себе трудности работы ученых (см. соседнюю колонку). Ниже мы публикуем это письмо вместе с «математическими выкладками».

«Уважаемый господин!

Хочу представить себя Вам, ученому-атомщику, как молодого человека 17 лет, с усердием изучающего...»

— Да, — сказал я, — это написал я, все, кроме заголовка. А в чем, собственно, дело?

— Здесь говорится, что письмо написано жителем Нью-Йорка, однако адрес его не указан. Объясните, почему?

Я сказал, стараясь сохранять спокойствие:

— Я опустил адрес, когда перепечатывал письмо, прежде чем отдать его в набор. Мы в своей газете всегда так делаем. А в чем все-таки дело, не можете ли вы мне сказать?

Адмирал пропустил мой вопрос мимо ушей.

— Вы утверждаете, что имеется оригинал письма. Где он?

Я задумался.

— Кажется, я сунул его в карман брюк. Сейчас посмотрю.

И я направился к стулу, на спинке которого висел костюм.

— Ни с места! — сказал молодчик, что стоял у дверей ванной.

Я застыл на месте, а он принялся выворачивать карманы моего костюма. Письмо Гомеса лежало во внутреннем кармашке пиджака; он протянул его адмиралу. Мак-Дональд сравнил письмо с газетной вырезкой, затем спрятал и то и другое у себя на груди.

— Благодарю за содействие, — холодно обратился он ко мне и редактору. — Но предупреждаю вас: все, что здесь происходило, не подлежит обсуждению и ни под каким видом не должно появляться в печати. Это вопрос государственной безопасности. До свидания.

С этими словами он направился к двери, сопровождаемый своими молодчиками. И тут мой редактор восторженно воскликнул:

— Адмирал, все это завтра же попадет на первую страницу «Трибюн».

Адмирал побледнел. После долгого молчания он сказал:

— Надеюсь, вам известно, что наша страна в любой момент может быть вовлечена в глобальную войну. И что наши парни каждый день умирают в пограничных стычках. А все во имя того, чтобы защитить гражданское население, таких, как вы. Так неужели вам трудно держать язык за зубами, когда речь идет о государственной безопасности?

Редактор воскресного выпуска уселся на край кровати и закурил сигарету.

— Все, о чем вы говорите, мне хорошо известно, адмирал. Но мне известно также, что это свободная страна, и, чтобы она впредь оставалась свободной, газета не обойдет молчанием такое вопиющее нарушение закона, как обыск и конфискация документов без предъявления ордера.

Адмирал сказал:

— Поверьте моему слову офицера, что вы сослужите стране плохую службу, если поместите в газете отчет об этом событии.

Редактор мягко гнул свою линию:

— Ага, поверить вашему слову офицера. Вы ворвались сюда без ордера на обыск. Разве вы не знали, что это противозаконно? А ваш молодчик был готов стрелять, когда Вильчек хотел подойти к столу.

При этих словах я покрылся холодным потом. Адмиралу, по-моему, тоже было не сладко. С видимым усилием он произнес:

— Приношу извинения за неожиданный визит и невежливое поведение. Меня оправдывает лишь важность происходящего. Могу я быть уверенным, господа, что вы будете хранить молчание?

— При одном условии, — сказал редактор. — Если «Трибюн» получит монопольное право на публикацию всех материалов, связанных с Гомесом. Заниматься этим будет мистер Вильчек, вы должны помогать ему во всем. Мы в свою очередь обязуемся ничего не печатать без вашего согласия и без одобрения цензуры вашего ведомства.

— Договорились, — неохотно согласился адмирал.

Мы с адмиралом летели в Нью-Йорк. Видно было, что все это ему очень не по душе, тем не менее он считал своим долгом рассказать мне следующее.

— Сегодня в три часа ночи мне позвонил председатель Комиссии по атомной энергии. А его перед этим разбудил доктор Монро из Комитета по науке. Доктор Монро работал допоздна и решил перед сном почитать воскресный номер «Трибюн». Ему на глаза попало письмо Гомеса, и он взорвался, как

пороховой погреб. Дело в том, мистер Вильчек, что уравнение сечения поглощения нейтронов — как раз то, чем он занимается. Более того, это тщательно охраняемая государственная тайна в области атомной энергии. Каким-то образом Гомесу стало известно это уравнение.

Я почесал небритый подбородок.

— А не водите ли вы меня за нос, адмирал? Как могут три уравнения быть величайшей государственной тайной?

Адмирал колебался.

— Могу вам только сказать, что речь идет о реакторе-размножителе.

— Но ведь в письме об этом говорится в открытую. Не станете же вы утверждать, что Гомес не просто где-то раздобыл уравнения, но и кое-что в них понимает?

Адмирал мрачно ответил:

— Кто-то из наших потерял бдительность. Русские многое бы дали, чтобы увидеть эти уравнения.

И он замолчал, предоставив мне возможность гадать, пока самолет летел над Нью-Джерси, что бы все это могло значить. Наконец из кабины пилота послышалось:

— Приземляемся в Ньюарке через пять минут, сэр. Нас сажают вне очереди.

— Хорошо, — ответил адмирал, — передайте по радио, чтобы нас ждала машина гражданского образца.

— Гражданского? — удивился я.

— А какая же еще?! В том-то и дело, чтобы не привлекать ни малейшего внимания к этому Гомесу и его письму.

Мы приземлились, и вскоре впятером сидели в легковой машине, довольно скромной на вид; тем не менее это была последняя модель. От Ньюарка до

испанского Гарлема в Нью-Йорке мы доехали без особых разговоров и происшествий.

Машина остановилась посреди унылого жилого квартала; «Порто Белло» оказалось магазином, в котором была еще и закусочная. Большеголовые дети сбежались к машине и набросились на нас:

— Мистер, мистер, можно я буду сторожить вашу машину? — слышалось со всех сторон.

Адмирал разразился длинной тирадой по-испански, чем несказанно удивил меня, а детей заставил разбежаться в разные стороны.

— Хиггинс, — скомандовал он, — проверьте, есть ли здесь черный ход.

Один из молодчиков вышел из машины и обогнул здание, сопровождаемый тяжелыми, безразличными взглядами женщин, сидящих на ступеньках и укутанных в черные шали. Через пять минут он вернулся и сказал, что черного хода нет.

— Внутрь войдут Вильчек и я, — распорядился адмирал. — Вы Хиггинс, останетесь у входа и, если увидите кого-либо, кто будет пытаться спастись бегством, возьмите его. Пошли, Вильчек.

В «Порто Белло» было не более десятка столиков, и все они были заняты в этот обеденный час: посетители, как по команде, воззрились на нас, едва мы вошли.

— Nueva York, отдел здравоохранения, сеньора, — бросил адмирал женщине, сидевшей за примитивной кассой.

— А, — сказала она с явным неудовольствием. — Por favor, por aquí*. Туда идите, кухня, понимаете?

Она подозвала хорошенькую девушку-официантку, посадила ее за кассу, а сама повела нас на кух-

* Пожалуйста, это не здесь (исп.).

ню, темную от дыма и пара. Там были старик повар и парнишка лет шестнадцати, мывший посуду; мы все еле-еле втиснулись в крохотную комнатку. Мак-Дональд и женщина быстро-быстро заспорили о чем-то по-испански. Адмирал хорошо исполнял свою роль. А я не спускал глаз с юнца у мойки, которому каким-то образом удалось завладеть одним из самых важных атомных секретов Соединенных Штатов Америки.

Гомесу едва ли можно было дать больше пятнадцати лет. Невысокого роста, худенький и гибкий паренек с кожей цвета виргинского табака. Черные, блестящие, прямые волосы то и дело падали на его влажный лоб. Он резким движением убирал их со лба, поминутно вытирая руки о фартук. Работал Гомес как заведенный: брал тарелку, опускал в воду, скреб, споласкивал, вытирал, ставил на стол — и все это с легкой улыбкой, которая, как я понял позже, никогда не покидала его лица, если все шло хорошо. А по глазам парнишки было видно, что мысли его где-то очень далеко от закусочной «Порто Белло». Кажется, Гомес даже не заметил нашего появления. Вдруг мне в голову пришла совершенно сумасшедшая мысль...

Адмирал повернулся к Гомесу:

— ¿ Como se Rama, chico? *

Гомес вздрогнул, на миг рука его, вытиравшая тарелку, застыла, но он тут же поставил тарелку на стол.

— Julio Gomes, senior. ¿ Por que, por favor? ¿ Que pasa**?

* Как тебя зовут, парень? (исп.).

** Хулио Гомес, сеньор. А что, скажите, пожалуйста? Что случилось? (исп.).

Он ничуть не испугался.

— Nueva York, отдел здравоохранения, — повторил адмирал, — *con su permiso* *.

Он взял руки Гомеса в свои и, сделав вид, что изучает их, стал неодобрительно покачивать головой и цокать языком. Затем решительно произнес:

— *Vamanos, Julio. Siemto mucho. Usted esta muy enfermo* **.

И тут заговорили все разом: женщине не понравилось вторжение в ее заведение, повар был недоумен потерей мойщика посуды.

Адмирал встретил нападение во всеоружии и не остался в долгу. Через пять минут мы при всеобщем молчании вывели Гомеса из закуской. Миловидная девушка, сидевшая за кассой, была едва жива от страха.

— Хулио... — испуганно сказала она, когда мы проходили, но он, казалось, не слышал.

Мы ехали к Фоли-сквер. Гомес в машине сидел спокойно; на его губах играла слабая улыбка, а глаза были устремлены куда-то вдаль, за тысячи километров от нас. Адмирал восседал рядом с ним, всем своим видом показывая, что ни о каких вопросах с моей стороны не может быть и речи.

Когда мы вышли из машины у Федерального управления, Гомес удивился:

— Это... Разве это больница?

Ему никто не ответил. Мы окружили его плотным кольцом, открыли перед ним дверь лифта. Согласитесь, идти вот так, словно под конвоем, это кого угодно может вывести из равновесия — ведь у каждого из нас совесть хоть чуточку в чем-то не-

* С твоего разрешения (*исп.*).

** Пойдешь с нами, Хулио. Грязные руки. Ты серьезно болен (*исп.*).

чиста. Но этот парнишка, казалось, не понимал ничего. Я решил про себя, что он просто чокнутый или... У меня в голове снова промелькнула шальная мысль.

На стеклянной двери было написано: «Комиссия по атомной энергии США. Отдел безопасности и разведки». Появление адмирала и всех нас действовало на сидевших в комнате, будто удар грома. Мак-Дональд, согнав начальника, уселся в его кресло, а Гомеса поместил напротив себя.

И началось!

Адмирал вытащил письмо и спросил по-английски:

— Это письмо тебе знакомо?

— Si, seguro*. Я написал его на прошлой неделе. Вот смешно-то как. Значит, я не болен, как вы сказали там, да?

Казалось, он вздохнул с облегчением.

— Нет. Где ты раздобыл эти уравнения?

Гомес с гордостью ответил:

— Я их вывел.

Адмирал презрительно хмыкнул:

— Мне время дорого, парень. Откуда у тебя эти уравнения?

Гомес забеспокоился.

— Вы не имеете права говорить, что я вру, — сказал он. — Я не такой умный, как ваши знаменитые ученые, seguro, могу делать ошибки. Пусть я отнимаю время у profesor Сухар-ман, но он нет права меня арестовать.

Адмиралу вся эта история начинала надоедать.

— Ну, тогда скажи, как ты вывел эти уравнения.

* А как же (исп.).

— Ладно, — хмуро сказал Гомес. — Вы знаете, что Оппенгейм пять лет назад рассчитал случайное блуждание нейтрона в матричной механике, так, да? Я преобразовал эти уравнения от вида, предсказывающего траекторию, к виду, определяющему поперечное сечение, и проинтегрировал по поглощающей поверхности. Это дает ряд u и ряд V . Отсюда легко получить зависимость $u-V$. Не так?

Все с тем же скужающим видом адмирал спросил:

— Успели записать?

Я заметил, что один из его молодчиков стал стенографировать.

— Так точно, — сказал он.

Затем адмирал поднял трубку телефона.

— Говорит Мак-Дональд. Мне нужен доктор Майнз из Брукхейвенской лаборатории. Срочно. — Он обратился к Гомесу: — Доктор Майнз возглавляет отдел теоретической физики в Комиссии по атомной энергии. Я сейчас спрошу его, что он думает по поводу твоих уравнений. Полагаю, он сразу выведет тебя на чистую воду со всей этой болтовней. Тогда уж тебе придется признаться, откуда ты взял эти уравнения.

Гомес, казалось, совершенно перестал понимать, что от него хотят. Между тем адмирал говорил в трубку:

— Доктор Майнз? Это адмирал Мак-Дональд из Службы безопасности. Мне хотелось бы узнать ваше мнение вот о чем. — Он нетерпеливо щелкнул пальцами, и ему подали блокнот со стенографической записью.

— Некто сказал мне, что ему удалось получить одно отношение, — и он стал медленно читать, — взяв случайное блуждание нейтрона, рассчитанное в матричной механике Оппенгеймером, преобразовав

его от вида, предсказывающего траекторию, к виду, определяющему поперечное сечение, и проинтегрировав по поглощающей поверхности.

В комнате стояла тишина, я ясно слышал возбужденный голос на другом конце провода. Тем временем все лицо адмирала от бровей до шеи медленно наливалось кровью. Голос в трубке умолк, и после долгой паузы адмирал ответил очень медленно и мягко:

— Нет, это не Ферми и не Спиллард. Я не имею права сказать, кто. Не могли бы вы безотлагательно прибыть в Федеральное управление безопасности в Нью-Йорке. Мне... мне необходима ваша помощь.

Он устало повесил трубку и с крайне удрученным видом вышел из комнаты.

Его молодчики смотрели друг на друга с неподдельным удивлением. Один сказал:

— Пять лет я...

— Молчи, — оборвал его другой, глазами показывая на меня.

Гомес спросил с интересом:

— Что тут все-таки происходит? Странно все это, а?

— Не бойся, малыш, — успокоил его я, — похоже, что тебе удастся выпутаться.

— Молчать! — накинулся на меня охранник, и мне только и оставалось, что заткнуться.

Через некоторое время принесли кофе и бутерброды, и мы принялись за еду. И еще через какое-то время вошел адмирал в сопровождении доктора Майнза, седовласого морщинистого янки из Коннектикута.

— Мистер Гомес, — начал Майнз с места в карьер, — адмирал сказал мне, что вы либо превосходно обученный русский шпион, либо феноменальный атомный физик-самоучка.

— Россия?! — заорал Гомес. — Он сошел с ума! Я американский гражданин Соединенных Штатов.

— Возможно, — согласился доктор Майнз. — Адмирал также сказал, что вы считаете зависимость $u-V$ очевидной. Я бы назвал это глубоким проникновением в теорию непрерывных дробей и умножения комплексных чисел.

Гомес попытался что-то ответить, но язык его не слушался. Когда он смог наконец выговорить: «*For favor*, можно мне лист бумаги?» глаза его буквально сияли.

Ему дали стопку бумаги, и пошло, и пошло...

Целых два часа Гомес и Майнз что-то непрерывно писали и говорили, говорили и писали. Майнз снял сначала пиджак, потом жилет, затем галстук. Бьюсь об заклад, что факт нашего присутствия едва ли доходил до его сознания. Что касается Гомеса, то он казался еще более отрешенным. Он не снимал пиджака, жилета и галстука. Но для него просто ничего не существовало, кроме этого скоростного обмена идеями посредством формул и кратких ясных математических терминов. Доктор Майнз вертелся в своем кресле как юла; иногда его голос просто звенел от возбуждения. Гомес сидел тихонечко и все время что-то писал, приговаривая ровным, низким голосом и глядя прямо на доктора Майнза.

Наконец Майнз выпрямился, встал и сказал;

— Гомес, я больше ничего не соображаю, мне нужно все это обдумать. — Он схватил в охапку свою одежду и направился к выходу. Только тут до него дошло, что мы все еще находимся в комнате.

— Ну что? — спросил адмирал мрачно.

Майнз улыбнулся:

— Он, конечно, настоящий физик.

— Хиггинс, отведите его в соседнюю комнату, — распорядился адмирал.

Гомес послушно дал себя увести, словно был под гипнозом.

Доктор Майнз не преминул съехидничать:

— Уж эта мне служба безопасности!

Адмирал проскрежетал:

— Попрошу вас об этом не беспокоиться, доктор Майнз. Служба безопасности находится в моей компетенции, а не в вашей. Этот молодой человек утверждает, будто он самостоятельно вывел эти уравнения. От вас требуется лишь выразить свое мнение по данному вопросу.

Доктор Майнз мгновенно стал серьезным.

— Да, — сказал он. — Это не вызывает никаких сомнений. Более того, я вынужден признаться, что мне было совсем нелегко следовать за мыслью Гомеса.

— Понимаю. — Адмирал натянуто улыбнулся. — Но не сообразовали ли вы объяснить, как такое могло случиться?

— Нечто подобное уже бывало, адмирал, — возразил доктор Майнз. — По-видимому, вам не приходилось слышать о Рамануйяне?

— Нет.

— Так вот. Рамануйяна родился в 1887 году и умер в 1920. Это был бедный индеец, который дважды провалился на экзаменах в колледж и в конце концов стал мелким чиновником. Он сумел стать великим ученым, пользуясь всего лишь устаревшим учебником математики. В 1913 году он послал несколько своих работ одному профессору в Кембридже. Его труды получили немедленное признание, а его самого вызвали в Англию и избрали членом Королевского Общества.

Адмирал с сомнением покачал головой.

— Такое случается, — продолжал Майнз. — Да, да, такое бывает. У Рамануйяны была лишь одна

старая книга. А мы с вами живем в Нью-Йорке. К услугам Гомеса вся математика, какую он только может пожелать, и огромное количество незасекреченных и рассекреченных данных по ядерной физике. И конечно, гениальность. Как он прекрасно связывает все!.. Мне кажется, он имеет весьма смутное представление о том, как доказать правильность отдельных положений. Он просто видит связь между явлениями. Чрезвычайно полезная способность, можно только позавидовать. Там, где мне нужен, скажем, десяток ступеней, чтобы с огромным трудом осилить путь от одного вывода к другому, он преодолевает все расстояние одним блистательным прыжком.

— Не хотите ли вы сказать, что... что он более талантливый физик, чем вы?

— Да, — сказал доктор Майнз. — Он намного способнее меня.

С этими словами он удалился.

Адмирал долгое время неподвижно сидел за столом, что было на него совсем не похоже.

— Адмирал, — сказал я, — что будем делать?

— Что? А, это вы. Теперь все это не имеет ко мне отношения, поскольку государственной безопасности ничто не грозит. Я передам Гомеса в Комиссию по атомной энергии, чтобы его можно было использовать в интересах государства.

— Как машину? — спросил я, чувствуя отвращение.

Его ледяные глаза, словно два ствола, смотрели на меня в упор.

— Как оружие, — сказал он, не повышая голоса.

Он был прав. Разве я не знал, что мы воюющая страна? Знал, как не знать. И все знали. Налоги, нехватка жилья, похоронные извещения... Я почесал небритый подбородок, вздохнул и отошел к окну.

Площадь Фоли-сквер внизу была по-воскресному безлюдной, и только вдаль шла какая-то девушка. Она дошла до конца квартала, повернулась и побрела обратно. В ее медленной, печальной походке чувствовалась безысходность.

И вдруг я вспомнил, где ее видел. Та миленькая официанточка из «Порто Белло». Наверное, она вскочила в такси и проследила, куда увозили ее Хулио. «Плохи твои дела, сестренка, — сказал я про себя. — Хулио уже не просто симпатичный паренек. Он теперь военный объект».

Быть может, мысли действительно передаются на расстояние? Казалось, она меня услышала. Прижимая к глазам крошечный платочек, она вдруг повернулась и побежала к метро.

Гомес был несовершеннолетний, поэтому контракт за него подписали родители. То, что значилось в этом документе в графе «Описание работ», не имело значения, главное — для государственного служащего он сорвал довольно большой куш.

Я тоже подписал контракт — в качестве «специалиста по информации». Думаю, что на самом деле мне отводилась роль наполовину приятеля Гомеса, наполовину летописца, а скорее всего, они хотели для собственного спокойствия не терять меня из виду.

Нас никак не называли. Ни «Операция Такая-то», или «Проект Такой-то», или там «Задача Овладения Черт Знает Чем В Клеточку» — нет, у нас была просто группа, состоящая из пяти человек, которых поместили в хороший дом из пятнадцати комнат на окраине Милфорта, штат Нью-Джерси. Наверху в отдельной комнате с досками и мелом, заваленной книгами и техническими журналами, жил Гомес; раз в неделю его посещал доктор Майнз.

Там же была троица из Службы безопасности: Хиггинс, Далхаузи и Лейцер, которые расположились внизу, спали по очереди и рыскали вокруг дома. Жил в доме и я.

Беседы с доктором Майнзом помогали мне быть в курсе событий и вести записи. Не подумайте, что я хоть сколько-нибудь разбирался в том, что все это значит. Мои знакомые военные корреспонденты рассказывали мне, какая ужасная жизнь у них была на фронте, когда в их распоряжении имелись только официальные данные. «Столько-то налетов... Жертв на 15% меньше, чем ожидалось... Решительное продвижение вперед в активном секторе, несмотря на довольно сильное сопротивление противника...» Что поймешь из такой информации!

Примерно такие же записи можно найти в моем дневнике — это единственное, что мне сообщалось. Вот образчик: «По рекомендации д-ра Майнза Гомес сегодня начал работу над теоретическим обоснованием конструкции фазового реактора, который будет построен в Брукхейвенской национальной лаборатории. Ему предстоит вывести тридцать пять пар дифференциальных уравнений в частных производных... Сегодня Гомес сделал предварительное сообщение о том, что при проверке некой теоретической работы, проведенной в Лос-аламосской лаборатории КАЭ, он обнаружил ошибочность предположения о нейтронно-спиновом характере... Д-р Майнз заявил сегодня, что Гомес, стремясь преодолеть трудности, связанные с управлением термоядерными реакциями, успешно воспользовался до сего времени неизвестным аспектом тензорного анализа Минковского...»

Однажды во время встречи с Майнзом я попытался протестовать против подобного пустомельства. Думаете, он рассердился? Ничуть не бывало. Всего-

навсего поудобнее устроился в кресле и спокойно изрек:

— Вильчек, при всем моем расположении к вам должен сказать, что вам сообщается все, что вы в состоянии понять. Любые подробности означают утечку важной научной информации, которая может быть использована иностранными державами.

Пришлось поверить ему на слово. Я тщательно переписывал сообщения, которые он давал, и старался к тому же не упускать того, что могло бы заинтересовать моих читателей, когда придет время делать материал из этой заварухи. Так, я отметил успехи Гомеса в английском языке, его пристрастие к пирогам с мясом и рисовому пудингу, привычку самому убирать свою комнату, упомянул, какой он чистюля, ну прямо вылитая старая дева. «Проживешь пятнадцать лет в трущобе, Бил, и поймешь, что очень любишь чистоту и уют». Я часто видел, как доктор Майнз ходит за ним по пятам наверху, когда он подметает пол и вытирает пыль, донимая его своей математической галиматьей.

Обычно Гомес работал по сорок восемь часов кряду; ел он при этом очень мало. Затем день-другой жил как нормальный человек: спал вволю, играл в кэтч с кем-нибудь из охранников, рассказывал мне о своем детстве в Пуэрто-Рико и юности в Нью-Йорке.

— А тебе не надоело здесь? — спросил я однажды.

— Разве мне плохо? — ответил он. — Ем сытно, могу посылать деньги родителям. А что еще лучше — знаю, о чем думают большие профессора, и не должен ждать пять-десять лет этой проклятой рассекречивание.

— Разве у тебя нет девушки?

Здесь он смутился и перевел разговор на другое.

А потом случилось вот что. Приехал доктор Майнз; его шофер был похож на человека из ФБР, каковым, по-видимому, он и был. По обыкновению физик нес в руках толстенный портфель. Поздоровавшись со мной, он поднялся наверх к Хулио.

Там взаперти они пробыли часов пять подряд — такого прежде не случалось. Когда доктор Майнз спустился, я, как обычно, надеялся получить от него информацию. Но он только сказал:

— Ничего серьезного. Просто обсудили некоторые его идеи. Я велел ему продолжать работу. Мы использовали его, как бы это сказать... в качестве вычислительной машины. Заставили слегка пройти по проблемам, которые не по зубам мне и некоторым моим коллегам.

К обеду Гомес не спустился. Ночью я проснулся от какого-то грохота наверху. Я ринулся туда прямо в пижаме.

Гомес, одетый, лежал на полу. Видимо, не подозревая о препятствии, он споткнулся о скамеечку для ног. Губы его что-то шептали, и он смотрел на меня невидящими глазами.

— Хулио, ты здоров? — спросил я, помогая ему встать на ноги.

Он поднялся медленно, как во сне, и сказал:

— ...действительные величины функции дзета исчезают.

— Что?

Тут он наконец увидел меня и удивился:

— Как ты попал здесь наверх, Бил? Уже время обед?

— Четыре часа утра, por dios. По-моему, тебе давно пора быть в постели.

Он выглядел просто ужасно.

Нет, он, видите ли, не может спать, у него уйма работы. Я спустился к себе и целый час, пока не

заснул, слышал, как он рассказывает взад-вперед над моей головой.

На сей раз он не уложился в сорок восемь часов. Целую неделю я приносил ему еду, и он с отсутствующим видом жевал, одновременно что-то записывая на желтой грифельной доске. Иногда я приносил обед и убирал нетронутый завтрак. У него отросла недельная щетина — не было времени поесть, побриться, поговорить.

Положение показалось мне серьезным, и я спросил Лейцера, что мы будем делать, потому что он мог связаться с Нью-Йорком по прямому проводу. Он ответил, что ему не дано никаких указаний на случай нервного истощения его подопечного.

Тогда я подумал, может, доктор Майнз как-то прореагирует, когда придет, — скажем, позвонит врачу или велит Гомесу не надрываться. Ничуть не бывало. Он прямоком отправился наверх, а когда спустился через два часа, то сделал вид, будто меня не замечает. Но я не дал ему пройти мимо и спросил в упор:

— Ну, что скажете?

Он посмотрел мне в глаза и сказал вызывающе:

— Дела идут неплохо.

Доктор Майнз был неплохой человек. Человечный. Но он и пальцем бы не пошевелил ради того, чтобы мальчишка не заболел от переутомления. Доктор Майнз неплохо относился к людям, но по настоящему любил только теоретическую физику.

— Есть ли необходимость так вкалывать?

Он возмущенно пожал плечами.

— Так работают многие ученые. Ньютон работал так...

— Но какой в этом смысл? Почему он не спит и не ест?

Майнз ответил:

— Вам этого не понять.

— Куда мне! Я всего лишь малообразованный репортер. Просветите меня, господин профессор.

После долгого молчания он сказал, уже не так сурово:

— Как бы это объяснить... Ладно, попробую. Этот паренек наверху заставляет работать свой мозг. К примеру, великий шахматист может с завязанными глазами дать сеанс одновременной игры сотне обыкновенных любителей шахмат. Так вот, все это не идет ни в какое сравнение с тем, что делает Хулио. У него в голове миллионы фактов, имеющих отношение к теоретической физике. Он перебирает их в уме, вытаскивает на свет божий один отсюда, другой оттуда, находит между ними связь с самой неожиданной стороны, выворачивает их наизнанку, ставит с ног на голову, анализирует, сравнивает с общепринятой теорией — и все время держит в памяти, а главное, непрестанно соизмеряет с основной целью, ради которой работает.

И тут я почувствовал нечто совсем необычное для репортера — смущение. Справившись с собой, я робко спросил:

— Что вы имеете в виду?

— Мне кажется, он работает над единой теорией поля.

Очевидно, Майнз полагал, что этим все сказано. Я же всем своим видом показал, что по-прежнему остаюсь в неведении.

Он задумался.

— Право, не знаю, как объяснить это неспециалисту. Не обижайтесь, Вильчек. Ну, попытаюсь. Вы, вероятно, знаете, что математика развивается волнообразно, открывая дорогу прикладным наукам. Ну, например, в средние века сильно продвинулась вперед алгебра, что повлекло за собой расцвет море-

плавания, землепроходства, артиллерии и так далее. Затем пришло Возрождение, а с ним математический анализ. Отсюда было недалеко до освоения пара, изобретения различных машин, электричества. Эра современной математики, начавшаяся, скажем, с 1875 года, дала нам атомную энергию. Не исключено, что этот паренек может способствовать возникновению новой волны.

Он встал, надел шляпу.

— Минутку, — сказал я, сам удивляясь тому, что голос мне не изменяет. — А что дальше? Власть над тяготением? Власть над личностью? Транспортировка людей по радио?

Доктор Майнз вдруг показался мне старым и измученным.

— Не беспокойтесь о мальчике, — сказал он, старательно избегая моих глаз, — все будет в порядке.

И он ушел.

Вечером я принес Гомесу кусок пирога с мясом и гоголь-моголь. Он выпил немного, рассеянно поблагодарил меня и повернулся к своим листкам.

Вечером следующего дня все это неожиданно кончилось. Гомес, худой, как рикша, шатаясь, спустился на кухню и, откинув со лба непослушные волосы, спросил: «Бил, что бы поесть?..» — и вдруг грохнулся на пол. На мой крик прибежал Лейцер, со знанием дела пощупал пульс Гомеса, подложил под него одеяло и накрыл другим.

— Это просто обморок, — сказал он. — Его нужно перенести на кровать.

Мы отнесли Гомеса наверх и уложили. Придя в себя, он пробормотал что-то по-испански, а затем, увидев нас, сказал:

— Ужасно извините, ребята. Должен был вести себя лучше.

— Сейчас дам тебе поесть, — сказал я и получил в ответ приветливую улыбку.

Он с жадностью набросился на еду, а насытившись, отвалился на подушку.

— Новое есть, Бил?

— Что новенького? Это ты должен сказать мне, что новенького. Ты кончил работу?

— Почти. Самые трудности уже сделал.

И он скатился с постели.

— Ты бы полежал еще, — попробовал настоять я.

— Со мной все в порядке, — сказал он, улыбаясь.

Я последовал за ним в его комнату. Он вошел, опустился в кресло; глаза его были прикованы к испещренной символами доске, затем он закрыл лицо руками. От улыбки не осталось и следа.

— Доктор Майнз сказал, что ты чего-то достиг.

— Si. Достиг.

— Он говорит, единая теория поля.

— Угу.

— Это хорошо или плохо? — спросил я, облизывая от волнения губы. — Я имею в виду, что из этого может выйти.

Рот мальчика неожиданно вытянулся в одну жесткую линию.

— Это не мое дело, — сказал он. — Я американский гражданин Соединенных Штатов.

И он уставился на доску, покрытую таинственными значками.

Я тоже посмотрел на доску — нет, не просто взглянул, а посмотрел внимательно — и был поражен тем, что увидел. Высшей математики я, конечно, не знаю. Но кое-что слышал о ней краем уха; ну, например, что там бывают всякие сложные формулы, состоящие из английских, греческих и еще черт знает каких букв, простых, квадратных и фи-

гурных скобок и множества значков, кроме известных каждому плюса и минуса.

Ничего похожего на доске не было. Там были написаны варианты одного простого выражения, состоящего из пяти букв и двух символов: закорючки справа и закорючки слева.

— Что это значит?

— Это у меня получилось. — Мальчуган явно нервничал. — Если сказать словами, то значок слева означает «покрыть полем», а справа — «быть покрытым полем».

— Я спрашиваю, что это значит?

В его черных сияющих глазах появилось выражение загнанного зверя. Он промолчал.

— Здесь все выглядит очень просто. Я где-то читал, что решенная задача всегда кажется очень простой.

— Да, — сказал он едва слышно, — это очень просто, Бил. Даже слишком просто, я сказал бы. Лучше я буду держать это в голове.

И он подошел к доске и стер все, что там было написано. Моим первым движением было остановить его. Он улыбнулся очень горькой улыбкой, какой я никогда прежде не замечал у него.

— Не бойся, я не забуду, — он постучал костяшками пальцев по лбу, — не смогу забыть.

Я от всей души надеюсь, что никогда больше ни у кого не увижу такого выражения глаз, какое было тогда у моего юного друга.

— Хулио, — сказал я потрясенно. — Почему бы тебе не уехать ненадолго? Поезжай в Нью-Йорк, погости у родителей, отвлекись, а? Они не могут держать тебя здесь насильно.

— Они предупредили меня, что я не имею права отлучаться, — сказал он неуверенно. Затем в его голосе вдруг появилось упрямство. — Ты прав, Бил.

Давай поедem вместе. Я пойду одеться, а ты... ты скажи Лейцеру, что мы хотим уйти.

Я сказал Лейцеру, и тот чуть не лопнул от злости. Затем принялся нас уговаривать не уезжать, на что я ответил, что мы, кажется, не в армии и не в тюрьме. В конце концов я разошелся и начал орать, что он не имеет права держать нас взаперти и будь он проклят, если мы не уйдем. Ему ничего не оставалось, как связаться с Нью-Йорком по прямому проводу, и там они с большой неохотой вынуждены были согласиться.

Мы отправились на поезд, идущий в Нью-Йорк в 4.05. Хиггинс и Далхаузи следовали за нами на почтительном расстоянии. Гомес их не замечал, а я не считал нужным ставить его об этом в известность.

Родители Гомеса жили теперь в новехонькой трехкомнатной квартире. Мебель тоже была только что из магазина, а на чьи денежки она была приобретена, вы, конечно, понимаете. Отец и мать говорили только по-испански, а я был представлен как Бил, *mi amigo*. Они что-то пробормотали в ответ, явно стесняясь.

Заминка произошла, когда мать Гомеса принялась накрывать на стол. Гомес, запинаясь, сказал, что ему не хочется уходить, но мы уже договорились обедать в другом месте. Мать в конце концов вытянула из него, что мы идем в «Порто Белло», чтобы повидаться с Розой, и тогда все снова заулыбались. Отец сказал мне, что Роза хорошая, очень хорошая девушка.

Когда мы спускались по лестнице, а вокруг нас с криком бегала ватага мальчишек, играющих в пятнашки, Гомес с гордостью произнес:

— Не подумать, что они так мало живут в Соединенные Штаты, верно?

У подъезда я взял его под руку и решительно повернул вправо, иначе он наверняка увидел бы нашу «охрану». Зачем? Я хотел, чтобы ему было хорошо.

В «Порто Белло» было полным-полно народу, и малышка Роза, конечно же, сидела за кассой. В последнюю минуту Гомес чуть было не повернул обратно от страха.

— Мест нет, — пролепетал он, — пойдем куда-нибудь еще.

Я почти силой затащил его в закусочную.

— Найдем столик.

В это время от кассы донеслось:

— Хулио!

Он потупился:

— Здравствуй, Роза! Я приехал погостить.

— Я так рада тебя видеть, — ее голос прерывался от волнения.

— И я рад. — Здесь я незаметно толкнул его. — Роза, это мой друг Бил. Мы вместе работаем в Вашингтоне.

— Рад с вами познакомиться, Роза. Не хотите ли поужинать с нами? Думаю, вам найдется, о чем поговорить с Гомесом.

— Постараюсь... А вот и столик для вас. Постараюсь освободиться.

Мы сели за столик. Роза присоединилась к нам. Очевидно, ей удалось уломать хозяйку.

Мы ели *arroz con pollo* — курицу с рисом и еще многое другое. Постепенно они перестали смущаться и почти забыли про меня, а я, разумеется, принял это как должное. Приятная пара. Мне нравилось, как они улыбались друг другу, с какой радостью вспоминали свои походы в кино, прогулки, разговоры. В ту минуту я забыл выражение лица

Гомеса, когда он повернулся ко мне от доски, покрытой слишком уж простыми формулами.

Когда подали кофе, я не выдержал и решил прервать их разговор — они уже держались за руки:

— Хулио, почему бы вам не пойти погулять? Я буду ждать тебя в отеле «Мэдисон Парк».

Я записал адрес на клочке бумаги и отдал ему.

— Я закажу тебе номер. Гуляй и ни о чем не думай.

Я похлопал его по коленке. Он посмотрел вниз, и я сунул ему четыре бумажки по двадцать долларов.

— Здорово, — сказал он. — Благодарю.

Вид у него при этом был очень смущенный. Я же чувствовал себя его отцом и благодетелем.

Я давно приметил паренька, который угрюмо сидел в углу и читал газету. Он был примерно одного роста с Хулио и такого же сложения. И спортивная куртка на нем была почти такая же, как на Хулио. На улице уже совсем стемнело.

Когда юноша встал и направился к кассе, я сказал Хулио и Розе:

— Ну, мне пора. Веселитесь.

И вышел из ресторана вместе с ним, стараясь идти рядом, — для тех, кто следил за нами.

Через квартал-другой ему это, видно, надоело, он повернулся ко мне и зарычал:

— Эй, мистер, чего тебе надо? Катись отсюда!

— Ладно, ладно, — миролюбиво ответил я и зашагал в противоположном направлении. Очень скоро я врезался в Хиггинса и Далхаузи, которые остановились как вкопанные, с открытыми от удивления ртами. Они ринулись обратно в «Порто Белло», и теперь уже я последовал за ними, чтобы убедиться, что Розы и Хулио там не было.

— Ай да молодцы, — не удержался я, хотя же-

ление стереть меня с лица земли было ясно написано на лицах охранников. — Ничего страшного. Он пошел прогуляться со своей девушкой.

Далхаузи как-то странно всхлипнул и приказал Хиггинсу:

— Прочеси окрестности. Может, удастся их засечь. Я буду следить за Вильчеком.

Со мной он не желал разговаривать. Я пожал плечами, взял такси и поехал в «Мэдисон Парк», уютный старомодный отель с большими комнатами. Я всегда там останавливаюсь, если приезжаю по делам в Нью-Йорк. Я заказал два однокомнатных номера — один себе, другой рядом — Гомесу.

Перед сном я прогулялся по городу и выпил пару кружек пива в одной из нарочито ирландских пивных на Третьей авеню. Там я побеседовал с каким-то чудаком, который долго доказывал мне, что у русских нет атомной бомбы, а потому нам нужно хорошенько долбануть их промышленные центры.

Я долго не мог уснуть. Этот человек, серьезно веривший, что русские не смогут ответить ударом на удар, заставил меня задуматься. В голове роилось множество самых неприятных мыслей. Доктор Майнз, который на глазах превратился в старика, стоило мне заговорить с ним о результатах Гомеса... Затравленное выражение в глазах мальчугана... Мои собственные где-то вычитанные или услышанные сведения о том, что атомная энергия — «это лишь малая часть энергии, заключенной в атоме...» Мое убеждение, что гений только прокладывает дорогу, а шагают по ней жалкие посредственности...

Наконец сон все-таки сморил меня. Но лишь на три часа.

Поздно ночью зазвенел телефон; звонил он долго и настойчиво. Я снял трубку. Некоторое время в пей переговаривались телефонистки междугородной

связи, затем до меня донесся далекий счастливый голос Гомеса:

— Бил, поздравь нас. Мы обженились!

— Поженились, а не обженились, — сонным голосом поправил я. — Ну-ка, повтори!

— Мы поженились! Я и Роза. Мы сели в поезд, потом таксист привез нас в мэрию, а сейчас мы идем в отель здесь.

— Поздравляю, — сказал я, окончательно проснувшись. — От всего сердца. Но ты ведь еще несовершеннолетний, нужно подождать...

— Не в этом штате. Здесь, если я им скажу, что мне двадцать один год, значит, так и есть.

— Ах, так! Ну, еще раз от души поздравляю, Хулио.

— Спасибо, Бил, — послышалось в ответ. — Я звоню тебе, чтоб ты не беспокоился, когда я не приду ночевать. Мы с Розой, наверно, приедем завтра. Я позвоню тебе еще. Я храню бумажку с адресом.

— Ладно, Хулио. Всего наилучшего вам обоим. Не беспокойся ни о чем.

Я повесил трубку, хмыкнул и тут же вновь погрузился в сон.

Верите ли, все повторилось сначала. Костлявая рука адмирала Мак-Дональда вновь решительно вытащила меня из постели. Было раннее солнечное нью-йоркское утро. Вчера Далхаузи безрезультатно «прочесал окрестности», испугался за последствия и позвонил высшему начальству.

— Где он? — взревел адмирал.

— Едет сюда со своей девушкой, которая сутки назад стала его женой, — отрапортовал я.

— Боже милостивый, что же теперь делать? Я позабочусь о том, чтобы его призвали в армию в части особого назначения...

— Послушайте, — не вытерпел я. — Когда вы наконец перестанете обращаться с ним, как с пешкой, которую можно безнаказанно передвигать, куда захочешь?! Вас беспокоят вопросы долга перед страной, ну и слава богу: кто-то ведь должен этим заниматься. Тем более что это ваша профессия. Но поймите же, что Гомес еще ребенок, и вы не имеете права калечить ему жизнь, используя его как машину для решения научных проблем. Конечно, я мало что в этом смысле, я человек простой. Но вы, профессионалы, почему вы не задумываетесь над тем, что, если вы копнете слишком глубоко, все может полететь к чертовой матери?!

Он посмотрел на меня пронизывающим взглядом и ничего не ответил.

Я оделся и позвонил, чтобы мне принесли завтрак в номер.

Адмирал и Далхаузи уныло ждали; в полдень Гомес позвонил.

— Хулио, поднимайся сюда.

Я, признаться, очень устал от всех этих передрыг.

Он просто впорхнул в комнату, ведя под руку раскрасневшуюся от смущения Розу. Адмирал тут же поднялся и принялся его отчитывать голосом, в котором слышалась скорее печаль, чем гнев. Он не забыл упомянуть, что Гомес плохо относится к обязанностям гражданина своей страны. Ведь его талант принадлежит Соединенным Штатам Америки. А его поведение носит совершенно безответственный характер.

— И в качестве наказания, мистер Гомес, я хочу, чтобы вы немедленно сели и записали матрицы для поля, которые вы вывели. Преступно, что вы так самонадеянно и бездумно доверяете памяти вещи, имеющие жизненно важное значение. Вот!

Карандаш и бумага полетели прямо в лицо Гомеса, который выглядел совершенно потерянным. Роза едва сдерживала слезы.

Гомес взял бумагу и карандаш и молча сел за письменный стол. Я взял Розу за руку. Бедняжка, она дрожала как осиновый лист.

— Не бойся, — сказал я. — Они ничего ему не сделают. Не имеют права.

Хулио начал писать. Затем глаза его стали совсем круглыми, он схватился за голову.

— ¡Dios mio! — воскликнул он. — ¡Esta perdido! ¡Olvidato!

Что значит: «Бог мой, я потерял это! Забыл!»

Адмирал побелел так, что бледность проступила сквозь густой загар.

— Спокойно, дружок! — голос его звучал успокаивающе. — Я не хотел пугать тебя. Отдохни немного и подумай снова. Ты не мог забыть это, с твоей-то памятью! Начни с чего-нибудь легкого. Ну, скажем, с простого биквадратного уравнения.

Гомес все смотрел на него. После долгого молчания он с трудом произнес:

— No puedo. Не могу. И это забыл. Я ни разу не вспомнил физику и математику с тех пор, как...

Он посмотрел на Розу и слегка покраснел. Роза не отрывала глаз от носков своих туфель.

— Что делать, — сказал Гомес неожиданно охрипшим голосом. — Ни разу не вспомнил. Раньше всегда у меня в голове — математика. Но с тех пор — нет.

— Господи, помилуй, — сказал адмирал. — Может ли такое случиться?

И он потянулся к телефону.

И по телефону ему сообщили: да, такое бывает.

Хулио возвратился в свой испанский Гарлем и купил на заработанные деньги «Порто Белло». Я вер-

нулся в свою газету и купил автомобиль на то, что заплатили мне. Мак-Дональд так и не предал дело гласности, и мой редактор мог с гордостью заявить, что однажды ему удалось провести адмирала, хотя он так и не воспользовался своим монопольным правом.

Несколько месяцев спустя я получил от Хулио и Розы открытку, извещающую о рождении первенца: мальчик, весит шесть фунтов, назвали Франсиско в честь отца Хулио.

Я сохранил открытку и, как только мне довелось побывать в Нью-Йорке (задание редакции: Национальная ассоциация бакалейщиков; бакалейные продукты — ходкий товар в нашем городе), зашел к ним. Хулио чуточку повзрослел и стал более уверенным в себе. Роза, увы, начала полнеть, но была по-прежнему чрезвычайно мила и все так же обожала своего Хулио. Малыш был медового цвета и очень бойкий.

Хулио непременно хотел приготовить в мою честь *aggròz con pollo* — ведь именно это блюдо мы ели в тот вечер, когда я, можно сказать, толкнул его в объятия Розы. Решено было пойти в соседнюю лавку за продуктами. Я с готовностью вызвался ему помочь.

В лавке Хулио заказал рис, цыпленка, овощи, перец — он чуть не скупил все (многие мужья не могут остановиться, когда попадают в магазины), едва ли не пятьдесят видов продуктов, которые, по его мнению, могут в крайнем случае полежать в кладовой.

Старик хозяин, ворча, записывал стоимость покупок на пакете; потом он стал складывать доллары и центы, пересчитывая все по сто раз. Тем временем Хулио поведал мне, что «Порто Белло» процве-

тает и что хорошо бы его расширить, прикупив магазин.

— Семнадцать долларов сорок два цента, — выдал наконец старик.

Хулио взмахнул ресницами в сторону колонки цифр, записанных на пакете.

— Должно быть семнадцать тридцать девять, — сказал он с упреком. — Сосчитайте снова.

Лавочник с трудом сосчитал.

— Семнадцать тридцать девять, правда ваша.

И он принялся заворачивать покупки.

— Хулио?! — только и вымолвил я.

Больше ни слова, ни в тот момент, ни после.

— Никому не говори, Бил, — сказал Хулио.

И подмигнул.

Чезаре Дзаваттини Состязание

Мой провожатый и я пошли было дальше, но Макнамара внезапно остановился и сказал:

— Долой Кадабру! Он лгун и пустомеля.

Потом среди всеобщего изумления добавил:

— Я находчивее его и докажу это. Короче, я бросаю ему вызов.

Остальные встретили слова Макнамары яростным свистом.

Один из ангелов, по всему судя главный в раю, заставил всех умолкнуть и сказал:

— Почему бы не послушать и его тоже? Пусть говорит. Давайте устроим состязание. Каждый из соревнующихся расскажет две истории, а в конце мы назовем победителя.

— Урра, — хором закричали ангелы.

— Принимаю вызов, — пробормотал Кадабра. — Не понимаю только, как это завистников пускают в рай?

— Довольно болтовни, — сказал ангел. — Приступим к делу. Первым рассказывает Макнамара, вторым — Кадабра.

— А третьим я? — покраснев, спросил бледный, белый призрак, вынырнувший неизвестно откуда.

— Вы? Как вас зовут?

Призрак поднял голову и робко произнес:

— Прежде я был служащим...

Главный ангел повторил:

— Я спрашиваю, как вас зовут?

Призрак назвал какое-то странное, непонятное имя.

— Раньше я был служащим в муниципалитете города Деги. Но я написал несколько произведений... тайком и сразу же уволился с работы. Тогда у меня не хватило мужества прочесть их ни одному живому существу. Но здесь, в раю, все такие добрые, и я осмелюсь...

— Хорошо, вы будете третьим, — согласился главный ангел.

— Спасибо, — тихо сказал бледный человечек. И с гордым, сосредоточенным видом уселся в углу.

Макнамара в благоговейной тишине начал свой рассказ.

— В салоне госпожи Пеннисон каждый четверг собирались самые уважаемые в округе семейства. Любезная хозяйка дома развлекала гостей совершенно неожиданными выдумками. На прошлой неделе,

например, после обычных церемонных приветствий добрейшая мадам Пеннисон позвала своего мальчика.

— Ему пять лет, и он на редкость умный мальчик, — объяснила госпожа Пеннисон. — Баби, сколько будет два плюс два?

— Три, мамочка.

Мама расцеловала его в обе щеки.

— Мое сокровище, он ошибся всего на единицу. А ведь ему только пять лет!

Затем Одетт, дочка госпожи Пеннисон, как это принято в высшем обществе, предложила поиграть в загадки.

Мать доверительно поведала всем, что Одетт учится в лицее только на отлично. Учителя говорят, что она удивительно одаренный ребенок.

Одетт лепечет:

— Госпожа Кларк, задумайте мужское имя от Джузеппа.

— Задумала, — отвечает жена магистра.

— А теперь, — продолжает Одетт, — задумайте какой-нибудь цвет.

— Красный.

— Нет, лучше другой.

— Ну, тогда верде*.

— Превосходно, образуйте от него множественное число, но только про себя.

— Образовала.

В салоне воцаряется мертвая тишина. Лишь хозяйка дома шепчет на ухо своей соседке.

— Сейчас вы сами убедитесь, как это остроумно.

Одетт зажмуривает глаза и через минуту восклицает:

* Верде — по-итальянски означает зеленый.

— Вы, госпожа Кларк, задумали имя великого композитора Джузеппе Верди.

— О, ты просто маленький гений! Научи и меня, Одетт!

Синьора Пеннисон, вся красная от волнения, изумляется.

— Представьте себе, она каждый раз угадывает!

Восторг был всеобщим, и только чувство собственного достоинства не позволило ангелам разразиться безудержным смехом.

Теперь Макнамара смело приступил ко второму рассказу.

«В траншее казаки ожидали приказа. Ровно в десять лейтенант Ильев скомандовал:

— Примкнуть штыки!

Минуту спустя могучие сыновья Дона с громкими криками пошли в атаку на врага. Грохотали орудия, винтовочные залпы слились в один сплошной гул.

— Ребята, жаркий будет танец, — крикнул майор Воссиллов.

Тем временем из вражеских траншей, словно туча саранчи, поднялись японские солдаты. Еще миг — и начнется рукопашная схватка. Внезапно бежавший впереди лейтенант Ильев споткнулся и упал. Он мгновенно вскочил, но лицо его побледнело.

Дети степей остановились все как один и сгрудились вокруг своего командира.

— Все в порядке, — улыбнулся лейтенант.

В нескольких шагах от них остановились и японцы. Один из офицеров спросил взволнованным голосом:

— Вы не ушиблись?

— Нет, спасибо, — ответил лейтенант Ильев.

Снова загрохотали орудия, и враги схватились врукопашную».

Трудно даже описать, с каким восторгом встретили ангелы второй рассказ Макнамары. И они так долго и настойчиво его упрасивали, что он в нарушение всех правил этого небесного состязания вынужден был рассказать третью историю.

«Это — одно из воспоминаний детства. Я жил в Гёттингене. Был декабрь тысяча восемьсот семидесятого года. Мой отец и я приехали в академию, когда ее президент Мауст уже зачитывал имена участников Всемирного состязания математиков. Отец сразу пошел записываться, поручив меня заботам старинного друга нашей семьи госпожи Катет. От нее я узнал, что сторож академии старик Помбо выстрелом из пушки подает сигнал к началу этого исторического состязания. Попутно госпожа Катет рассказала мне один малоизвестный эпизод из жизни Помбо. Этот Помбо вот уже тридцать лет подряд стреляет из пушки, возвещая о наступлении полудня. Однажды он забыл дать залп. Тогда на следующий день он произвел выстрел за предыдущий день — и так до самой достопамятной пятницы декабря месяца года тысяча восемьсот семидесятого. И никто в Гёттингене даже не заметил, что Помбо каждый раз дает орудийный залп днем позже.

Наконец все приготовления были окончены. И вот в присутствии принца Оттона и знаменитых писателей и ученых началось состязание.

— Один, два, три, четыре, пять...

В зале были слышны лишь голоса соревнующихся. К пяти часам счет перевалил за двадцать тысяч. Зрители распалялись все больше, и громким комментариям и пари не было конца.

В семь часов математик Аллен из Сорбонны без чувств свалился на пол. К восьми часам осталось всего семь участников этого благородного состязания.

— 36 747, 36 748, 36 749, 36 750.

В девять вечера Помбо зажег свечи. Зрители воспользовались этим, чтобы подкрепиться захваченной из дому едой.

— 40 739, 40 740, 40 741.

Я смотрел на отца. Он весь взмок, но не сдавался. Госпожа Катет, поглаживая меня по голове, повторяла, словно припев: «Какой у тебя замечательный отец!»

А мне даже есть не хотелось.

Ровно в девять — первая неожиданность. Алгебраист Пулл закричал:

— Миллиард.

Все восторженно заохали; на миг воцарилась тишина; зрители затаили дыхание. И тут итальянец Винакки выкрикнул:

— Миллиард миллиардов миллиардов.

В зале раздались аплодисменты, но сразу же смолкли, едва президент Мауст сердито махнул рукой. Отец с видом превосходства огляделся вокруг, улыбнулся госпоже Катет и начал:

— Миллиард миллиардов миллиардов миллиардов миллиардов...

Зрители восторженно заревели:

— Да здравствует, ур-ра!

Госпожа Катет и я плакали от волнения.

— ...миллиардов миллиардов миллиардов...

Президент Мауст, бледный как полотно, шептал отцу, дергая его за полы пиджака:

— Довольно, хватит, вам станет плохо.

Но отец неумолимо продолжал: «Миллиардов миллиардов миллиардов...» Постепенно голос его

стал слабеть, он в последний раз еле слышно выдохнул: «...миллиардов», — и бессильно откинулся на спинку стула. Зрители, вскочив с мест, бешено хлопали в ладоши.

Принц Оттон подошел к отцу и уже хотел повесить ему на грудь медаль, как вдруг Джанни Винакки завопил: «Плюс один».

Толпа, ворвавшись на кафедру, с триумфом вынесла Джанни из зала.

Когда мы подъехали к дому, на пороге нас в сильнейшем волнении уже ждала мать. Накапывал дождик. Отец, едва выбравшись из дилижанса, бросился в объятия моей матушки и, всхлипывая, прошептал:

— Скажи я «плюс два», победа осталась бы за мной».

Артур Кларк

Неувязка со временем

— **Ч**то и говорить, преступления на Марсе совершаются не часто, — не без сожаления заметил инспектор уголовной полиции Роулинго. — По сути дела из-за этого мне и приходится возвращаться в Скотланд-Ярд. Задержись я здесь подольше, и от моей былой квалификации не осталось бы и следа.

Мы сидели в главном смотровом зале космопорта на Фобосе и любовались залитыми солнцем зубчатыми скалами крохотной марсианской луны. Ра-

котный паром, доставивший нас с Марса, отошел минут десять назад и сейчас начинал головокружительное падение на шар цвета охры, парящий среди звезд. Через полчаса мы должны были подняться на борт лайнера, отправлявшегося на Землю — в мир, где большинство пассажиров никогда не бывали, хотя и называли его по традиции своей «родиной».

— Но все же, — продолжал инспектор, — иногда и на Марсе случаются происшествия, которые оживляют тамошнюю жизнь. Вы, мистер Маккар, занимаетесь продажей произведений искусства и, должно быть, слышали о переполохе в Меридиан-Сити, происшедшем несколько месяцев назад?

— Что-то не припомню, — ответил полный смуглый человечек, которого я было принял за возвращающегося на Землю туриста.

Инспектор, по-видимому, успел ознакомиться со списком пассажиров, отбывающих с очередным рейсом.

«Интересно, много ли ему удалось разузнать обо мне», — подумал я и попытался внушить себе, что совесть моя — гм! — достаточно чиста. В конце концов каждый что-нибудь да провозит через марсианскую таможню.

— Мы старались не поднимать шума, — произнес инспектор, — но в делах такого рода огласка неизбежна. А случилось вот что: вор, специализирующийся на ограблении ювелирных магазинов, прибыл с Земли, чтобы похитить величайшее сокровище музея в Меридиан-Сити — богиню Сирен.

— Что за нелепая идея! — возразил я. — Статуя богини, конечно, бесценна, но ведь это просто камень, обломок песчаника. Ее нельзя продать. С таким же успехом можно было бы похитить, например, Монну Лизу.

Инспектор широко улыбнулся.

— Такое тоже случалось, — сказал он. — Возможно, и мотив преступления в обоих случаях был одним и тем же. Некоторые коллекционеры с готовностью отдали бы за такой предмет искусства целое состояние, даже если любоваться им смогли только в одиночестве. Вы согласны, мистер Маккар?

— Совершенно с вами согласен. По роду своей деятельности мне приходится иметь дело с сумасшедшими самого различного толка.

— Так вот, кто-то из таких, с позволения сказать, коллекционеров и нанял нашего красавчика — звали его Дэнни Уивер, — и только исключительное невезение помешало ему похитить статуэтку богини.

Диктор информационного центра космопорта сообщил, что наш рейс задерживается из-за необходимости произвести контрольные замеры горючего, и попросил нескольких пассажиров подойти к справочному бюро. Пока мы ждали конца объявления, я припомнил то немногое, что знал о богине Сирен. Хотя мне никогда не доводилось видеть оригинал, я, подобно большинству туристов, отбывающих с Марса, увозил в своем багаже его копию. В сопроводительном документе, выданном Марсианским бюро по охране памятников древности, удостоверялось, что это «точная копия в натуральную величину так называемой богини Сирен, открытой в Море Сирен третьей экспедицией в 2012 г.»

Трудно поверить, что такая миниатюрная вещь могла вызвать столько споров. Величиной она была дюймов восемь или девять. Будь она выставлена в каком-нибудь музее на Земле, вы бы прошли мимо, не обратив на нее никакого внимания. Головка молодой женщины, в чертах лица есть что-то восточное, мочки ушей несколько оттянуты, завитки мелко вьющихся волос плотно прилегают ко лбу, гу-

бы чуть раскрыты, словно от радости или удивления, — вот и все. Но тайна ее происхождения настолько опрокидывала все привычные представления, что послужила толчком к возникновению доброй сотни религиозных сект и свела с ума не одного археолога. И было от чего тронуться: откуда могла взяться чисто человеческая голова на Марсе, где единственными разумными существами были ракообразные — «интеллектуальные омары», как любят их называть наши газеты? Коренные марсиане даже близко не подошли к тому уровню развития, на котором становятся возможными космические полеты, и, во всяком случае, их цивилизация погибла задолго до появления человека на Земле. Неудивительно, что богиня Сирен стала загадкой номер один Солнечной системы. Не думаю, что при жизни моего поколения нам удастся решить эту загадку, если ее вообще удастся когда-нибудь решить.

— Разработанный Дэнни план был весьма прост, — прервал молчание инспектор. — Вы знаете, сколь пустыми становятся марсианские города по воскресеньям, когда все закрыто и колонисты сидят по домам перед телевизорами и смотрят передачу с Земли. Дэнни на это и рассчитывал, когда в пятницу вечером остановился в гостинице в Западном Меридиан-Сити. Субботу он отвел на то, чтобы осмотреться в музее, воскресенье — чтобы без помех заняться делом, а в понедельник утром вместе с другими туристами надеялся покинуть город...

В субботу утром он пересек небольшой парк и оказался в Восточном Меридиан-Сити, где находится музей. Как вам, может быть, приходилось слышать, свое название Меридиан-Сити получил потому, что расположен на сто восьмидесятом градусе — не больше и не меньше. В городском парке установлена каменная глыба, на которой высечен меридиан,

разделяющий Марс на два полушария. Посетители парка любят фотографироваться у этого обелиска, стоя одной ногой в одном, а другой в другом полушарии. Просто удивительно, до чего такие вещи могут забавлять некоторых!

— Целый день Дэнни, как и всякий турист, слонялся по музею. Но, когда подошло время закрытия, он не покинул музей, а тайком пробрался в один из залов, закрытых для посетителей, где готовилась экспозиция, посвященная периоду строительства каналов. Там Дэнни оставался примерно до полуночи на тот случай, если какому-нибудь энтузиасту-исследователю вздумается задержаться в здании музея. В полночь Дэнни вышел из своего укрытия и приступил к делу.

— Простите, — прервал я инспектора, — а как же ночной сторож?

Инспектор рассмеялся.

— Дорогой мой, на Марсе неизвестна такая роскошь, как ночные сторожа, в музее нет даже сигнализации. Да и зачем: кому может прийти в голову красть куски камня? Правда, богиня находится в тщательно опечатанной витрине из стекла и металла, но это на случай, если какой-нибудь любитель сувениров воспылет к ней преступной страстью. Но даже если бы кто-нибудь похитил богиню, вору все равно негде было бы спрятать свою добычу. Как только обнаружилась бы пропажа, весь отходящий транспорт подвергли бы тщательнейшему обыску.

В том, что сказал инспектор, была изрядная доля истины. Я мыслил земными категориями, забыв о том, что каждый город на Марсе — это замкнутый мир, живущий своей особой жизнью под защитным полем, ограждающим его от леденящего вакуума или почти вакуума. За спасительными экранами электронной защиты простирается крайне враждеб-

ная пустота марсианских пустынь, где человек, лишенный спасительной оболочки, погибает в считанные секунды. Принудить к неукоснительному соблюдению законов в такой обстановке очень легко. Неудивительно, что на Марсе совершается так мало преступлений.

— У Дэнни с собой был превосходный набор инструментов, каждый предмет в нем был предназначен, как у часовщика, для выполнения определенной операции. Украшением набора была микропила размером с паяльник. Ее режущая кромка тоньше папиросной бумаги приводилась в движение миниатюрным ультразвуковым генератором и совершала миллион колебаний в секунду. Она легко, словно через масло, проходила сквозь стекло и металл, оставляя прорезь, которая была тоньше человеческого волоса, что было особенно важно для Дэнни в его предприятии.

Думаю, вы и сами догадались, как намеревался действовать грабитель. План его был прост: прорезать отверстие в витрине и подменить подлинную богиню копией, которых навалом в сувенирных магазинах. Мог бы пройти не один год, прежде чем какой-нибудь дотошный знаток докопался бы до истины. А подлинная богиня давным-давно достигла бы Земли, идеально замаскированная под собственную копию с официальным документом, удостоверяющим аутентичность. Ловко придумано, не правда ли?

Жутковато, должно быть, было Дэнни работать в темном зале, где тебя со всех сторон окружают какие-то барельефы и непонятные предметы, насчитывающие не один миллион лет. И в земном музее ночью не очень-то уютно, но там по крайней мере все — как бы это поточнее выразиться? — человеческое. В зале номер три нельзя было ступить и шагу,

чтобы не натолкнуться на барельеф с изображением самых невероятных чудовищ, вступивших между собой в отчаянную схватку не на жизнь, а на смерть. Внешне эти чудовища напоминали гигантских жуков, и большинство палеонтологов категорически отрицали саму возможность их существования. Но вымышленные или реальные, они принадлежали марсианскому миру и не беспокоили Дэнни так, как богиня, молча взиравшая на него сквозь века и решительно отказывавшаяся объяснить свое появление. Дэнни чувствовал, что от ее взгляда по спине бегают мурашки. Откуда я все это знаю? Да от самого Дэнни.

К вскрытию витрины Дэнни приступил, словно огранщик алмазов к разрезанию уникального камня. Почти вся ночь ушла на то, чтобы прорезать люк в витрине, и, когда работа почти подошла к концу, Дэнни решил немного передохнуть и отложил пилу в сторону. Многие еще оставалось сделать, но самое трудное было позади. На то, чтобы заменить подлинную богиню копией, проверить точность установки по фотографиям, предусмотрительно захваченным с собой, и уничтожить следы, должно было уйти почти все воскресенье, но Дэнни это ничуть не заботило: у него в запасе оставались еще двадцать четыре часа, а в понедельник можно будет с нетерпением ждать первых посетителей, чтобы, смешавшись с ними, незаметно покинуть музей.

Нужно ли говорить, как потрясен был Дэнни, когда на следующее утро ровно в восемь тридцать главные двери музея с шумом отворились и служители — все шестеро — принялись готовить все к началу рабочего дня. Дэнни едва успел ретироваться через запасной выход, бросив и инструменты, и богиню. Еще один сюрприз ожидал его, когда он очутился на улице. В это время дня на ней не должно

было быть ни души: все поселенцы в воскресенье утром обычно сидят дома за чтением газет. А здесь — улица бурлила: обитатели Восточного Меридиан-Сити спешили кто на завод, кто в учреждение так, словно был обычный рабочий день.

К тому времени, когда несчастный Дэнни добрался до гостиницы, мы уже поджидали его. Хвастаться нам было нечем: не так уж трудно было понять, что забыть об основной достопримечательности Меридиан-Сити, его главном шансе на славу, мог только единственный гость с Земли, причем гость, прибывший недавно. Вы, конечно, знаете, в чем главная достопримечательность Меридиан-Сити?

— Нет, — признался я чистосердечно. — Шесть недель не слишком большой срок даже для поверхностного знакомства с Марсом, и к востоку от Большого Сирта мне так и не довелось побывать.

— Не беда, сейчас поймете, в чем причина постигшей Дэнни неудачи. Все объясняется до смешного просто. Впрочем, не будем судить о Дэнни слишком строго. Бывает, что даже местные жители попадают в ту же ловушку. Аналогичная проблема возникает и у нас на Земле, но мы не испытываем никаких затруднений лишь потому, что просто-напросто топим ее в Тихом океане. На Марсе кругом, куда ни глянь, суша, поэтому кому-то приходится жить и на линии смены дат.

Дэнни, как вы помните, отправился на дело из Западного Меридиан-Сити, где воскресенье действительно наступило. И, когда мы прибыли в гостиницу, чтобы арестовать Дэнни, там по-прежнему было воскресенье. Но всего лишь в полумиле от гостиницы — в Восточном Меридиан-Сити — была еще суббота. Небольшая прогулка через парк решила исход столь хитроумно задуманного предприятия. Я же с

самого начала сказал вам, что дело сорвалось из-за дьявольского невезения.

Мы сочувственно помолчали, потом я спросил:

— Сколько ему дали?

— Три года, — ответил инспектор Роулинго.

— Не очень много.

— Три марсианских года, то есть почти шесть земных. К тому же его приговорили к штрафу в размере стоимости обратного билета на Землю! Странное совпадение. Разумеется, он находится не в тюрьме. Марс не может себе позволить столь расточительную роскошь. Дэнни живет под строгим надзором и вынужден зарабатывать себе на жизнь. Я говорил вам, что в музее Меридиан-Сити не было ночных сторожей. Теперь у музея есть один ночной сторож. Угадайте кто.

— Всех пассажиров просят приготовиться к посадке. Она начнется через десять минут! Не забудьте свой ручной багаж! — раздался повелительный голос из громкоговорителей.

Когда мы двинулись к галерее, откуда производилась посадка, я не удержался и задал инспектору еще один вопрос:

— А что стало с людьми, которые наняли Дэнни и толкнули его на преступление? Деньги за ним были немалые. Вам удалось установить, кто эти люди?

— Пока еще многое не известно. Они тщательно замели следы. Дэнни говорил правду, когда заявил на следствии, что не может дать в руки правосудия никаких нитей, ведущих к тем, кто стоял за ним. Впрочем, сейчас это уже не мое дело. Как я вам уже сообщил, я возвращаюсь на свою работу в Скотланд-Ярде. Но полицейский всегда должен быть начеку, как и торговец произведениями искусства, не правда ли, мистер Маккар? Что с вами? Вам не хорошо?

На вас лица нет! Вот примите таблетку от космической болезни.

— Благодарю вас, мне уже лучше, — попытался через силу улыбнуться мистер Маккар.

Тон его был явно враждебным. За последние несколько минут беседы температура явно упала ниже нуля. Я взглянул на мистера Маккара, потом перевел взгляд на инспектора и вдруг понял, что нам предстоит увлекательнейшее путешествие.

Айзек Азимов

Машина — победитель

Даже в безмолвных коридорах Мультивака царил праздничный дух.

Тишина и покой уже сами по себе говорили о многом. Впервые за последние несколько лет не мельтешили в лабиринтах взмыленные техники, не мигали лампочки, иссякли потоки входной и выходной информации.

Разумеется, так долго не продлится — этого не позволят нужды мирной жизни. И все же день, может быть, неделю даже Мультивак будет праздновать победу и отдыхать.

Ламар Свифт снял военную фуражку и, устремив взгляд в пустой коридор гигантского компьютера, тяжело опустился на стул. Форма, к которой он так и не смог привыкнуть, топорщилась на нем тяжелыми уродливыми складками.

— Даже представить себе трудно, что война с суперпотокком окончена. Я до сих пор не могу спокойно смотреть на небо, — сказал он. — Как же мне надоело это военное положение!

Оба спутника директора-распорядителя Солнечной Федерации были моложе Свифта, менее седые и уставшие.

— Подумать только! — воскликнул Джон Гендерсон. — Какой же дьявольски хитрый был этот суперпоток. Мало того, что он бомбардировал нас неизвестно откуда возникающими метеоритами, — он еще и проглатывал наши зонды-разведчики. Теперь-то все мы наконец сможем как следует отдохнуть.

— Это все Мультивак, — сказал Свифт, бросив взгляд на невозмутимого Яблонского, который в течение войны был Главным Интерпретатором решений машинного оракула.

Яблонский пожал плечами и машинально потянулся за сигаретой, но передумал. Ему одному разрешалось курить в подземных туннелях Мультивака, но он старался не пользоваться этой привилегией.

— Да, так говорят. — Его толстый большой палец неторопливо показал вверх.

— Ревнуешь, Макс?

— К спасителю человечества? — Яблонский снисходительно улыбнулся. — Отчего же? Пускай себе превозносят Мультивак — ведь эта машина выиграла войну.

...Пока весь мир сходил с ума от радости во время короткого перерыва между ужасами метеоритной бомбардировки и трудностями восстановления, они, не сговариваясь, собрались в этом единственно спокойном месте.

Нет, думал Гендерсон, груз слишком тяжел. Те-

перь, когда война с метеоритами закончена, надо избавиться от него, и немедленно!

— Мультивак не имеет никакого отношения к победе. Это обычная машина.

— Большая, — поправил Свифт.

— Обычная большая машина. Ничем не лучше тех, что поставляют вводимую в нее информацию.

Он на миг запнулся, сам испугавшись своих слов.

Яблонский пристально посмотрел на него; толстые пальцы снова потянулись к карману, но вернулись на место.

— Тебе лучше знать — ты кодировал информацию. Или ты просто спрашиваешься на похвалу?

— Нет, — возмущенно сказал Гендерсон. — Какая к черту похвала?! Ведь какие данные я вводил в Мультивак! Полученные из сотен второстепенных машин на Земле, на Луне, на Марсе, даже на Титане. Причем эти постоянно запаздывающие данные о Титане всегда казались мне подозрительными.

— Это кого угодно выведет из себя, — мягко произнес Свифт. Гендерсон покачал головой.

— Все не так просто. Когда я восемь лет назад заменил Лепона на посту Главного Программиста, суперпоток казался пустяком. Тогда мы еще не дошли до той стадии, когда производимые им пространственные деформации могли бесследно поглотить планету. А вот потом, когда начались настоящие трудности... Вы же ничего не знаете!

— Допустим, — согласился Свифт. — Расскажи нам. Все равно мы победили.

— Да... — Гендерсон мотнул головой. — Так вот, вся получаемая информация была бессмысленной.

— Бессмысленной? В буквальном смысле слова? — переспросил Яблонский.

— Именно. Ведь вы даже отдаленно не пред-

ставляли себе истинного положения вещей. Ни ты Макс, ни вы, Директор. Покидая Мультивак по вызовам руководства, вы были совершенно не в курсе происходящих здесь событий.

— Я догадывался об этом, — заметил Свифт.

— Вам известно, — продолжал Гендерсон, — до какой степени данные о наших аннигиляционных установках, зондах-разведчиках, энергетических ресурсах стали ненадежными ко второй половине этой войны? Ведь все эти политиканы и военные только и думали что о своей шкуре, как бы не потерять теплые места. И, что бы там ни выдавали машины, цифры неизменно подправлялись: плохое затушевывалось, выпячивались успехи. Я пытался бороться с этим, но безуспешно.

— Представляю, — тихо произнес Свифт.

На этот раз Яблонский закурил.

— И все же ты обеспечивал Мультивак информацией, ничего не говоря нам о мере ее ненадежности.

— А как я мог сказать? — яростно спросил Гендерсон. — Все наши надежды были связаны с Мультиваком, это было единственное, чем мы располагали в борьбе с суперпотокм. Только это поддерживало наши силы и веру в победу!? «Мультивак предвидит любой маневр суперпотока»... — передразнил он. — Великий космос, да когда он проглотил наш зонд-разведчик, мы даже не могли сообщить об этом широкой публике!

— Верно, — согласился Свифт.

— Так что же вы могли сделать, скажи я вам, что сведения ненадежны? Отказались бы поверить и сместили бы меня. Этого я допустить не мог.

— И что ты сделал? — спросил Яблонский.

— Что ж, мы победили, и я могу рассказать. Я корректировал информацию.

— Как?

— Совершенно интуитивно. Я правил ее до тех пор, пока она не становилась, на мой взгляд, вполне реальной. Сперва я едва осмеливался на это, лишь изредка подправляя очевидные искажения. Когда небо не обрушилось на меня, я осмелел. В конце концов, я просто сам выдумывал все необходимые сведения и даже использовал Мультивак для составления подобных отчетов, которые потом вводил в него.

Яблонский неожиданно улыбнулся, блеснув темными глазами.

— Три раза мне докладывали о незарегистрированном использовании Мультивака, и я закрывал на это глаза. Ведь все, что касалось гигантской машины, в те дни не имело никакого значения.

— То есть как? — опешил Гендерсон.

— Да-да. Я молчал по той же причине, что и ты, Джон. Вообще — с чего вы взяли, что Мультивак был исправен?

— Как, он не был исправен? — спросил Свифт.

— Правильнее сказать, был не совсем исправен. Просто на него нельзя было положиться. В конце концов, где находились мои техники в последние годы? Обслуживали компьютеры на тысячах всевозможных космических объектов. Для меня они пропали! Остались зеленые юнцы и безбожно отставшие ветераны. Кроме того, я не мог доверять компонентам, поставляемым «Криогеникс», — у них с персоналом обстояло еще хуже. Так что, насколько верной была вводимая в Мультивак информация, значения не имело. *Результаты* были ненадежны. Вот что я знал.

— И как ты поступил? — спросил Гендерсон.

— Как и ты. Я интуитивно корректировал результаты — вот как машина выиграла войну.

Свифт откинулся на стуле и вытянул перед собой длинные ноги.

— Вот так открытия... Выходит, в принятии решений я руководствовался выводами, сделанными человеком, на основании человеком же отобранной информации?

— Похоже, что так, — подтвердил Яблонский.

— Значит, я был прав, не обращая никакого внимания на советы машины...

— Как?! — Яблонский, несмотря на то, что сделанное признание, выглядел оскорбленным.

— Да. Мультивак, предположим, говорил: метеорит появится здесь, а не там; поступайте вот так; ждите, ничего не предпринимайте. Но я не был уверен в верности выводов. Слишком велика ответственность за такие решения, и даже Мультивак не мог снять ее тяжести. Но, значит, я был прав, и я испытываю сейчас громадное облегчение.

Объединенные взаимной откровенностью, они отбросили титулы. Яблонский прямо спросил:

— И что ты сделал тогда, Ламар? Ведь ты все-таки принимал решения. Каким образом?

— Вообще-то, мне кажется, нам пора возвращаться, но у нас еще есть несколько минут. Я *использовал* компьютер, Макс, но гораздо более древний, чем Мультивак.

Он полез в карман и вместе с пачкой сигарет достал пригоршню мелочи, старых монет, бывших в обращении еще до того, как нехватка металла породила новую кредитную систему, связанную с вычислительным комплексом.

Свифт робко улыбнулся.

— Старику трудно отвыкнуть от привычек молодости.

Он сунул сигарету в рот и одну за другой опустил монеты в карман.

Последнюю Свифт зажал в пальцах, слепо глядя сквозь нее.

— Мультивак не первое устройство, друзья, и не самое известное, и не самое эффективное из тех, что могут снять тяжесть решения с плеч человека. Да, Джон, войну с суперпотокм выиграла машина. Очень простая; та, к чьей помощи я прибегал в особо сложных случаях.

Со слабой улыбкой он подбросил монету. Сверкнув в воздухе, она упала на протянутую ладонь.

— Орел или решка, джентльмены?

Роберт Коутс Закон

Первые признаки того, что нарушился привычный ход событий, появились ранней осенью в конце сороковых годов. Собственно, ничего особенного не произошло, если не считать, что в один из вечеров от семи до девяти через мост Триборо из Нью-Йорка проследовало рекордное за всю историю моста число автомашин.

Неожиданный пик уличного движения был тем более странным, что пришелся на будний день (если быть точным — дело происходило в среду), и хотя погода в ту осень стояла погожая и луна светила вовсю (приближалось полнолуние), что само по себе могло соблазнить кое-кого из владельцев автомашин отправиться за город, все же для объяснения

столь необычного феномена одной лишь хорошей погоды и лунного света было явно недостаточно. Необъяснимое явление не затронуло другие мосты и автострады, да и транспортный поток через мост Триборо в два предыдущих вечера не обнаруживал особых отклонений от нормы, хотя вечерний воздух был также напоен благоуханием и луна светила не менее ярко.

Контролеры, взимавшие пошлину за проезд через мост, были застигнуты необычным потоком машин врасплох. Главные транспортные артерии (а мост Триборо несомненно был одной из них) работают в абсолютно предсказуемых условиях. Как и большинство других видов человеческой деятельности, осуществляемых в крупных масштабах, уличное движение подчиняется закону средних — великому правилу, установленному еще в далеком прошлом, которое гласит, что действия людей в большой массе происходят по определенным схемам. Исходя из накопленного опыта, закон средних позволяет с точностью чуть ли не до последнего знака предсказывать, сколько автомашин пройдет по мосту в любой час дня и ночи. И вдруг закон средних оказался нарушенным!

Обычно от семи вечера до полуночи на мосту было тихо. Но в тот вечер все нью-йоркские автомобилисты или по крайней мере их большая часть словно сговорились нарушить установившуюся традицию. Не наступило и семи часов, как через мост хлынул поток машин. Они шли в таком количестве и с такой скоростью, что деятельность контролеров, взимавших пошлину за проезд через мост, почти сразу же оказалась парализованной. Вскоре стало ясно, что речь идет не о временном заторе. Создавшаяся пробка принимала все более внушительные размеры. Потребовались дополнительные наряды

полиции, чтобы хоть как-то контролировать положение.

Машины двигались к мосту со всех сторон — со стороны Бронкса и Манхэттена, 125-й улицы и набережной Ист-Ривер-Драйв. (По свидетельству очевидцев, находившихся на мосту, в момент наивысшего столпотворения — примерно в восемь пятнадцать — свет от фар автомашин, запрудивших всю набережную, сливался в огненную реку, скрывавшуюся из вида лишь за поворотом у 89-й улицы. В Манхэттене из-за затора у моста Триборо уличное движение приостановилось до самой Амстердам-авеню.)

Разумеется, сбившиеся с ног контролеры, лихорадочно отсчитывая сдачу, нет-нет, да и осведомлялись у водителей нескончаемого потока машин о причинах такого скопления, но довольно скоро поняли, что сами создатели гигантской пробки ничего не знают о ее причинах. Характерен отчет о событиях того вечера, представленный сержантом Альфонсом О'Тулом, старшим одного из нарядов полиции, которые несли патрульную службу на подступах к мосту со стороны Бронкса. «Я спрашивал у многих из них, — сообщил О'Тул, — может, сегодня вечером где-нибудь проводится футбольный матч, о котором мы ничего не знаем? Может, какие-нибудь гонки? И самое интересное, что в ответ они задавали мне те же вопросы: „В чем дело, Мак? Почему такое столпотворение?“ От удивления у меня глаза чуть не вылезли на лоб. Помню, один парень в „форде“ с откидным верхом (рядом с ним еще сидела хорошенькая девушка) спросил у меня, отчего такая давка. Что я мог ему сказать? „Послушай, приятель, кто в этой давке — ты или я? Может, ты сам мне откроешь, что тебя привело сюда?“ „Меня? — удивился он. — Да я просто решил немного

покататься при лунном свете. Если бы я знал, что тут такое творится, я бы ни за что ... Лучше скажите, сержант, как отсюда выбраться?" Статья, опубликованная на следующее утро в „Геральд Трибюн“, подвела итог событиям, разыгравшимся на мосту накануне вечером. „Все выглядело так, — писала газета, — будто каждый без исключения владелец автомашины в Манхэттене решил вчера вечером непременно прокатиться на Лонг-Айленд“.»

Происшествие было достаточно необычным, чтобы на следующий день попасть на первые полосы всех утренних газет. Это привлекло внимание к множеству аналогичных событий, которые, не будь происшествия на мосту Триборо, остались бы незамеченными. Владелец небольшого театра «Арамис» на 8-й авеню сообщил, что в последнее время зрительный зал его заведения в одни вечера бывает практически пуст, а в другие — заполнен до отказа. Стали замечать странную переменчивость вкусов у своих клиентов и владельцы закусовых: то посетители все как один заказывают жаркое с подливой, то шницель по-венски. Содержатель небольшой галантерейной лавочки в Бэйсайде сообщил, что за последние четыре дня двести сорок семь посетителей попросили его продать моток именно розовых ниток.

Обычно такого рода сообщения в газете помещают под рубрикой «Смесь» или заполняют ими пробелы между другими материалами. Однако на этот раз им уделили несравненно большее внимание. Всем стало ясно, что человеческие привычки претерпели странные изменения. Всех охватило чувство неуверенности, близкое к панике среди пассажиров прогулочного катера, которые вдруг всей гурьбой начинают шарахаться от одного борта к другому.

Но вся тяжесть возможных последствий обнаружилась лишь после того декабрьского дня, когда экспресс «Твентис Сенчури Лимитед» отправился из Нью-Йорка в Чикаго всего лишь с тремя пассажирами.

До того дня на центральном вокзале Нью-Йорка с уверенностью строили свою работу, полагая, что в городе всегда найдется несколько тысяч людей, связанных деловыми узами с партнерами в Чикаго, и что в любой день несколькими сотням из них (не больше и не меньше) понадобится съездить туда по делам. Как всякий антрепренер мог твердо рассчитывать на то, что в четверг спектакль захотят посмотреть примерно столько же зрителей, сколько их было в театре во вторник или в среду. Теперь никто и ни в чем не мог быть уверен. Закон средних оказался выброшенным за борт, и если последствия этого события для делового мира были катастрофическими, то у рядового потребителя они вызывали озабоченность и нервозность.

Домашняя хозяйка, отправляясь за ежедневными покупками, не знала, что ее ждет у Мейси: невообразимая давка в толпе таких же покупательниц, как она сама, или непривычно пустые торговые залы, тишину которых нарушает лишь эхо ее шагов и голоса изнывающих от безделья продавщиц. Такого рода неопределенность привела к тому, что стимул к действию порождал у людей своеобразную боязнь. «Делать или не делать?» — терзались они сомнениями, зная, что задуманное вполне может совпасть с намерениями тысяч других людей. В то же время, отказавшись от действий, они рисковали упустить свой единственный и неповторимый шанс. Дела пришли в упадок, всеми овладело какое-то отчаяние неопределенности.

Когда развитие событий достигло этой фазы, все

обратили свои помыслы к конгрессу. Правильнее было бы сказать, что конгресс обратил свои помыслы к самому себе, однако нельзя отрицать, что вмешательство его было весьма своевременным и достойным. Был создан специальный комитет из представителей обеих палат под председательством сенатора-республиканца от штата Индиана Дж. Уинга Слупера. После долгого разбирательства, заслушав показания многочисленных свидетелей, комитет был вынужден признать, что нет никаких оснований видеть в происходящем происки коммунистов, хотя неосознанный подрывной характер в поведении людей был вполне очевиден. Возникла сложнейшая проблема: что делать? Нельзя же было выдвинуть обвинение против целой нации, да еще на основе столь шатких аргументов. Но сенатор Слупер сумел найти выход из казалось бы безвыходного положения. «Любой ситуацией можно научиться управлять», — сформулировал он свою мысль. Была разработана специальная система переучивания и реформ, призванная, по словам сенатора Слупера, «вернуть нации незыблемую надежность и уютную приверженность среднему уровню американского образа жизни».

В ходе проведенного комитетом расследования выяснилось, что закон средних никогда не включался в сферу федеральной юриспруденции, и, несмотря на яростные протесты сторонников большей автономии штатов, столь очевидный пробел в законодательстве был без промедления устранен введением соответствующей поправки в конституцию и принятием специального закона, получившего название акта Хилла — Слупера. Согласно этому акту, люди обязаны быть средними. Простейший способ, позволяющий исключить заметные отклонения от среднего, состоит в том, что все население Соединенных

Штатов подразделяется на несколько групп в зависимости от того, с какой буквы начинается фамилия человека. Все виды деятельности также подразделяются на группы. Лицам, фамилии которых начинаются с букв G, N или U, разрешается, например, бывать в театре только по вторникам, посещать бейсбольные матчи по четвергам, а магазины галантерей — по понедельникам с десяти утра до полудня.

Разумеется, акт Хилла — Слупера имел и свои слабые стороны. Он отрицательно сказался на посещаемости театров, различных общественных функциях, и введение его обошлось в кругленькую сумму. К тому же к акту потребовалось слишком много поправок и дополнений (например, мужчинам разрешалось брать с собой невест — разумеется, после официальной помолвки, скрепленной надлежащим документом, — на различного рода мероприятия независимо от того, с какой буквы начинается фамилия невесты), так что суды часто оказывались в затруднении, когда им приходилось устанавливать факт нарушения закона.

Тем не менее акт Хилла — Слупера выполнил свое предназначение, ибо позволил, хотя и чисто механически, но адекватно, вернуться к тому среднему существованию, о котором мечтал сенатор Слупер. И действительно, все было бы хорошо, если бы из глухих уголков Соединенных Штатов вновь не начали в изобилии поступать тревожные известия. Так, можно сказать на краю цивилизации, обнаружили явные признаки необычной волны процветания. Жители гор стали покупать «паккарды» с поднимающимся верхом. По сообщению торговой фирмы «Сирс и Ребак», продажа предметов роскоши в одном из небольших городков возросла на девятьсот процентов. В горных районах штата Вермонт,

где прежде жители едва сводили концы с концами, собирая скудные урожаи с усеянных камнями полей, теперь многие стали посылать дочерей в Европу и заказывать дорогие сигары в Нью-Йорке. По-видимому, близилась к концу и эра закона убывающей прибыли.

ИСТОЧНИКИ

- A. Porges. The Devil and Simon Flagg. The Magazine of Fantasy and Science Fiction, New York, 1954.
- R. A. Heinlein. And He Built a Crooked House. Fantasia Mathematica. Simon and Schuster, New York, 1958.
- A. Clark. Superiority. Fantasia Mathematica. Simon and Schuster, New York, 1958.
- A. J. Deutsch. A Subway Named Moebius. Fantasia Mathematica. Simon and Schuster, New York, 1958.
- J. Blish. Statistician's Day. Science Against Man. Avon, New York, 1970.
- E. Mackin. The Trouble With H. A. R. I. Science Fiction Oddities. Second Series. Rapp and Whiting, London, 1966.
- A. Clark. No Morning After. The Nine Billions Names of God. Harcourt, Brace and World Inc., New York, 1967.
- M. Gardner. No-sided Professor. Fantasia Mathematica, Simon and Schuster, New York, 1958.
- M. Gardner. The Island of Five Colours, Fantasia Mathematica. Simon and Schuster, New York, 1958.
- H. S. Keeler. John Jone's Dollar. Fantasia Mathematica. Simon and Schuster, New York, 1958.
- B. Elliot. The Last Magician. Fantasia Mathematica. Simon and Schuster, New York, 1958.
- F. Ibañez Cerrador. La Misión. Cuentos Españoles De Ciencia Ficción. Barcelona, IDHASA, 1967.
- U. Le Guin. The Masters. Fantastic, February, 1963.
- R. Maloney. Inflexible Logic. Fantasia Mathematica. Simon and Schuster, New York, 1958.
- A. Clark. The Wall of Darkness. The Nine Billions Names of God. Harcourt, Brace and World Inc., New York, 1967.
- J. Pierce. See No Evil. Science Fiction Oddities. Second Series, Rapp and Whiting, London, 1966.
- A. Clark. Trouble With Time. The Nine Billions Names of God. Harcourt, Brace and World Inc., New York, 1967.
- R. M. Coates. The Law. The World of Mathematics, v. 4. Simon and Schuster, New York, 1956.
- G. Klein. Les voix de l'espace. Les portes du temps, Paris, 1958.
- I. Asimov. The Machine that Won the War. Magazin of Fantasy and Science Fiction, October, 1961.

У стены мрака

Послесловие

Математики, которым ничто человеческое не чуждо, любят пошутить. Но, во-первых, их шутки зачастую выглядят для непосвященных несколько странно, а во-вторых, они, как и женщины, «шутят всерьез». Ныне стало правилом хорошего тона уснащать логическим парадоксом или остротой даже научные публикации, сплошь состоящие из формул. Те же плоды остроумия и, разумеется, формулы, но только попроще вы обнаружите и в работах, предназначенных для широкой публики.

Если математик все же ухитряется обойтись без сложных выкладок, графиков и чертежей, то можете быть уверены, что это просто уловка. От читателя все равно потребуется пространственное воображение, мысленный подсчет или что-нибудь в том же роде. Чтобы убедиться в этом, достаточно взять в руки книгу, подобную «Математическим чудесам и тайнам» Мартина Гарднера. Чудо, которое приходится оплачивать потом от умственного напряжения, уже не чудо.

Не удивительно поэтому, что научную фантастику математики встретили с распростертыми объятиями.

ми. «Золотой жук» Эдгара По, «Алиса в Стране Чудес» и «Алиса в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла открыли перед авторами, склонными к юмору (пусть даже довольно мрачному), но владеющими хотя бы элементарным математическим аппаратом, поистине беспредельные перспективы. О корифеях же и говорить не приходится. Не случайно среди великих математиков нашего века первым дебютировал в научной фантастике творец кибернетики Норберт Винер. Правда, непредвиденные возможности новой науки настолько захватили его, что на фантастику времени почти не осталось. А жаль! Ведь фантастические игры, в отличие от кибернетических, не требуют ни интегралов, ни тензоров, ни даже электронно-вычислительных машин.

Примером тому наш сборник, целиком составленный из произведений на математические темы, где, кстати сказать, активно выступает и уже знакомый нам Мартин Гарднер. Разумеется, в совершенно иной, вполне респектабельной ипостаси чистого беллетриста. В последнем, впрочем, позволительно усомниться. Внимательно прочитав представленные в этой книге рассказы, мы — кто с сожалением, а кто и с радостью — убедимся, что «царицу наук» отличает завидное постоянство привычек: от нас и тут требуются известные интеллектуальные усилия для пространственного восприятия, запоминания чисел и пр. Короче говоря, математика присутствует здесь в неявной или явной форме. Порой на наши головы обрушивается сокрушительный поток нулей. Не каж-

дый, например, способен уследить за каскадом вычислений в рассказе «Доллар Джона Джонса», хотя здравый смысл подсказывает, что нарисованная Гарри Килером ситуация просто-таки абсурдна. Но это слабая опора. Высшие разделы математики требуют для понимания прежде всего отказа от привычных представлений. Иначе нам никак не уловить прелести фокусов с топологией и вывертами пространства.

Невольно хочется привлечь на помощь какую-нибудь чертовщину. Собственно, именно так и поступил Артур Порджес («Саймон Флэгг и дьявол»). Что ж, давайте и мы нарисуем магический круг, впишем в него пентаграмму и начертим роковое слово «тетраграмматон»... Впрочем, повременим пока с чернокнижными экзерсисами, ибо мне пришла в голову идея иного рода! Если математика столь решительно, причем со своими порядками, вторглась, так сказать, в чужой монастырь, то почему бы и мне, писателю-фантасту, получившему естественно-научное образование, не воспользоваться непобедимым оружием чисел?

Начнем, пожалуй, с азов, с «основной теоремы арифметики», согласно которой каждое целое число представляется в виде произведения простых чисел единственным способом. Так, например, $666 = 2 \cdot 3 \cdot 3 \cdot 37$ и не допускает никаких перекомпозиций. Эта теорема, как следует из названия, лежит в основе высшей математики, хотя доказательство ее требует известных усилий, отчего по понятным причинам я хочу избавить читателя. Тем более, что

нас интересует не столько теорема, сколько само число 666, которое, согласно мистическим толкованиям древних, символизирует врага рода человеческого. Оказывается, дьявола можно вызвать и таким способом. А это, как говорят в школе, нам и «требовалось доказать».

Перецеголяв Порджеса в искусстве демонологии, мы можем теперь легко перейти к сути его фантастико-математической юморески, ибо путь к сакральной теореме Ферма лежит через те же простые числа. Здесь, как нигде, уместно привести слова знаменитого математика Годффри Харди:

«Творчество математика в такой же степени есть создание прекрасного, как творчество живописца или поэта, — совокупность идей, подобно совокупности красок и слов, должна обладать внутренней гармонией. Красота есть первый пробный камень для математической идеи; в мире нет места уродливой математике».

В этом восторженном и, видимо, совершенно справедливом высказывании меня привлекло упоминание о «совокупности красок и слов». Оно прямо-таки рождено для характеристики рассказа Мартина Гарднера «Остров пяти красок». Я не знаю, как решается подобная задача в реальной топологии, но это не мешает мне восхищаться универсальностью научной фантастики, проложившей радужные мосты между могучими ветвями познания мира: наукой и искусством. Не касаясь чисто художественных достоинств произведения, в котором популяризаторская,

а следовательно, побочная функция выступает на первый план, мы можем с удовлетворением констатировать, что и отвлеченную научную идею можно сформулировать на общедоступном языке. В наш век безудержной дифференциации наук, когда представители даже смежных дисциплин не всегда понимают друг друга, это имеет первостепенное значение.

Скажу даже больше: без научной фантастики едва ли возможен ныне научный прогресс вообще, ибо она надежно заполняет бреши неизбежного недопонимания между учеными, чьи подчас абстрактные изыскания не укладываются в рамки «здорового смысла», и обществом в целом. Право, следует отдать дань гибкости воображения писателей, которые вопреки невозможности создают осязаемые модели непредставимых явлений. «Непредставимых», разумеется, в обиходном смысле, ибо для математика система уравнений, матрица или ряд столь же зримо конкретны, как тела и поля для физика, как для химика — вещества, как для писателя — образ.

И все же «образ мира в слове явленный», как сказал поэт, впервые, причем с безупречной точностью, рождается из математических формул.

«Математика... одинакова у всех народов. Дважды два всегда четыре, даже в Африке». Тут с Гарднером не поспоришь, ибо он до тривиальности прав. (Сравним с распространенным — туз и в Африке туз.) Однако доказать подобную аксиому со всей строгостью едва ли возможно, и лишь посредством

искусства, изящной словесности она способна утвердиться в умах людей. И это крайне важно, ибо из логической посылки вытекают следствия, затрагивающие порой судьбы человечества.

Математика буквально пронизывает все сферы общественной жизни. Топология, а в более узком плане «лента Мёбиуса» породила, в частности, около сотни вполне конкретных изобретений. Вот почему я вижу в рассказах на топологические темы («Стена мрака» А. Кларка, «Нульсторонний профессор» М. Гарднера и особенно в блестящей по фантастическому реализму новелле А. Дж. Дейча «Лист Мёбиуса») не столько отвлеченную игру ума, сколько целенаправленный штурм проблемы, открывающей новые неожиданные грани бытия. Даже на примере этой книги, вобравшей в себя далеко не всю «математическую» фантастику, мы можем проследить закономерное развитие идеи от ленты, названной по имени немецкого астронома и пиопера топологии Августа Фердинанда Мёбиуса, к более сложной «бутылке Клейна» («Последний иллюзионист» Брюса Эллиота) и уже совершенно фантастическому «надпространству» в рассказе А. Кларка «Завтра не наступит». При этом весьма примечательно, что это коллективный штурм, как бы моделирующий усилия реальных научных коллективов.

Разве не так же целенаправленно и разносторонне «атаковывала» фантастика околосемное пространство в годы, предшествовавшие космическим полетам? Между освоением планет Солнечной системы и

звездным рейсом есть существенное различие. Путь к преодолению бездны, измеряемой световыми годами, пролегает прежде всего через новое качество. Кому же, как не фантастам, попытаться его предугадать?...

А остроумные парадоксы, лежащие в фабульной основе некоторых рассказов («Неувязка со временем» А. Кларка), или откровенная их вульгаризация («Несокрушимая логика» Рассела Мэлони) дают повод задуматься над вещами, далеко не очевидными, чреватými многими неожиданностями.

Как тут не вспомнить знаменитые апории Зенона из Элеи, давшие творческий стимул не одному поколению философов и естествоиспытателей! Поэтому, сохраняя верность избранному методу исследования, я готов подвергнуть достаточно строгому анализу даже вполне очевидную нелепость: троичную систему счисления, породившую пленительные венские вальсы («Высокая миссия» Нарсиссо И. Серрадора), или, пожалуй лучше, буффонаду с шестью обезьянами, которую с обескураживающей прямоотой поведал нам Мэлони («Несокрушимая логика»). Логика этой новеллы несокрушима как раз вследствие абсолютной прямолинейности.

Спору нет, путем бесконечных проб можно случайно получить какой угодно результат. Даже «Несокрушимую логику», оттиснутую шимпанзе без единой ошибки на пишущей машинке. Но где нам, смертным, взять ее, эту непредставимую бесконечность? Знаменитая «онегинская строфа» по самым

строгим оценкам имеет 10^{30} возможных, причем совершенно осмысленных вариантов. Я не знаю, как назвать это сверхастрономическое число. Могу лишь напомнить, что количество элементарных частиц во всей видимой Вселенной не превосходит его.

Выводы делайте сами. Как по поводу гротеска Мэллони, так и относительно путей разработки ЭВМ, способных когда-нибудь заменить человека...

Новую примечательную главу в историю подобных машин вписал, с полным на то правом, творец «Мультивака» и создатель знаменитых законов роботехники Айзек Азимов. Скажу сразу, грустная вышла глава. Первоначальный восторг, сопровождавший эру появления усовершенствованных компьютеров, сменился горьким разочарованием. И не у одного Азимова, что вновь наводит на мысль о сугубо объективном характере научно-фантастического постижения мира. В яркой новелле «Фактор ограничения» Клиффорда Саймака очерчен предельный круг эволюции машин современного нам уровня. И то обстоятельство, что радиус этого круга совпадает с планетным, многозначительно подчеркивает символически-гротесковый подтекст произведения.

В рассказах Азимова «Выборы» и «Машина-победитель», где действует столь хорошо знакомый нам «Мультивак», вообще подводится последняя черта эре кибернетического процветания. Препятствие перед сверхинтеллектом мозга-гиганта сменяется откровенной насмешкой как над самим «Мультиваком», так и над управляемым им обществом.

Над всеми институтами этого общества: гражданскими и военными, над пародийной его «демократией», которая свелась к единственному выборщику, дергающемуся, как кукла на нитках, в электронных щупальцах «Мультивака». Сам супермозг тоже предстает в образе балаганного плясуна. Ничему нельзя более верить: ни вводимой информации, ни полученным результатам, ни практическому применению машинных рекомендаций. Встав на путь подтасовок, на порочный путь «подправок» и «переподправок», общество неизбежно теряет контроль и над собственным, и над электронным разумом. Усилия служб безопасности и милитаристская истерия способны лишь ускорить этот уже не подвластный ничьей воле процесс.

Подобный вывод, причем с разных сторон, подтверждают Джеймс Блиш («День статистика»), Роберт Коутс («Закон») и Сирил Корнблат («Гомес»).

«Победа» в некой галактической войне достигается слепым подбрасыванием монеты.

«Орел или решка, джентльмены...»

Любопытно, что Азимов при этом ничуть не погрешил против математики.

В 1949 году англичанин Карл Пирсон разработал метод, получивший красноречивое название метода Монте-Карло, по названию знаменитого игорного дома. Он позволяет рассматривать поведение системы, каждый этап которой моделируется при помощи любого источника случайных чисел, будь то рулетка, подбрасывание монеты, тиражная таблица или дан-

ные переписки народнонаселения. Конечно, Азимов об этом методе знал, что, собственно, и позволило ему создать столь убедительную, несмотря на откровенный сарказм, социологическую модель.

В рассказе «Чувство силы», лучшем, на мой взгляд, во всем сборнике, Азимов еще более продвинулся на поприще политической сатиры. Однако элементарная арифметика, которую вновь «открывают» для себя поработанные компьютерами *Homo sapiens*, служит более глубинной идее, нежели просто насмешка над потомками нынешних Пентагона и ЦРУ. Если задуматься над тем, что сегодняшние первоклашки с мини-калькуляторами в ранцах практически освобождены от зазубривания таблицы умножения, то можно прийти к очень неоднозначному выводу. Мне кажется, что прогрессивный американский фантаст затронул струну, способную пробудить необычайно глубокий общественный резонанс, намного более значимый, чем это прямо вытекает из контекста. Если в рассказе «Мастера» Урсулы Ле Гуин «открытие» арифметики знаменует крамольное начало благих перемен, то у Азимова оно звучит похоронным маршем доведенной до абсурда системе, нацеленной лишь на безудержный милитаризм. В творчестве Азимова она, подобно старухе из пушкинской сказки, прошла через все стадии, чтобы оказаться теперь у разбитого корыта.

«Существуют игры, — писал Норберт Винер в „Новых главах кибернетики“, — такие, как игра в крестики и нолики, где вся стратегия известна и по-

добную линию поведения можно проводить с самого начала. Если такое возможно, то это явно наилучший способ игры. Но во многих играх, таких, как шахматы и шашки, наше знание недостаточно для полного осуществления подобной стратегии, и тогда мы можем лишь приближаться к ней. Теория приближения фоннейманова типа учит игрока действовать с крайней осторожностью на основании допущения, что его противник — совершенный мастер.

Однако такая установка не всегда оправдана. На войне, являющейся видом игры, она, как правило, будет вести к нерешительным действиям, которые во многих случаях будут немногим лучше поражения».

Эта пространная выдержка может служить своего рода алгоритмом к рассказу Азимова «Машина-победитель».

Фантасты не шутят, когда речь идет о главном: судьбе маленькой, но одухотворенной разумом голубой планеты.

Еремей Парнов

Содержание

Артур Порджес. САЙМОН ФЛЭГГ И ДЬЯВОЛ. <i>Пер. с англ. Д. Горфинкеля</i>	5
Роберт Ханлайн. ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ТИЛ. <i>Пер. с англ. Д. Горфинкеля</i>	15
Артур Кларк. АБСОЛЮТНОЕ ПРЕВОСХОДСТВО. <i>Пер. с англ. Ю. Данилова</i>	45
А. Дж. Дейч. ЛИСТ МЁБИУСА. <i>Пер. с англ. Т. Шинкарь</i>	62
Джеймс Блиш. ДЕНЬ СТАТИСТИКА. <i>Пер. с англ. Н. Галь</i>	86
Эдвард Маккин. НЕПРИЯТНОСТИ С СИМОМ. <i>Пер. с англ. Ю. Данилова</i>	100
Артур Кларк. ЗАВТРА НЕ НАСТУПИТ. <i>Пер. с англ. В. Баканова</i>	116
Мартин Гарднер. НУЛЬСТОРОННИЙ ПРОФЕССОР. <i>Пер. с англ. Ю. Данилова</i>	121
Мартин Гарднер. ОСТРОВ ПЯТИ КРАСОК. <i>Пер. с англ. Ю. Данилова</i>	136
Гарри Килер. ДОЛЛАР ДЖОНА ДЖОНСА. <i>Пер. с англ. Ю. Данилова</i>	157
Брюс Эллиотт. ПОСЛЕДНИЙ ИЛЛЮЗИОНИСТ. <i>Пер. с англ. Ю. Данилова</i>	172
Нарсисо Ибаньес Серрадор. ВЫСОКАЯ МИССИЯ. <i>Пер. с испан. Р. Рыбкина</i>	190
Уолтер Тивис-младший. НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ. <i>Пер. с англ. Н. Евдокимовой</i>	198
Урсула Ле Гуин. МАСТЕРА. <i>Пер. с англ. Р. Рыбкина</i>	212
Рассел Мэлони. НЕСОКРУШИМАЯ ЛОГИКА. <i>Пер. с англ. Г. Волчека</i>	237
Артур Кларк. СТЕНА МРАКА. <i>Пер. с англ. Л. Жданова</i>	248

Джон Пирс. НЕ ВИЖУ ЗЛА. Пер. с англ. И. Гуровой	272
Клиффорд Саймак. ФАКТОР ОГРАНИЧЕНИЯ. Пер. с англ. Н. Евдокимовой	286
Жерар Клен. ГОЛОСА ПРОСТРАНСТВА. Пер. с франц. Н. Галь	309
Айзек Азимов. ВЫБОРЫ. Пер. с англ. Н. Гвоздарева	328
Айзек Азимов. ЧУВСТВО СИЛЫ. Пер. с англ. З. Боб- ырь	353
Сирил Корнблат. ГОМЕС. Пер. с англ. Т. Хейфец . .	366
Чезаре Дзаваттини. СОСТЯЗАНИЕ. Пер. с итал. Л. Вершинина	401
Артур Кларк. НЕУВЯЗКА СО ВРЕМЕНЕМ. Пер. с англ. Ю. Данилова	407
Айзек Азимов. МАШИНА-ПОБЕДИТЕЛЬ. Пер. с англ. В. Баканова	416
Роберт Коутс. ЗАКОН. Пер. с англ. Ю. Данилова . .	422
Источники	430
Еремей Парнов. У СТЕНЫ МРАКА. Послесловие . .	431

КНИГИ, ВЫШЕДШИЕ В СЕРИИ «Зарубежная фантастика»

1965

Бредбери Р. Марсианские хроники.
Занднер К. Сигнал из Космоса.
Кашшан Ф. Телечеловек.
Лем С. Охота на Сэтavra.
Несвадба Й. Мозг Эйнштейна.
Оливер Ч. Ветер времени.
Поол Ф. и Корнблат С. Операция «Венера». — Торговцы космосом.
Туннель под миром. Сборник рассказов.
Экспедиция на Землю. Сборник рассказов.

1966

Азимов А. Путь марсиан.
Белая пушилка. Сборник рассказов.
Шекли Р. Паломничество на Землю.
Уормсер Р. Пан Сатирус.
Фиалковский К. Пятое измерение
Хойл Ф. и Эллиот Д. Андромеда.
Гаузер Г. Мозг-гигант.
Чапек К. RUR. — Средство Макропулоса. — Война с саламандрами.

1967

Бредбери Р. Вино из одуванчиков.
Борунь К. Грань бессмертия.
Времена Хокусая. Сборник рассказов.

Как я был великаном. Сборник рассказов.
Кейдин М. В плену у орбиты.
Лем С. Непобедимый. — Кибериада.
Луна двадцати рук. Сборник рассказов.
Пришельцы ниоткуда. Сборник рассказов.
Саймак К. Прелесть.

1968

Гости страны фантазии. Сборник рассказов.
Каттнер Г. Робот-зазнайка.
Пиршество демонов. Сборник рассказов.
Саймак К. Все живое.
Случай Ковальского. Сборник рассказов.
Человек, который ищет. Сборник рассказов.
31 июня. Сборник рассказов.

1969

Жулавский Е. На серебряной планете. — Рукопись с Луны.
Звезды зовут. Сборник рассказов.
Карточный домик. Сборник рассказов.
Музы в век звездолетов. Сборник рассказов.
Нортон Э. Саргассы в космосе.
Продается Япония. Сборник рассказов.
Фантазии Фридьеша Каринти. Сборник рассказов.
Фрейн М. Оловянные солдатики.

1970

Бандагал. Сборник рассказов.
Вавилонская башня. Сборник рассказов.
Гаррисон Г. Тренировочный полет.
Кларк А. Космическая Одиссея 2001 года.
Комацу С. Похитители завтрашнего дня.
Огненный цикл. Сборник рассказов.
Пески веков. Сборник рассказов.

1971

Вайсс Я. Дом в 1000 этажей.

Крайтон М. Штамм «Андромеда».

Лем С. Навигатор Паркс. — Голос неба.

Стальной прыжок. Сборник рассказов.

Шутник. Сборник рассказов.

Фантастические изобретения. Сборник рассказов.

Через Солнечную сторону. Сборник рассказов.

1972

Дальний полет. Сборник рассказов.

Двое на озере Кумран. Сборник рассказов.

Клемент Х. Экспедиция «Тяготение».

Космический госпиталь. Сборник рассказов.

Саймак К. Заповедник гоблинов.

Финней Дж. Меж двух времен.

1973

Лем С. Солярис. — Эдем.

Нежданно-негаданно. Сборник рассказов.

Рассел Э. Ниточка к сердцу.

1974

Браун Ф., Тенн У. Звездная карусель.

Практическое изобретение. Сборник рассказов.

Симпозиум мыслелетчиков. Сборник рассказов.

1975

Педлер К., Дэвис Дж. Мутант-59.

Человек-компьютер. Сборник рассказов.

1976

Азимов А. Сами боги.

Кларк А. Свидание с Рамой.

1977

Братья по разуму. Сборник рассказов.
Комацу С. Гибель дракона.

1978

Миры Клиффорда Саймака. Сборник рассказов.
Пять зеленых лун. Сборник рассказов.

1979

Азимов А. Три закона роботехники.
Прист К. Машина пространства.

1980

Последний долгожитель. Сборник рассказов.
Ле Гуин У. Планета изгнания.

1981

Кларк А. Фонтаны рая.
Бова Б. Властелины погоды.
Дорога воспоминаний. Сборник рассказов.

1982

Саймак К. Кольцо вокруг Солнца.
Цвет надежд — зеленый. Сборник рассказов.
Трудная задача. Сборник рассказов.

«ТРУДНАЯ ЗАДАЧА»

Сборник научно-фантастических произведений

Ст. научные редакторы А. Г. Белевцева,
И. Я. Хидекель
Мл. научный редактор М. А. Харузина
Художник К. А. Сошинская
Художественный редактор Л. Е. Безрученков
Технический редактор В. П. Сизова
Корректор Н. Н. Яковлева

ИБ № 3609

Сдано в набор 31.03.82.
Подписано к печати 09.07.82.
Формат 70×100¹/₃₂.
Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Объем 7 бум. л. Усл. печ. л. 18,20. Усл. кр.-отт. 36,74
Уч.-изд. л. 18,84. Изд. № 12/2401.
Тираж 100 000 экз. Зак. 1063. Цена 2 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
129820, Москва, 1-й Рижский пер., 2.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли,
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97,

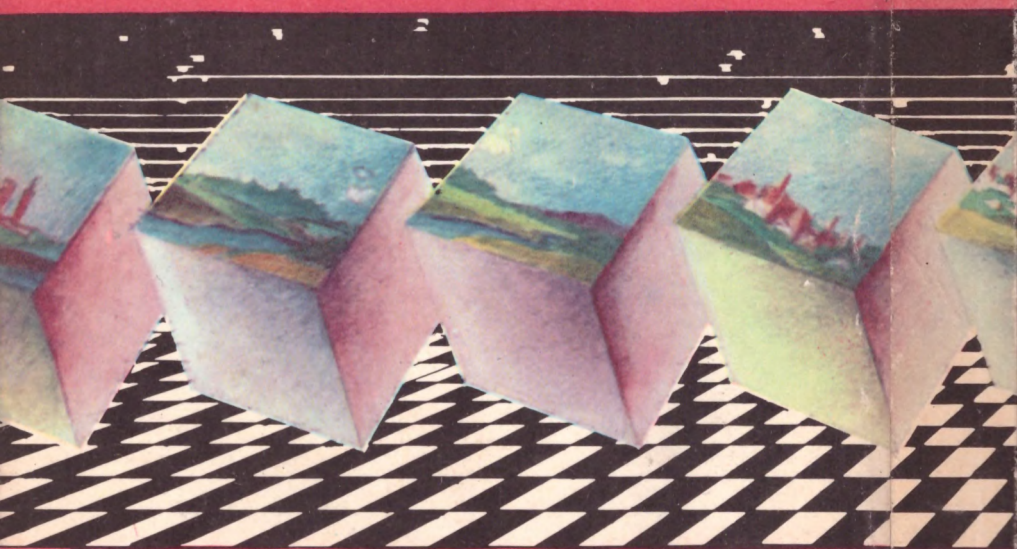
Зарубежная

фантастика

2 р.

ТРУДНАЯ
ЗАДАЧА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» МОСКВА

